

ФРЕДРИК БАКМАН

ПРОДОЛЖЕНИЕ МИРОВОГО БЕСТСЕЛЛЕРА
«МЕДВЕЖИЙ УГОЛ»

МЫ
ПРОТИВ
ВАС

Annotation

«Мы против вас» продолжает начатый в книге «Медвежий угол» рассказ о небольшом городке Бьорнстад, затерявшемся в лесах северной Швеции. Здесь живут суровые, гордые и трудолюбивые люди, не привыкшие ждать милостей от судьбы. Все их надежды на лучшее связаны с местной хоккейной командой, рассчитывающей на победу в общенациональном турнире. Но трагические события накануне важнейшей игры разделяют население городка на два лагеря, а над клубом нависает угроза закрытия: его лучшие игроки, а затем и тренер, уходят в команду соперников из соседнего городка, туда же перетекают и спонсорские деньги. Жители «медвежьего угла» растеряны и подавлены...

Однако жизнь дает городку шанс – в нем появляются новые лица, а с ними – возможность возродить любимую команду, которую не бросили и стремительный Алат, и неукротимый Беньи, и добродушный увалень надежный Бубу.

По мере приближения решающего матча спортивное соперничество все больше перерастает в открытую войну: одни, ослепленные эмоциями, совершают непоправимые ошибки, другие охотно подливают масла в разгорающееся пламя взаимной ненависти... К чему приведет это «мы против вас»?

- [Фредрик Бакман](#)

-
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)

- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [Благодарности](#)
- [notes](#)
 - [1](#)

Фредрик Бакман

Мы против вас

Неде. Я все еще пытаюсь произвести на тебя впечатление. Просто чтобы ты знала

VI MOT ER

Copyright © Fredrik Backman 2017

Russian Edition Copyright © 2019, Sindbad Publishers Ltd.

© Издание на русском языке, перевод на русский язык. Издательство «Синдбад», 2019.

1

Это случится по чьей-то вине

Вы когда-нибудь видели город, рухнувший в одночасье? Мы – видели. Мы станем говорить, что насилие пришло в Бьорнстад этим летом, но это неправда; насилие пришло в Бьорнстад уже давно. Потому что иногда заставить людей ненавидеть друг друга настолько просто, что никто уже не понимает, как можно относиться друг к другу как-то иначе.

Мы – маленький городок в лесу; говорят, что дороги ведут не к нам, а мимо нас. Экономика заходится кашлем каждый раз, как попытается вдохнуть поглубже, фабрика ежегодно сокращает штат, словно ребенок, который считает, что если отъест от торта в холодильнике понемножку со всех сторон, то никто не заметит, что торт стал меньше. Если наложить одна на другую старую и новую карты города, то видно, что торговая улица и участок с надписью «Центр» съезжились, словно бекон на раскаленной сковородке. У нас есть ледовый дворец – вот, считай, и все. Но с другой стороны, тут у нас говорят: а какого рожна нам еще надо?

Людям, проезжающим через Бьорнстад, кажется, будто мы живем одним хоккеем. В иные дни так и есть. Иногда приходится жить хоть чем-то, просто чтобы выжить. Мы не дураки и не жадины; о Бьорнстаде можно сказать много гадостей, но люди здесь крепкие и вкалывают дай бог. И хоккейную команду мы сколотили такую же, как мы сами. И гордились ею, потому что мы не такие, как вы. Когда городским что-то кажется слишком трудным, мы усмехаемся: «А разве должно быть легко?» Жить здесь непросто, вот почему здесь выжили мы, а не вы. Выстояли, несмотря на погоду. Но однажды случилось нечто, и мы пали.

Была тут у нас одна история, еще до этой, и вина за нее навсегда останется на нас. Хорошие люди иногда делают чудовищные вещи, думая: мы защищаем то, что любим. Мальчик, звезда нашего хоккейного клуба, изнасиловал девочку. И мы сбились с пути. Общество есть сумма наших выборов: и слово одного нашего ребенка пришлось против слова другого, и мы выбрали слово мальчика. Потому что так легче: если девочка лжет, значит, можно и дальше жить, как жили. Правда сокрушила нас – и наш город. Легко говорить, дескать, надо было поступать по-другому; сам-то небось поступил бы точно так же. Когда тебе страшно, когда надо

выбирать, с кем ты, когда знаешь, что придется чем-то пожертвовать. Возможно, ты не так отважен, как думаешь. И отличаешься от нас меньше, чем тебе хотелось бы.

Это история о том, что произошло потом, начиная с того лета и до зимы. Она – о Бьорнстаде и соседнем городке Хед, о том, как соперничество между двумя хоккейными командами может перерасти в яростную борьбу за деньги, власть и выживание. Это рассказ о ледовых дворцах и всех сердцах, что бьются ради них, о людях, о спорте и о том, как одни спасают другое и наоборот. О нас, о тех, кто мечтает и дерется. Кто-то влюбится, кого-то уничтожат, мы переживем и лучшие наши дни, и худшие. Этот город будет ликовать, а потом гореть. И грянет страшный взрыв.

Некоторые девочки заставят нас гордиться ими, некоторые мальчики вернут нам славу. Парни в красном и парни в зеленом будут драться в темном лесу не на жизнь, а на смерть. Некая машина слишком быстро пронесется сквозь ночь. Мы станем говорить, что это авария, но аварии происходят случайно, а про эту мы будем знать, что могли бы ее предотвратить. Потому что она случится по чьей-то вине.

Умрут те, кого мы любим. Нам предстоит хоронить наших детей под самыми красивыми деревьями.

2

Люди бывают трех сортов

Банк-банк-банк-банк-банк.

Самая высокая точка Бьорнстада – гора к югу от последнего дома. Оттуда видно даже большие виллы Холма, видно фабрику, ледовый дворец и скромные таунхаусы в центре, видно все, вплоть до многоквартирных домов в Низине. На этой горе стояли и смотрели вниз, на город, две девочки. Мая и Ана. Обeim шел шестнадцатый год. Трудно сказать, сдружились они несмотря на разницу характеров или благодаря ей. Одна любила играть на гитаре, другая – стрелять из ружья. Отвращение подруг к музыкальным вкусам друг друга можно было сравнить только с вялотекущим, десятилетним уже спором о том, кто лучше – собака или кошка. Прошлой зимой обеих выгнали с урока истории, потому что Мая шепнула: «Знаешь, Ана, кто был собачником? Гитлер!» – на что Ана заорала: «А знаешь, кто был кошачником? Йозеф Менгеле!»

Они вечно переругивались, неизменно обожали друг друга, и еще в начальной школе выдавались дни, когда подруги чувствовали: они вдвоем – против целого мира. А после того, что случилось весной с Маей, такими днями стали все их дни.

Июнь только-только начался. Три четверти года эти места закованы в зиму, но проходит пара колдовских недель – и вот оно, лето. Лес опьянел от солнечного света, деревья радостно качались по берегам озер, но в глазах девочек не было и следа умиротворения. Это время года было их вечным приключением; они жили в лесу и домой приходили поздно вечером, в изорванной одежде, с чумазыми лицами и детскими глазами. Теперь всему этому пришел конец. Теперь они взрослые. Потому что некоторым девочкам не приходится выбирать, хотят они взрослеть или нет. Их заставляют.

Банк. Банк. Банк-банк-банк.

На улице стоял дом, перед домом – мама. Она складывала в машину сумки своего ребенка – сколько раз сложишь сумки в машину, пока дети повзрослеют? Сколько игрушек подберешь с пола, сколько раз будешь перед сном прочесывать местность в поисках плюшевых зверушек, на

сколько потерянных варежек махнешь рукой за годы детского сада? Сколько раз подумаешь, что если бы природе действительно было угодно, чтобы люди размножались, то эволюция снабдила бы нас растущими прямо из рук рожками для обуви, чтобы удобнее было шарить подо всеми этими проклятыми диванами и холодильниками? Сколько часов мы простоим в прихожей, дожидаясь наших детенышей? Сколько седых волос у нас прибавится по их милости? Сколько жизней мы посвятим их единственной жизни? Много ли надо, чтобы быть хорошим родителем? Сущие пустяки: всё. Ровным счетом, не больше и не меньше.

Банк. Банк.

Там, на горе, Ана повернулась к своей лучшей подруге и спросила:

– Помнишь, как мы играли в детстве? Будто у нас есть дети?

Мая кивнула, не сводя глаз с городка.

Ана спросила:

– Тебе все еще хочется детей?

Мая едва разомкнула губы, но ответила:

– Не знаю. А тебе?

Плечи Аны вздрогнули – от гнева и горя в равных долях.

– Может быть. В старости.

– В старости – это во сколько?

– Ну, лет в тридцать.

Мая надолго замолчала, а потом спросила:

– Ты кого хочешь – мальчиков или девочек?

Ана ответила так, словно обдумывала этот вопрос:

– Мальчиков.

– Почему?

– Потому что мир кидает им подлянку иногда. А нам – почти всегда.

Банк.

Мама захлопнула багажник, сдерживая слезы. Она знала: стоит упустить хоть слезинку, и остановить поток будет уже невозможно. Как бы ни выросли наши дети, мы не хотим плакать при них. Ради них мы готовы на все; они не знают этого, потому что еще не понимают размеров безусловности. Родительская любовь невыносима, легкомысленна и безответственна. Когда они, такие маленькие, спят в своих кроватках, мы сидим рядом и внутри у нас все разрывается. Чувство собственной вины и

несовершенства остается на всю жизнь, мы вставляем в фотоальбом счастливые снимки, но никому не показываем промежутков между ними, в которых хранится боль. Молчаливые слезы в темной комнате. Мы лежим, утратив сон от ужаса, представляя все, что может с ними случиться, все, во что они могут влипнуть, все ситуации, где они могут оказаться жертвами.

Мама обошла машину и открыла дверцу. Она не так уж отличалась от всех остальных мам. Она любила, она боялась, бывала сломленной, иногда ее переполнял стыд, иногда ощущение того, что ее усилий недостаточно. Она бодрствовала у кроватки, когда мальчику было три года, она смотрела на него спящего и боялась всего ужасного, что может с ним случиться, – так же, как все родители. Вот только ей и в голову не приходило, что бояться надо совсем другого.

Банк.

Еще не рассвело, городок спал, широкая дорога, ведущая прочь из Бьорнстада, была пустынной, но девочки, стоявшие на горе, не спускали с нее глаз. Они терпеливо ждали.

Мае больше не снилось изнасилование. Не снилось, как Кевин зажимает ей рот, как он всем телом душит ее крик, не снилась его комната с кубками на полках, не снился пол, по которому скакали пуговицы с ее блузки. Теперь ей снилась только уходящая за Холм тропинка, ее было видно отсюда. Как Кевин бежит по ней один, а она, Мая, выходит из темноты с ружьем. Приставляет дуло к его голове; он трясется, плачет, просит пощады. Во сне Мая убивала его, каждую ночь.

Банк. Банк.

Сколько раз мама смешила своего ребенка? Сколько раз он заставлял ее расхохотаться? У нас душа переворачивается, когда наши дети в первый раз шутят нарочно, чтобы мы заметили. Шутя, они учатся манипулировать нашими чувствами. Если они нас любят, то, научившись смешить, вскоре научатся и лгать, щадить наши чувства, притворяться счастливыми. Они быстро соображают, чего нам хочется. Мы можем тешить себя мыслью, что понимаем их, но у них свои фотоальбомы и промежутки между снимками, промежутки, внутри которых они становятся взрослыми.

Сколько раз мама стояла у машины перед домом, смотрела на часы, нетерпеливо звала сына? Сегодня ей не пришлось его звать. Те несколько часов, что мать укладывала вещи, он тихо сидел на пассажирском сиденье.

Когда-то такое мускулистое тело стало тощим: матери несколько недель приходилось кормить сына насильно. Пустой взгляд был устремлен в окно.

Что может мать простить сыну? Откуда ей знать заранее? Ни один отец, ни одна мать не верит, что из их маленького мальчика вырастет преступник. Мама не знала, какие кошмары мучают его по ночам, но они заставляли его с криком просыпаться. С того самого утра, когда она нашла его на тропинке, оцепеневшего от холода, оцепеневшего от ужаса. Он обмочился, на обмороженных щеках застыли слезы отчаяния.

Он изнасиловал девочку, хотя никто не смог этого доказать. Конечно, нашлись люди, которые утверждали, что он ловко выкрутился, что его семья избежала наказания. Они говорили правду. Но для его матери все было совсем не так.

Банк. Банк. Банк.

Когда машина выехала на дорогу, Мая, стоявшая на горе, поняла, что Кевин сюда никогда не вернется. Что она сломала его. Конечно, найдутся люди, которые станут утверждать, что она победила.

Но для нее все было совсем не так.

Банк. Банк. Банк. Банк.

Торопливо вспыхнули фонари торможения, мать в последний раз взглянула в зеркало заднего вида на постройку, бывшую ее домом, на следы клея на почтовом ящике – они остались от фамилии «Эрдаль», которую сдирали буква за буквой. Отец Кевина носил вещи в другую машину, один. В тот день он стоял у тропы рядом с мамой, смотрел на их сына, лежавшего в мокром от слез свитере и мокрых от мочи штанах. Их жизнь разбилась уже давно, но лишь в тот день мама увидела осколки. Отец отказался помогать ей, пока она то несла, то волокла своего мальчика по снегу. Это было два месяца назад, и с тех пор Кевин не выходил из дома, а его родители почти перестали разговаривать. Жизнь научила мать, что мужчины определяют себя более четко, чем женщины. Ее муж и сын всегда определяли себя одним-единственным словом – «победитель». Сколько она помнила, отец всегда вколачивал в мальчика одно и то же: «Люди бывают всего трех сортов. Те, кто побеждает; те, кто проигрывает; и те, кто на них смотрит».

А теперь? Если победители не они, то кто? Мать отпустила тормоз, выключила стерео, выехала на дорогу и свернула в сторону. Сын сидел

рядом. Отец сел в другую машину и в одиночестве поехал в другую сторону. Документы о разводе лежали на почте, вместе с письмом в школу, извещавшим, что отец переезжает в другой город, а мать с сыном – за границу. В конце письма мать указала свой телефон, на случай, если возникнут вопросы, но никто ей не позвонил. Этот город сделал все, чтобы забыть, что семья Эрдадь была когда-то его частью.

Через четыре часа молчания, когда они отъехали от Бьорнстада так далеко, что и лес исчез из виду, Кевин прошептал:

– Как по-твоему, можно стать другим человеком?

Она, прикусив губу, покачала головой и заморгала так, что перестала видеть дорогу.

– Нет. Но можно стать лучше.

И тогда сын, дрожа, взял ее за руку. И мать держала сына за руку так, словно ему три года, словно он повис на краю скалы. Мать прошептала:

– Я никогда не прощу тебя, Кевин. Но я никогда тебя не предаю.

Банк-банк-банк-банк-банк.

Так звучит этот город. Но понять это можно, только если здесь живешь.

Банкбанкбанк.

Девочки стояли на горе, смотрели, как машина исчезает из виду. Скоро им исполнится шестнадцать лет. Одна из них держала гитару, другая – ружье.

3

Будь мужчиной

Самое отвратительное, что мы знаем о вас, других людях, – это что мы от вас зависим. Что ваши поступки влияют на нашу жизнь. Это касается не только тех, кого мы выбираем и кто нам симпатичен; это касается всех остальных вас, придурков. Вы стоите перед нами во всех очередях, вы не в состоянии нормально вести машину, вы любители тупых телесериалов, вы слишком громко разговариваете в ресторанах, а ваши дети в детском саду заражают наших детей желудочным гриппом. Вы криво паркуетесь, крадете у нас работу и голосуете не за ту партию. А еще вы влияете на нашу жизнь. Ежесекундно.

Как же мы вас за это ненавидим.

* * *

В баре «Шкура» сидели рядом молчаливые старики. Говорили, что им лет по семьдесят, но запросто могло оказаться, что они как минимум вдвое старше. Стариков было пятеро, но воззрений у них имелось не меньше восьми. Их прозвали «пятерка возрастных», потому что на каждой тренировке бьорнстадской команды все пятеро торчали у самого бортика, ввали и скандалили. А потом отправлялись в «Шкуру» и ввали и ссорились уже там. Иногда они развлекались тем, что разыгрывали кого-нибудь из своей пятерки, чтобы тот подумал, что маразм подкрался незаметно. Например, меняли номер на фасаде его дома или прятали ключи, когда бывали под мухой. Однажды четверо отбуксировали машину пятого и припарковали у его дома точно такую же прокатную – только ради того, чтобы тот с утра перепугался до смерти и подумал, что пора в дом престарелых, раз он не в состоянии самостоятельно завести свое авто. За билеты на матч они платили деньгами из «Монополии», а несколько лет назад почти целый сезон изображали, что они на Олимпийских играх восьмидесятого года, и каждый раз, завидев спортивного директора «Бьорнстад-Хоккея» Петера Андерсона, заговаривали с ним по-немецки и величали его «Ганс Рампф». Директора это долго приводило в бешенство, а

пятерку радовало больше, чем победа в овертайме. В городе говорили, что пятерка, похоже, уже в маразме, только это фиг докажешь.

Рамона, владелица бара «Шкура», выставила на барную стойку пять стаканчиков виски. В этом баре всего один сорт виски, зато печали – всех сортов на выбор. Старики были с «Бьорнстад-Хоккеем» во всех его взлетах и падениях. Всю свою жизнь. Этот день станет для них худшим в жизни.

* * *

Когда зазвонил телефон, Мира Андерсон ехала на работу. Мира сильно нервничала – в силу разных причин – и, уронив телефон под сиденье, выругалась, перечислив такие анатомические детали владыки ада, упоминание которых, по словам ее мужа, вгонят в краску и пьяного матроса. Когда Мира наконец ухватила трубку, женщине на другом конце понадобилась пара секунд, чтобы отстраниться от всех услышанных определений.

– Алло! – крикнула Мира.

– Прошу прощения, я звоню из «Эс-Экспресс». Вы писали нам, хотели узнать цены... – осторожно сообщила женщина.

– Из... как вы называетесь? «Эс-Экспресс»? Нет, вы ошиблись номером! – констатировала Мира.

– Вы уверены? У меня тут записано... – начала женщина, но тут Мира снова уронила телефон и спонтанно высказалась о сходстве полового органа с головой инженера, придумавшего данную модель, а когда она изловила мобильник снова, женщина на том конце сочла за лучшее положить трубку.

Думать о неведомом «Эс-Экспресс» Мире было особо некогда. Она ждала звонка от мужа, Петера, ему сегодня предстояла встреча с местными властями относительно перспектив хоккейного клуба, и страх перед последствиями этой встречи узлом затягивался у Миры в животе. Она бросила телефон на пассажирское сиденье, картинка на рабочем столе – дочь Мая и сын Лео – мигнула, и дисплей погас.

Мира ехала на работу. Но если бы она остановила машину и поискала информацию об «Эс-Экспресс» в интернете, то узнала бы, что эта фирма занимается организацией переездов. В городках, где не особо переживают о своих хоккейных клубах, написать в транспортную фирму от имени семейства Андерсон было бы безобидной шуткой, но Бьорнстад к таким

городкам не относится. В безмолвном лесу можно напугать и не повышая голоса.

Мира, конечно, скоро это поймет, она женщина умная и прожила в Бьорнстаде достаточно долго. Бьорнстаду вообще есть чем похвастаться. Ошеломляющей красоты лесами, он – последний уголок нетронутой природы в стране, где политики борются исключительно за расширение мегаполисов. Приветливым, смирным, работающим населением, которое любит природу и спорт; публикой, что заполняет трибуны вне зависимости от того, в каком дивизионе играет команда; пенсионерами, что разрисовывают лица зеленым, когда отправляются на матч. Ответственными охотниками; опытными рыбаками; людьми, суровыми, как лес, и твердыми, как лед; соседями, которые всегда придут на помощь. Жизнь может взять их в оборот – тогда они усмехнутся и скажут: «А кто сказал, что будет легко». Все это – слава Бьорнстада. Но... да. Наш город известен и кое-чем другим.

Несколько лет назад один старый хоккейный тренер рассказал журналистам о своем худшем воспоминании за всю карьеру. На втором, третьем и четвертом месте были матчи, проходившие в больших городах, когда разъяренные фанаты, если им не нравилось решение судьи, швыряли на лед жестянки со снюсом, монеты и мячи для гольфа. Но на первом оказался затерянный в лесу маленький ледовый дворец, где судья однажды присудил команде гостей штрафной бросок на последней минуте матча. Когда игрок поразил ворота и Бьорнстад проиграл, судья покосился наверх, на печально известную трибуну со стоячими местами, оккупированную Группировкой. Трибуну заполняли мужчины в черных куртках, которые обычно оглушительно пели и устрашающе орали. Но после того гола с трибуны не донеслось ни звука. Группировка как воды в рот набрала.

Первым опасность осознал Петер Андерсон, муж Мира и спортивный директор «Бьорнстад-Хоккея». Он бросился к техникам и за секунду до финального свистка сумел потушить свет. В темноте охранники вывели судей из дворца и тут же увезли. Чем бы все кончилось в противном случае, объяснять не нужно.

Вот почему здесь достаточно и тихой угрозы, звонка от транспортной фирмы. Очень скоро Мира поймет, почему ей позвонили.

Встреча с местными властями еще не закончилась, но кое-кто в Бьорнстаде уже знал ее исход.

У здания городской администрации всегда развевались флаги, государственный и с гербом коммуны; местные политики видели их из конференц-зала. Оставалось несколько дней до праздника середины лета, прошло три недели с тех пор, как Кевин и его семья покинули город. Этим поступком они изменили всю историю – не только ту, что будет, но и ту, что уже совершилась. Просто не все еще это поняли.

Один из политиков кашлянул, предпринял мужественную попытку застегнуть пиджак, хотя в последний раз такое было возможно с полдесятка рождественских застолий назад, и сказал:

– Мне очень жаль, Петер. Но мы пришли к заключению, что для региона будет лучше, если мы сосредоточим ресурсы коммуны на одном хоккейном клубе. А не на двух. Мы собираемся сосредоточиться на... «Хед-Хоккее». Так будет лучше для всех, в том числе и для вас, если вы не станете возражать. Учитывая... сложившееся положение дел.

Петер Андерсон, спортивный директор «Бьорнстад-Хоккея», сидел по другую сторону стола. От такого удара он словно рухнул в темную пропасть, откуда едва донесся его слабый голос:

– Но мы... нам нужна помощь всего-то на несколько месяцев, а потом мы найдем еще спонсоров, коммуне достаточно выступить поручителем перед банком...

Он замолчал, тут же устыдившись собственной глупости. Разумеется, местные политики уже переговорили с банковским начальством – они ведь соседи, вместе играют в гольф и охотятся на лосей. Решение было принято еще до того, как Петер вошел в этот кабинет. Приглашая его, сотрудники администрации подчеркивали, что это будет «неформальная встреча». Без протокола. Стулья в конференц-зале были такими маленькими, что настоящим политическим тяжеловесам приходилось сидеть на нескольких сразу.

У Петера звякнул телефон; на электронную почту пришло письмо о том, что генеральный директор Бьорнстадского хоккейного клуба ушел в отставку. Петер знал почему: директору наверняка уже предложили пост в Хеде. Петеру придется держать удар в одиночку.

Местные политики по ту сторону стола ерзали, и Петер знал, о чем они думают. «Не позорься. Не проси и не умоляй. Будь мужчиной».

Бьорнстад стоит на берегу большого озера, вдоль всего берега которого тянется узкая полоска пляжа. В теплое время года почти успеваешь забыть, что зима в Бьорнстаде длится девять месяцев; летом пляж принадлежит городским подросткам. Посреди мельтешащих надувных мячей и бурлящих гормонов сидел на песке двенадцатилетний мальчик в солнечных очках. Мальчика звали Лео Андерсон; мало кто на пляже знал это прошлым летом, но сейчас его знали все. И косились на него так, будто он вот-вот взорвется. Несколько месяцев назад сестру Лео, Маю, изнасиловал Кевин, но полиция не сумела ничего доказать, и Кевин отделался легким испугом. Город разделился, большинство встало на сторону Кевина; ненависть раскалила людей настолько, что семью Лео попытались выжить из города. В окно его сестры швыряли камни с надписью «ШЛЮХА», ее травили в школе, даже созвали собрание в ледовом дворце, чтобы уволить отца Маи и Лео с поста спортивного директора «Бьорнстад-Хоккея».

Потом обнаружился свидетель – мальчик, ровесник Маи, он был в доме, когда произошло преступление, – но какая разница. Полиция бездействовала, город помалкивал, взрослые девушку не поддержали. И однажды ночью, вскоре после произошедшего, случилось кое-что еще. Что именно – никто не знал. Но Кевин вдруг перестал выходить из дома. Пошли слухи, что он повредился головой, а однажды утром, три недели спустя, он и его родители просто уехали из города.

Лео надеялся, что теперь все изменится к лучшему. Но стало только хуже. В то лето, когда ему исполнилось двенадцать, он понял, что люди всегда предпочтут простую ложь сложной правде, потому что у лжи есть одно сокрушительное преимущество: правда должна объяснять все, что случилось, а лжи достаточно выглядеть убедительно.

Когда на том весеннем совещании Петера Андерсона оставили на посту спортивного директора (голосов за оказалось чуть больше, чем против), отец Кевина позаботился о том, чтобы Кевин сменил бьорнстадский клуб на «Хед-Хоккей». И сманил туда тренеров, почти всех спонсоров и большую часть лучших игроков юниорской команды. Когда семья Кевина три недели спустя внезапно покинула город, здесь все перевернулось, но при этом удивительным образом ничего не изменилось.

А на что Лео надеялся? Что все наконец поймут, что Кевин виновен, и станут просить прощения? Что спонсоры и игроки вернутся в Бьорнстад с повинной головой? Да прямо. В этих краях никто головы не склоняет, и многие отвратительные поступки происходят просто потому, что мы ни за что не хотим признать, что ошибались. И чем грубее ошибка, чем тяжелее

ее последствия, тем позорнее кажется сдать назад. Никто и не сдал. Все в Бьорнстаде, у кого были деньги и власть, выбрали другую стратегию: перестали признавать, что когда-то дружили с Эрдалями. Пошли разговоры – сначала невнятные, осторожные, но потом все слышнее – что «этот мальчик всегда был какой-то странный», что «отец слишком давил на него, теперь-то ясно». Мало-помалу комментарии съехали на «эта семья никогда не была, как... ну, вы понимаете... как мы. Отец не местный, приезжий, ну и... влияют на него».

Когда все потянулись из Бьорнстада в «Хед-Хоккей», Кевина называли жертвой «клеветы» и «охоты на ведьм». Но теперь версия поменялась: спонсоры и игроки переметнулись в «Хед» вовсе не следом за Кевином, а потому, что захотели от него «дистанцироваться». Ведь его имя удалили из списков «Хеда», но в бьорнстадских оно осталось. В общем, у всех вдруг появилась возможность равно отдалиться и от насильника, и от жертвы, так что прежние приятели Кевина преспокойно обзывали его «психопатом», а Мая – «шлюхой». Ложь – это просто, правда – это сложно.

«Бьорнстад-Хоккей» стал «клубом Кевина» в глазах стольких людей, что «Хед-Хоккей» автоматически начал означать нечто противоположное. От родителей игроков к местным политикам полетели имейлы об «ответственности» и «небезопасности», а когда люди не чувствуют себя в безопасности, рано или поздно возникают самосбывающиеся пророчества. Однажды ночью кто-то написал на дорожных указателях на окраине Бьорнстада «Насильники!!!». Через пару дней группу восьмилеток из Бьорнстада и Хеда отправили по домам из скаутского лагеря. Причиной стала жестокая драка: ребята из Хеда скандировали «Бьорн-стад на-силь-ни-ки!» в адрес мальчишек из Бьорнстада.

Лео сидел на песке, а в пятидесяти метрах от него – бывшие приятели Кевина, крупные, накачанные восемнадцатилетние парни. Теперь на них были красные бейсболки «Хед-Хоккея». Это они писали в интернете, что Мая «сама напросилась» и что Кевин совершенно точно невиновен, потому что «к этой паскуде нормального человека палкой не загонишь». Как будто Мая просила, чтобы кого-то из них к ней загоняли, хоть палкой, хоть как. А теперь те же парни говорят, что Кевин всегда был чужаком в их компании, – они станут повторять эту ложь до тех пор, пока его имя не окажется накрепко связанным только с Бьорнстадом, а сами парни, выворачивая эту историю туда и сюда, все равно будут выглядеть героями. Они в любом случае окажутся в выигрыше.

Лео был на шесть лет моложе большинства из них, гораздо ниже ростом и слабее, но иные его приятели уже говорили, что он «должен что-

то сделать». Что кое-кого из этих сволочей «стоит проучить». Что надо «быть мужчиной». Трудно быть мужчиной, когда тебе всего двенадцать. Да и в любом возрасте.

Зазвонил телефон, потом другой. На звук повернулась голова, за ней другая. Телефоны трезвонили по всему пляжу. Сначала несколько, потом все разом, рингтоны врезались один в другой, словно музыканты невидимого симфонического оркестра одновременно настраивали инструменты.

Клуб «Бьорнстад-Хоккей» прекратил свое существование.

* * *

«Это всего-навсего клуб, есть вещи поважнее». Легко так говорить, если спорт для тебя – только цифры. Но спорт не только цифры, и, чтобы это понять, достаточно задать себе один простой вопрос: что чувствует ребенок, играя в хоккей? Ответ не так уж сложен. Вы любили когда-нибудь? Вот именно это он и чувствует.

По обочине шоссе на окраине Бьорнстада бежал потный подросток шестнадцати лет. Подростка звали Аамат. В автосервисе посреди леса чумаазый восемнадцатилетний парень помогал отцу – приносил инструменты, складывал покрываки. Парня звали Бубу. В саду возле дома девочка четырех с половиной лет пробивала шайбу за шайбой с террасы в стенку. Девочку звали Алисия.

Аамат надеялся, что однажды станет таким игроком, которого хоккей унесет отсюда дальше – вместе с матерью. Для него спорт означал будущее. Бубу надеялся на еще один сезон беспечности и смеха: он знал, что потом каждый его день будет похожим на дни его отца. Для Бубу спорт был последней возможностью поиграть.

А что же Алисия, девочка четырех с половиной лет, что посылала шайбу за шайбой с террасы? Вы любили когда-нибудь? Спорт значил для нее именно это.

Телефоны звонили. Город замер. Ничто не движется вперед быстрее, чем хорошая история.

Аамат, шестнадцати лет, остановился на шоссе. Руки уперты в колени,

грудная клетка с запертым в ней сердцем ходит ходуном: банк-банк-банк-банк-банк. Бубу, восемнадцати лет, вкатил в мастерскую новую машину и начал выравнивать вмятины на жестяном кузове: банк-банк-банк. Алисия, четырех с половиной лет, стояла на террасе. Перчатки были ей велики, ключка длинна, но Алисия изо всех сил послала шайбу в стену: банк!

Они выросли в маленьком городке посреди большого леса. Вокруг было довольно взрослых, говоривших, что работы все меньше, а зимы все злее, деревья все гуще, а дом от дома все дальше, что природные ресурсы в сельской местности, а деньги, мать их так, в больших городах. «Потому что медведи срут в лесу, а остальные срут на Бьорнстад». В таких обстоятельствах детям легко влюбиться в хоккей, потому что, когда играешь, думать некогда. Утрата памяти – еще одно благо, которое дарит нам спорт.

Но вот начали приходиться эсэмэски. Амаг остановился, Бубу уронил киянку, а девочке четырех с половиной лет в следующий миг пришлось идти спрашивать, что значит «хоккейный клуб обанкротился». В ответ ей сказали: это значит, что спортивное объединение погибло. Но спортивные объединения не погибают. Они просто перестают существовать. Погибают люди.

* * *

В баре «Шкура» говорят, что двери надо держать закрытыми, «чтобы мухи не мерзли». Там и другое говорят: «Нашелся знаток хоккея! Да ты собственную задницу в штанах не найдешь, даже если сунешь обе руки в задние карманы!», «Кто бы говорил про тактику! У тебя от нее шарики за ролики заехали, как у коровы на искусственном газоне!», «Наши защитники в следующем сезоне сыграют лучше? Да ты мне на ногу насышь и скажешь, что дождик!» Но сегодня никто ни с кем не ссорился, сегодня в «Шкуре» стояла тишина. Невыносимая. Рамона разлила виски по стаканчикам, в последний раз. Пятерка возрастных – от семидесяти и выше – сказали «будем!». Пять пустых стаканчиков со стуком опустились на стойку. Банк. Банк. Банк. Банк. Банк. Старики поднялись, вышли и разошлись в разные стороны. Позвонят ли они завтра друг другу? А зачем? О чем ругаться, если хоккейной команды больше нет?

* * *

Люди в маленьких городках о многом помалкивают, но если тебе двенадцать лет и ты в интернете как рыба в воде, то секретов не существует. Лео прочитал все. Сейчас он, несмотря на жару, сидел в кофте с длинными рукавами. Говорил, что обгорел на солнце, но на самом деле прятал царапины. Лео ничего не мог с собой поделаться – он раздирал свою кожу по ночам: под ней ползала ненависть. Он не дрался, даже на хоккее, он думал, что он, как отец, неспособен к насилию. Но теперь ему хотелось, чтобы кто-нибудь начал его задиравать, наехал бы на него, дал бы хоть один повод схватить первый попавшийся тяжелый предмет и расквасить всем этим рожи.

Когда человек растет, его учат: «Не ссорьтесь! Не деритесь! Братья и сестры должны защищать друг друга!» У Лео и Майи был когда-то старший брат – может быть, он смог бы защитить их. Его звали Исаак, он умер еще до их рождения от такой болезни, которая перечеркивала для Лео возможность существования любых богов. До семи лет Лео вообще с трудом представлял себе Исаака как реального человека, а в семь лет нашел фотоальбом, где были снимки его и родителей. Как они смеялись на каждой фотографии! Как крепко обнимались, как безумно обожали друг друга! Уже не существуя, Исаак в тот день поведал Лео о жизни невыносимо много. Показал, что любовь может не все. Страшно узнать такое в семь лет. Да и в любом возрасте.

А теперь Лео уже двенадцать, и он старался быть мужчиной. Что бы это ни значило. Он старался не расчесывать кожу по ночам, старался плакать тихо, сжавшись в комок под одеялом, старался ненавидеть так, чтобы никто этого не заметил и не понял. Старался придушить мысль, которая стучала ему в виски – банк, банк, банк... Братья и сестры должны защищать друг друга, а он не сумел защитить свою сестру. Он не сумел защитить сестру не сумел защитить сестру не сумел защитить сестру.

Ночью он так расчесал живот и грудь, что на коже образовалась глубокая рана, из которой медленно сочилась кровь. Утром, смотрясь в зеркало, он подумал, что рана похожа на бикфордов шнур, который тянется к сердцу. Интересно, горит ли этот шнур у него внутри. И сколько ему осталось.

4

От женщин одни проблемы

Старшее поколение называло Бьорнстад «Медведем», а Хед – «Быком», особенно когда города встречались на хоккейном поле. Так повелось много лет назад, никто уже и не помнил, когда бык появился на свитерах хедской команды – до или после того, как игроков прозвали быками. В окрестностях Хеда в то время и правда держали много скота: местность была более открытая, потому-то промышленность пришла именно туда – строить фабрики на открытой местности оказалось удобнее. Жители Бьорнстада славилась трудолюбием, но леса здесь были гуще, и деньги стали утекать к южным соседям. Старики выражались метафорически: борьба быка и медведя – залог мирового равновесия, ведь куда они дерутся, ни у кого не будет полной власти. Может быть, в те времена – когда работы и ресурсов еще хватало обоим городам – дела обстояли иначе. Сегодня стало труднее: всегда есть иллюзия, что насильем можно поддерживать равновесие.

Но насилие не поддается контролю. Как бы нам этого ни хотелось.

Мая была дома у Аны – в последние минуты покоя, перед тем как пришла первая эсэмэска, в последние мгновения, уместившиеся между днем, когда Кевин покинул город, и днем, когда преисподняя разверзлась снова. Три недели, на которые люди почти забыли о существовании Маи. Чудесные три недели. Очень скоро они закончатся.

Ана проверила, заперт ли оружейный сейф, потом удостоверилась, что ружья в сейфе не заряжены. Она солгала Мае, сказав, что хочет «почистить их», но Мая знала: подруга проверяет сейф, только когда ее отец срывается в очередной запой. Если охотник забывает запереть сейф или нечаянно ставил туда заряженное ружье, значит, он окончательно потерял берега. Такое случилось один-единственный раз, когда Ана была маленькой, вскоре после того, как мама бросила их с отцом; но тревога так и не отпустила Ану по-настоящему.

Мая лежала с гитарой на животе и делала вид, что не понимает, что к чему. Быть ребенком алкоголика – тяжкий крест, и Ана всю жизнь вела войну в одиночку.

– Слышь, дурында? – сказала наконец Ана.

– Что надо, чудовище, а? – улыбнулась Мая.

– Сыграй что-нибудь, – распорядилась Ана.

– Раскомандовалась. Я тебе что – крепостной музыкант? – фыркнула Мая.

Ана широко улыбнулась. Такую дружбу нельзя вырастить в теплице – такая дружба вырастает сама.

– Ну пожалуйста.

– Сама научись, ленивая ослиха.

– Мне-то зачем, дебилка, у меня ружье в руках. Сыграй, а то как пальну!

Мая рассмеялась. Когда пришло лето, они поклялись друг другу, что никто в этом странном городе не отнимет у них права смеяться.

– И не депру какую-нибудь, – прибавила Ана.

– Заткнись, а? Хочешь слушать умцу-умцу – включи компьютер, – поморщилась Мая.

Ана закатила глаза.

– Ты не забыла? У меня РУЖЬЕ в руках! Если заведешь свои наркотреки, я пальну себе в череп, и виновата будешь ты!

Обе захохотали. И Мая стала играть самые веселые мелодии – которые, на взгляд Аны, были не такие уж офигеть веселые. Но ей в то лето выбирать не приходилось.

И тут музыку прервал двойной короткий писк двух мобильных телефонов. Потом еще два сигнала, и еще два.

* * *

Нагрузка у спортивного директора хоккейного клуба не на полный рабочий день. А на три полных дня, которые надо уместить в один. Порой Мира, жена Петера, не в силах сдержать раздражения, говорила: «У тебя две жены: хоккей и я». Она не добавляла, что половина всех браков заканчивается разводом, – зачем?

Для снижения общего градуса местные политики, собравшиеся в конференц-зале, настаивали, что «речь всего-навсего о спорте». Петер внушил себе, что политика и спорт никак не связаны, но это была величайшая ложь. Они связаны, но, когда политика играет нам на руку, мы называем это сотрудничеством, а когда она на руку другим, то коррупцией. Петер посмотрел в окно. Перед зданием городской администрации всегда развеваются флаги, чтобы засранцы, которые здесь окопались, знали,

откуда дует ветер.

– Коммуна... мы... было принято решение о том, что мы будем бороться за проведение у нас чемпионата мира по лыжным видам спорта. Бьорнстаду и Хеду предстоит сотрудничество, – сообщил один из политиков.

Он старался выглядеть авторитарным, что нелегко, если одновременно подбираешь крошки от маффина, которые насыпались изо рта в карман пиджака. Все знали, что этот политик уже много лет пытается финансировать строительство конференц-отеля, и лыжный чемпионат – его шанс. По чистой случайности зять этого политика как раз работал в Ассоциации лыжных видов спорта, а жена руководила фирмой, которая организовывала выезды на охоту, а также «курсы выживания в лесу» для богатых столичных предпринимателей, которые вряд ли бы выжили без мини-бара и спа-процедур.

– Мы должны подумать об имидже края, Петер, – встрял другой политик. – Налогоплательщики волнуются. Весь этот негатив в СМИ нагнетает нервозность...

Он говорил так, будто вся проблема в нервозности. Как будто проблема не в самой ПРОБЛЕМЕ. Он налил Петеру кофе – человек с другим характером, возможно, запустил бы чашкой в стену, но насилие Петеру было чуждо. Он не дрался даже на льду, когда еще сам играл в хоккей. Собравшиеся втайне презирали его за это, с каждым днем все больше.

Они знали, что слабость Петера – в его чувстве ответственности. Петер считал себя в долгу перед городом. Хоккей дал ему все, и спортивному директору не ленились об этом напоминать. Как было написано на стене в раздевалке ледового дворца, «кому много дано, от того многого ждут».

Третий политик, льстивший себе мыслью, что он «называет вещи своими именами», сказал:

– У Бьорнстада нет юниорской команды, да и основной, считай, тоже! Вы упустили всех лучших игроков и почти всех спонсоров. Мы обязаны думать о налогоплательщиках!

Год назад местная газета задала этому самому политику острый вопрос насчет планов коммуны финансировать постройку нового, дорогущего ледового дворца. И он без колебаний ответил: «Знаете, чего хотят налогоплательщики Бьорнстада? Они хотят ходить на хоккейные матчи!» Каких бы взглядов ты ни придерживался, вали все на них. На налогоплательщиков.

Деньги попадут в те же карманы, только теперь карманы перебрались

в Хед. Петер и возразил бы, да крыть было нечем. С муниципальными ассигнованиями на спорт коммуна мухлевала всегда, как явно, назначая «пособия», так и скрыто – под видом «займов» и «дотаций». Например, «арендовала» парковочные места возле ледового дворца, хотя территория принадлежала самой коммуне. Или снимала ледовый дворец, «чтобы покататься на коньках могли все желающие», которые, конечно, спали и видели, как бы покататься на коньках по средам с двух ночи до пяти утра. Один член правления клуба оказался по совместительству членом совета директоров управления коммунальной недвижимостью и вынудил это управление приобрести дорогой «спонсорский пакет» на хоккейные матчи, которые так и не были сыграны. Петер это знал. Старое руководство хоккейного клуба всегда было коррумпированным; Петер поначалу возмущался, но потом поневоле принял «правила игры». В маленьком городке спорту без поддержки коммуны не выжить. Поэтому Петер и не мог кричать о «махинациях»: политики знали ровно то же, что и он сам.

Они решили расправиться с клубом. И хотели только удостовериться, что он, Петер, будет держать язык за зубами.

На красных бейсболках накачанных восемнадцатилетних парней красовался атакующий бык. Парни занимали на пляже все больше места, расширяли границы, чтобы посмотреть, кто осмелится их остановить. Лео ненавидел их бессильной ненавистью.

Когда Кевин уехал из города, история зазвучала по-другому, но его бывшие приятели быстро принаровились к новой правде. Нужен был только другой лидер. Им и стал Вильям Лит, форвард первого звена и бывший сосед Кевина, предложивший парням ту версию, которой они желали. Он слышал, как родители месяцами повторяли за кухонным столом: «Это мы – жертвы, это у нас украли победу в финале. Если бы Кевин вышел на лед, мы бы победили! Но Петер Андерсон развел политику! А потом попытался возложить на НАС вину за то, что тот психопат изнасиловал эту шлюху, хотя мы-то уж тут никаким боком! А почему? А потому, что Петер Андерсон всегда нас ненавидел. Все ему в рот смотрят, типа звезда НХЛ и моральный авторитет, но отстранили бы Кевина от финала, будь это не дочка Петера, а? Если бы изнасиловали кого-нибудь из наших сестер, вызвал бы Петер легавых к Кевину прямо в день финала? Лицемер! Кевин – просто повод, Петер не хотел, чтобы парни с Холма играли в «Бьорнстад-Хоккее», и знаете почему? Потому что некоторые из нас имели несчастье родиться в состоятельных семьях. А Петеру Андерсону с его комплексом морального превосходства это кажется недостойным!»

Слова родителей звучали у Вильяма в ушах. Каждый сезон его мать, Магган Лит, раздражалась, что клуб ставит на ключевые позиции ребят из бедных районов, а когда приходит пора оплачивать счета, ждет, что раскошелятся родители с Холма. «Когда людям надоест оплачивать социальные прожекты Петера Андерсона?» – шипела она направо и налево, узнав, что клуб открывает хоккейную школу для четырех-пятилетних девочек.

И вот теперь Вильям орал на пляже:
– Они хотят открыть девчачий клуб!

Слова были понятными и потому действенными. После того, что совершил Кевин, все в команде Лита чувствовали двусмысленность и уязвимость своего положения. Так значит, Петер Андерсон их ненавидит? Отличная новость. Ненавидеть того, кто уже ненавидит тебя, всегда проще.

* * *

Петер оглядел сидевших за столом. От него ждали, что он примет происходящее «как мужчина», но он больше не знал, каким мужчиной видят его политики. Мальчиком, который вырос в «Бьорнстад-Хоккее»? Тем, кто двадцать лет назад стал капитаном и сделал из дышавшего на ладан заштатного клуба едва ли не лучший в стране? Профи из НХЛ, которым он стал потом? До того как его уговорили вернуться домой и стать спортивным директором, когда клуб безудержно проваливался на нижние строчки турнирной таблицы. Петер, к общему изумлению, создал в нем одну из лучших юниорских команд страны и снова сделал маленький клуб великим. Который из этих мужчин – он?

Или он теперь просто отец? Потому что изнасиловали именно его дочь. Именно он поехал с ней в полицию в то мартовское утро. Именно он стоял на парковке перед ледовым дворцом и смотрел, как полицейский выволакивает из автобуса звезду юниорской команды, отправляющейся на свой главный матч. Петер знал, что думает любой мужчина, и здесь, и по всей стране: «Будь это моя дочь, я бы убил того, кто это сделал». Каждую ночь Петер мечтал стать именно таким мужчиной. Мечтал быть способным к насилию. Но вместо этого наливал себе чашку кофе. Потому что быть мужчиной нелегко в любом возрасте.

Один из политиков втолковывал ему то сочувственно, то снисходительно:

– Петер, ты же член команды. Мы несем ответственность за

КАЖДОГО жителя коммуны. Чтобы получить право на чемпионат, нам нужен позитивный имидж. В Хеде мы построим новый ледовый дворец и откроем хоккейную гимназию...

Дальше Петер мог и не слушать. Он уже видел картину будущего, присутствовал при ее создании. Сначала ледовый дворец и хоккейная гимназия, потом торговый центр и удобные дороги к шоссе. Конференц-отель и чемпионат по лыжам с трансляцией по телевидению. А потом – как знать – может, аэропорт? Спорт – это просто спорт, пока кто-нибудь, кому плевать на спорт, не захочет на нем нажиться. И тогда спорт становится экономикой. Хоккейный клуб должен был спасти коммуну, да он ее и спасет. Только это будет не хоккейный клуб Петера.

Еще один из политиков, который мысленно уже часа два был в отпуске, всплеснул руками:

– Разумеется, мы сожалеем о... ситуации. С вашей дочерью.

Да, так они ее называли. Не «Мая», не по имени. Чтобы он подумал как следует: будь это не его дочь, дал бы Петер Кевину сыграть в финале? Политики называли это «ситуацией», а нанятые коммуной пиарщики – «скандалом». Слово дело было не в том, что девочку изнасиловали, а в том, что факт оказался достоянием гласности. Пиарщики объяснили политикам, что, когда в других поселках «происходят подобные скандалы, они негативно влияют на имидж города». Допустить подобного нельзя. И самый простой способ похоронить скандал – это похоронить «Бьорнстад-Хоккей».

Тогда можно с гордостью отчитаться о «принятых мерах» и продемонстрировать, что в Хеде создан гораздо лучший клуб, «с другим уровнем моральной ответственности». А факт, что создали его те же самые люди, афишировать не обязательно.

– Петер, нам без конца названивают чертовы журналисты. Люди нервничают! Пусть коммуна наконец перевернет эту страницу!

Как будто журналисты не звонили Петеру и его семье. Ни он, ни Мая не отвечали на их вопросы. Они поступили правильно, они держали язык за зубами, но... недостаточно долго.

* * *

Пока восемнадцатилетний Вильям Лит, пользуясь всеобщей ненавистью к Петеру Андерсону, все лето собирал команду «Хед-Хоккея», в другом уголке коммуны велись переговоры иного рода. Отец Вильяма

Лита заседал в правлении гольф-клуба, он играл с директорами банков и местными политиками, но любили его не только за дружбу с богатыми людьми, но и за то, что он «называл вещи своими именами». Чтобы получить право провести чемпионат, коммуне требовалась поддержка предпринимателей, а те ясно дали понять: один хоккейный клуб, а не два. Они упирали на «ответственное финансирование» – с ударением на слово «ответственное».

И вот теперь, за несколько дней до праздника середины лета, телефоны по всему пляжу зазвонили, загудели и зажужжали одновременно. Сначала весь берег замер, а в следующий миг вся стая накачанных восемнадцатилетних парней злорадно взревела. Громче всех орал Вильям Лит. Он влез на дерево и повесил два красных флага «Хед-Хоккея», и они плеснули на ветру, точно кровь из раны посреди зелени – цвета «Бьорнстада».

Команда Лита полукругом собралась под деревом в ожидании драки. Но они были слишком крупными и слишком сильными; все, кто сидел на берегу, ходили в ту же школу, так что ссориться с ними никто не решился. Пляж перешел в полное владение Лита. Берег поделили так, как делят люди все остальные миры: на наших и чужих.

Подростки на берегу видели этих парней, ненавидели их – но ничего не могли поделать. Те, кто любил «Бьорнстад-Хоккей», но не решался замахнуться на компанию Вильяма Лита, неминуемо должны были направить свой гнев на кого-нибудь другого. На более слабого.

* * *

Прочитав первые, анонимные эсэмэски, Мая и Ана выключили телефоны. «Все из-за тебя», «Сдохнешь, паскуда! Если клуб погибнет, ты умрешь!», «Мы и до твоего папаши доберемся!!». Ана и Мая понимали, что происходит, знали, на кого обрушатся ненависть и угрозы. Кое-кто будет думать, что в гибели «Бьорнстад-Хоккея» виновна Мая, потому что она должна была «держаться язык за зубами», другие станут злорадствовать – «так и надо врушке-потаскушке».

Мая ушла в ванную, и ее вырвало. Ана сидела на полу в прихожей. Она читала, что группа поддержки для жертв изнасилования называет себя «выживающие». Потому что именно этим они и занимаются изо дня в день – снова и снова выживают в том ужасе, через который прошли. Интересно, думала Ана, существует ли слово для других: для тех, кто позволил

преступлению совершиться. Люди всегда готовы разбить твой мир, лишь бы не признавать, что толика вины за поступок какого-нибудь мальчика лежит и на них. Проще внушить себе, что это «отдельный эпизод», и все отрицать. Ана мечтала избить Кевина до смерти, за то, что он сделал с ее лучшей подругой, но еще больше ей хотелось разнести вдребезги весь город – за то, что он делал с Маей теперь.

Эти придурки ни за что не скажут, что «Бьорнстад-Хоккей» погубил Кевин – они будут говорить, что клуб погубил «скандал». Потому что проблема для них не в том, что Кевин стал насильником, а в том, что Мая стала жертвой. Не будь Май, ничего бы не случилось. От женщин одни проблемы – в мужском мире.

Мая и Ана сложили рюкзаки, вышли из дому и направились в лес. Они даже не знали, куда идут. Куда угодно, лишь бы не оставаться здесь. Ана не взяла с собой ружье. Потом она об этом пожалеет.

* * *

Лео дожидался темноты, прячась на лесной опушке. Когда берег опустел, он снова прошмыгнул к озеру, взобрался на дерево и поджег красные флаги. И снял на камеру, как огонь пожирает буквы, как горит эмблема «Хед-Хоккея». А потом анонимно выложил видео в сеть – туда, где, как он знал, его увидит вся школа.

Говорят, насилие пришло в Бьорнстад тем летом, но это неправда. Оно угнездилось тут раньше. Потому что люди зависят от других людей, и мы никогда не простим этого друг другу.

Человек состоит из множества вещей

Молодой человек шел через лес, голый до пояса и с рюкзаком на спине; на руке у него красовалась татуировка с медведем. Адвокат, хорошо одетая женщина, сидела у себя в кабинете, перед ней на столе стояли фотографии мужа и детей. Ей снова только что позвонили из транспортной фирмы; адвокат не понимала почему. А по шоссе ехал на джипе некто, в бардачке у него лежал список имен.

Мобильники вибрировали у всех. Петер Андерсон еще сидел на собрании в администрации, а политики уже слили новость о том, что «Бьорнстад-Хоккей» – банкрот. Высокооплачиваемые консультанты по связям с общественностью объяснили муниципалам, что «историю» надо «держат под контролем».

Молодой человек в лесу, адвокат в своей конторе, некто на джипе – все они возьмут в руки телефоны. Новость дотянется до всех.

* * *

Каждый человек состоит из множества вещей, но в глазах других людей мы бываем, как правило, лишь чем-то одним. Мира Андерсон – адвокат, закончившая два иностранных университета, в Бьорнстаде оставалась «женой Петера Андерсона». Бывали дни, когда она сама ненавидела себя за то, что ее это так бесит. За то, что ей мало быть чьим-то человеком.

Сейчас Мира обедала за письменным столом, в окружении розовых стикеров со списками дел, и желтых, напоминавших о том, что надо купить и какие дела можно переложить на других членов семьи. У компьютера стояла фотография Лео и Май. Под их взглядом Миру мучила совесть и замучила бы до смерти, если бы не внезапный топот в коридоре.

Тут Мира почти улыбнулась, хотя все лето жила в аду. Она точно знала, кто сейчас ворвется в кабинет. Во-первых, кроме нее самой, на рабочем месте за несколько часов до праздника оставалась единственная коллега – такой же трудоголик. Во-вторых, когда коллега входила, дверь никогда не открывалась – она распахивалась так, что грохала о стену.

Ростом под метр девяносто, коллега была такой громогласной, будто и в ширину имела примерно столько же. Проигрывать она не умела как никто: если кто-нибудь из сотрудников принимался жаловаться, она обычно отвечала: «Заткнись и выстави счет!» Сейчас она, как обычно, завела разговор с середины фразы, словно Мира сама виновата, что пропустила начало:

– ...и тут выясняется – пиццерия ЗАКРЫТА, Мира! «Мы в отпуске». Представляешь? Это что за люди такие, которые, работая в ПИЦЦЕРИИ, уходят в отпуск? Пиццерии, по идее, относятся к жизненно необходимым учреждениям, вроде... поликлиники... пожарной команды или... обувных магазинов! К тому же я собиралась переспать с этим, который за кассой, у него всегда такой грустный вид, а таким грустилам в постели нет равных! Ты что ешь? Там еще осталось?

Мира вздохнула так, словно собралась задуть свечи на последнем в своей жизни именинном торте. Достала пластиковый контейнер с едой. Коллега изобразила, что ее сейчас вырвет.

– Настоялся как следует, – прокомментировала Мира.

– Это что вообще? – простонала коллега.

Мира рассмеялась. Смех вырвался неволью, и тем чудесней он был. Мгновение привычной жизни длиной в несколько секунд. Пищевые пристрастия коллеги были подростковые: ее интересовал не вкус еды, а размер порции. Меню она читала, словно декрет об объявлении войны. Мира сделала ободряющий жест вилкой:

– Это называется «салат», представь себе. Как мясо, только не надо никого убивать. На, попробуй!

Коллега попятилась:

– Ни за что в жизни. Воняет, будто ты его вытащила у покойника из задницы.

– Ну СЛУШАЙ! – с отвращением выдохнула Мира.

– А что? – удивилась коллега.

– Ты как дитя малое!

– Это ТЫ дитя малое! Заткнись и выстави счет! – проворчала коллега и тяжело плюхнулась в кресло, словно упала туда с потолка.

Мира уже собралась ей ответить, когда зазвонил телефон. Мира думала, что это Петер, но на другом конце раздался бодрый голос:

– Это Мира Андерсон?! Я звоню из транспортно-экспедиторской фирмы Джейсона, мы получили заказ на ваше имя, на пятьдесят новых коробок для переезда, можно оставить их у вас в саду?

Последних слов Мира уже не слышала. Она увидела, как коллега

открыла крышку своего ноутбука, что-то прочитала и побелела, а в следующее мгновение в телефоне Миры звякнула эсэмэска.

* * *

Петер встал со стула. Большинство политиков не стали унижать его рукопожатием – просто вышли. Но один из них задержался и уронил с фальшивым великодушием:

– Весной вы добились впечатляющих результатов с юниорской командой. Это было потрясюще. Наши парни, из нашего городка, бросили вызов гигантам. Если бы только они... победили. Тогда, может быть... ну, вы понимаете.

Петер понимал. Слишком хорошо. В спорте, где сказки о Золушке находятся на грани вымирания, где хоккейные гимназии больших клубов высасывают, как пылесосом, таланты из клубов маленьких, «Бьорнстад» изо всех сил дрался за родной край. Они добрались до финала, но финальную встречу сыграли без своей самой яркой звезды. Они, можно сказать, победили... почти. Но «почти» не считается.

Бьорнстад – город хоккейный, здесь людям внушают философию: «таблица не лжет». Ты или лучший, или как все, а лучшие не ищут оправданий, они ищут, как победить. Всеми возможными способами, любой ценой. Говорят даже о «ментальности победителя», потому что им присуще нечто, чего недостает другим: особые мозги, которые принимают как данность, что ты родился быть героем. Когда в последние секунды решается исход матча, победитель стучит клюшкой о лед и кричит товарищам по команде, чтобы ему пасанули, потому что победитель не просит шайбу, он ее требует. Когда тысячи людей на трибуне вскакивают и режут, когда команда отступает в смятении – победитель делает шаг вперед. Вот что такое ментальность победителя. Каждый мечтает стать лучшим, оказаться в числе тех немногих, кто забьет последний гол в последний, решающий момент сезона, но лишь единицы сумеют воспользоваться шансом, когда на кону стоит... все. В этом и состоит разница между победителем и всеми остальными.

Лет двадцать назад у основной команды Бьорнстада появилась возможность стать лучшей в стране. В течение всего сезона люди в городе и окрестностях повторяли: «Бьорнстад против всех!» Столичные журналисты уже сбросили его со счетов, высокооплачиваемые соперники не принимали его всерьез, но, когда они приехали в Бьорнстад, когда

автобус миля за милей углублялся в лес, когда они вошли в облезлый ледовый дворец и оказались лицом к лицу с трибунами, которые превратились в ревущие зеленые стены, окружившие их со всех сторон, – гиганты дрогнули. Ледовый дворец в тот сезон был крепостью, в него маршем входил весь город, команда играла, спиной чувствуя, что за ней стоит весь край. И наплевать, что деньги – у больших клубов, потому что хоккей в тот сезон был здесь. «Бьорнстад против всех».

Но последний матч играли на чужой площадке, в столице. В последние секунды шайбу получил Петер Андерсон. Далеко в лесу остался маленький город, чья жизнь и смерть легли теперь на крюк его клюшки, не говоря уже о судьбе самого клуба. В хоккее разница между элитой и всеми остальными астрономическая, обитатели верхних строчек в серии получают все деньги от телетрансляций и всех спонсоров-миллионеров, а тем, кто внизу, приходится усвоить, что «всегда побеждает лучший». Так что, когда шайба оказалась у Петера, это было больше чем бросок, больше, чем игра; у маленького города появился шанс сокрушить великана. Это был поразительный сюжет. Настал тот единственный вечер, когда после всего дерьма, которого нахлебались жители лесного города, Бьорнстад наконец почувствовал: настало его время. Именно такая сказка и заставляет любить спорт: сказка о том, что большие и богатые побеждают НЕ ВСЕГДА.

Петер послал шайбу в ворота. И промазал. Город задержал дыхание, да так и не смог вздохнуть снова. Раздался финальный свисток, противники победили, на следующий сезон «Бьорнстад» вылетел из высшей лиги, да так и не сумел в нее вернуться.

Петер перешел в НХЛ, стал профессиональным игроком, но получил травму. Мечта о карьере развеялась. Потом он вернулся домой и несмотря ни на что создал юниорскую команду, ставшую лучшей в стране. Почти.

...Политик в дверях пожал плечами:

– Победа все исправит, Петер.

С таким же успехом он мог сказать то, что думает: «Никакой ты не победитель, Петер. Потому что победитель побеждает. Мы знаем, что такое победитель». Победитель забьет последнюю шайбу. Победитель не путает то, что происходит вне ледовой площадки, с тем, что происходит на ней. Победитель не попросит полицию вытащить звезду команды из автобуса, в котором команда едет на самый главный матч. Победитель знает: в этой коммуне победа исправит все, а второе место ничего не изменит.

Политик равнодушно похлопал его по плечу:

– Ну-ну, Петер, может, это хорошая возможность? Шанс попробовать себя на другой работе? Подольше побыть с семьей!

Петер хотел попросить его обратиться к черту, но вышел из здания администрации молча. Остановился у крыльца, согнулся над клумбой, убедился, что никто из этих засранцев его не видит, и его вырвало.

Зазвонил телефон. Мира. Петер понял, что слухи уже поползли по городу, но у него не было сил ответить. Он не хотел слышать разочарование в голосе жены и боялся, что она расслышит слезы в его голосе. Жена позвонила еще, потом еще, и в конце концов Петер выключил телефон. В хоккейном клубе он прожил всю жизнь и теперь понятия не имел, как будет жить без этого проклятого клуба. Петер сел в машину и тронулся с места, вцепившись в руль так, что кровь потекла из-под заусенцев.

* * *

Неизвестное лицо сидело в джипе. Молча, внимательно следило за дорогой через солнечные очки, основательно затягиваясь и выпуская в окно клуб за клубом сигарного дыма. Джип, припаркованный в тени под деревьями, был ржавым и незаметным, никто не обратит на него внимания. В бардачке лежал список имен, на верхней строчке значилось «Петер Андерсон». Когда Петер сел в машину, джип поехал следом за ним.

6

Если войны нет, они сами ее начинают

В лесу восемнадцатилетний мужчина снял рюкзак, бросил его на траву и залез на дерево. Лето сделало его длинные волосы светлее, а кожу вокруг татуировки с медведем – темнее. Мужчину звался Беньямином, но так его звали только мать и сестры, для всех остальных он был Беньи. Люди с таким именем редко отличаются хорошим поведением, и с самого детского сада мальчику прочили не тюрьму, так кладбище. В этом смысле хоккей и спас его, и стал злым роком: на льду худшие черты характера Беньи вызывали восхищение. Кевин был звездой, Беньи – его защитником. Они были как братья. Кевина город обожал, а кулаки Беньи – боготворил, и старую шутку «я пошел поглядеть на драку, а она переросла в хоккей» в Бьорнстаде рассказывали про него.

Когда Кевина обвинили в изнасиловании, город был потрясен, но едва ли не большим потрясением стало то, что Беньи принял сторону Май Андерсон и выступил против побратима. Он не перешел в «Хед-Хоккей», а остался в Бьорнстаде. Беньи Ович поступил порядочно. Но зачем? Одна за другой сыпались издевательские эсэмэски от анонимных отправителей, извещая его, что клуба больше нет. Он сделал неверный выбор. У него ничего не осталось. Несколько месяцев назад он играл бок о бок со своим лучшим другом в одном из лучших клубов страны. А сейчас одиноко сидит на дереве, укуривается в хлам и готов доказать всем, кто еще сомневался: «Рано или поздно парень убьет себя или кого-нибудь еще».

* * *

Этим летом при каждом взгляде на фотографии Петера, Май и Лео на рабочем столе Мира Андерсон испытывала бездонный стыд: здесь, на работе, проще представить себе, что они – обычная, нормальная семья. А не четыре дотла выгоревших человека, которые делят дом в молчании, потому что слов не осталось.

Мая попросила родителей больше не говорить об изнасиловании. Они сидели за столом на кухне, было начало лета, и Мая совершенно будничным тоном сказала: «Надо двигаться дальше». Петер и Мира

кивнули, попытались выдавить улыбку, но смотрели при этом в паркет. Надо поддерживать друг друга, нельзя же вцепиться в дочь и закричать: это НАМ надо говорить, проговаривать раз за разом одно и то же, ведь именно родителям страшно, они ощущают собственное одиночество и... эгоизм. Потому что – ну кто они? Эгоисты.

Мира знала: люди удивляются, как у нее достает сил работать, а у Петера – заниматься хоккейными делами, но на самом деле только об этом у них и получалось думать. Когда рушится мир, человек бросается туда, где он может что-то контролировать, в единственное место, где знаешь, кто ты и чем занимаешься. Все остальное слишком больно. И человек ходит на работу, прячется в ней. Так альпинист зарывается в снежную пещеру, когда начинается буря.

Наивностью Мира не страдала, но как мать все время пыталась увидеть свет в конце туннеля. Кевин уехал, психолог говорит, что травму Мая прорабатывает успешно, так что все, может быть, опять... наладится, уговаривала себя Мира. Петер встретится с муниципалами, клубу выделят деньги, и все... устроится.

И вот она только что нажала «отбой» после звонка из транспортной фирмы, в которой кто-то заказал на ее имя коробки для переезда. Тут же пришла эсэмэска от какого-то журналиста: «Хотели бы связаться с вашим мужем Петером. Нужен комментарий насчет банкротства «Бьорнстад-Хоккея». Следующая эсэмэска, от соседа, гласила: «Вы правда уезжаете??» К сообщению прилагался скриншот с сайта местной риелторской конторы: кто-то выставил дом Андерсонов на продажу. Фотографии совсем свежие. Сегодня утром кто-то топтался у них в саду.

Мира позвонила Петеру, но он не ответил. Она поняла, чего теперь ждать. Если с хоккейным клубом покончено, то какая разница, по чьей вине. Город уже начал искать козла отпущения: во всем виноват Петер. Во всем виновата Мая. Спортивный директор. Шлюха.

Мира еще раз позвонила Петеру. Еще. И еще. На последнем звонке телефон мужа оказался выключен. Коллега попятилась, когда Мира принялась лупить кулаком все, до чего могла дотянуться на своем столе. Она слышала, как трещат суставы, но продолжала бить, вкладывая в свои удары силу сотен разгневанных женщин:

БАНК. БАНК. БАНК-БАНК-БАНК.

Беньи съежился на ветке, дым тянулся у него из ноздрей. Некоторые рассказывают, будто наркотики уносят их в небеса, но Беньи ощущал приход как море: он не летел, а плыл. Наконец-то спокойно лежал на воде. В остальное время он отчаянно барахтался, не в силах вынырнуть.

В детстве Беньи любил лето, потому что листва деревьев маскирует мальчишек, и их не видно с земли. Ему всегда было что скрывать, как любому, кто не похож на остальных, в раздевалке, где все учатся быть единым целым, кланом, побеждать вместе. Так Беньи стал тем, кто был так нужен команде: Дикарем. Его настолько боялись, что, когда он однажды получил травму и тренер отправил его на скамью до конца матча, противники так и не рискнули трогать Кевина.

Свою жесткость Беньи отчасти вырастил сам: на дерево он взбирался так, что тренер, смеясь, называл его «помесью танка с обезьяной», а когда рубил дрова у сестры в питомнике, то потом боксировал с поленницей, чтобы укрепить кулаки. Но отчасти железная твердость была в нем от рождения – та, которую не ввести в кровь и не вывести, – и это делало его непредсказуемым. В детстве его прозвали Саночник, потому что на тренировку он приезжал не на машине с родителями, а на велосипеде, к которому были прицеплены санки со спортивной сумкой. Прозвище продержалось несколько месяцев, пока один мальчик не зашел слишком далеко. Беньи явился в раздевалку с санками в руках и выбил обидчику два зуба. С тех пор обидные прозвища сошли на нет.

Сейчас он сидел на дереве не шевелясь, но внутри у него разверзся хаос. В детстве лучшие друзья – это как первая любовь: мы не хотим с ними расставаться даже на миг, такая разлука подобна ампутации. Кевин и Беньи происходили из совсем разных районов города, были считай что существами разного вида, но лед стал их танцплощадкой. У Кевина был талант, у Беньи – агрессия. Понадобилось целых десять лет, чтобы все поняли: кое-какой талант есть и у Беньи, а агрессии в Кевине гораздо больше.

Что можно простить лучшему другу? Если бы знать заранее. Однажды весенней ночью Кевин стоял, дрожа, в лесу, недалеко отсюда, и просил у Беньи прощения. Беньи тогда отвернулся и покинул его. С тех пор они больше не разговаривали.

Когда три недели назад Кевин уезжал из города, Беньи сидел на том же дереве, что и теперь. И бился затылком о ствол, все крепче и крепче. Банк. Банк. Банк. Невесомый от травы, отяжелевший от ненависти, он услышал их голоса и поначалу решил, что ему почудилось. А потом услышал снова – они приближались, он увидел их между деревьями. Мышцы напряглись.

Он делает кому-нибудь очень плохо.

* * *

Чтобы понять, почему люди жертвуют всем ради любви, надо понимать, как они влюбились. Иногда, чтобы полюбить, не нужно почти ничего. Только время. Взрослым известно, что хоккей – это понарошку, это выдуманная игра, но, когда человеку пять лет, сердце у него маленькое. Поэтому влюбляется оно сразу.

Мама Петера Андерсона тяжело болела, отец напивался до такой степени, что орал на своего отпрыска, словно тот оглох, и лупил, как чужого. Петер рос с голосами в голове. Эти голоса нашептывали, что он ни на что не годен, но, когда он встал на коньки, голоса затихли – в первый раз. Отнять то, что дала ему хоккейная школа, Петер не позволил никому. Настало лето, ледовый дворец закрылся. Пятилетний Петер явился домой к тренеру основной команды клуба и забарабанил в дверь.

– Когда начнется хоккей? – требовательно спросил он.

– Осенью, – улыбнулся тренер основной команды, Суне, – он уже тогда был стариком с таким круглым брюшком, что закруглял даже самые острые разговоры.

– А до нее долго? – спросил пятилетний человек.

– До... осени? – буркнул тренер.

– Я не умею определять время, – объяснил пятилетний человек.

– До осени несколько... месяцев, – проямлил тренер.

– А можно я тут подожду? – спросил пятилетний человек.

– До ОСЕНИ? – воскликнул тренер.

– А это долго? – спросил пятилетний человек.

Так началась дружба длиной в целую жизнь.

Суне никогда не спрашивал про синяки, пятилетний человек никогда про них не рассказывал, но каждый доставшийся ему удар читался в его глазах, когда мальчик бил по шайбе в садике у тренерского дома. Тренер знал: хоккей не может изменить жизнь человека. Может лишь предложить другую жизнь. Выход наверх.

Суне объяснил Петеру, что такое клуб. Клуб нельзя винить, с него нельзя требовать. «Потому что клуб – это мы, Петер. «Бьорнстад-Хоккей» – это ты и я. Лучшее и худшее в нем – это наши достоинства и недостатки». Суне учил Петера и другим вещам: тому, как воскреснуть после победы и

после поражения, и тому, что более способные игроки должны вытягивать менее способных, потому что «кому много дано, от того многого ждут».

В тот первый вечер Суне отвел пятилетнего мальчика домой. Они остановились метров за триста до дома, и тренер пообещал, что если мальчишка завтра придет к нему домой, они снова будут гонять шайбу. «Точно?» – спросил мальчик. Суне протянул ему руку и сказал: «Точно. Слово надо держать, верно?» А потом старик и мальчик сели на скамейку, и старик стал учить мальчишку определять время по часам, чтобы мальчик мог сосчитать, сколько минут осталось до завтра.

Иногда, чтобы влюбиться, не нужно почти ничего. Только время. Начиная с пятилетнего возраста, Петеру Андерсону каждую ночь, год за годом снилось одно и то же: звук, с каким шайба улетает от клюшки и ударяется в стену дома:

Банк.

Мать Беньи Овича почти не говорила с ним об отце, но когда это все же случалось, она закрывала глаза и шептала: «Просто некоторые люди так устроены. Если войны нет, они ее начинают сами».

Беньи приходилось слышать, что он похож на отца, но чем? Может, скорее внутренне, чем внешне? Беньи знал, что отец страдал от боли. Однажды она стала нестерпимой, и он не выдержал. Местные охотники никогда не произносили слово «самоубийство», они говорили: «Алан взял ружье и ушел в лес». Беньи не понимал, что это было – обдуманый поступок или внезапный порыв. Примерно тот же вопрос он задавал себе, когда узнавал из новостей об одиноких мужчинах, совершивших какое-нибудь ужасное преступление: почему именно в этот день? Почему именно он, а не кто-то другой? Ты сделал выбор или просто сорвался?

Беньи знал, что скорбь и гнев могут перепрошить мозги не хуже лекарств или наркотиков. Может, в некоторых головах есть такая бомба замедленного действия: лежит там и только ждет, когда замкнется цепь. Может быть, мать права: есть такие люди, которые сами начинают войну.

С дерева Беньи видел, как Мая и Ана идут через лес. Потом он не сможет сказать, что творилось у него в душе – просто проснулся некий инстинкт. Что-то выключилось, что-то включилось. Беньи слез с дерева, подхватил с травы рюкзак, вытащил что-то и, взяв в руку, двинулся вперед.

Вслед за девочками.

Мая и Ана шли через лес без цели, и чем глубже заходили, тем медленнее шли. Они не разговаривали, заранее зная, что скажет другая. Обе усвоили: если ты не такой, как все, расти в Бьорнстаде нелегко. Ужас взросления в том, что ты однажды понимаешь: Бьорнстад – не исключение. Сволочи есть везде.

У этих девушек было мало общего: принцесса и дитя природы, музыкант и охотник. Они познакомились в детстве, когда Ана вытащила Маю из проруби. Мая тогда только-только переехала сюда, у Аны не было друзей, и они спасли друг другу жизнь. Мая бесила Ану тем, что не умела передвигаться по лесу тихо – ломилась, как лось на шпильках. Мая посмеивалась над подружкой, что Ана оттого такая, что ее мама согрешила в лесу с белкой.

Но перестала так говорить, когда мать Аны уехала из Бьорнстада. Ана в ответ перестала дразнить Маю из-за ее вай-фай-зависимости. Годами они оставались ровней, но подростковый возраст всегда меняет баланс между подругами. В старших классах знания Аны о том, как выживать в лесу, утратили ценность. А как выживать в школьных коридорах, знала Мая. Однако этим летом девочки не чувствовали себя в безопасности ни там, ни там.

Ана двигалась впереди, Мая следом за ней, глядя подруге в затылок. Она привыкла думать, что Ана самый сильный и самый слабый человек из всех, кого она знала. Отец Аны снова запил – никто в этом не виноват, просто запил, и все. Мае хотелось забрать у подружки ее боль, но с таким же успехом Ана могла забрать изнасилование из жизни Маи. Они упали в разные пропасти. По ночам Маю мучили кошмары, у Аны тоже имелась причина, по которой она подолгу не могла уснуть. Иногда девушка укладывалась спать с собаками: отец приходил домой поздно и переворачивал кухню вверх дном, словно громадное чудовище, сотканное из тоски и несказанных слов. Собаки в такие вечера лежали вокруг Аны кругом, защищая ее, хотя она их об этом не просила. Обожаемые звери. Отец никогда, ни на миг не поднимал руку на дочь. Но Ана все равно боялась его пьяного. Мужчины не знают своего веса, не сознают, как физически страшно, когда они просто вваливаются в дверь. Как ураган, что проносится через молодой лес, они поднимаются, пьяные, из-за кухонного стола и ломают через комнаты, не глядя, что хрустит у них под ботинками. Наутро они ничего не помнят. Пустые бутылки вынесены, стаканы

тихонько помыты, в доме тишина. Никто ничего не говорит. Эти мужчины не видят опустошений, оставленных ими в душах собственных детей.

Ана обернулась; Мая взглянула на нее, слабо улыбнувшись, и подумала: «Как же я тебя люблю, debilka несчастная». Зная ее мысли, Ана спросила:

– Если будешь делать пластику, что выберешь – рыло как у свиньи или задницу как у свиньи?

Мая захохотала. Их любимая детская игра в «или-или». – Рыло. А то сяду играть на гитаре – а на хвостике будет жестко сидеть.

– Совсем больная!

– Я больная? Ты СЕБЯ послушай!

Ана фыркнула. Прошлась взглядом между деревьев.

– Окей, тогда так: быть несчастной и прожить сто лет – или быть счастливой один-единственный год, а потом умереть?

Мая задумалась, но ответить не успела. Ана крутанулась в сторону и взгляделась в заросли. Как она раньше не заметила? Привыкнув тропить и охотиться, Ана не ожидала, что преследовать могут и ее.

Под чьей-то тяжестью хрустнули сухие ветки. Девочки ушли далеко от города, встретить тут крупного зверя немудрено.

Но ветки хрустнули не под зверем.

* * *

Ледовый дворец Бьорнстада был заперт, там царила темнота. Зажигать свет Петер не стал: он и так знал, что стены уклеены пожелтевшими бумажками. Маленькие буквы, большие чувства: «Команда важнее тебя». Чуть подальше – «Мы отступаем, только чтобы взять разбег». Над этим – «Мечтай – Дерись – Побеждай!». И уже возле двери, его собственным почерком – «Мы воскреснем после победы, мы воскреснем после проигрыша. Мы воскреснем, несмотря ни на что!».

Люди, мыслящие логически, увидят в таких записках только глупый пафос, но, чтобы стать лучшим в спорте, логика не нужна – нужно быть мечтателем. Когда Петер ходил в начальную школу, учитель спросил, кем ученики хотят стать, когда вырастут. Петер сказал: «Играть в НХЛ». Он на всю жизнь запомнил, как издевательски хохотал класс, и всю жизнь положил на то, чтобы доказать: они ошибались. Логически мыслящим людям и в голову не могло прийти, чтобы маленький мальчик из

Бьорнстада играл с лучшими из лучших, но мечтатель устроен иначе.

Проблема в том, что окончательно это доказать невозможно: те, кто смеется над тобой, просто отодвигают границы. Часы на стене раздевалки остановились, никто не удосужился заменить батарейку. На то, чтобы влюбиться, нужно не так уж много времени, а на то, чтобы возненавидеть, и того меньше. Хватит минуты. Спорт беспощаден, мегазвезды гаснут за те десять секунд, что отделяют раздевалку от ледового поля. Клуб, проживший больше полувека, в здании городской администрации приговорили к смерти за несколько минут. Интересно, думал Петер, снесут ли они теперь ледовый дворец, чтобы построить конференц-отель или другую фигню, о которой грезят власть и деньги. Эти люди не умеют любить, они умеют только обладать. Для них ледовый дворец – это просто стены и крыша.

Петер поднялся по трибунам, постоял в коридорчике у дверей кабинета. Сколько лет своей жизни он оставил в этом здании? Чего они теперь стоят? На стене висели фотографии в рамках – великие моменты из жизни клуба: день основания в 1951 году, легендарный сезон двадцать лет назад, когда основная команда стала второй в стране, и тот самый матч этой весной, когда юниорская команда взяла серебро. На многих фотографиях был и Петер.

Одним бешеным движением Петер смахнул их все на пол. Пробежав вдоль стены, он сорвал рамки с гвоздей. Брызнуло стекло, осколки дождем посыпались на пол, но Петер уже шел к выходу. Окна ледового дворца так и оставались темными, когда он грохнул дверью.

* * *

А из темноты трибун вслед Петеру глядело неизвестное лицо. Когда Петер завел машину, оно поднялось в его кабинет и осмотрело следы разгрома. Увидело под треснувшим стеклом старые снимки Петера, фотографии поновее, запечатлевшие юниорскую команду. Двое игроков красовались почти на каждом снимке. Отбросив стекло тяжелым ботинком, человек наклонился над старым фото: те же мальчишки задолго до того, как они стали звездами города. Момент награждения, обоим лет по одиннадцать–двенадцать, они обнялись, как братья, на спинах – номер и фамилия. «9 ЭРДАЛЬ». И «16 ОВИЧ».

Лучшие друзья, обожаемый спорт и команда, за которую ты готов отдать жизнь; на что способен молодой парень, если все это отнять у него

разом? Неизвестная личность тщательно обвела кружком «Беньямин Ович» в блокноте, потом спустилась на трибуны и вышла на улицу. Закурила очередную сигару. Было тепло, ветер утих, но неизвестный все равно прикрывал пламя, словно приближалась буря.

Сердца у девочек заколотились, когда они обернулись и увидели между стволов Беньи. Еще недавно он был мальчиком, влюбленным в свою хоккейную команду и лучшего друга; теперь Беньи превратился во взрослого мужчину с глазами, в которых тонули зрачки. Одна рука была стиснута в кулак, другая сжимала молоток.

Спросите в Бьорнстаде кого угодно, и вам ответят: этот мальчик всегда был бомбой.

Для начала – пообедать

В Хеде говорят: «Скажи незнакомому человеку, что ненавидишь Бьорнстад, – и обретешь друга на всю жизнь». Даже малые дети тут знают: важно, чтобы побеждал «Хед-Хоккей», но куда важнее, чтобы «Бьорнстад-Хоккей» провалился ко всем чертям. В этом, конечно, есть доля шутки. Трибуны кричат друг другу «ненавижу» и «убью», но это же не всерьез. До поры.

Если мы возьмемся выяснять, с чего началась эта война между двумя городами, большинство уже не вспомнит, что было раньше: горящие флаги, которые заснял и выложил в интернет двенадцатилетний Лео Андерсон, или другой видеоклип, выложенный жителем Хеда примерно в те же дни. Ибо ничто не распространяется быстрее, чем хорошая история, и те, кто вырос в Хеде, любя красную команду и ненавидя зеленую, не скрывали злорадства, узнав, что коммуна, деньги и власть перешли на их сторону.

Один хедский фанат как-то остановил одного местного политика, когда тот направлялся после работы домой, и спросил (а ответ снимал на камеру): «Что же теперь делать бьорнстадским болельщикам?» Политик, нервная женщина средних лет, видимо, сама не понимала, что говорит. Или, наоборот, хорошо понимала. Потому что она ответила: «Ну, они ведь могут болеть за команду Хеда?»

Ночью женщина проснулась от грохота. Когда она утром вышла из дома, из капота ее машины торчал топор.

Направляясь к автобусной остановке, она прошла мимо автомобиля, в котором сидели двое мужчин в черных куртках. Им незачем было на нее смотреть. Она и так знала, что за ней наблюдают.

* * *

Бар «Шкура» находится на своем месте: посреди Бьорнстада. В кабаках такого рода всегда пахнет лучше, если в них можно курить. С годами лицо Рамоны, хозяйки бара, приобрело сходство с его половицами: жизнь оставила на нем глубокие следы вроде тех, какие оставляют стулья, если их год за годом двигать туда-сюда, а пристрастие к сигаретам

породило прозвище «мамаша Мальборо». Прозвище дали ей молодые люди, для которых «Шкура» была вторым, а то и первым домом. Возраст Рамоны давно перевалил за пенсионную границу, но те, кто дорожил формой собственного носа, вслух об этом не говорили. Когда в баре появилось неизвестное лицо, Рамона как раз наливала себе обед в высокий стакан. Она удивленно вскинула бровь:

– Да?

Неизвестное лицо непонимающе оглядело пустой зал.

– Прошу прощения?

– Чем вам помочь? – прокурорским тоном поинтересовалась Рамона.

Лицо неизвестного лица венчали взъерошенные волосы, облачение состояло из спортивной куртки, джинсов и толстых носков с насаженными на них тяжелыми ботинками, какие носят люди, рассматривающие плюсовую температуру как климатическую аномалию.

– Это же бар, да?

Губы Рамоны выжидательно изогнулись.

– А то.

– Если в бар заходит посетитель, это что, неожиданность?

– Смотря какой посетитель.

Неизвестное лицо сочло замечание справедливым:

– У меня есть пара вопросов.

– Тогда вы выбрали не тот город.

Позади неизвестного лица открылась дверь. В бар шагнули двое молодых мужчин.

В черных куртках.

* * *

Сердце у Аны и Майи колотилось где-то в горле. Они не считали Бенни врагом, он был одним из немногих, кто остался в Бьорнстаде, когда Кевин и прочие перебрались в «Хед-Хоккей». Но если Мая и Ана что и усвоили, так это что в здешних краях отношение к тебе может измениться за секунду. И не надо рассчитывать, что мужчина не попытается причинить тебе зло.

Бенни остановился в нескольких метрах от них; молоток медленно покачивался у него в руке. Кажется, он выжидал. Бенни никогда не был особенно мускулистым, но этим летом его тело обрело нечто иное: ауру жестокости. Ана жалела, что не взяла с собой ружья. Она видела, как Бенни

играет в хоккей, и знала, что лучшим на льду и самым опасным вне его Беньи делала непредсказуемость. Никто не мог предвидеть заранее, в какой именно момент он сорвется и нанесет сокрушительный удар.

Но сейчас его руки и плечи почти не двигались. Наконец он открыл рот. Слова вышли тихими и прерывистыми: голосовые связки пробыли без работы несколько недель. Беньи с глухим стуком бросил молоток под ноги Ане:

– Вот, возьмите. У меня кое-что есть. Для вас.

До девушек не сразу дошло, что Беньи принес молоток, потому что знал: они побоятся отправиться с ним безоружными. Какая же невероятная боль – знать, что выглядишь в глазах других людей опасным животным.

* * *

Мужчины в черных куртках остановились у двери. Обычно их присутствия оказывалось достаточно, чтобы приезжие вдруг вспомнили, что у них на сегодня назначена большая стирка или сдача крови в поликлинике милях в пятидесяти-шестидесяти от Бьорнстада. В ближайшие месяцы неизвестному лицу предстояло узнать, что историй о завсегдатаях «Шкуры» имеется предостаточно, только рассказывать их – рты заболят. У этих людей не было ни символики, ни страницы в интернете; когда в Бьорнстаде проходил матч, вы бы не отличили их от других людей, направлявшихся в ледовый дворец. Неизвестное лицо узнает и то, что члены Группировки никому не позволят управлять их хоккейным клубом без своего благословения или проклятия, и сколько их, не узнаешь, пока они не станут твоими врагами. Но лицу хватало ума или глупости об этом не задумываться.

– Вы из газеты? – поинтересовалась Рамона.

Она не могла понять, почему неизвестное лицо не реагирует на ее агрессивный тон: нарочно игнорирует или это такая патология. И продолжила:

– К нам тут до вас приезжала пара журналистов, с «вопросами». Им пришлось уехать без ответов. Зато теперь они перестраховали свои дома.

Неприкрытая угроза пролетела над взъерошенными вихрами, даже не задев их. Неизвестное лицо крутанулось на барном стуле, разглядывая интерьер, – стены, увешанные фотографиями, флаги и свитера с номерами. – У вас тут, случайно, обед не подают?

Мужчины у двери не поняли, что это: скрытое оскорбление или

искреннее любопытство. Но Рамона вдруг засмеялась. Она махнула рукой, и мужчины скрылись за дверью.

– Никакой вы не журналист, – объявила Рамона неизвестному лицу, склонив голову набок. И тут же снова сменила тон на недовольный: – Какого ляда тебе тут нужно?

Неизвестное лицо сцепило руки на колене.

– Для начала – пообедать.

* * *

Мира снова позвонила Петеру, и он снова не ответил. Сказать честно? Она нутром чуяла, что коммуна найдет способ повернуть дело против Петера. Он романтик, но Мира-то юрист, и она понимала: для коммуны самый простой способ похоронить скандал – это похоронить клуб.

Все они, Андерсоны – Петер, Мая, Лео и она сама, – в начале лета единодушно решили, что останутся в Бьорнстаде. Будут сражаться. Но теперь решимость Миры пошатнулась. Сколько можно выдержать в месте, которое пытается изгнать тебя, словно враждебный вирус? Если Петер лишился клуба, что у них вообще осталось?

Коллега тихонько сидела по ту сторону стола, но Мира, конечно, помнила, что та говорила о Петере. «Он зависим, Мира. Ты думаешь, что зависимость обязательно значит пьянство, наркоту или игру на бегах, но твой муж не алкоголик и не игрок. В нем сидит бес соревновательности. Он все время старается победить. Без этого кайфа он жить не в состоянии».

Сколько раз Мира лежала без сна, раздумывая, так ли это? И вот теперь она звонила, звонила, звонила. Петер наконец ответил. Злой, хотя в голосе злости не было. Ее могла расслышать только Мира. Она улавливала малейшие оттенки того, как он произносит ее имя. Мира прошептала:

– Я звонила, любимый, я... слышала, что произошло...

Петер не ответил. Она спросила:

– Ты где?

И услышала в ответ:

– На работе, Мира. На совещании. Потом поговорим.

По шуму мотора Мира поняла, что муж в машине. Он всегда так делал, проиграв матч, еще когда сам выходил на лед: садился в машину и гонял часами. Петер ни к кому не проявлял насилия – только к себе. Поэтому он уезжал в темноту, не думая, что кто-то ждет его дома, что кто-то до смерти боится, что однажды вечером зазвонит телефон, но заговорит не Петер. Что

какой-нибудь полицейский голос спросит: «Это жена Петера Андерсона?» – и глубоко, виновато вздохнет, когда она шепнет в ответ «да».

– Я не знаю, что сказать, любимый. Это все просто... просто ужас какой-то.

– Что тут скажешь, – коротко ответил Петер.

Мира вслушалась в шум мотора, спросила себя, с какой скоростью он едет.

– Дорогой, милый, давай поговорим об этом...

– Что тут говорить? Они победили. Они хотели убить клуб, и они нашли способ.

Мира привычно задержала дыхание, словно ощущая себя виноватой.

– Я... милый, может быть... я понимаю, что мир сейчас рушится, но...

– Мира, не начинай.

– Что «не начинай»?

– Ты знаешь, о чем я!

– Я только... может, у нас наконец появилась возможность поговорить о чем-нибудь... другом.

Сколько раз она спрашивала мужа: «Когда закончится весь этот хоккей?» Сколько раз он отвечал ей – «на будущий год»? В будущем году он возьмет нагрузку поменьше, в будущем году у нее наконец появится возможность по-настоящему взяться за свою карьеру. Мира чуть не двадцать лет ждала этого будущего года. Но всегда случалось что-нибудь, что требовало внимания Петера, какой-нибудь кризис, делавший его незаменимым, а ее эгоисткой, потому что она желала невозможного: рабочего времени. Чтобы он после работы ехал домой.

Петер сорвался. Хотя, возможно, вовсе не собирался.

– Чем мне заниматься, Мира? Домашним хозяйством?

И Мира перешла в оборону. Хотя, возможно, вовсе не собиралась.

– Не срывай раздражение на МНЕ! Я только говорю – может быть...

– Может быть – что? Этот клуб – моя ЖИЗНЬ!

Петеру было слышно только ее дыхание. Мира прикусила щеки, чтобы не закричать. Петер пытался успокоиться, мыслить разумно, попросить прощения, но его душили другие чувства, и он смог только сказать:

– Любимая, ты же понимаешь, о чем я...

Сколько лет ушло в никуда? Ради его хоккея они переехали в Канаду, ради его хоккея они переехали в Бьорнстад; сколько раз Мира думала, что уж муж-то должен ее понимать? Каждому хоккеисту важно знать, на что он способен, но с адвокатами дело обстоит так же. Когда они переехали в Бьорнстад, Мира как-то вечером выпила лишнего и прошипела правду:

«Поселиться здесь – значит смириться с тем, что никогда не сможешь развернуться в полную силу». Петер решил, что она говорит о нем, и обиделся. За себя!

– Ты понимаешь, о чем я! – повторил он. Мира действительно все понимала.

Вот в чем проблема. Вся его жизнь – только хоккей. Мира нажала «отбой».

Коллега еле успела пригнуться, когда телефон полетел в стену.

* * *

Неизвестное лицо выложило на барную стойку мятую бумажку. Список имен.

– Знаете вот этих?

Старая хозяйка бара посмотрела на бумажку, не касаясь ее.

– На обед сегодня мясо с картошкой и соусом. Когда поешь, можешь ехать отсюда куда пожелаешь.

Неизвестное лицо сморщило нос.

– А без мяса что-нибудь есть?

Рамона выругалась и скрылась на кухне. Тренькнула микроволновка, Рамона вернулась и со стуком поставила тарелку на стойку. Мясо с картошкой и соусом.

– Я веган, – сообщило лицо, словно это было нечто само собой разумеющееся, а не то, за что нормально устроенному человеку нужно извиняться.

– Чего? – буркнула Рамона.

– Веган.

– В таком случае у нас сегодня картошка с соусом. – Рамона взяла нож и, точно раздраженная мать капризного ребенка, сбросила мясо с тарелки прямо на стойку.

Неизвестное лицо проследило за этим коротким процессом и спросило:

– Соус на сливках?

Рамона опрокинула в себя пиво, снова выругалась, схватила тарелку и скрылась на кухне. Вернулась она с другой тарелкой. В которой была пустая картошка.

Неизвестное лицо беззаботно кивнуло и принялось за еду. Рамона

какое-то время сердито наблюдала за ним, а потом поставила рядом с тарелкой кружку пива.

– От заведения. Хоть что-то питательное.

– Алкоголя не употребляю, – сообщило лицо.

– Я тоже, я завязала! – Рамона влила в себя еще пива и тут же, защищаясь, прошипела: – Да в нем и пяти оборотов нет! Считай, молоко!

Неизвестное лицо вроде бы собралось спросить, от какой коровы это молоко, но промолчало. Рамона налила два стаканчика виски, один опрокинула. Неизвестное лицо к своему не притронулось.

– Это не ради градусов. Это для желудка полезно! – постановила Рамона.

Но неизвестное лицо к своему стаканчику так и не притронулось, так что утилизировать его пришлось Рамоне. С двойной пользой для желудка. Неизвестное лицо коротко глянуло на вымпелы и хоккейные свитера, развешанные по стене.

– В этом городе всегда так обожали хоккей?

Рамона фыркнула:

– Мы не «обожаем» хоккей. «Обожать» – это тебе в большие города, где попкорн и VIP-ложи, вот там «обожают». Сегодня одно, завтра другое. У нас тут не Стокгольм.

Неизвестное лицо не выказало никакой реакции. Это сильно огорчило Рамону – она думала, что умеет раскусить любого. Неизвестное лицо доело картошку и поднялось. Положило деньги на стойку, сунуло список в карман и уже направилось было к двери, когда Рамона рывкнула:

– Почему в списке одни мужики?

Неизвестное лицо обернулось:

– А что?

– Если ты в Бьорнстаде, только чтобы спросить про хоккей, почему у тебя в списке только мужики?

Неизвестное лицо застегнуло молнию спортивной куртки.

– Не знаю. Но вы тоже были в списке.

Дверь открылась и закрылась. Неизвестное лицо протиснулось мимо мужчин в черных куртках и вышло. Рамона так и осталась стоять за стойкой в полной растерянности. Это было непривычное чувство. Да и неприятное.

Когда между людьми все кончено

В детстве Беньи по весне часто сбегал из дому и забирался на какое-нибудь едва начавшее зеленеть дерево. Если ветер дул со стороны города, Беньи вопил что есть мочи, орал до боли. Если ветер дул с другой стороны, Беньи сидел тихо, сидел, пока щеки не онемеют настолько, что уже не чувствуют слез.

Охотиться его научили старшие сестры. Не от хорошей жизни: просто, когда мама уходила на работу, оставлять дома мальчишку никто бы не рискнул, он мог устроить там любую пакость. О Беньи точно известно было одно: от него можно ждать чего угодно. Но природа, ко всеобщему изумлению, добралась до тех уголков его души, до которых не удалось добраться людям: когда тебя, маленького, учат, как вести себя в лесу, у тебя словно появляется второй родной язык. В лесу говорил воздух, и Беньи все понимал. Воздух был грустным и диким.

Сестер научил охотиться отец. За это Беньи их ненавидел – за то, что они помнят отца. Только после знакомства с Кевином в жизни Беньи появился кто-то, кто принадлежал только ему. Летом они пропадали в своем тайном прибежище – на поросшем лесом островке посреди озера, куда не добирались даже охотники. Мальчишки были там совсем одни и жили как хотели – купались гольшом, вылезали на валуны и обсыхали на солнце, ловили рыбу на ужин и спали под звездным небом, по несколько дней не говоря друг другу ни слова. В первое лето они пробыли на острове сутки, подростками жили по многу недель подряд, вплоть до последней секунды, оставшейся до начала хоккейных тренировок.

В первые годы этой дружбы Беньи иногда еще писался, когда ему снился отец. Но только не на острове. Там, куда добираться на веслах, где забиваешь металлический клин в трещину скалы, когда привязываешь лодку, сны тебя не достанут. Кевин стал для Беньи всем миром. Друзья детства – это любовь на всю жизнь, и тем больнее они разбивают нам сердце.

Беньи вел Ану и Маю на тот самый поросший кустарником берег. Мостков на озере не было, но Беньи вытащил спрятанную в кустах лодку и бросил в нее рюкзак. А сам вошел в воду и поплыл.

Девочки поначалу не понимали, куда гребут – посреди озера были

только какие-то заросшие низкими деревцами скалы, с воды непонятно было даже, можно ли там высадиться. Но Беньи вынырнул за какими-то валунами, с его рук капала вода, и, упираясь исцарапанными ногами в землю, вытащил лодку на берег.

Ана нашла в рюкзаке металлические клинья, взяла молоток Беньи и вбила их в трещину в скале, чтобы привязать лодку. Мая вышла на берег следом за ней, и только теперь девочки поняли, что у них перед глазами. Посреди островка виднелся расчищенный от травы прямоугольник, рассмотреть который с воды невозможно. Достаточно большой, чтобы поставить двухместную палатку.

– Здесь хорошо прятаться, – пробормотал Беньи, глядя в землю.

– Почему ты показал нам это место? – спросила Мая.

– Мне оно больше не нужно, – ответил Беньи.

Мая видела, что он лжет. На один исчезающе короткий миг Беньи как будто готов был и сам в этом признаться. Но лишь застенчиво показал рукой на берег и прибавил:

– Если купаться вон там, то из леса не видно.

Мая и Ана не спрашивали, с кем он делил этот остров. Теперь остров принадлежал им. Как хорошо, что природа не знает ностальгии. Скалам и деревьям плевать на прежних владельцев. Беньи уже шел к воде, но, когда он спрыгнул с камней, Мая позвала:

– Слушай!

Беньи обернулся. Голос Маи сел.

– Я надеюсь, что твоя история кончится хорошо.

Юный мужчина лишь кивнул и отвернулся, прежде чем она сообразила, что это значит для него на самом деле. Юные женщины еще стояли на берегу, когда он нырнул в озеро и поплыл прочь.

Ана следила за его руками, разрезавшими водную гладь, прищурившись, смотрела, как он, напрягшись всем телом, выбирается на противоположный лесистый берег. Такой же печальный и дикий, как он сам. Ана удовлетворенно прикусила нижнюю губу. А поймав осуждающий взгляд Маи, только фыркнула:

– Ну что? Я только подумала, что... ну, что ему не обязательно было сразу удирать. Мог бы и присмотреть, пока я купаюсь...

– У тебя с головой проблемы. – Мая постучала себя по виску.

– Что? Да ты видела, какие у него бицепсы? Он бы покараулил, пока я...

– Спасибо! Хватит! Еще слово – и вылетишь с моего острова!

– Чего-чего? Он уже и твоим стал?

Мая расхохоталась. Ее лучшая подруга – самая мозговитая кретинка из всех ее знакомых. Ана на свой извращенный лад пытается сделать так, чтобы все стало как было: парни, секс, жизнь, мир. И начинает с того, с чего начинают все выжившие: прикалывается.

Они оставались на острове почти все лето. Ана совершала короткие вылазки домой, за провиантом, но больше для того, чтобы вынести пустые бутылки с отцовской кухни. Она всегда возвращалась до наступления темноты и следила, чтобы Мая не голодала. Однажды утром Мая проснулась оттого, что ее подруга стояла нагишом в озере и, ругаясь в воду, пыталась изловить голыми руками рыбу, потому что так делал какой-то придурок в телепередаче про выживание; с тех пор Мая не звала подругу иначе, как «Горлум». Ана, в свою очередь, впервые увидев Маю голой, прокомментировала границы ее загара по краю футболки и шортов: «Из тебя получится годный папаня. Ты загорела, как приличный отец семейства после отпуска». Это было последнее лето, когда они пели во весь голос, отплясывали кто во что горазд и спали под звездным небом, не зная кошмарных снов. Мая играла на гитаре, спокойно и свободно. Она еще не знала, что через десять лет каждый концерт своего турне будет начинать композицией, сочиненной на этом острове. Она сделает татуировки на руках – на одной гитара, на другой ружье, – а песню посвятит лучшей подруге. И назовет «Остров».

Беньи бегал в одиночестве в другой части леса. Он нашел себе новое убежище, он долго учился находить такие места. Он стал мужчиной, который ничего не принимает как данность. Это дети считают какие-то вещи самоочевидными. Что лучший друг будет с тобой всегда. Что тебе можно быть самим собой. Что ты имеешь право влюбиться в кого захочешь. Для Беньи ничего самоочевидного больше не осталось, он просто бежал и бежал по лесу. В конце концов мозгу перестало хватать кислорода, и Беньи больше ничего не чувствовал. Тогда он залез на дерево. И стал ждать ветра.

* * *

Человек должен сдерживать свои обещания. Это первое, чему учат детей, едва они начинают говорить. В детстве Мая заставила отца пообещать, что ей разрешат стать астронавтом, и Петер пообещал, как всякий родитель. Он обещал и другое: что никто никогда не причинит ей зла. Что все устроится и будет хорошо. Хотя знал, что это неправда.

После всего, что случилось той весной, Петер спросил дочь, не хочет ли она уехать из Бьорнстада. Она сказала: «Нет. Потому что это и мой город». Петер спросил, что он может сделать для нее, и Мая ответила: «Создай клуб еще лучше, для всех». И он пообещал.

Петеру вечно не хватало слов. Он был не мастер рассказывать, как он любит детей и жену; Петер полагал, что любовь подтверждается делом. Но что и как он подтвердил теперь? Кроме того, что он – лузер?

Петер затормозил у «зебры». Молодой папа с дочкой лет восьми-девяти переходил дорогу. Папа держал дочку за руку, по виду девочки было ясно, что она уже лет сто как выросла из таких вещей. Петер едва удержался, чтобы не выскочить из машины и не крикнуть молодому отцу, чтобы тот никогда не выпускал руку дочери. Не выпускай ее никогда. Никогда!

Когда у Петера и Миры родился их первый ребенок, Исак, Мира сказала Петеру: «Вот кто мы теперь в первую очередь. Родители. А все остальное – во вторую». Конечно, Петер и так это знал. Это все знают. Никакого выбора у тебя нет: жертва чувственной агрессии, ты превращаешься в собственность в ту минуту, когда впервые слышишь плач своего ребенка. Отныне ты прежде всего принадлежишь этому существу. И когда с твоим ребенком что-нибудь случится, виноват будешь только ты.

Петеру хотелось выскочить из машины и заорать тому отцу: «Не спускай с нее глаз, никому не доверяй, не отпускай ее на вечеринки!»

Когда умер Исак, Петера спрашивали: «Где взять силы, чтобы такое пережить, чтобы справиться?» Петер мог ответить только одно: справиться с таким невозможно. Просто живешь дальше. Какая-то часть твоего эмоционального мира включает автопилот. А теперь? Петер не знал ответа. Знал только, что если с твоим ребенком что-то случилось, то неважно, кто виноват; виноват всегда только ты. Почему тебя там не было? Почему ты не убил негодяя? Почему оказался плохим отцом?

Петеру хотелось прокричать все это папаше на переходе. «НИКОГДА НЕ ВЫПУСКАЙ ЕЕ РУКУ, ПОТОМУ ЧТО ИНАЧЕ ЭТИ СВОЛОЧИ ОТНИМУТ У ВАС ВСЮ ВАШУ ЖИЗНЬ!»

Но Петер только тихо заплакал, впившись ногтями в руль.

Остров

*Было лето
Был остров наш
Тысячу лет
Длилась зима*

*Тебя изорвали
Меня сломали
Ты держала веревку
Я узел вязала*

*Сколько раз умереть мы успели
До наших шестнадцати лет?
Сколько слов о прощанье мы спели
Таких, что лишь ты поняла?*

*То лето длилось
Тысячу лет
И ты всегда
Будешь моей*

Когда Петер возвращался домой поздно, Мира обычно засыпала на диване. Неоткрытая бутылка вина, два бокала на столе, безмолвный укол совести: ему напоминают, что его ждали. Что кому-то было больно оттого, что он не пришел. Петер осторожно на руках относил жену в постель и засыпал, дыша ей в спину.

Долгое супружество состоит из вещей настолько мелких, что когда мы теряем их, то даже не знаем, где искать. Из того, как жена словно бы нечаянно дотрагивается до тебя, когда ты моешь посуду, а она варит кофе, как ее мизинец ложится на твой палец, когда вы одновременно опускаете руки на стол. Того, как твои губы скользнут по ее волосам, когда она стоит у кухонного стола, а ты просто идешь мимо, и оба вы смотрите в разные стороны. Когда два человека любят друг друга так давно, что прикосновения перестают осознаваться и становятся инстинктом; когда, встречаясь между прихожей и кухней, тела сами находят друг друга. Когда,

выходя из дома, она вкладывает руку в твою точно по ошибке. Микростолкновения тел, день за днем, постоянно. Такое не придумать никакому инженеру. И никто не знает, почему все это кончается; просто два человека начинают жить параллельно, а не вместе. Однажды утром у них не получается посмотреть друг другу в глаза, их пальцы ложатся на стол в нескольких сантиметрах друг от друга. Они ухитряются разминуться в прихожей. И больше не наталкиваются друг на друга.

Петер открыл входную дверь уже после полуночи. Мира знала – он надеется, что она спит, поэтому притворилась спящей. Бутылка на столе была пуста, рядом стоял всего один бокал. Петер не отнес жену в кровать – просто накрыл ее, лежавшую на диване, одеялом. Постоял несколько минут – может быть, ждал, что она перестанет притворяться спящей. Но когда она открыла глаза, Петер уже был в ванной. Он запер дверь и уставился в пол, а Мира так и лежала на диване, уставившись в потолок. Они больше не знали, что сказать друг другу. Все имеет свою точку невозврата, и, хотя «разделенная радость – радость вдвойне», мы упорствуем во мнении, что скорбь работает иначе. Может быть, это неправда. Двое тонущих со свинцовыми ядрами на ногах вряд ли спасут друг друга, если будут держаться за руки, – они просто утонут вдвое быстрее. Нести разбитое сердце другого под конец станет невыносимо.

Теперь они спали, не держась за кончики пальцев. Губы не касались волос, а дыхание – спины. И один-единственный вопрос медленно, ночь за ночью вползал им в головы и все основательнее там укоренялся: неужели это оно? Когда между людьми все кончено?

9

Вечером надо будет найти, с кем подраться

Все любители спорта знают: исход матча в равной степени зависит от того, что во время его произошло, и того, чего не случилось. Попадания в штангу, судейские ошибки, потери шайбы. Все разговоры о спорте в конечном итоге сводятся к тысяче «если» и десяткам тысяч «если бы не». У некоторых людей на этом заливает и сама жизнь. Год за годом человек скармливает все те же истории незнакомцам, присевшим за все более пустеющую барную стойку: о несчастной первой любви, о нечестном партнере по бизнесу. Несправедливое увольнение или неблагодарные дети, несчастный случай или развод. Одна-единственная причина того, что все пошло прахом.

У каждого, кто оказался на дне, есть что рассказать о той жизни, которая должна была им достаться на самом деле. То же и с городами. Прежде чем разобраться в судьбе величайших из них, надо услышать истории маленьких.

* * *

После праздника солнцестояния здание администрации опустело, местные политики ушли в отпуск или вернулись к обычным делам. Если хочешь понять, как управляется коммуна, начинать надо здесь. Местные политики заняты неполный день за несколько тысяч гонорара, что в пересчете на стандартную ставку превращает их работу практически в безвозмездную. Поэтому большинство муниципальных деятелей заняты где-то еще или имеют собственные предприятия, то есть клиентов, поставщиков, начальство и партнеров. При таком раскладе трудно говорить о независимости, но человек в принципе не остров, а в этих лесах и подавно.

Работать по восемнадцать часов в сутки целое лето во всей городской администрации продолжал всего один человек, и он никому ничего не был здесь должен. Человека этого звали Ричард Тео. Он сидел у себя в кабинете, одетый в черный костюм, и звонил, пока телефон не раскалялся. Некоторые его ненавидели, некоторые – боялись. Именно Тео было

суждено изменить судьбу двух городов и одного хоккейного клуба.

* * *

Когда дождь зарядит на несколько дней, Бьорнстад меняется. Такого рода осадки городу не так привычны, как снег. Люди сидят по домам, молчаливее и раздражительнее, чем обычно.

Джип пробирался через лес по раскисшей грязи. Неизвестное лицо затормозило перед маленькой автомастерской, соседствовавшей с облезлым жилым домом. На лужайке стояло в ожидании ремонта несколько машин. На одну из них трудно было не обратить внимания: в капоте у нее засел топор.

Парень лет восемнадцати с кулаками размером с молочного поросенка вспрыгнул на кузов и вытащил топор из жести. Его плечи вздулись так, будто шея провалилась куда-то в кишечник.

Суровый мужчина лет сорока, чье сходство с парнем полностью отметало сомнения в его отцовстве, подошел к джипу и постучал в окно.

– Покрышки? – рыкнул он.

Неизвестное лицо опустило стекло и недоуменно переспросило:

– Покрышки?

Мужчина пнул переднее колесо.

– Стерлись до блеска, а вот эта – до корды, как патефонная пластинка. Я решил, что вы приехали покрышки менять.

– Ладно.

– Что «ладно»? Вам нужны новые покрышки или нет? – поинтересовался мужчина.

– Ладно, – повторило неизвестное лицо и пожало плечами, словно ему предложили добавить кетчупа.

Мужчина что-то неразборчиво пробурчал, а потом крикнул:

– Бубу! У нас есть такие покрышки?

Неизвестное лицо явилось, конечно, не покрышки менять, а поглядеть на защитника и оценить его качество, но если для этого придется сменить покрышки – почему бы и нет? Номер Бубу с выдергиванием топора – бюджетная версия легенды о короле Артуре – поразил неизвестное лицо. Оно смотрело, как парень скрылся в мастерской, стены которой не были украшены изображениями легко одетых красоток; из этого неизвестное лицо сделало вывод, что в доме есть женщина, которая ни отцу, ни сыну подобного не спустит. Зато стены пестрели фотографиями хоккейных

команд, и новыми, и старыми.

Неизвестное лицо кивнуло на них, потом на Бубу, выходящего из мастерской с покрышкой в каждой руке, и спросило отца:

– Твой пацан, он как – тянет в смысле хоккея?

Физиономия отца засияла той гордостью, какая бывает, только если сам играл:

– Бубу? Да! Железобетонный защитник, второго такого в городе нет!

Выражение «железобетонный» неизвестное лицо не удивило: и отец, и сын оставляли отчетливое впечатление людей, у которых коньки назад не едут. Отец протянул замасленную руку; неизвестное лицо пожало ее с той же охотой, с какой трогают змею.

– Меня тут кличут Хряком, – широко улыбнулся отец.

– Цаккель, – представилось неизвестное лицо.

И покинуло мастерскую с чуть менее стертymi покрышками за цену чуть выше приемлемой, а также с очередной запиской: «Бубу. Если научится ездить на коньках».

Потому что это был уже не список имен. А тактическая схема команды.

* * *

Амат бежал по обочине шоссе, его футболка почернела от пота. Он бежал, пока не заслезились глаза, а из головы не исчезли все мысли.

Амат был одним из самых ярких хоккейных талантов, какие только видел наш город, но до весны никто этого не понимал. Амат с матерью жили в самом бюджетном многоквартирном доме на северной окраине Бьорнстада – в Низине, Амата вечно дразнили из-за бэушной экипировки, ему случалось слышать, что он слишком мелкий, но на коньках никто не мог его обогнать. «Порви их!» – напутствовали его лучшие друзья вместо «удачи!». Его оружием была скорость.

Хоккей здесь – медвежий вид спорта, но Амат научился играть, как лев. Спорт проложил ему дорогу в этом городе и станет, как он надеялся, билетом в большой мир. Мать Амата работала уборщицей в ледовом дворце зимой и в больнице летом, но когда-нибудь Амат станет профессиональным игроком и заберет ее отсюда. Прошлой весной у него появился шанс попасть в юниорскую команду. Амат им воспользовался. Он доказал всему городу, что он – победитель, и дверь в мечту распахнулась.

Это была лучшая и худшая ночь в его жизни. После матча его пригласили на вечеринку, где ждали и Маю Андерсон, а о том, чтобы поцеловать Маю, Аамат мечтал даже больше, чем о хоккее.

Он напился, но всегда до мелочей будет помнить, как, шатаясь, брел через комнаты, полные пьяных и укурившихся подростков, которые пели и смеялись; как поднялся по лестнице и услышал, как Мая зовет на помощь. Аамат открыл дверь и увидел, что Маю насилуют.

Сообразив, что Аамат все видел, Кевин, Вильям Лит и еще несколько юниоров предложили мальчику все, о чем он мечтал: место в юниорской команде, звездный статус и карьеру – в обмен на молчание. Отец Кевина дал ему денег и обещал устроить его мать на работу получше. Если кто-нибудь вздумает судить Аамата за то, что он поколебался, то этот кто-то живет в мире, где моральный поступок доступен каждому. Но это неправда. Мораль – предмет роскоши.

Родители Кевина и спонсоры клуба созвали собрание, на котором попытались выдавить отца Маи из «Бьорнстад-Хоккея». Аамат пришел туда последним и перед всеми свидетельствовал о преступлении Кевина. Голосование закончилось в пользу Петера Андерсона, и он сохранил свою должность.

Но потом? Аамат побежал быстрее, ногам стало больнее, потому что – что, зараза, было потом? Кевин так и не понес наказания. Мая не добилась правды, а Аамат, выйдя с того собрания, приобрел сотню врагов. Лит и его дружки выследили его и избили, и, если бы Бубу в последнюю минуту не перешел на другую сторону и не защитил Аамата, того забили бы до смерти.

Так что в «Хед-Хоккее» теперь не ждали ни Аамата, ни Бубу. Аамат был стукачом, а Бубу – предателем. А «Бьорнстад-Хоккей»? Он скоро прекратит существование. У Аамата все шансы стать одним из тех, кто через тридцать лет будет сидеть у барной стойки с историями, полными «если» и «если бы не». Он видел их в ледовом дворце – испитых мужчин с трехдневной щетиной и четырехдневным похмельем, людей, чьи вершины остались в подростковом возрасте.

Аамат мог стать профессиональным игроком, его жизнь могла измениться. Но теперь у него все шансы стать человеком, вышедшим в тираж в шестнадцать лет.

Аамат так вглядывался внутрь себя, что не заметил джипа за спиной. Машина проехала мимо, но Аамат не знал, что до этого она метров пятьдесят ехала за ним, потому что неизвестному лицу надо было

посчитать, как далеко Агат от Бьорнстада и с какой скоростью он бежит. Лицо записало: «Агат. Если сердце такое же большое, как легкие».

Беньи сидел, привалившись спиной к отцовской могиле. Его тело переполняли самогон и трава – комбинация, которая работает как выключатель. Беньи выключился. Иначе он сгорит.

У него три старших сестры, и, чтобы понять разницу между ними, достаточно назвать его имя. У Габи – маленькие дети, она читает им сказки на ночь, рано ложится спать по пятницам и телепередачи все еще смотрит по телевизору, а не в компьютере. Катя – барменша в хедском «Овине», свои пятничные вечера она посвящает тому, чтобы наливать пиво и выпроваживать пьянчуг весом под сто сорок кило, решивших избавиться от передних зубов других пьянчуг весом под сто сорок кило. Адри – старшая – живет одна при своем собачьем питомнике, охотится, ловит рыбу, ей нравятся люди, которые умеют держать язык за зубами. Поэтому если сказать «Беньи», то Габи встревоженно охнет: «С ним что-то случилось?» Катя вздохнет и поинтересуется: «Что он опять натворил?» А Адри припрет вас к стенке и требовательно спросит: «Какого вам понадобилось от моего брата?» Габи тревожится, Катя решает проблемы, Адри защищает – так разделилась ответственность, легшая на трех сестер, когда их отец взял ружье и ушел в лес. Они понимали, что такую душу, как у Беньи, не воспитаешь; в лучшем случае ее можно обуздать. И когда Беньи вел кочевую жизнь – то у матери, то в лесу, то у кого-нибудь из сестер, – они невольно входили в привычные роли. Если он жил у Габи, она прокрадывалась иногда по ночам к нему, уже восемнадцатилетнему, чтобы проверить, дышит ли. Когда он навещал Катю, та баловала его и многое ему спускала, потому что не хотела, чтобы он перестал приходить к ней со своими бедами. А когда он бывал в собачьем питомнике у Адри, она прятала перед сном ключ от оружейного сейфа себе под подушку. Чтобы младший братишка не пошел по папашиним следам.

В этом городе всегда находились взрослые, считавшие Беньи бунтарем. Но его сестры знали, что он совсем не бунтарь. Беньи стал тем, чего от него все хотели, потому что мальчик, который носит в себе слишком большую тайну, быстро усваивает: прятаться лучше всего там, где ты у всех на виду.

В детстве Беньи раньше всех понял, что Кевин может стать звездой, в Бьорнстаде таких называют «зимняя вишня», и на льду делал все, чтобы дать Кевину расцвести. Беньи и выдерживал, и наносил такие удары – и в таком количестве, что на трибунах говорили: «Вот что значит настоящий хоккеист. Хоккей – спорт не для всяких там педиков, он – для таких, как

Беньи!» И чем злее он дрался, тем увереннее люди думали, будто его знают. Пока он не стал тем, чем им хотелось.

И вот ему восемнадцать. Беньи поднялся, оперся о камень, поцеловал отцовское имя. Потом отступил на шаг, сжал кулак и изо всех сил ударил по тому же месту. Кровь капала с костяшек, когда он шел через лес, к Хеду. Завтра день рождения Алана Овича – в первый раз за много лет Беньи будет отмечать его без Кевина. Вечером надо будет найти, с кем подраться.

Джипа он не увидел. Машина стояла под деревом. Неизвестное лицо направилось под дождем к могиле, прочитало имя на камне. Вернувшись в джип, записало: «Ович. Если он еще хочет играть».

Беньи. Ават. Бубу. Внутри каждой большой истории всегда разворачивается множество маленьких. Пока трое молодых людей из Бьорнстада думали, что потеряли свой клуб, неизвестное лицо уже составляло из них команду.

Вечером Ричард Тео, местный политик, сидел в здании администрации один. Тео выглядел моложе своих сорока с небольшим – наследственность, которую он когда-то ненавидел, осматривая голые участки кожи в ожидании пубертата, но плоды которой пожинал теперь, когда его ровесники выдергивали седые волосы из бороды и проклинали закон всемирного тяготения каждый раз, когда мочились. На Тео был костюм, на коллегах – максимум джинсы и пиджаки, и Тео привык к издевкам, дескать, он «выглядит, как член правительства, а сам всего-навсего сельский аутсайдер». Тео оставался невозмутим. Он одевался не ради той работы, которая у него была, а ради той, которой ему бы хотелось.

Он вырос в Бьорнстаде, но популярен тут не был и в хоккей не играл. Учиться он уехал за границу, и его отсутствия никто не заметил. Много лет он работал в лондонском банке, а потом вдруг вернулся домой, привезя с собой дорогие костюмы и политические амбиции. Вступил в самую незначительную партию края. И она перестала быть самой незначительной.

Не так давно прежние одноклассники Тео, видя его лицо на фотографиях, не могли припомнить его фамилии; все изменилось, когда местная газета обличила его политическую линию. Но Тео было неважно, каким путем придет к нему известность. Главное, чтобы о нем узнали. А мнение можно и поменять.

На собрании, где Петеру объявили о судьбе «Бьорнстад-Хоккея», Тео не присутствовал: он не принадлежал к местной элите. В каждой коммуне есть властная элита, к которой ты либо принадлежишь, либо нет, – а местный истеблишмент отвергал Тео, якобы из-за проводимой им

политики; но Тео не сомневался, что на самом деле его боятся. Он способен увлечь за собой людей. Его называли популистом, но от других политиков его отличало лишь то, что ему не требовались флаги. Кабинеты местного истеблишмента располагались на верхнем этаже здания администрации, местная политическая элита играла в гольф с флагманами местного бизнеса, а кабинет Тео находился в самом низу. Он получал информацию от тех, кого уволили, а не от тех, кто выкинул людей с работы; от озлобленных, а не от довольных жизнью, – так что он не нуждался во флагах, чтобы понять: ветер задул с другой стороны. Пока прочие политики бегут в одном и том же направлении, люди, подобные Ричарду Тео, идут в другом. Случается, что именно так они и побеждают.

В дверь кабинета постучали. Время было позднее, и никто не видел, как вошло неизвестное лицо.

– Наконец-то! Ну что? Все обдумали? Беретесь за дело? – тут же спросил Ричард Тео.

В кармане у человека по фамилии Цаккель имелся список возможных членов будущей команды, но ответ прозвучал апатично, причем непонятно было, что вызывает у Цаккеля такую апатию – работа или жизнь вообще:

– Когда вы мне звонили, вы предложили мне стать тренером основной команды «Бьорнстад-Хоккея». Но клуб вот-вот обанкротится. А если и не обанкротится, то тренер там уже есть. А если и нет, то вы все равно политик, а не спортивный директор. И если я все правильно понимаю про демократическую систему, то с тем же успехом, что и тренерскую должность, вы можете предлагать мне единорога.

– И все-таки вы здесь, – самоуверенно констатировал Ричард Тео.

– А я люблю единорогов. – Было непонятно, шутит Цаккель или нет.

Тео склонил голову набок:

– Хотите кофе?

– Я не пью кофе. И вообще горячие напитки.

Тео дернулся, словно уклоняясь от метательного ножа. – Вы не пьете КОФЕ? Тогда вам в этом городе придется нелегко!

– Этот город – не исключение.

Тео захихикал, словно закудахтал.

– Интересный вы человек, Цаккель.

– Мне уже говорили.

Тео хлопнул ладонями по столу и бодро встал.

– Мне это нравится! И журналистам понравится тоже! Должность тренера – ваша, спортивного директора «Бьорнстад-Хоккея» – беру на себя. От души надеюсь на наше сотрудничество.

У него был такой вид, словно он сейчас воскликнет: «Дай пять!» Личность по фамилии Цаккель, кажется, не испытывала особого энтузиазма по этому поводу.

– От души надеюсь, что у нас с вами не будет никакого «сотрудничества». Я тут ради хоккея, а не ради политики.

Тео радостно всплеснул руками:

– Ненавижу хоккей, так что забирайте его себе!

Посетитель по фамилии Цаккель упрятал руки в карманы спортивной куртки.

– Для человека, который ненавидит хоккей, у вас чертовски заинтересованный вид.

Глаза Тео от удовольствия превратились в щелочки.

– Это потому, что, когда все бегут в одну сторону, я иду в другую. Так и побеждаю.

10

Как сказать детям?

Свет в адвокатском бюро не горел, за исключением одного кабинета. Кабинета Миры Андерсон. Ее коллега разлеглась на двух креслах, выискивая в интернете чартерные рейсы.

– Чартер? Ты же не любишь уходить в отпуск, – напомнила ей Мира.

Коллега только потянулась, как кошка, которой читают мораль.

– Не люблю. Но такое тело, Мира... не предъявить его в бикини хотя бы раз в год – просто преступление!

Мира рассмеялась. Господи. Коллеге до сих пор ничего не стоит ее рассмешить. Вот это подруга.

– Скажи, когда закажешь билеты. Я позвоню и предупрежу всю страну, чтобы запирали мужей.

Коллега с серьезным видом кивнула:

– И сыновей. И отцов, если я перепью бренди.

Мира улыбнулась. Потом медленно моргнула и пробормотала:

– Спасибо, что ты здесь...

– У меня дома вай-фай плохой. – Коллега пожала плечами.

Брехня, конечно. Коллега сидела в конторе, потому что знала: Мира не хочет сегодня вечером рано уходить с работы, сидеть в пустом доме и ждать Петера. Коллега не судила, не переливала из пустого в порожнее – просто оставалась в единственном кабинете, где горел свет.

Господи. Вот это подруга.

* * *

«Не влюбляйся в хоккейный клуб. Он не ответит тебе взаимностью». Так говорила Петеру Андерсону мать. Она была мягче отца, Петер иногда думал, что отец тоже, наверное, был мягче – до того, как мать заболела. «Не думай, что ты что-то собой представляешь», – говорил отец. Петер не слушал ни ее, ни его.

Он звонил всем знакомым. Всем, с кем когда-то играл. Просил совета, просил денег, просил игрока, чтобы спасти клуб. Все выражали понимание, все сочувствовали, но хоккей живет таблицами. Никто ничего не делает за

так.

Зазвонил телефон. Звонил друг детства Фрак, хозяин нескольких продовольственных магазинов и последний настоящий спонсор «Бьорнстад-Хоккея». Дрожащим голосом Фрак проговорил:

– Это же черт знает что такое, Петер. Черт знает, это... они... ну, такое устроили...

– Что? – спросил Петер.

– Ты, главное, детям не показывай. Эти... засранцы эти, они... в сегодняшней местной газете – некролог. Твой.

Петер ничего не ответил. Месседж он понял. Можно сколько угодно твердить себе, что «критика – часть работы» и что «не принимай близко к сердцу». Но человек есть человек. Увидишь свое имя в некрологе – и поневоле примешь близко к сердцу.

– Да наплюй на них... – сделал попытку Фрак, но он и сам понимал, что плюнуть на такое невозможно.

Можно, наверное, спасти хоккейный клуб Бьорнстада, даже если за тебя не все. Но если все – против тебя...

Петер положил трубку. Пора бы домой, но Мая живет в палатке с Аной, а Лео ночует у приятеля. Петер и Мира останутся в доме одни, и Петер знал, что скажет Мира. Она попытается склонить его к капитуляции.

Поэтому Петер завел «вольво» и сел за руль. Прочь из Бьорнстада, по дороге, на максимальной скорости.

* * *

В кабинете у Ричарда Тео висело изображение аиста. По образованию Тео был статистиком и знал, что статистические данные – самый простой способ убедить людей в существовании любой причинно-следственной связи. Что высокие цены ведут к болезням, алкоголь – к авариям, бедность – к преступности. А еще он знал, что цифры всегда можно подогнать под нужды политиков.

В одной британской книжке Тео вычитал, что, согласно статистике, в городах, где аистов много, ежегодная рождаемость гораздо выше, чем в городах, где аистов мало. Что же мы видим? Что аисты приносят детей? – саркастически вопрошал автор и сам себе отвечал: – Нет, конечно. Просто аистов больше там, где много печных труб, потому что аисты вьют гнезда на трубах. Много печных труб – значит, много домов, много домов –

значит, много жителей и, как следствие, много детей.

Поэтому кабинет Ричарда Тео и украшало изображение аиста. Чтобы каждый день напоминать Тео: неважно, что происходит. Важно, как ты объяснишь это людям.

Другие животные его тоже интересовали. Например, медведи и быки. Как все местные, он с детства усвоил, что так называются хоккейные клубы, но, изучая экономику за границей, он узнал и другое. Что на жаргоне Уолл-стрит «быки» – это брокеры, что играют на резком подъеме курса, а «медведи» – на беспощадном медлительном понижении. Но главное – нужны и те и другие, их борьба удерживает экономику в равновесии.

То же самое, по мысли Ричарда Тео, относится и к хоккейным клубам, только здесь Тео стремился нарушить равновесие. По простой причине: когда все хорошо, когда люди довольны – выигрывает истеблишмент. А когда люди злятся и ссорятся – выигрывают люди вроде Ричарда Тео. Аутсайдеру, чтобы обрести власть, нужен конфликт. А если конфликта нет? Тогда придется его создать. Тео набрал номер старинного лондонского приятеля.

– Все договорились? – спросил он.

– Да, никто не соскочил. Но, сам понимаешь, новым владельцам нужны определенные... политические гарантии, – напомнил лондонский приятель.

– Они получают все, что хотят. Проследи только, чтобы они появились здесь и выглядели довольными на фотографиях в местной газете, – улыбнулся Тео.

– А ты чего хочешь?

– Я хочу быть их другом, – заверил Тео.

Лондонский приятель рассмеялся:

– Да-да, как всегда.

– Это хорошая сделка, новые владельцы останутся довольны, – пообещал Ричард.

– Отличная сделка, – согласился лондонский приятель, – и ее нельзя провести без твоих познаний и политических связей. Новые владельцы ценят твою помощь. А теперь скажи честно: откуда у тебя такой интерес к этой фабрике?

Голос Тео был спокойно-доброжелательным.

– Потому что фабрика находится в Бьорнстаде. Она нужна мне, потому что она даст мне хоккейный клуб.

Лондонский приятель снова рассмеялся. Когда они с Тео

познакомились, еще студентами одного английского университета, Тео располагал небольшой стипендией и парой пустых карманов. Он был сыном учительницы и фабричного рабочего, который продвинулся по профсоюзной линии как настолько жесткий переговорщик, что, согласно легенде, руководство фабрики назначило его управленцем среднего звена, только чтобы избавиться от оппонента. Отец растолстел, стал удобным, а вскоре и неопасным. Эта история показала Ричарду Тео, что можно сделать, имея власть. Поэтому, поступив в университет, он сознательно водился с людьми определенной категории: слабаками из богатых семей, неуверенными и затравленными. А Тео был весельчак и балагур, свой парень и душа компании, к тому же умел болтать с девчонками. Такие качества везде ценятся. Так он разжился верными друзьями, которые вскоре унаследовали власть и деньги. Эта история показала Тео, как важно заводить связи.

Вернувшись домой, он из всех доступных ему партий выбрал самую незначительную, по той же причине, по которой начал свою политическую карьеру в Бьорнстаде, а не в столичном городе: иногда эффективнее быть большой рыбой в маленьком пруду, чем маленькой рыбой в большом. Направления и цвета политики были ему безразличны, он с одинаковым успехом мог оставаться на прямо противоположных концах спектра. Некоторых людей ведут по жизни идеалы; Ричарда Тео двигали результаты. Другие политики называли его «оппортунистом» с «простыми ответами на сложные вопросы», из тех, кто стоит рядом с безработными в баре «Шкура» и поет им в уши про инвестиции коммуны в промышленность, а в следующую секунду обещает предпринимателям с Холма снижение налогов. Тео легко находил козла отпущения каждый раз, когда в Низине происходило какое-нибудь преступление, ему ничего не стоило потребовать со страниц местной газеты «больше полицейских патрулей на улицах», одновременно критикуя политическую элиту за то, что она «выходит за рамки бюджета коммуны». Он заседал с защитниками природы, обещая противостоять давлению охотников на местное руководство, но, если того требовали личные планы Тео, в другом кабинете он подогревал в охотниках раздражение против волколюбов из столичных городов и противников огнестрела из правительства.

Самому Тео на подобную ерунду было, разумеется, глубоко плевать. Для него она служила способом показать, что он не нуждается во флагах. В политике нужна стратегия, а не пустые мечты. И теперь Тео присматривался, что сыграет ему на руку этим летом.

Давно уже ходили слухи, что больницу в Хеде закроют. И на фабрике в

Бьорнстаде уже несколько лет шли сокращения. А теперь и «Бьорнстад-Хоккею» грозит банкротство. Надо неплохо разбираться в направлениях ветра, чтобы понять, как извлечь пользу из всех трех обстоятельств.

– ХОККЕЙНЫЙ клуб? Не думал, что ты такой уж большой любитель спорта, – поразился лондонский приятель.

– Я большой любитель всего, что идет мне на пользу, – ответил Ричард Тео.

* * *

Две женщины, Фатима и Анн-Катрин, ехали в маленьком автомобильчике по лесной дороге. Их сыновья Аамат и Бубу весной стали играть в одной команде, медведь на их свитерах объединил и мам. Фатима летом убиралась в больнице, где работала медсестрой Анн-Катрин, так что они стали сходить за кофе и обнаружили, что, хотя и родились далеко друг от друга, у них много общего: обе много и тяжело работали, громко смеялись и беззаветно любили своих детей.

Поначалу, конечно, разговоры часто сводились к слухам о закрытии больницы. Фатима тогда рассказала Анн-Катрин, что ее первыми словами на бьорнстадском диалекте стали: «Кто сказал, что будет легко?» Здешние люди нравились Фатиме тем, что не притворялись, будто мир устроен просто. Жизнь может обойтись с тобой сурово, может причинить боль, и люди это признавали. А потом широко улыбались и говорили: «Ну и что с того. Кто сказал, что будет легко? Это вам не в столицах жить!»

Анн-Катрин рассказала ей свою историю. О рано умерших родителях, о взрослении в лесу, когда экономика дышала на ладан, о том, как влюбилась в большого неуклюжего мужчину по прозвищу Хряк, потому что он играл в хоккей, как опасно раненый кабан, а на коньках был способен перемещаться только в одном направлении и на полной скорости. Анн-Катрин в жизни никуда отсюда не ездила, не видела мира, да и не нуждалась в этом. «Самые красивые деревья растут здесь», – клялась она Фатиме и прибавляла: «Да и мужчины здесь не такое уж позорище, с ними только терпение нужно».

Хряк и трое их детей, из которых Бубу был старшим, поглощали все внимание Анн-Катрин. Она рано вставала, кормила их, одевала и помогала Хряку с документами в мастерской, после чего ехала в больницу и отработывала долгие смены, наполненные самыми страшными часами в жизни других людей. Потом снова домой. «Уроки проверить, прибраться

успеть, порой и слезинку со щечки стереть».

Но по вечерам, говорила она Фатиме, Хряк прокрадывался на кухню мягче, чем можно было ждать от человека с его телосложением. И обнимал ее, а она тесно прижималась к нему, и они с Хряком танцевали, ее ноги – на его лапищах, так что при каждом шаге Хряк немного приподнимал ее, и вся ее жизнь стояла тех минут. Вся жизнь. «Помнишь, Фатима? Когда дети маленькие, приходишь за ними в детский сад, они бегут к тебе и ПРЫГАЮТ тебе в объятия? Они бросаются тебе на руки всем телом, потому что не сомневаются – мы подхватим их. Для меня это лучший миг на свете». Фатима тогда улыбнулась и проговорила: «Знаешь, когда Амаг играет в хоккей, когда он счастлив – это то самое чувство. Понимаешь?»
Анн-Катрин поняла. Так они стали подругами.

Когда несколько недель назад после обеда Анн-Катрин рухнула на пол в больничном кафетерии, ее подхватила именно Фатима. И была одной из первых, кому Анн-Катрин рассказала о диагнозе. Фатима ходила с ней на обследования, возила к специалистам в другую больницу – чтобы Хряк мог оставаться дома в мастерской. И вот теперь обе сидели в машине, почти уже дома. Анн-Катрин устало улыбнулась:

– Ты слишком для меня стараешься.

Фатима решительно ответила:

– Знаешь, что я усвоила, приехав в Бьорнстад? Что, если мы не позаботимся друг о друге, этого не сделает никто.

– «Медведи срут в лесу, остальные срут на Бьорнстад!» – отозвалась Анн-Катрин голосом набравшихся стариков из бара «Шкура», и обе женщины захихикали.

Когда машина свернула на лужайку перед мастерской, Фатима прошептала:

– Ты должна сказать Бубу, что больна.

– Знаю, – всхлипнула Анн-Катрин, закрыв лицо ладонями.

Она хотела подождать, когда начнется хоккейный сезон, чтобы Бубу было где дать выход чувствам. Но у нее так мало времени. Что же делать? Как сказать детям, что умираешь?

* * *

«Овин» – ресторан на окраине Хеда, с живой музыкой и дешевым пивом. Как большинство подобных заведений, «Овин» – место встреч и для тех, кто хочет забыть свои проблемы, и для тех, кто их ищет. Катя Ович

сидела в кабинете, склонившись над бухгалтерской книгой, когда охранник постучал по дверному косяку:

– Ты говорила, чтобы тебе не мешали, я помню. Но в баре сидит твой братик. В майке.

Катя уронила голову и раздраженно вздохнула. Встала, похлопала охранника по плечу, пообещала все уладить.

Беньи и вправду сидел в баре, что само по себе еще не было проблемой. Он практически вырос в «Овине»; когда в баре не хватало рук, он разносил пиво – задолго до того, как получил право его заказывать. Но сейчас дело обстояло по-другому. Завсегдатаи «Овина» болели за «Хед-Хоккей», но позволяли Беньи появляться в «Овине» по трем причинам: 1. Завсегдатаям нравилась Катя; 2. Беньи играл всего лишь в юниорской команде «Бьорнстада»; 3. Он не забывал приходить сюда с длинными рукавами.

Но теперь ему исполнилось восемнадцать. Если он будет играть в хоккей осенью, то в основной команде, а он заявился в бар в одной майке, так что медведь у него на руке виден всем. На неделе кто-то выложил в интернет, как горят красные флаги «Хед-Хоккея», а стоило одной чиновнице из администрации Хеда высказаться по поводу возможного банкротства «Бьорнстада», и в капот ее машины воткнули топор.

– Не хочешь надеть что-нибудь с длинными рукавами? – спросила Катя, вставая за стойку.

– Любимая сестричка! Привет, – улыбнулся Беньи.

Эту хитрость он освоил еще в детстве. Слабость Кати состояла в том, что она не могла разозлиться, ей всегда хотелось, чтобы Беньи любил ее больше всех. Она скорбно вздохнула:

– Беньи. Ты не мог бы посидеть где-нибудь... не здесь?

Она кивнула на его пивной бокал. Катя знала, что не может помешать членам своей семьи делать что они хотят: это она поняла довольно рано. А завтра у их отца был бы день рождения.

– Не беспокойся, любимая сестра моя, – сказал Беньи.

Как будто она могла не беспокоиться. Катя умоляюще поглядела на брата:

– Допивай пиво, и поедem домой, ладно? Я только с бухгалтерией закончу. Минут через пятнадцать.

Беньи перегнулся через стойку и поцеловал ее в щеку. Кате захотелось одновременно и обнять, и ударить его – как всегда. Она поспешно оглядела зал, не заполненный и наполовину. Большинство присутствующих были или слишком стары, или слишком набрались, чтобы обращать внимание на

татуировку Беньи. Катя надеялась, что сможет увести брата до того, как ситуация переменится.

* * *

Амат едва чувствовал ноги; он повернул к городу и побежал по обочине помедленнее. На полпути ему встретился «вольво». Петер Андерсон. Наверное, Амату следовало сдержаться, иметь гордость, но он принялся бешено прыгать и размахивать руками. Машина, словно нехотя, замедлила ход. Амат перевесился через опущенное окно, из него, булькая, хлынули слова:

– Это, ну, Пет... Петер, я только спросить... все тут про клуб, а будет... короче, а осенью будет юниорская команда? Я хочу играть, мне...

Петеру не стоило останавливать машину, не стоило не помня себя срывать зло на шестнадцатилетнем мальчишке. На миг он забыл, что Амат сделал весной, забыл, что юниор не может перейти в команду Хеда именно потому, что он свидетельствовал в пользу Майи. Сохранил Петера на должности. Но иногда печаль и гнев настолько захватывают взрослого человека, что он перестает понимать, что у других людей тоже есть чувства.

– Амат, мне много о чем надо подумать, поговорим как-нибудь в другой раз...

– А когда? Мне негде ИГРАТЬ! – на одном дыхании рубанул Амат.

Наверное, он не хотел, чтобы его слова прозвучали зло, но он испугался. Петера душила собственная вина, а мозгу от этого порой не хватает кислорода. И Петер прошипел:

– Ты что, Амат, плохо слышишь? МНЕ НАСРАТЬ НА ЮНИОРСКУЮ КОМАНДУ! Я даже не знаю, есть ли у меня КЛУБ!!!

Теперь только Амат увидел, что Петер плачет. Мальчик осторожно попятился от машины. Петер ехал, совершенно уничтоженный. Из-за дождя он не видел, что по щекам мальчика тоже текут слезы.

* * *

За барной стойкой «Овина» сидел человек лет двадцати пяти – двадцати шести. Синие джинсы, рубашка поло. На стойке перед ним лежала книжка и стоял бокал с пивом. Когда Катя скрылась в кабинете,

молодой человек, обернувшись к Беньи, поднял бровь и сказал:

– Мне отодвинуться?

Беньи развернулся к нему, и углы его рта поднялись, беззаботно и обезоруживающе.

– В смысле?

Человек в рубашке поло улыбнулся:

– Кажется, твоя сестра считает, что ты человек-проблема. Так что вот, не стоит ли мне отодвинуться?

– Зависит от того, насколько ты любишь проблемы, – сказал Беньи и выпил пива.

Человек в рубашке поло кивнул. Покосился на руку Беньи, увидел кровь на костяшках.

– Я живу здесь уже четыре часа. За какое примерно время можно создать себе проблемы?

– Зависит от того, надолго ли ты намерен тут задержаться. Что за книга?

Вопрос последовал так быстро, что молодой человек на миг сбился; потом он понял, что этого Беньи и хотел. У Беньи было много способов вселить в других неуверенность.

– Это была... в смысле, не была, а есть... биография Фридриха Ницше. – Человек в рубашке поло откашлялся.

– Это который про бездну? – спросил Беньи.

Человек в рубашке поло как будто удивился.

– «И если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя». Да. Это Ницше.

– Ты как будто удивился, – заметил Беньи.

– Нет... – соврал молодой человек.

Беньи отпил пива. Много лет его мама, если он дрался в школе, практиковала такое наказание: заставляла сына читать ежедневные газеты. Ему не разрешалось уходить на хоккейную тренировку, пока мать не услышит от него все: передовицу, раздел внешней политики, новости культуры. Через несколько лет чтение газет стало для него слишком простым делом, и мать переключилась на классическую литературу. Сама она читала классику с трудом, но знала, что сын умнее, чем хочет казаться. Поэтому наказание за промахи заодно служило ему напоминанием: ты лучше, чем твое поведение.

Беньи фыркнул:

– А ты ждал, что при слове «Ницше» я заведу: «то, что не убивает меня, делает меня сильнее»? Или, может, «известно, что на небесах вообще

нет интересных людей»? Или... чего там еще? «Те, кто не слышит музыки, думают, что танцоры сошли с ума».

– Не уверен, что последнее – это Ницше, – осторожно вставил молодой человек.

Беньи занялся пивом, оставив собеседника гадать, что это было – ошибка или проверка. А потом сказал:

– Ты все еще как будто удивлен.

– Я... нет... ну или если честно: ты не похож на человека, который цитирует Ницше... – хохотнул молодой человек.

– Я много на кого не похож. – Уголки рта у Беньи снова заплясали.

Вечером Бубу с матерью долго гуляли в лесу. Мама хотела рассказать, как трудно быть взрослым, как сложен мир, но не могла найти слов. Пока Бубу рос, она пыталась объяснить ему, что насилие – это ошибка, но весной он встрял в самую жестокую драку в своей жизни, из него чуть фарш не сделали – и нечасто мать испытывала за него такую гордость, как тогда. Потому что он защищал Амата. Подставился под удары ради него. Встал грудью за другого.

Столько лет она радовалась, что Бубу такой ласковый. Другие мальчишки стыдились, когда матери целовали их в лоб на глазах у приятелей, а ее мальчик – нет. Он был из тех, кто говорит: «Какая у тебя сегодня красивая прическа, мама». А сейчас ей хотелось бы, чтобы он был жестче. Холоднее. Может, тогда он перенес бы все чуть легче.

– Бубу, я больна... – прошептала она.

Когда она все рассказала, Бубу заплакал, но она заплакала еще горше. Бубу уже не был малышом, что прыгал ей в объятия, он был достаточно взрослым, чтобы его сердце могло вместить величайшее горе, и достаточно высоким и сильным, чтобы поднять маму на руки и нести ее, пока она рассказывает, что умирает. Анн-Катрин прошептала сыну в шею:

– Ты всегда был лучшим в мире старшим братом. Теперь тебе придется стать еще лучше.

Вечером она слышала, как он читает «Гарри Поттера» младшим сестрам. Ночью Хряк заварил слабый чай; Бубу вошел в ванную и придерживал матери волосы, пока ее рвало. Когда она легла в постель, сын вытер ей щеки и сказал:

– Хочешь, скажу глупость? Помнишь, ты всегда говорила, что я никогда не найду себе подружку, потому что у меня завышенные требования? Ты ошибаешься. Мне нужен кто-то, кто станет смотреть на меня так же, как вы с папой смотрите друг на друга.

Анн-Катрин крепко прижала ко лбу его большую, глупую,

дурашливую голову. Как бы ей хотелось увидеть его женатым. Отцом. До чего же чертовски, паскудно, невыносимо тяжела бывает жизнь. Пусть даже она и не обещала быть легкой.

* * *

Катя уже заканчивала с последними бумагами, когда прибежал охранник. Катя сразу поняла: поздно. Никто из клиентов «Овина» не подумал бы собачиться с Беньи по поводу татуировки, но кое-кто позвонил кое-кому, и эти кое-кто оказались не столь толерантны к свободе изобразительного искусства. У одного из них на предплечье был вытатуирован бык. Когда они вошли в бар, Беньи повернулся к рубашке поло:

– Вот ТЕПЕРЬ отодвинься!

Говоря это, он улыбался, словно вредный мальчишка, подложивший подушку-пердушку под сиденье дивана. Ни один из явившихся в «Овин» мужиков не был и близко так накачан, как Беньи, но их было четверо на одного. Беньи с энтузиазмом соскочил с барного стула, словно обрадовался, что их так много и силы равны. Не они бросились на него – он сам направился к ним, они растерялись, и минутного замешательства оказалось достаточно, чтобы он получил преимущество. Мужчина с быком на предплечье схватил со стола пивную бутылку, и тут Беньи решил ударить первым. Но, разумеется, не успел.

Рубашка поло увидел, как Катя вылетает из кабинета и бросается прямо в толпу мужчин. Оттолкнув мужика с бутылкой к стене, она закричала:

– Хоть один раз замахнешься – будешь весь год пить дома тайком от жены!

Потом Катя завертелась вокруг Беньи; она узнала этот взгляд. Как у старшей сестры Адри, как у отца. Если войны нет, они ее начинают сами.

– Беньи... не здесь, не сегодня, ну пожалуйста... – зашептала она.

Она положила руки брату на грудь, чувствуя, как бьется его сердце. Пульс был спокойным, дыхание ровным. Четверо взрослых мужиков хотели забить его до смерти – а он даже не испугался. Это ужасало Катю, как ничто другое.

Беньи посмотрел ей в глаза. Они у нее были как у матери, и Катя редко о чем-нибудь просила младшего брата. Поэтому Беньи поцеловал ее в щеку и издевательски захохотал над четверыми, медлившими в дверях:

– Вы туда или сюда? Лично я иду домой, так что если вы передумали мериться елдаками, то, может, подвинетесь?

Мужчины покосились на Катю, на охранников – и попятились. Однако предупреждение поняли все: в Хеде больше не рады людям с татуировкой-медведем. В Бьорнстаде имеется Группировка, но и здесь найдутся мужчины, готовые дать отпор.

Выходя, Беньи громко рассмеялся. У мужчин, оставшихся позади, плечи дрожали от бешенства. Один из них проворчал Кате:

– Повезло твоему брату, что у него есть ты. Ты спасла ему жизнь.

Катя глянула на него со злостью:

– Ты так думаешь? Правда? Что я ему спасла жизнь?

Мужчина хотел самоуверенно улыбнуться, но кожа у него словно прилипла к скулам. Катя фыркнула. Она забрала вещи из кабинета и подогнала машину, но Беньи уже скрылся в ночи, чтобы сестра его не нашла.

* * *

Любой спорт нелеп. Любая игра – глупость. Две клюшки, мячик, и пот, и тяжкое дыхание – чего ради? Чтобы мы на несколько горестных мгновений притворились, что только это и имеет значение.

Ночью Хряк и Бубу расчистили пол в мастерской. Они всегда были немногословны, отец и сын, и теперь боялись устремиться к единственному выходу. В их доме, как и в любом другом, имелось спиртное. Но они выбрали другое: выкатили машины, передвинули верстаки. Гараж опустел.

Тогда они принесли теннисный мячик и каждый свою клюшку. Они играли всю ночь, они потели и тяжело дышали, словно только это и имело значение.

* * *

Закрыв за собой дверь, Беньи в одиночестве прошел по лесу метров двести. Потом остановился, сунул руки в карманы и огляделся. Словно размышлял, поискать ему что-нибудь еще, чтобы осложнить вечер, или дерево, на которое можно забраться и курить траву, пока не сморит сон. Голос позади него прозвучал ожидаемо и неожиданно:

– Я никогда в жизни не дрался, так что от меня помощи было бы не много, если что. Но я бы с удовольствием выпил пива где-нибудь еще... – Это был мужчина в рубашке поло.

Беньи оглянулся через плечо:

– Знаешь какой-нибудь хороший ночной клуб поблизости?

Незнакомец рассмеялся:

– Я же сказал – я живу тут всего четыре часа. Но у меня есть... дом. А в доме холодильник.

Он никогда еще так не делал, никого не приглашал к себе сразу, не так он был устроен. Но Беньи умел толкать людей на спонтанные поступки. И на глупые, кажется, тоже.

Они пошли через лес. Молодой человек снимал домик в кемпинге на приличном расстоянии от Хеда, ближе к Бьорнстаду, но достаточно далеко от обоих городов, чтобы его не было видно ниоткуда. Целоваться они начали уже в прихожей. Утром, когда мужчина проснулся, Беньи уже ушел.

Книгу мужчина обнаружил там, где уронил ее, – на полу между входной дверью и спальней. Полистал и нашел цитату, которую искал: «Нужно носить в себе еще хаос, чтобы быть в состоянии родить танцующую звезду».

Недалеко от кемпинга, на кладбище, другой молодой человек отправлял шайбу за шайбой в могильную плиту. Костяшки его пальцев кровоточили, а внутри было и того хуже. Алан Ович умер, Кевин Эрдаль, считай, тоже. Беньи – мужчина, который любит мужчин и теряет всех, кого любит.

Куда уж больше хаоса.

Последний шанс стать победителем

Измерить любовь невозможно, что не мешает нам искать новые способы ее измерить. Похоже, простейший метод – через измерение места: сколько места я готов уступить человеку вроде тебя, чтобы ты стал тем, кем хочешь стать?

Однажды Мира отважилась обсудить с Петером этот вопрос в хоккейных терминах: «Супружество – как хоккейный сезон, да, любимый? Даже лучшая команда не бывает лучшей постоянно, но она все равно хороша, даже если играет плохо. С браком то же самое: брак оценивают не во время отпуска, когда мы пьем вино перед обедом, у нас потрясающий секс, а самая большая проблема – это слишком горячий песок и что солнце слишком ярко светит на смартфон и мешает на нем играть. Брак измеряется дома, по будням, по нижней точке, по тому, как мы разговариваем друг с другом и как мы решаем конфликты».

Петер обиделся, словно жена затевала ссору, и спросил, чего она «хочет». Она ответила, что хочет «взрослого обсуждения наших проблем». Петер чересчур надолго задумался и наконец сказал: «Ну вот ты, например, вечно суешь в холодильник пакет с двумя каплями молока, вместо того чтобы прополоскать его и положить в мешок для бумажных отходов». Мира молча воззрилась на него, а потом спросила: «Ты правда думаешь, что именно ЭТО – самая большая проблема нашего брака?» Петер оскорбился: «Зачем СПРАШИВАТЬ, если ты только искала повод прицепиться к ответу?» Мира потеряла виски. Петер хлопнул дверью и уехал на хоккейный матч. Отношения – штука сложная.

Вечером Мира сидела за кухонным столом. Она видела некролог в газете. Перед Мирой стояла неоткрытая бутылка вина и два бокала. Мира вертела на пальце обручальное кольцо, туда-сюда, словно хотела закрутить разболтавшуюся гайку. Иногда снимала – просто чтобы почувствовать, каково пальцу без кольца. Холодно. Палец мерз, словно кожа в этом месте истончилась.

Уже поздним вечером Мира услышала, как у дома остановился «вольво». Мира понимала, что это глупо, но все же встала прямо за дверью. Потому что, когда она услышала шаги Петера, ей захотелось знать, сразу ли он вставит ключ в замочную скважину или помедлит. Поколеблется ли.

Нужно ли ему постоять за дверью, сделать глубокий вдох, прежде чем набраться сил войти в дом.

* * *

Петер протянул руку к замку и замер. Осторожно прижался лбом к двери, словно пытаясь услышать, дышит ли дом, есть ли там, внутри, кто-то, кто еще не спит. Потому что не особенно давно, когда Мира думала, что он спит, он слышал, как она на кухне говорила кому-то по телефону: «Двадцать лет он говорил, что я смогу заняться собственной карьерой на будущий год. На будущий год! Неужели он думает, что только ему так важно знать, хорош ли он в своем деле?»

Двадцать лет Петер говорил себе, что все, что он делает, он делает не ради себя, а ради других. Он стал профессиональным хоккеистом в Канаде, чтобы обеспечивать семью, он занял должность спортивного директора в Бьорнстаде, потому что после смерти Исака семье требовалось надежное, безопасное место. Он боролся за клуб, потому что боролся за город. Потому что «Бьорнстад-Хоккей» – гордость горожан, единственный способ этого края напомнить большим городам, что здесь все еще живут люди. Что они все еще могут двинуть городских в челюсть.

Но сейчас Петер больше ни в чем не был уверен. Может, он просто эгоист? Он старался не думать о некрологе. Петер всегда о чем-нибудь тревожился, вечно беспокоился обо всем, от счетов до того, выключена ли кофеварка, но сегодня вечером им владело другое чувство. Сегодня вечером ему было страшно.

Он уже вставил было ключ в замок, когда металлический щелчок заставил его дернуться. В темноте у него за спиной опустилась дверная ручка, открылась дверца чужой машины.

Из машины вышел человек в черном и направился к Петеру.

* * *

Через лес ехали две машины. Одна подъехала к собачьему питомнику; из нее вышел мужчина в черной куртке, которая не сходилась на груди из-за мускулов. Мужчина пожал руку Адри. Полжизни назад Адри ходила с ним в гимназию и сейчас, конечно, ничего не имела против него, не считая того,

что он тормоз хуже ревматика с одноразовым фотоаппаратом. Однажды ей пришлось ему втолковывать, что вне карты движение на юг и вниз – совсем не одно и то же. А в другой раз она объясняла, что острова не плавают, а прикреплены к морскому дну. На родословном древе этого человека ветвей не было. Сейчас Адри заметила у него на руке новую татуировку в виде паутины, настолько кривую, что Адри невольно спросила:

– За каким... Проспорил, что ли?

– Чего? – Мужчина непонимающе уставился на руку. Он явно не задумывался о том, что татуировка выглядит так, будто ее набивали в темноте.

Еще в гимназии кто-то дал ему прозвище Паук – за длинные тонкие волосатые ноги. Паук был из тех мальчишек, которым наплевать, как их прозвали, – главное, все знали, кто он такой; так что Паук принял обидное прозвище. С тех пор он сделал себе с десяток татуировок на паучью тему, и все – словно наколотые алкашом в центрифуге.

Адри недовольно покачала головой, подошла к машине Паука сзади и подняла заднюю дверь универсала: багажник был заставлен ящиками со спиртным. Одновременно она отметила, что другая машина стоит, как обычно, там, где дорога упирается в опушку леса; водитель остался сидеть на месте, чтобы предупредить, если вдруг явится неожиданный гость, но пассажир вышел. Его Адри тоже знала много лет, и он, в отличие от Паука, был совсем не дурак. Потому его и следовало опасаться.

Его звали Теему Ринниус, он не был ни особенно высок или широк в кости, а причесывался так тщательно, что лучшие друзья прозвали его Аудитором, но Адри видела, как он дерется, и знала, что голова под челкой – железобетонная. Лягался он так, что лошади в этом городе опасались останавливаться у него за спиной. Когда он был помоложе, они с братом снискали столь дурную славу, что охотники шутили: «Знаешь, почему нельзя покататься на велосипеде брата Ринниуса? Поэтому что это, скорее всего, твой велосипед!» Но Ринниус становился старше, на его счет больше не шутили, а если кто-нибудь приходил в город и спрашивал Теему Ринниуса, его младший благоразумно отвечал: «А кто это?»

У Теему не было черной куртки – он в ней не нуждался. Открыв заднюю дверь машины, Теему выпустил двух собак – он купил их у Адри щенками, так что, если бы кто-нибудь спросил, что он здесь делает сегодня вечером, он объяснил бы, что подумывает прикупить еще собачку. Теему не имел ни расписания поставок, ни фиксированного рабочего времени; Адри поговорила с ним за пару часов до встречи, и, когда стемнело, он появился. Адри звала его – наполовину пренебрежительно, наполовину любовно –

«оптовик». Сама она была посредником. В Бьорнстаде две машины не могли приехать одновременно и выгрузить спиртное, не привлекая к себе внимания, но все знали, что местные охотники через равные промежутки времени заезжают в собачий питомник взглянуть на щенков и выпить кофе. Конечно, они заезжали как-то слишком часто, эти охотники, особенно перед выходными или по праздникам. Но спросите кого хотите про Адри – и любой вам ответит: «Она варит обалденный кофе».

Мужчины в черных куртках всегда приезжали на двух машинах, Теему никогда не садился в ту, где спиртное. Полицейские рапорты утверждали, что он руководитель «бандитского формирования под названием Группировка, которое поддерживает “Бьорнстад-Хоккей”». Вовсю поговаривали, будто Группировка влияет на клуб, что из-за этого игроки основной команды, чьи гонорары были чересчур высоки, а достижения слишком незначительны, добровольно разорвали контракты, – но доказательств этого не обнаружили. Не было доказательств и того, что Группировка занимается организованной контрабандой спиртного или торгует крадеными запчастями для автомобилей и снежных скутеров. Полиция даже ни разу не сумела доказать, что Группировка кому-то угрожала – а ведь криминальная сеть обязана это делать, ей нужен капитал насилия. Полицейские рапорты утверждали, что Группировка в таком капитале не нуждается, поскольку витриной ей служат хоккейные матчи. Теоретически все, кто видел, как черные куртки заполняют стоячие трибуны, или слышал, что они делают с фанатами других команд, позволившими себе провокации, должны были и сами представить себе, что будет, если черные куртки позвонят им в дверь.

Но все эти разговоры не стоили выеденного яйца. Такие слухи распускают жители больших городов, которые смотрят слишком много фильмов. А если спросить про Группировку жителей Бьорнстада, большинство просто удивится: «Какая еще Группировка?»

Доставая из багажника последний ящик со спиртным, Адри заметила под ним большой топор. Она закатила глаза.

– Теему, ну ей-богу. Тебе не кажется, что топор в багажнике – это немножко подозрительно? Копам всего лена только что разослали фотку той машины из Хеда.

Немногие отваживались разговаривать с Теему таким тоном, но Теему, казалось, это лишь позабавило.

– Сама прикинь, Адри. После того, что случилось с той машиной, было бы подозрительно не иметь топора в багажнике.

Адри захохотала:

- Ты придурок. Но ты не дурак.
- Благодарю, – улыбнулся Теему.

* * *

Когда Ана тем летом засыпала на острове, Мая не спала: она писала тексты о ненависти. Иногда писала так долго, что они перетекали в тексты о любви. Не о лихорадочной влюбленности, а о той, с которой невозможно жить. Сама не зная почему, Мая тем летом много думала о родителях. В подростковом возрасте хочется, чтобы они были бесполоыми, но где-то в наших ДНК таятся мельчайшие воспоминания, свидетельства ископаемой нежности между нашими мамами и папами. Родители, которые разводятся, как развелись родители Аны, могут сделать так, что их ребенок никогда не поверит в любовь навеки. Но родители, которые всю жизнь остаются рядом друг с другом, могут сделать так, что ребенок будет воспринимать ее как должное.

Мая помнила разные пустяки из детства. Как смеялась мама, описывая папин стиль в одежде как «полицейский в штатском на вечеринке старшеклассников». Или как папа каждое утро вытряхивал приблизительно две капли молока из пустого пакета и бурчал: «Добро пожаловать, сегодняшний претендент на запись в Книге рекордов Гиннеса: Самая маленькая. В мире. Чашка. Кофе». Как бесили маму носки на полу, или как папа мечтал предать людей, которые не вытирают стол возле кухонной раковины, военно-полевому суду. Как мама дважды пересекла земной шар ради папиного хоккея, и с каким восхищением папа тайком посматривал на маму, когда она вела деловые переговоры по телефону на кухне. Как будто никого умнее, веселее, упрямее и скандальнее он в жизни не встречал и все еще не может поверить, что она принадлежит ему. Что это его человек.

Мая помнила, как они с Лео в детском саду долго не могли ответить на вопрос, как зовут родителей, потому что те называли друг друга только «любимый», «любимая». Что родители никогда не произносили слово «развод», даже в минуты самых серьезных ссор, потому что знали: это ядерная бомба, и если один-единственный раз пригрозить разводом, то потом любой скандал будет заканчиваться этим словом. Как они, казалось бы ни с того ни с сего, перестали болтать о пустяках, как в доме стало тише, как они едва смотрели друг другу в глаза после того, что произошло с Маей. Как не имели сил показать друг другу по-настоящему, насколько глубоко оба ранены.

Что родители теряют друг друга, дети замечают по малейшим признакам; таким признаком может оказаться какое-нибудь коротенькое слово, вроде «твой». Мая каждое утро перебрасывалась эсэмэсками с родителями, якобы для того, чтобы они не тревожились за нее, хотя все было наоборот, и привыкла, что родители пишут друг о друге «мама» и «папа». Скажем, «милая, мама не имела в виду, что тебе на самом деле нельзя выходить из дома ТЫСЯЧУ лет» или «папа не нарочно въехал в снеговика головой, милая, он просто поскользнулся». Но однажды один из них написал: «Позвони твоей маме, она тревожится, когда тебя нет дома». А другая написала: «Не забывай: мы с твоим папой любим тебя больше всего на свете». Четыре буквы, означавшие конец супружества. «Твой. Твоя». Как будто друг другу они больше не принадлежат.

Мая сидела на острове посреди лесного озера и писала об этом песни, потому что сил отправиться домой и смотреть на происходящее у нее не было.

Минное поле

*Это минное поле, но вы идете вперед
Каждое слово как пуля но вы идете вперед
Покуда вдруг не раздастся стальной щелчок под ногой
И жизнь бесповоротно не станет другой*

*Худшее если ты жертва жертвовать вновь и вновь
Зная что даже так уже не исправить вашу любовь
Как будто я умерла а похоронили вас
Как будто сломали меня а сломалось внутри у вас*

Мужчины в черных куртках пожали Адри руку и зашагали к машинам, а Теему остался и закурил. Адри сунула под губу порцию табака размером с детский кулак. Она тоже не дура. Она знает, что за люди Группировка и на что они способны, но она исходит из практических соображений.

Как-то летом, не так давно, в Бьорнстаде произошло несколько ограблений. Банда приехала на нескольких пикапах, во время налета избили старика, попытавшегося дать отпор грабителям, а в другой раз сосед успел позвонить в полицию. Единственная полицейская машина приехала спустя три часа. Зато Адри помнила, как через несколько месяцев, когда поступил сигнал, что в лесу браконьеры охотятся на волков, полиция примчалась на вертолете, нагнали кучу народа: угрозыск, спецназ... Относиться к этому можно по-разному, но, когда Адри увидела, что о волках пекутся больше, чем о пенсионерах, она стала больше доверять знакомым бандитам, чем бандитам из правительства и местной администрации. И мораль тут совершенно ни при чем. Большинство людей в глубине души такие же. Они исходят из практических соображений.

Когда взломщики появились снова, их уже ждали мужчины в черных куртках. Прочие жители Бьорнстада в ту ночь заперли двери, сделали телевизор погромче, и никто потом не задавал вопросов. Грабежи прекратились. Теему был псих, на эту тему Адри не распространялась, но он любил этот город так же, как она. А еще он любил хоккей. И сейчас он восторженно улыбнулся:

– Осенью Беньи будет играть в основной команде, а? Ты, наверное, от гордости лопаешься! Жеребьевку видела? Он сильно нервничает?

Адри кивнула. Она знала: Беньи на льду показывает все, чего хотел Теему от игрока «Бьорнстада»: жесткость, бесстрашие, злость. К тому же он из этих мест, здешний самородок, мальчик из соседнего двора. Людям вроде Теему это нравится. И да, Адри видела жеребьевку, ее утром выложили в сеть. Осенью «Бьорнстад» встречается с «Хед-Хоккеем» в первом матче.

– Будет, если к тому времени от «Бьорнстад-Хоккея» что-нибудь останется, – тихо усмехнулась она.

Теему улыбнулся, но по его глазам мало что можно было понять.

– Будем надеяться, Петер Андерсон разрулит ситуацию.

Адри, прищурившись, смотрела на него. Именно Группировка устроила так, что Петер по результатам голосования остался на посту спортивного директора; все это знали, но никто не мог доказать. Без голосов Группировки Петеру пришлось бы уехать. Зато теперь клуб проиграл почти всех спонсоров Хеду, и Группировка шла на большой риск. Рамона, владелица бара «Шкура», говаривала: «Теему, может, и не знает, что по закону, а что нет, зато, черт его дери, знает разницу между добром и злом». Возможно, она права. Группировка выступила против Кевина, звезды команды, приняв сторону спортивного директора и его дочери. Но спортивный директор сильно рисковал, ведя клуб Группировки к банкротству.

– Вы правда рассчитываете на Петера? Я видела некролог в газете, – заметила Адри.

Теему вскинул бровь:

– Может, кто-то решил пошутить?

– Или кто-то с твоей трибуны послал маляву!

– Трибуна-то большая. За всеми не уследишь. – Теему с притворной озабоченностью почесал лоб.

– Если Беньи во что-нибудь вляпается, я вас всех передую!

Теему внезапно захохотал так, что эхо загудело между деревьями.

– Со мной мало кто так разговаривает, Адри.

– Я – мало кто.

Теему прикурил следующую сигарету от предыдущей.

– Играть в хоккей брата ты научила?

– Я научила его драться.

Между деревьями снова заметался гогот Теему.

– Если вы подеретесь теперь, кто одолеет?

Адри опустила глаза. Голос сделался глухим.

– Я. Потому что я знаю запрещенный прием. Беньи не сможет сделать

больно тем, кого любит.

Теему одобрительно кивнул. Похлопал ее по руке и сказал:

– Нам от Беньи на льду нужно только одно. То же, чего мы требуем от всех.

– Чтобы он выложился по полной и повеселился от души? – ядовито спросила Адри.

Теему широко улыбнулся. Адри, чуть погодя, тоже. Она знала, что имеет в виду Теему. «Победить». В этих краях никто ничего другого и не требует. Теему протянул ей конверт и сказал:

– Рамона прослышала, что вы с Суне набираете девчачью команду для пятилеток. Это – из фонда.

Адри изумленно подняла глаза. Эту маленькую кассу, «фонд», Рамона держала в «Шкуре» для завсегдатаев, которые лишились работы и не могли оплачивать счета. «Фонд» пополнялся за счет чаевых, причем на чай давали больше, чем можно предположить. Теему всегда платил за свое пиво двойную цену, потому что когда-то, когда он был маленьким и выдворил из дома одного из самых злобных дружков матери, кое-кто пришел к ним в дом с таким вот конвертом. Бить ее Теему никому больше не позволил, а став взрослым и организовав Группировку, никогда не забывал щедрости завсегдатаев «Шкуры».

– На клюшки и коньки, – сказал Теему. – Или что там еще девчонкам нужно.

Адри благодарно кивнула. Когда Теему зашагал к машине, она крикнула ему вслед:

– Слушай! Дайте Петеру Андерсону шанс! Может, он найдет способ спасти клуб!

Теему захлопнул багажник, в котором так и лежал топор.

– Я и даю ему шанс. Не дай я ему шанса, Андерсона бы уже не было в городе.

* * *

Петер со страхом выпустил дверную ручку, вынул из замка ключ и обернулся. К нему шагал Ричард Тео, одетый в черный костюм, хотя лето было в разгаре. Насколько Петер помнил, они никогда не говорили друг с другом, но он, конечно, знал, кто такой Ричард Тео. И знал, какую политику Тео проводит, и этой политики не одобрял – за агрессивность, за стремление стравить людей между собой. А главное – у Петера не раз

возникло ощущение, что хоккей Тео ненавидит.

– Добрый вечер, Петер. Надеюсь, я не помешал. – В приветливости Тео было что-то зловещее.

– Я могу тебе чем-то помочь? – слегка растерянно спросил Петер.

– Нет, но я могу кое-чем помочь тебе.

– Чем же?

У политика чуть дернулись мышцы, отвечающие за улыбку.

– Я могу спасти твой хоккейный клуб. Могу дать тебе последний шанс стать победителем.

Все люди, посвятившие свою жизнь тому, чтобы достичь вершины, рано или поздно упираются в единственный вопрос: «Зачем?» Потому что если хочешь достичь вершины в чем-то одном, то всем остальным придется пожертвовать. И в тот первый вечер в столичном городе, когда Петер только что проиграл главный матч своей жизни и, раздавленный, вошел в ресторан, которым владели родители Миры, она задала ему тот же вопрос: зачем?

Петер так никогда и не смог толком на него ответить, и Миру это бесило, но много лет спустя, когда они уже были женаты и у них родились дети, она вычитала у одного альпиниста цитату столетней давности. Альпиниста спросили: «Почему вы захотели подняться на Эверест?» Альпинист пришел в недоумение, словно не понял вопроса, и ответил как нечто само собой разумеющееся: «Потому что он есть».

Мира тогда хорошо его понимала, ведь зачем ей понадобилось учиться в университете, если вся ее родня обходилась без университетского образования? Зачем выбрала юриспруденцию, хотя все твердили, что это слишком трудный предмет? Чего ради? Чтобы удостовериться: она может. Потому что ей хотелось подняться на этот чертов Эверест. Раз уж он есть.

И сейчас она поняла, что происходит, может быть, даже раньше Петера. Стоя в доме под дверью, она услышала достаточно из его диалога с Ричардом Тео. Муж будет искать способ спасти клуб и снова сделаться незаменимым. Как всегда. Сидя в прихожей, Мира услышала, как завелся «вольво», и в окно увидела, что Петер уезжает. Бутылка осталась неоткрытой, Мира убрала бокалы в шкафчик, кожа под обручальным кольцом, когда она легла спать, была холодной. Ночь пройдет, утром она проснется и попробует сделать вид, что все хорошо, хотя она знала, что с каждым новым днем до будущего года будет все дальше.

* * *

Петер уже несколько часов ехал куда глаза глядят. В голове вертелись одни и те же вопросы: «На что он нужен, этот хоккейный клуб? И кому? И

какую цену придется за него заплатить?» Но за всеми этими вопросами таились другие. «Что я умею, помимо хоккея? Каким человеком я стану без него?»

Он всегда любил только Миру и знал, что она будет на седьмом небе от счастья, если он попросту бросит хоккей. Но в глубине души оставалось сомнение: действительно ли она будет счастлива? Когда-то она влюбилась в мужчину с мечтами и амбициями. Кем он окажется в ее глазах теперь, когда годы прошли, а он так ничего и не добился?

Рассветное солнце осветило Бьорнстад; про такие летние утра мама Петера говорила – «Будто Бог Отец пролил на деревья апельсиновый сок». Петер сидел в машине у дверей продуктового магазинчика и крутил, крутил, крутил в голове все одно и то же.

Вчера вечером Ричард Тео с места в карьер заявил ему: «Моя политика тебе не нравится, верно?» Петер, поразмыслив, ответил: «При всем моем уважении, я стараюсь держаться от тебя подальше. Ты популист». Тео кивнул; казалось, он совершенно не обиделся: «Популистом бываешь, только пока идешь к победе. Потом ты уже истеблишмент». Увидев во взгляде Петера отвращение, политик прибавил: «При всем моем уважении, Петер, политика – это про то, что мир устроен сложно. Хотя людям вроде тебя хочется, чтобы он был простым».

Петер покачал головой: «Ты играешь на противоречиях. Твоя политика провоцирует конфликты. Порождает изгоев». Политик понимающе улыбнулся: «А хоккей? Что, по-твоему, он делает с теми, кто смотрит на него со стороны? Ты хоть помнишь меня по школе?» Петер неловко откашлялся и пробормотал: «Ты вроде был на несколько классов младше меня?» Ричард Тео покачал головой – не сердито, не осуждающе, а почти смиренно: «Мы ходили в один класс, Петер».

Петер не знал, хотел ли Тео вывести его из равновесия, но получилось именно так. Когда Петер пристыженно уставился в землю, политик удовлетворенно улыбнулся и просто объяснил, зачем явился к Петеру: «У меня в Лондоне кое-какие контакты. Я знаю, какое предприятие купит фабрику в Бьорнстаде».

«Я даже не знал, что она продается...» – выдохнул Петер. Политик смиренно пожал плечами: «Это моя работа – знать то, чего не знают другие. Я и о тебе много чего знаю. И поэтому я здесь».

На следующее утро Лео проснулся в пустом доме. Мама оставила ему записку на кухонном столе: «Я на работе, твой папа в клубе, если что, звони. Если понадобятся еще деньги, возьми в комод. Мы тебя любим! Мама». Лео больше не был ребенком. Он тоже увидел слово «твой». Твой папа. А не мамин человек.

Мальчик ушел в комнату старшей сестры, закрыл дверь и свернулся на полу. Под кроватью лежали блокноты Май, полные стихов и песен; читая их, он плакал по-разному. Иногда плакал ее слезами, иногда – собственными. Мая была не как другие старшие сестры, которые с воплями выгоняют своих младших из комнаты. Когда Лео был маленьким, его отсюда не гнали. Мая разрешила ему спать в ее кровати, перепуганному, когда они подслушали разговор родителей на кухне, горестно вспоминая Исака. Пол рядом с кроватью Май всегда оставался для Лео самым безопасным местом в мире. Но теперь Лео стал старше, а Мая все лето сидела в лесу с Анной. Обычно Лео всегда шел за советом к Мае. А теперь не знал, у кого спросить, что делать младшему брату, чью старшую сестру изнасиловали. Или как помочь родителям, которые теряют друга друга. Или что делать с ненавистью.

В самом конце блокнота под Маиной кроватью Лео нашел текст под названием «Спичка». Он осторожно вырвал страницу из блокнота и сунул ее в карман. А потом отправился на берег озера.

Он все время расчесывал руки, яростно и глубоко. И натягивал рукава свитера до самых пальцев.

* * *

Возможно, дождливое лето в Бьорнстаде и Хеде дало наконец шанс страстям чуть остыть, но Вильям Лит каждый день исходил потом. Тренер как-то сказал ему, что никогда не видел, чтобы хоккеист «играл с таким желанием самоутвердиться». Тренер думал сподвигнуть Вильяма на разговор о комплексах, но Вильям истолковал его слова как комплимент.

Все свое детство и отрочество он боролся за то, чтобы снова стать лучшим другом Кевина. Когда-то они были лучшими друзьями – в далеком детстве, еще когда катались на педальных машинках возле дома Кевина и играли во флорбол в подвале у Вильяма. А потом они начали ходить на хоккей, и там вдруг возник Беньи. С тех пор Кевин не становился, фотографируясь, поближе к Вильяму. Вильям как мог пытался одолеть

Беньи: смеялся над его дешевой одеждой с чужого плеча, дразнил Саночником. До тех пор пока Беньи не двинул санками ему в лицо, что стоило Вильяму передних зубов и уважения раздевалки. Мама Вильяма требовала, чтобы Беньи наказали за «нападение», но клуб ничего не предпринял.

Став постарше, Вильям пытался затмить Беньи, хвастаясь девчонками, с которыми якобы переспал, а на каждой вечеринке из кожи вон лез, чтобы казаться Кевину веселее, чем этот саночник-древолоз. Конечно, он врал; он оставался девственником дольше всех в команде. Но именно Кевин как-то вошел в раздевалку и крикнул: «Вильям! Твои девчонки ждут тебя в коридоре!» Вильям смущенно поднялся; в пустом коридоре валялась на полу упаковка из пяти пар носков. Кевин издевательски рассмеялся: «Теперь твоей маме не придется стирать каждый раз, когда тебе приспичит «переспать с девчонкой»!» Вильям никогда не забудет, как ржала тогда вся команда. И громче всех – Беньи. Годами Вильям играл под грузом желания самоутвердиться, а теперь? «Хед-Хоккей» стал для него новым стартом, шансом наконец-то сделаться лидером. Он не собирался оставаться парнем с носками.

И пока тем летом шел дождь, Вильям качался, зло поглядывая в ютубовский ролик, в котором горели красные флаги его «Хед-Хоккея». Снова и снова. Он надеялся отыскать хоть какую-то зацепку, чтобы дознаться, что за трусливый крысеныш учинил сожжение флагов, и наконец кое-что разглядел: рука, державшая в ролике зажигалку, была маленькой, рука школьника из средних классов, а когда рукав свитера задрался над запястьем, открылось расплосованное, расчесанное предплечье.

Вильям позвонил самым крупным парням из своей команды. Они купили сигареты и отправились на берег озера.

Спичка

*Если в темной комнате заперт ребенок боящийся темноты
Потому что жизнь такая паскуда а он там совсем один
Отопри и нашарь в коробке последнюю спичку ты
И зажги ее все равно даже если на пол пролит бензин*

*Всего несколько градусов от дождя до снеговой круговерти
Мы строим дома но они сгорают дотла
Вы здесь показали мне то чего я страшилась больше чем смерти
Теперь я готова здесь сгореть зная что вас обожгла^[1]*

Когда солнце вернулось в Бьорнстад, берег озера снова заполнили подростки, которые делали вид, что не интересуются телами друг друга. Поначалу на берегу стоял счастливый гам, но вскоре от воды исподволь распространилась испуганная тишина. Двое парней залезли на дерево и повесили новые флаги «Хед-Хоккея». Потом между подстилками пошел Вильям Лит; возле каждого подходящего по возрасту мальчишки он останавливался и протягивал сигарету:

– Зажигалки не будет?

Никто не смотрел ему в глаза. Лит рывком хватал за руку каждого мальчишку и искал расчески. Вильям и сам не знал, на что рассчитывает: кто бы осмелился признаться ему хоть в чем-то? Но он собирался, по крайней мере, припугнуть мальчишек. Чтобы они не провоцировали его команду. С каждым подростком, что мотал головой, глядя в песок, у него на сердце становилось чуть легче: каждый парень, который после сегодняшнего не посмеет курить все лето, повышал его самооценку.

И тут раздался тот самый щелчок. Раз, потом еще, потом короткое шипение, когда появился язычок пламени. И за спиной у Вильяма послышался напряженный голос:

– У меня есть зажигалка!

Пальцы у Лео не дрогнули. Рукав задрался. Полыхнули следы расчесов.

«Что... в каком смысле ты обо мне много чего знаешь?» – с трудом выговорил Петер. Ричард Тео ответил беззаботно, почти весело: «Я знаю, что «Бьорнстад-Хоккею» до банкротства три месяца максимум, даже если твой приятель Фрак продаст еще один свой магазин. И знаю, что тренер основной команды, Суне, болен».

Петер только рот раскрыл. В начале лета у Суне начались проблемы с сердцем: его нашла Адри Ович, дома на полу, когда он не пришел на очередное занятие недавно созданной конькобежной группы для девочек. Адри позвонила Петеру из больницы, но Суне попросил их обоим никому ничего не рассказывать. Это просто «легкая мерцалка», Суне не хотелось выглядеть «гребаным мучеником».

Оба, конечно, помалкивали, но Петер, честно сказать, – не только ради Суне, у него имелся и собственный интерес. Нового тренера не нанять без спонсоров и денег, без тренера он не сможет уговорить новых игроков подписать контракт, а без игроков уж точно не будет ни спонсоров, ни нового тренера.

«Я уже сказал, – с осторожным спокойствием констатировал Ричард Тео, – что знать, что происходит, – моя работа. У меня есть друзья в больнице. А еще я хочу быть твоим другом». Потом он спокойно и методично изложил Петеру свое предложение: чтобы перестроить фабрику, ее новым владельцам понадобятся политические гарантии. Тео может это устроить. Но владельцы также понимают, что им «понадобится одобрение местного населения». И Ричард Тео убедил их, что «ничто не поможет завоевать сердца здешних людей так, как хоккей».

Петер недоверчиво скривился, но сделал над собой усилие, и голос его не дрогнул: «Насколько я слышал, другие партии сотрудничать с тобой не хотят. С чего бы мне верить, что ты это все провернешь?» Тео беззаботно ответил: «Еще вчера у ледового дворца был большой неоплаченный счет за электричество. Если ты позвонишь и спросишь про этот счет, то узнаешь, что он оплачен. Как тебе такое доказательство?»

Петера охватило неприятное чувство. «Почему именно наш клуб? Почему ты не пошел в «Хед-Хоккей»?» Политик снова улыбнулся: «Бьорнстад» известен тем, что пашет как проклятый. И в том, что было двадцать лет назад, когда весь город поддерживал клуб, – есть символическая мощь. Как там у вас говорится? «Бьорнстад против всех»?

Петер, защищаясь, проворчал: «Мне казалось, ты не любишь хоккей». Тео поправил запонки и ответил: «Моя политическая позиция состоит и будет состоять в том, что деньги налогоплательщиков должны идти на здравоохранение и новые рабочие места, а не на спорт».

Петер почесал голову, стараясь не показать, что впечатлен, и с горечью констатировал: «Значит, деньги налогоплательщиков вложишь в фабрику, а новые владельцы в ответ проспонсируют хоккейный клуб. И ты таким образом станешь политиком, который сохранил и рабочие места, и хоккейную команду. И к тому же как бы сэкономил деньги налогоплательщиков... чтобы вложить их в здравоохранение... Господи. Да ты на следующих выборах всех победишь».

Тео сунул руки в карманы брюк, однако самодовольства на его лице не было. «Знаешь, Петер, у нас много общего. Только мы играем в разные игры. В моей мне надо победить на следующих выборах. А тебе, чтобы играть в твою, нужен клуб».

* * *

Восемнадцатилетний Вильям был, наверное, вдвое тяжелее двенадцатилетнего мальчишки, стоявшего перед ним. Но Лео не сдал назад. В его взгляде сквозило, что терять ему больше нечего.

На них смотрел весь берег, и, даже если бы Вильям не хотел избить до полусмерти мальчика на шесть лет младше себя, он не смог бы отступить. Его руки сомкнулись на горле Лео, чтобы этот засранец не дергался, но с мальчишкой что-то произошло: удушье вызвало панику, он инстинктивно открыл рот, когда ногти Вильяма вонзились ему в шею под подбородком, в горле странно заклокотало, глаза заслезились. Естественных реакций оставалось всего две: или в отчаянии схватить нападавшего за руки, или бить что есть сил снизу вверх.

Первый удар пришелся в воздух, но Лео яростно извернулся и вторым угодил Вильяму в ухо. Когда человек дерется впервые, он еще не в курсе, какая это дикая боль – когда тебя бьют в ухо. Вильям ослабил хватку – всего на полсекунды, но Лео иххватило. Всем своим весом он пробил Вильяму снизу в челюсть и услышал, как лязгнули зубы Вильяма. Наверняка парень прикусил язык, потому что, когда он бросился на Лео, изо рта у него брызгала кровь. Теперь все было кончено. Вильям был слишком крупным, чтобы у двенадцатилетнего мальчишки остался хоть какой-то шанс.

* * *

Петер снова покачал головой, на этот раз уже не так упрямо. «У нас с тобой нет ничего общего. Тебя интересует только власть». Политик рассмеялся – в первый раз за весь разговор: «Петер, тебе не кажется, что ты такой же политик, как я? Весной, когда твоя дочь заявила на Кевина Эрдаля в полицию за изнасилование и спонсоры попытались на голосовании выдать тебя с поста спортивного директора, ты выиграл голосование, потому что эта... Группировка... встала на твою сторону. Верно?»

Капли ледяного пота скатились у Петера с затылка и устремились вниз по позвоночнику. «Нет, не... я не влияю на... я не просил...» – забормотал он, но Ричард Тео прервал его: «Все есть политика. Всем нужны союзники».

Пульс гудел в ушах, когда Петер спросил: «Чего тебе от меня надо?» Политик честно ответил: «Когда все станет официально, тебе надо будет только прийти на пресс-конференцию. Поулыбаться в камеры, пожать руки новому спонсору. А за это ты получишь капитал и полный контроль над клубом. Никто не станет вмешиваться в твою работу. У тебя появится шанс создать команду-победительницу. Все, что мне нужно, – это твоя... дружба. Я ведь прошу не слишком многого?»

Он снова улыбнулся, и, прежде чем Петер успел ответить, политик добавил самое главное: «И последнее: новым владельцам, разумеется, насилие не нужно. Поэтому на пресс-конференции ты скажешь, что не имеешь ничего общего с Группировкой. Что ты намерен снести трибуны со стоячими местами».

Петер утратил дар речи. Тео, кажется, на это и рассчитывал. Он заботливо объяснил еще кое-что, затем уехал, а Петер остался стоять на месте. Сколько он так простоял, он и сам не знал.

Когда он наконец сел в машину и поехал во мрак, в голове стучала беспощадная мысль: «Контроль над клубом? Настоящий бюджет?» Петера часто обвиняли в том, что он считает себя «моральным авторитетом»; может быть, люди не так уж ошибались. Хоккейный клуб был для него больше чем спортом, – неподкупной силой, которой никогда не будут управлять деньги или политика.

Сколько идеалов он готов принести в жертву? Каких врагов согласен нажить? Ради власти? Ради победы?

Еще немного – и он ответит на этот вопрос.

Ричард Тео всю ночь ехал до маленького аэродрома, где только что приземлился один его приятель. Тео пожал приятелю руку, тот недовольно заметил:

– Тебе же лучше, если дело стоит моего времени.

Тео смиренно извинился:

– Некоторые вещи не стоит обсуждать по телефону.

– Ну-ну, – кивнул приятель.

И Тео стал объяснять:

– Я даю нашим лондонским друзьям все необходимые политические гарантии касаясь земли и фабрики. Но мне кое-что нужно в ответ. Есть тут объединение гопников, которое все крушит ради местного клуба. Политику в одиночку их не остановить, но новый крупный спонсор... ну, ты понимаешь. Нужно твое влияние.

Приятель кивнул:

– Опять этот хоккейный клуб? Почему ты о нем так хлопчешь?

– Он – символ, – улыбнулся Тео.

– Так что тебе надо? – спросил приятель.

– Новые владельцы должны выставить условие спонсорской поддержки: пусть спортивный директор «Бьорнстад-Хоккея» официально дистанцируется от агрессивно настроенных фанатов и снесет стоячие трибуны.

– Всего-то?

– Согласен. Но важно, чтобы требование исходило непосредственно от владельцев, а не от меня.

Приятель обещал. Они пожали друг другу руки. Приятель поднялся на борт самолета.

Всю дорогу домой Ричард Тео думал, что только человек, чья нога никогда не ступала в Бьорнстад, способен сказать о предмете переговоров: «всего-то». Потому-то Тео и держался всегда на шаг впереди остальных. Подготовительную работу нельзя затягивать.

– Вильям! Вильям! – тихо позвал какой-то парень из команды, откуда – Лео не понял из-за головокружения. Он лежал на спине и ничего не видел: на него сыпались удары.

Вильям успел занести руку в последний раз, но парень из команды схватил его за плечо и повторил:

– Вильям!

Краем глаза Вильям заметил, как кто-то кивает на дорогу, тянущуюся над пляжем. Там остановился автомобиль, из которого вышли двое мужчин

в черных куртках. Спускаться на пляж им не было необходимости. В дела подростков Группировка не вмешивалась: одно дело – игра основной команды, а другое – юниорские игрушки. Но Вильям больше не был юниором, и то, что он сейчас делал, не было хоккеем.

Вильям выпустил Лео. Поколебавшись, поднялся. Мужчины в черных куртках не двигались. Вильям сплюнул кровь, красная слюна потянулась по футболке.

– Насрать... – пробормотал он тихо, чтобы никто не услышал дрожи в голосе.

Он повернулся и пошел прочь. За ним двинулись ребята из команды. Мужчины в черных куртках так и стояли на дороге, пока один из друзей Вильяма не понял намек. Парень залез на дерево и снял флаги «Хед-Хоккея». Мужчины исчезли, не произнеся ни слова, но расстановка сил стала ясна: игра «Хед-Хоккея» на земле Бьорнстада окончена.

Лео сидел на покрывале, не стирая с лица кровь Вильяма. Горло болело отчаянно – вдруг там что-то сломалось? Один из приятелей хлопнул его по плечу, другой дал сигарету. Лео никогда в жизни не курил, но не закурить в такую минуту невозможно. Было ужасно больно и поразительно хорошо.

Он не отступил перед Вильямом Литом, и красные флаги больше не появятся на деревьях. Возможно, прежде Лео этим бы и удовольствовался, но сердце двенадцатилетнего человека уже билось на другой частоте, потому что он кое-что открыл для себя. Адреналин. Насилие. Это любовь. Завтра утром мама Вильяма Лита откроет почтовый ящик, и он окажется битком набит зажигалками.

Люди вроде Вильяма Лита не могут игнорировать подобные провокации. Люди вроде Лео Андерсона на это рассчитывают.

Они стали его армией

«Все имеет свою цену, мы все сколько-нибудь да платим!» Такие слова Рамона частенько слышала от своего мужа, пока он был жив. Когда кто-нибудь что-нибудь покупал – неважно, была ли то новая машина или подержанный тостер, – он первым делом спрашивал: «Сколько заплатил?» И что бы ему ни ответили, фыркал: «Тебя надули! Я бы сбил цену вполтину». Как же Рамоне это надоело и как бы теперь ей хотелось услышать это снова хоть разочек! Муж любил ее и хоккей, он говаривал, что их обручальным кольцом стал круг вбрасывания в ледовом дворце Бьорнстада, и к чему ему кольцо на пальце? Когда жизнь обходилась с ними круто, он не говорил «все наладится», он говорил – «скоро хоккей». Если кто-нибудь говорил «лето», он поправлял: «Это называется – предсезонный период». Он менял страницы в календарях – так, чтобы год начинался в сентябре, потому что его год начинался в сентябре, когда «Бьорнстад» играл первый матч.

С тех пор как он покинул Рамону, минуло одиннадцать сезонов. И вот некий обзвонщик, сидевший неизвестно где, решил набрать номер, не особо задумываясь, кому, собственно, он звонит:

– Это Хольгер? Как самочувствие, Хольгер? – прокричал он, когда на том конце подняли трубку.

– Хольгер умер одиннадцать лет назад. И перед смертью самочувствие у него было так себе. Малыш, тебе чего? – спросила Рамона. Она стояла за барной стойкой, держа в руке стакан со второй порцией завтрака.

Обзвонщик встревоженно защелкал по клавиатуре.

– Это же бар «Шкура»?

– «Шкура», – подтвердила Рамона.

– Ага... извините, но Хольгер значится у нас в документах как совладелец...

– «Шкура» все еще наш бар. Просто теперь вся работа на мне.

– А. А как это... а вы это... Рамона?

– Ну.

Обзвонщик обрел второе дыхание.

– Замечательно! Как самочувствие, Рамона?

– В наши дни, мальчик, существует такая технология, которая

позволяет людям вроде меня находить домашние адреса людей вроде тебя.

– Э... простите?

– Ты меня слышал.

После этих слов ненадолго воцарилась тишина. Наконец обзвонщик прочистил горло и по некой, не совсем понятной причине все же собрался с духом и затарахтел:

– Я продаю средства для ухода за кожей по каталожной цене! Каждый месяц клиент получает восемь продуктов с доставкой на дом, но оплачиваются только те, которые клиент выбирает, а остальные доставят бесплатно...

– Восемь? – поинтересовалась Рамона, дважды основательно хлебнув завтрака.

– Да!

– А зачем? Где человеку столько кожи взять, а, мальчик?

На этот вопрос у обзвонщика не нашлось заготовленного ответа, поэтому он зашел с другой стороны:

– Сейчас у нас как раз предложение меся...

В голосе Рамоны слышались одновременно сочувствие и раздражение, словно она собиралась сообщить молодому человеку, что его кота переехала машина, но не без труда, потому что паршивец все время уворачивался из-под колес.

– Мальчик, люди, которым ты звонишь, занимаются тем, что просто выживают. Восемь разных продуктов для ухода за кожей? Да тут мы едва концы с концами сводим.

Голос обзвонщика сел от мятных леденцов и отчаяния.

– Я тоже.

– Мальчик, а ты сегодня завтракал? Утреннее пиво – это главное пиво дня! И для кожи полезно, в нем куча витаминов!

– Я попробую, – пообещал обзвонщик.

– И знаешь что? Если будешь проезжать мимо Бьорнстада – приглашаем тебя позавтракать.

– Бьорнстад? – рассмеялся обзвонщик. – Я и не знал, что где-то бывают такие названия.

Рамона положила трубку. «Все имеет свою цену», – сказал Хольгер перед тем, как покинуть ее. А на похоронах то же самое сказал пастор: «Скорбью мы расплачиваемся за любовь, Рамона. Разбитым сердцем – за целое». Он к тому времени уже немного набрался, конечно, этот чертов пастор. Наверное, так и есть. Все имеет свою цену – и люди, и поселки.

А ведь было время, когда все обзвонщики слышали о Бьорнстаде.

«Бьорнстад? Это же у вас та хоккейная команда, да?»

* * *

Во дворе перед многоквартирными домами Низины дети играли в хоккей с мячом; воротами служила стена дома, бутылки из-под газировки изображали штанги. Аамат смотрел на детей в окно. Он тоже когда-то так играл, со своими лучшими друзьями – Закариасом и Лифой. Тогда это была простая игра. Каждому по клюшке. Теннисный мячик. Две команды.

Но сейчас им шестнадцать – почти мужчины. Жизнь в Низине стала хуже – или они просто повзрослели настолько, что начали видеть реальность. Чтобы понять Низину, надо знать, что ее жители смотрят на весь остальной Бьорнстад так же, как остальной Бьорнстад смотрит на жителей больших городов. Мы для них существуем только в виде плохих новостей в газете.

Лифа когда-то сказал Аамату: «Тебя будут обожать, если ты покажешь класс в хоккее. Но только если ты победишь, люди скажут, что ты из Бьорнстада. Если ты проиграешь, они будут говорить, что ты из Низины». Лифа уже много лет не играл в хоккей, он стал другим, более жестким. Он теперь ошивался в компании старшего брата, курьерил на мопеде, и о содержимом его рюкзака Аамату знать не хотелось. Встречались они все реже.

Закариас засел дома, играл в компьютерные игры ночи напролет, его родители уехали на лето к родственникам; да и Закариас с тем же успехом мог бы жить в другой стране, потому что поселился в интернете. В начале лета Аамат каждый день звонил ему, спрашивал, не хочет ли он выйти на пробежку вместе с ним, но Закариас все пытался заманить его к себе, поиграть на компьютере и пожрать горячих бутербродов, так что Аамат бросил звонить, чтобы не поддаваться искушению ничего не делать все лето. Ничего ведет в никуда, это он уже выучил.

Теперь Аамат тренировался в одиночку. Пристроил гантели в изголовье кровати и выжимал их – подобие примитивного тренажера для жимов лежа. Он отжимался до слез и бегал вдоль дороги до рвоты. Стоя ночами в прачечной, он в бешеном темпе загонял шайбы и мячи между стеклянных бутылок. Его мать, Фатима, тем летом работала в больнице. Каждый второй вечер она задерживалась допоздна, чтобы помочь больной подруге – Аамат не знал, кому именно. Он не говорил матери, как тоскует по ней, потому что не хотел, чтобы ее сердце разрывалось от угрызений совести. Люди,

подобные Фатиме, заботятся обо всех, кто в них нуждается, а ее сын уже слишком взрослый, чтобы становиться в эту очередь.

Но сегодня вечером Аамат на тренировку не пошел. И спать тоже не лег. Другие обитатели Низины его возраста ночами зависали на «горке» – так называли холм на лесной опушке, высившийся над старым гравийным карьером. Аамат видел ребят с балкона – они жарили мясо на гриле, курили травку, болтали о всякой ерунде и смеялись. Они... просто были подростками.

Все имеет свою цену. Говорят, чтобы добиться тут чего-то настоящего, надо упражняться десять тысяч часов, а сколько часов дополнительно к этим десяти тысячам понадобится Аамату, чтобы вырваться отсюда? У него даже нет команды. Он все потерял весной, когда вышел и сказал правду о том, что Кевин сделал с Маей. Ни черта у него не осталось. Даже Маиному папаше на него насрать.

Аамат натянул свитер, вышел из дома и свернул к горке. Большинство из тех, кто собрался у грилей, знали его с детства, но теперь смотрели на него так, словно он зверь, который долго сидел в зоопарке, а потом перемахнул через ограду и сбежал. Аамат смутился и стоял, уставившись в землю, пока кто-то не рассмеялся и не протянул ему сигарету, о содержимом которой он не стал спрашивать.

– Привет, суперстар, здесь вечеринка! – улыбнулась хозяйка вечера.

Вся такая сладкая. И дым тоже был сладким. Аамат закрыл глаза, куда-то поплыл; девушка взяла его за руку, и он подумал – может, остаться? Ну его все к черту: хоккей, клуб, нормативы, отжимания. Хоть одну ночь побыть как все. Обкуриться до забытья, раствориться в ночном воздухе.

В руке у него появилась банка пива – он не понял откуда. И когда другая рука, протянувшись из ниоткуда, ударила его по запястью с такой силой, что он уронил и банку, и сигарету, Аамат завопил: «ФАК?!» – инстинктивно обернулся и пихнул придурка в грудь.

Лифа, дружок его детства, вымахал в могучего парня. Грудная клетка у него не подалась ни на миллиметр. Он схватил Аамата за свитер и швырнул его с холма вниз.

* * *

Фрак, высокий и грузный владелец продуктовых магазинов, всегда благодушный, как лабрадор под садовой брызгалкой, теперь, когда Петер

рассказал все, с потрясенным видом опустил на стул. Оба сидели в кабинете Фрака, в глубинах магазинчика, папки здесь были забиты бухгалтерскими документами «Бьорнстад-Хоккея» – Фрак оставался последним крупным спонсором клуба и все свое время посвящал попыткам вычислить, сколько еще он сможет поддерживать клуб на плаву, не обращаясь за помощью к коммуне.

– Не понимаю... зачем Ричарду Тео, чтобы ты дистанцировался от... – Он встал, закрыл дверь и шепотом закончил: – от Группировки?

Петер потер черные полукружья под глазами.

– Новые владельцы фабрики собираются вкладывать деньги в «семейный спорт». В СМИ красивее выглядит. Они сказали Тео, что желают покончить с «гопниками». После того случая с топором в капоте машины...

– Но как это сделать, чисто технически? – поинтересовался Фрак.

– Я должен сказать на пресс-конференции, что клуб принял решение демонтировать стоячие трибуны. – Петер утомленно прикрыл глаза.

– На стоячих местах бывают не только парни из Группировки...

– Да. Но Группировка – это только стоячие места. Ричарду Тео наплевать на то, что будет, главное, чтобы со стороны хорошо смотрелось.

Зрачки у Фрака заинтересованно расширились.

– Умный, черт... этот Тео. Всем известно, что Группировка голосовала за тебя на том весеннем собрании, и голосование вышло в твою пользу. И если именно ТЫ объявишь в газете, что не имеешь с ними ничего общего, это будет... эффектно.

– А Ричард Тео получит все, чего хочет: фабрику, должность, хоккейный клуб. Все лавры достанутся ему, а вся ответственность – кому-нибудь другому. Его даже Группировка не будет ненавидеть – она будет ненавидеть меня. Мы дадим ему все, что нужно для победы на следующих местных выборах.

– Петер, не соглашайся, Группировка... ты же их знаешь... они беспредельщики, и для некоторых хоккей – это все!

Фрак знал, что кое-кто из членов Группировки работает у него на складе. Парни вкалывали изо всех сил и следили, чтобы другие из их смены работали так же, и если, случалось, в магазин проникали воры, Фраку не надо было даже звонить в охранное предприятие – разбирались сами. В ответ Фрак так расписывал рабочие часы этим парням, чтобы им не надо было брать отгулы за свой счет ради выездных матчей «Бьорнстад-Хоккея». Но если через неделю в магазин являлась полиция, имена виновников торжества все-таки оказывались в расписании, и как раз в интересующие

полицию дни, так что стражам порядка никак не удавалось доказать, что парни участвовали в драке. «Хулиганы? Среди моих сотрудников нет хулиганов! – непонимающе округлял глаза работодатель. – Группировка? Какая группировка?»

Петер поворачивал запястьями.

– А какой у меня выбор, Фрак? Ричарда Тео не интересует ничего, кроме власти. Чтобы прибрать клуб к рукам через никому не известных инвесторов... безумие. Но иначе клубу жить не больше трех месяцев!

– Я могу продать еще один магазин или взять ссуду в банке, – предложил Фрак.

– Я не могу просить тебя об этом, Фрак, ты достаточно сделал для клуба. – Петер тяжело положил руку другу на плечо.

У Фрака сделался оскорбленный вид.

– Для клуба? Клуб – это ты и я.

Мрачное выражение на лице Петера пошло трещинами от ласковой улыбки.

– Ты говоришь, как Суне. Это же он вколачивал нам, маленьким: «Клуб – это мы», – изобразил он старого толстячка-тренера.

В детстве Фрак и Петер терпеть не могли лета, потому что на это время ледовый дворец закрывался. Они накрепко сдружились на пустой парковке, к ним присоединился Хряк и еще кое-кто – дети, которые не бежали на озеро купаться или играть в войну в лесу. Облезлыми клюшками они дотемна гоняли по асфальту теннисный мячик, расползались по домам с разбитыми в кровь коленками, успев с десятков раз – в воображении – победить в финале мирового чемпионата. Сейчас они, по сути, сидели на той же парковке, потому что именно на ней Фрак построил свой первый магазин. Он тронул висевшую на стене старую фотографию команды и сказал Петеру:

– Я не ради клуба, дурак несчастный, я ради тебя. Когда мы двадцать лет назад взяли серебро, когда тебе в конце игры пасанули шайбу, чтобы ты забил последний гол, – помнишь, чей это был пас?

Помнил ли Петер? Все помнили. Шайбу послал ему Фрак, а Петер промазал по воротам. Наверное, для Фрака это было «взяли серебро»; но Петера – «проиграли золото». По его вине. Но теперь Фрак вытер глаза тыльной стороной ладони и тихо сказал:

– Если бы у меня было сто шансов снова сделать тот пас – я бы раз за разом отдавал шайбу тебе. Я бы все свои магазины продал ради тебя. Потому что именно так надо делать, если в команде есть звезда: положиться на нее полностью. Отдать ей шайбу.

Петер не мог оторвать взгляд от половиц.
– Фрак, где берут таких верных друзей? Вроде тебя?
Фрак гордо покраснел:
– В ледовом дворце. Только в ледовом дворце.

* * *

В «Шкуру» приплелся дряхлый старик. Прежде Рамона никогда не видела его без остальных четверых из «пятерки возрастных». Теперь он как будто постарел на полжизни, словно все эти годы легли на него горбом.

– Остальные сюда заходят? – спросил он, имея в виду своих лучших друзей, с которыми он проводил время каждый день, сколько себя помнил.

Рамона покачала головой и спросила:

– Ты им не звонил?

Лицо у старика сделалось несчастное.

– У меня нет их телефонов.

Год за годом, день за днем пятерка или отправлялась в ледовый дворец смотреть хоккей, или заседала в баре «Шкура» на своей «скамейке возрастных», обсуждая хоккейные дела. У них были одинаковые календари, где год начинался в сентябре. Для чего им было знать телефоны друг друга?

Старик растерянно постоял у барной стойки. А потом ушел домой. Он и его друзья были когда-то пятью друзьями, которые каждый день сидели в баре и говорили о спорте. Они не захотели стать пятью друзьями, которые каждый день сидят в баре и просто напиваются.

* * *

Ребята возле грилей притихли. Лифа за короткое время вырос из того, кого звать никак, в того, с кем не забалуешь. Повышать голос ему не приходилось.

– Ублюдка, который только попробует дать Амату хоть банку, сука, пива, хоть одну сигарету, больше здесь не будет. Понятно?

Амат, кашляя, с трудом выползал из карьера, барахтаясь в гравии. Закариас, нервничая, стоял чуть поодаль от него, в футболке, заляпанной расплавленным сыром. Когда Лифа забежал к нему сказать, что Амат отправился на горку, Закариас попытался удержать его и угостить горячими бутербродами, но Лифа так глянул на него, что Закариас влез в штаны без

единого слова.

– Лифа, я просто пришел на вечеринку! – крикнул Агат. – Не лезь не в свое дело.

Лифа сжал кулак, но не ударил. Только уныло побрел в сторону Низины. Закариас, помогая Агату подняться, бормотал:

– Это же не ты, Агат...

– А что такое «я»? Нет никакого МЕНЯ! У меня даже нет КОМАНДЫ, где мне играть?

Агат сам услышал, как жалко звучит его голос. Лифа уже снова поднимался по склону, за ним хвостом бежали мальчишки с клюшками в руках. Лифа ткнул одного из них в плечо:

– Говори, кто ты есть, когда играешь!

Мальчик робко кхекнул, взглянул на Агата из-под челки и прошептал:

– Я... это ты.

Из волос Агата сыпался гравий. Лифа наставил указательный палец ему в грудь:

– Пожалел себя, да?

– Ничего я не... – начал было Агат, но Лифа оборвал его и указал вниз, на его дом:

– Мы с Заком каждый долбаный день играли с тобой во дворе; ты что думаешь, мы с ним такой уж КАЙФ ловили? Небось Зак с гораздо большим удовольствием поиграл бы на компьютере!

– Да уж, с гораздо... – вставил Зак, и с его футболки посыпался мелкий сырный дождик.

Глаза Лифы горели.

– Мы играли с тобой каждый день, потому что видели твою суть, Агат. Чем ты можешь стать.

– У меня теперь даже нет КОМАНДЫ, я... – снова начал Агат, но Лифа его не слушал:

– Тихо! Отсюда тебе надо уйти. Знаешь почему? Потому что сдашься ты или нет – эти вот пацаны будут тебе подражать. Так что давай, мать твою, продолжай тренировки! Потому что, когда ты будешь играть в НХЛ и тележурналисты будут брать у тебя интервью, ты расскажешь, что ты отсюда. Что ты из Низины и кое-чего добился. Об этом узнает каждый наш дворовый шкет. И захочет быть как ты, а не как я.

Слезы капали у Лифы с подбородка, но он даже не пытался их вытереть.

– Эгоист сраный! Ты хоть понимаешь, что все остальные готовы отдать за твой талант?

У Амата дрожали руки. Лифа шагнул к нему и обнял, словно им снова было по восемь лет. Поцеловал в волосы и прошептал:

– Мы будем бегать с тобой. Если понадобится, любой здешний балбес будет бегать с тобой все лето.

Слова Лифы не были пустой болтовней. Лифа бегал с Аматом до тех пор, пока однажды ночью не рухнул на землю, а когда Аमत на спине притащил его в город, бегать с ним начал Закариас. Когда выдохся Закариас, вместо него стали бегать другие. Два десятка балбесов, которые поклялись Амату не курить и не пить, пока он нуждается в товарищах по тренировке.

Через десять лет Аमत станет хоккеистом-профессионалом, но никогда не забудет этих тренировок. Некоторые из его товарищей по пробежкам к тому времени умрут от пьянки или передоза, другие погибнут в поножовщине или перестрелке, иные сядут в тюрьму, а кое-кто просто махнет на себя рукой. Но иные пробьются к другой жизни, яркой и достойной. И все они однажды узнают, что когда-то летом бегали здесь не просто так. Однажды Аमत будет отвечать по-английски на вопросы тележурналиста, и, когда репортер спросит его, откуда он родом, он ответит: «*I'm from Низина*». И балбесы поймут: он о них помнит.

У него не было команды. Зато они стали его армией.

Петер в одиночестве шел через Бьорнстад. Мимо блока в таунхаусе – квартиры, в которой потерял мать и уворачивался от отцовской скорби, мимо ледового дворца, в котором обрел дом, по берегу озера и через парковку, где нашел своих лучших друзей, Фрака и Хряка. Когда Петер подписал профессиональный контракт, они, перед его отбытием в Канаду, в последний раз сыграли теннисным мячиком на асфальте – как в детстве. Он тогда нервничал до ужаса, а друзья успокаивали: «Да ну! Хоккей – простая игра. Если убрать всю фигню, которую вокруг него нагородили, – трибуны, публику, таблицы и деньги – все просто. Один игрок – одна клюшка. Двое ворот. Две команды».

Конечно, все это вдолбил в них Суне, их тренер. К Суне они всегда отправлялись за советом – и жизненным, и хоккейным, тренер был им в большей мере отцом, чем их родные папаши. Туда-то Петер теперь и шел. Через свой город, к своему коучу, чтобы рассказать, что у него появился последний шанс спасти их клуб.

От болезни сердца старик похудел на несколько размеров, плечи поникли, футболка с медведем болталась, больше не натягиваясь на животе. У Суне не было ни жены, ни детей – состарившийся генерал, положивший всю жизнь лишь на свои хоккейные войска. «Когда он успел так постареть?» – подумал Петер; Суне, кажется, прочитал его мысли, потому что угрюмо усмехнулся в ответ:

– Да и ты больше не розан майский, имей в виду.

У ног старика радостно тьявкали щенки, старик прикрикнул: «Веди себя как воспитанная собака! Или хоть сделай вид».

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Петер.

Суне отечески похлопал его по плечу и кивнул на мешки величиной с хоккейные ворота под глазами Петера:

– Примерно так же, как ты выглядишь. Чем тебе помочь?

И Петер рассказал ему все: что медведя на футболке Суне можно спасти, но только с помощью некоего могущественного спонсора, про которого он, Петер, ничего не знает, и некоего политика, которому не доверяет ни один человек. И только при условии, если он, Петер, сломает трибуны со стоячими местами и вышвырнет из ледового дворца

Группировку. Тех людей, кто весной спас его от увольнения.

Суне выслушал. А потом сказал:

– Кофе будешь?

– Я пришел за советом, – нетерпеливо напомнил Петер.

Суне покачал головой:

– Ерунда. Когда я был твоим тренером и тебе назначали бить штрафной, ты всегда подъезжал к кабинке, чтобы все подумали, что ты спрашиваешь моего совета. Ты очень трогательно демонстрировал уважение своему старому тренеру, но мы-то с тобой оба знали, что ты уже все решил сам. Вот и сейчас ты уже все решил. Зайди, выпей кофе. На вкус отвратный, но крепкий.

Петер упрямо топтался в прихожей.

– Но даже если я СПАСУ клуб, то... тренировать команду, кроме тебя, будет никому!

Ответом ему послужил булькающий смех Суне. Чему он смеется, Петер понял лишь на кухне. Мужчины были не одни. Помимо них, на кухне находилось неизвестное лицо. Суне с довольным видом подмигнул.

– Знакомься: Элизабет Цаккель. Она звонила некоторое время назад, сказала, что приехала, чтобы занять мое место.

* * *

Мира Андерсон сидела на ступеньках маленького дома. Она ждала мужчину, который не придет. Мира помнила слова своей коллеги: «Мужчины! Знаешь, почему на них нельзя полагаться? Потому что они любят МУЖЧИН! Мира, никто так не любит мужчин, как МУЖЧИНЫ! Они даже спортивную игру не могут смотреть, если играют не МУЖЧИНЫ! Потные, хрипящие, дерутся с другими мужчинами, и чтобы на них с трибун смотрели десятки тысяч мужчин, вот что им нужно. Черт меня раздери, да скоро появятся порноролики, где будут только мужчины. Такое порно для гетеросексуальных мужчин, которых не то чтобы заводят мужики, а просто они не верят, что женщины способны сношаться на их уровне!»

Коллеге часто удавалось рассмешить Миру. Как-то на встрече с клиентами, когда один тип в костюме оглушительно чихнул, не сделав ни малейшей попытки прикрыть рот, коллега бросила: «Мужчины, что с них взять. Еще хорошо, что у вас месячных не бывает. Вы же неспособны утаить от публики никакие ваши выделения!»

Но сегодня она заставила Миру устыдиться. Все время, что они дружили, коллега твердила, что им вдвоем пора основать собственную фирму. Мира никогда особенно не возражала, считая идею лишь забавной мечтой, чем-то, чем можно хвалиться раз в квартал, под действием полканистры вина и стремительно нарастающей самоуверенности. Но сегодня коллега ворвалась в кабинет Миры с бумагой в руке: «Помещение освободилось!» Помещение, о котором они мечтали годами, куда Мира и ее коллега смогли бы без особых трудностей переманить кое-кого из самых крупных нынешних клиентов. Идеальное помещение.

Но Мира, как обычно, ответила: «Я сейчас не могу – у Петера на работе такое, плюс дети, мне надо остаться ради Майи». Коллега нагнулась к ней: «Ты знаешь, что клиенты пойдут за нами. Я скопила достаточно денег. И если не сейчас, то КОГДА?» Мира искала оправдания, но единственным ее оправданием было время. Чтобы основать новую фирму, придется работать по шестнадцать часов в день, семь дней в неделю. Когда при таком режиме отвозить детей на тренировки и уроки гитары и забирать с тренировок и уроков? А еще бывают благотворительные лотереи, а еще – дежурства в ледовом дворце...

Коллега сурово взглянула ей в глаза: «Ты – это четыре разные женщины, Мира. Ты все время пытаешься быть всем. Хорошей женой, хорошей мамой, хорошим сотрудником. Сколько еще это будет продолжаться?»

Мира сделала вид, что читает очень важный документ на экране компьютера, но потом сдалась и промямлила: «Ты сказала – четыре. Жена, мать, сотрудник... А четвертая кто?» Коллега перегнулась через стол, выключила монитор и постучала по черному экрану: «Вот кто. Когда настанет очередь этой женщины?» В глянцевом черном экране Мира увидела Миру и взглянула в глаза самой себе.

И вот теперь она сидела на ступеньках дома. Пила вино. Ждала мужчину, который не придет.

* * *

Элизабет Цаккель с опаской пожала протянутую руку Петера. Она двигалась какими-то рывками, словно внутри у нее сидела маленькая Элизабет Цаккель, управлявшая большой Элизабет Цаккель посредством джойстика.

– Я видел, как вы играли на Олимпийских играх... – сообщил Петер.

Цаккель, кажется, не понимала, что ей делать с этой информацией, зато Суне тотчас на него набросился:

– Петер, черт тебя возьми, перед тобой стоит участник двухсот сорока четырех международных соревнований! В послужном списке – Олимпийские игры и чемпионаты мира! И у нее есть тренерская лицензия! Будь она мужчиной, ты бы уже стоял на коленях и УМОЛЯЛ ее занять мое место!

Петер взял чашку с кофе, поставил ее на стол и с сожалением посмотрел на Элизабет Цаккель.

– Но будь вы мужчиной, у вас уже была бы работа в элитной команде, верно?

Цаккель коротко кивнула, подтверждая его предположение.

– У меня нет шанса тренировать хорошую команду. И я решила заняться самой паршивой командой и сделать из нее хорошую.

Брови у Петера обиженно подскочили, Суне захохотал, а Цаккель, кажется, не поняла, чем вызвала подобную реакцию.

– У вас разве не самая паршивая команда?

Петер невольно улыбнулся.

– Откуда вы узнали, что нам нужен новый тренер? Суне не распространяется, что болен...

Он запнулся, поняв, каким будет ответ. Цаккель не пришлось произносить «Ричард Тео». Петер отпил кофе и бросил, наполовину самому себе:

– Умный он, Тео. Женщина-тренер...

– Это вашу дочь изнасиловали? – перебила Цаккель.

Петер и Суне смущенно закашлялись; Цаккель смотрела на них непонимающе:

– Так он изнасиловал ее или нет? Хоккеист, которого вы двое воспитали?

– Вы потому и приехали? – Петер заговорил очень тихо. – Ричард Тео решил совершить пиар-переворот вашими руками? Женщина-тренер в бывшем хоккейном клубе насильников-мужчин... журналистам понравится.

Цаккель нетерпеливо встала.

– Я не буду общаться с журналистами. Это ваше дело. И насрать мне на пиар-планы Ричарда Тео, я здесь не для того, чтобы быть женщиной-тренером.

Петер и Суне покосились друг на друга.

- А чтобы быть кем? – спросил Суне.
- Тренером, – ответила Цаккель.

Суне почесал живот. Именно он всегда говорил, что мы только делаем вид, что хоккеем – это сложно. На самом деле ничего сложного в хоккее нет. Если убрать всю фигню, что вокруг него наворотили, то все просто. Один игрок – одна клюшка. Двое ворот. Две команды. Есть мы – и есть вы.

Из сада доносился стук. Суне поднял глаза и усмехнулся, но Петер так погрузился в свои мысли, что сперва даже не понял, что это стучит.

– Я... – начал он, стараясь говорить тоном взрослого мужчины, спортивного директора, лидера.

Но его снова прервал стук. «Банк!» Прежний Петер, мальчик-мечтатель, узнал бы этот звук сразу. Петер вопросительно взглянул на Суне. «Банк-банк-банк!» – донеслось из сада.

– Что это? – спросил Петер.

– А! Я, наверное, забыл сказать? – ухмыльнулся Суне с видом человека, который фиг чего забудет.

Петер поднялся и пошел на звук, доносившийся через дверь террасы. На заднем дворе стояла девочка четырех с половиной лет и изо всех сил посылала в стену шайбу за шайбой.

– Помнишь, Петер, ты когда-то приходил сюда за тем же самым? Только она оказалась поспособнее. Уже умеет определять время по часам, – с довольным видом сообщил Суне.

Петер проследил, как шайба летит в стену, как целую вечность возвращается назад. И правда, простая игра. Девочка промазала и вдруг так разозлилась, что изо всей мочи треснула клюшкой о стену. Клюшка разломилась, и только тогда девочка обернулась и, заметив Петера, невольно сжалась. Петер почувствовал, как собственное детство разрывает грудь изнутри.

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Алисия, – ответила девочка.

Петер увидел ее синяки. У него были такие же. Он знал, что, если спросить, откуда синяки, девочка просто солжет – ребенок не предаст родителей ни за что на свете. Тогда Петер присел на корточки, и в его голосе задрожало все отчаяние его собственного детства и отрочества:

– Я вижу, ты привыкла, что тебе делают больно за твои промахи. Хоккеем не станет так обращаться с тобой. Понимаешь? Хоккеем никогда не сделает тебе больно.

Девочка кивнула. Петер принес новую клюшку. Алисия продолжила бросать шайбы об стену. Суне у них за спиной сказал:

– Я знаю, что ты уже решил спасти клуб. Но хорошо бы ты помнил, Петер, ради кого ты его спасаешь.

Петер смотрел на старика дольше обычного.

– Всю мою жизнь ты тренировал основную команду Бьорнстада. И вдруг ты готов уступить свое место... неизвестно кому? – Пауза была призвана подчеркнуть, что выражение «неизвестно кто» пришло ему в голову далеко не первым.

Суне выдохнул со свистом:

– Я всегда хотел, чтобы «Бьорнстад-Хоккей» стал не просто клубом. Я не верю в голы и таблицы, я верю в знаки и символы. Я верю, что воспитать человека важнее, чем воспитать звезду. И ты думаешь так же.

– По-твоему, эта Элизабет Цаккель, что сидит у тебя на кухне, тоже так думает?

Суне улыбнулся, но его подбородок поехал вбок.

– Нет. Элизабет Цаккель не такая, как мы. Но клубу сейчас необходима именно она.

– Ты уверен? – переспросил Петер.

Суне подтянул ремень: из-за неполадок с сердцем штаны стали ему велики. Конечно, ему не хотелось отдавать свою работу; этого никому не хочется. Но он отдал клубу всю свою жизнь, и что он за лидер, если не готов переступить через самолюбие, когда клубу грозит смерть?

– Кто и в чем может быть уверен? Все, что я знаю, Петер, – это что медведь останется символом лучших свойств нашего клуба, но сейчас есть люди, которые хотят похоронить его как символ всего худшего, что у нас есть. И если мы спустим такое им с рук, если позволим утянуть все деньги в Хед, как только эти люди достигнут своих целей, – какой знак мы подадим детям нашего города? Что мы больше не клуб? Что клуб становится бывшим, если людям не хватает смелости встать и сказать правду?

– Чем Цаккель отличается от тебя? – спросил Петер.

– Она победитель, – ответил Суне.

Потом у них кончились слова, и они просто стояли и смотрели, как Алисия бросает шайбы в стену. банкбанкбанк. Петер зашел в туалет, открыл кран и постоял перед зеркалом, не глядя на свое отражение. Когда он вышел, Цаккель уже надевала тяжелые ботинки.

– Вы куда? – спросил Петер.

– Мы же закончили? – Судя по тону, Цаккель уже приняла себя на

работу.

– Мы должны обсудить КОМАНДУ, – напомнил Петер

– Я сварю еще кофе. – Суне протиснулся на кухню.

– Я не пью кофе, – объявила Цаккель.

– Не пьешь к-о-ф-е? – охнул Суне.

– Я же сказала, когда пришла.

– Я думал, ты пошутила!

Петер встал между ними, потер веки всей ладонью.

– Эгей! Команда! Когда будем обсуждать команду?

Крошечная Элизабет Цаккель забежала внутри головы большой Элизабет Цаккель в поисках выключателя.

– Какую команду? – спросила Элизабет Цаккель.

Игра, может, и простая, а люди – нет. Банк-банк-банк.

Видар Ринниус

В бьорнстадской школе шло собрание: учителя обсуждали осенний семестр. Предполагалось, как обычно, поговорить о бюджетах и учебных планах, о реорганизации. Но тут кто-то из учителей спросил об учащемся по имени Видар, который вдруг обнаружился в списке одного из классов. Директор озабоченно откашлялся: «Да, этот мальчик раньше ходил в нашу школу и теперь снова будет ходить. Нам немножко неожиданно об этом сообщили...» Учитель поинтересовался, где все это время находился означенный ученик – может, посещал другую школу? «Н-ну, Видар находился в... альтернативном образовательном учреждении», – кашлянул директор. «То есть в тюрьме для малолетних?» – поинтересовался учитель. «Я бы скорее назвал это... стационаром», – заметил директор. Особой разницы учитель то ли не уловил, то ли не придал ей значения.

Сидевшая в заднем ряду учительница прошептала: «Побои и преступления, связанные с наркотиками. Он пытался убить полицейского!» Другая учительница прошипела: «Я этого психопата к себе в класс не пущу!» Кто-то спросил чуть громче: «А что, разве Видара уже выпустили?» – однако ответа не получил. Другой учитель встревоженно поинтересовался: «Видар? А фамилия как?» Ресницы у директора затрепетали, как крылышки колибри, и он ответил: «Ринниус. Видар Ринниус. Младший брат Теему Ринниуса».

* * *

Элизабет Цаккель почесала стрижку, появившуюся по воле не то волей парикмахера, не то несчастного случая, перешагнула порог – в ботинках, рассчитанных на минусовую температуру и ногу на два размера больше, – и закурила сигару. Петер вышел за ней, встревоженный.

– Вы что?

Цаккель, не слишком искусно считывавшая чужие побуждения, решила, что он имеет в виду сигару.

– А что... Ну... не знаю. Я веганка, не пью ни алкоголя, ни кофе. Если я не буду хотя бы курить, ни один здравомыслящий человек не станет мне

доверять, – сообщила она совершенно серьезным тоном, словно пришла к этому выводу ценой немалых умственных усилий.

Петер вдохнул так глубоко, что закашлялся.

– С чего вы взяли, что просто явитесь сюда и получите должность тренера, даже не изложив, что собираетесь делать с нашей КОМАНДОЙ?

Цаккель затаилась и склонила голову набок:

– Командой, которая у вас сейчас?

– Да! С той, что вы собираетесь тренировать!

– Ах, с вашей основной командой? Она – полный отстой. Сборище бывших, перестарков и неумех, кому они нужны?

– Но вы можете сделать из них хорошую команду. Так я вас понял?

Цаккель усмехнулась. Не дружелюбно, не кокетливо – уничижительно.

– Нет-нет-нет, я вас умоляю, из гнилой команды хорошую не сделаешь. Я не Гарри Поттер.

Получив заряд сигарного дыма в глаза, Петер вышел из себя:

– Тогда зачем вы ЗДЕСЬ? Что вам НАДО?

Цаккель достала из кармана мятую бумажку. Она с сожалением выпустила дым в другую сторону от Петера, который не знал, извиняется она за курение или просто жалеет, что он сам не курит.

– Разозлились?

– Я не... злюсь, – пришел в себя Петер.

– А выглядите слегка рассерженным.

– Я не злю... прекратите!

– Мне случалось слышать, что я не слишком умею обращаться с... людьми. Всякие там... чувства и прочее, – сообщила Цаккель. На лице у нее по-прежнему отсутствовало какое бы то ни было выражение.

– Да вы что? Уму непостижимо! – ядовито проворчал Петер.

Цаккель протянула ему бумажку.

– ...но я хороший тренер. А про вас я слышала, что вы хороший спортивный директор. Если вы гарантируете, что они будут беспрекословно подчиняться мне на льду, я сделаю из них команду-победительницу.

Петер стал читать имена. Бубу. Апат. Бенни.

– Хорошие ребята... одному из них всего шестнадцать... будете создавать из них основную команду?

– Не из них. А с их помощью. А вот наш новый капитан, – перебила себя Цаккель.

Петер вытаращился сначала на нее, потом на фамилию, в которую уперся палец Цаккель.

– Вы хотите сделать ЕГО капитаном команды? Нашей ОСНОВНОЙ КОМАНДЫ?

Цаккель ответила невозмутимо, словно речь шла о чем-то само собой разумеющемся:

– Нет. Капитаном его сделаете вы. Потому что у вас хорошо получается общаться с людьми.

Она протянула ему еще одну бумажку. На ней значилось «Видар». Едва взглянув в бумажку, Петер завопил:

– НИ ЗА ЧТО В ЖИЗНИ!

– Так вы знаете Видара?

– Знаю ли я Видара?! Да он... он...

Петера затрясло так, что он обернулся вокруг своей оси, словно взбесившийся кухонный таймер. В дверях показался Суне с чашкой кофе в руках. Цаккель от кофе отказалась, но чашку все же схватила. Суне ухмыльнулся, заглянув в бумажку.

– Видар? Ах, он. Он не сможет играть в твоей команде. В силу... географических обстоятельств.

В ответ Цаккель сообщила – деловито и без тени самодовольства:

– Мне гарантировали, что его в скором времени выпустят.

– Из стационара? Как это? – прохрипел Суне.

Цаккель не произнесла «Ричард Тео». Она сказала просто:

– Это не моя проблема. Моя проблема – найти вратаря, а он, кажется, лучший вратарь во всем Бьорнстаде.

От злости Петер обхватил себя руками.

– Видар УГОЛОВНИК! И... и... ПСИХОПАТ! Он НЕ БУДЕТ играть в моей команде!

Цаккель пожала плечами:

– Это не ваша команда. Это моя команда. Вы спрашивали, чего я «хочу»? Я хочу победить. А чтобы победить, нужны не только перестарки из основной команды, с которыми никто не хочет связываться. Вы должны дать мне кое-что еще.

– Что? – буркнул Петер, безутешно привалившись к стене дома.

Цаккель выпустила изо рта целый клуб дыма.

– Разбойничью шайку.

* * *

В «Шкуру» вошел Теему Ринниус. Рамона оперлась на барную стойку,

нежно погладила его по щеке. Теему принес два пакета с продуктами, большую половину одного из них занимали сигареты. Когда Хольгер покинул ее, Рамона перестала выходить из дому, и Теему никогда не осуждал ее за это – только следил, чтобы она ни в чем не нуждалась. А она редко осуждала его образ жизни. Мораль не мораль – оба знали, что большинство людей не рассчитывают тут на большее, чем как-нибудь дотянуть до завтра. Как говаривала Рамона, «каждому своего дерьма хватает».

Аккуратно причесанный, с чисто выбритым подбородком, Теему умел выглядеть почти безобидно. А Рамона умела выглядеть почти трезвой, особенно если заглянуть к ней с утра пораньше.

– Как мама? – спросила она.

– Окей, все окей.

Рамона знала, что мама Теему очень устает. Слишком любит снотворные таблетки и буйных мужчин. Когда Теему подрос, он научился выставлять мужчин за дверь, но с таблетками номер не прошел. Зато в его голубых глазах отражалась та жизнь, которой он хотел для своей мамы – может быть, поэтому Рамона позволяла себе переживать за Теему больше, чем за всех других мужчин, которые заваливались в «Шкуру» и вываливались оттуда. Но сегодня голубые глаза светились кое-чем еще. Надеждой.

– Только что звонил Видар! И знаешь, что он сказал? – выпалил Теему.

Полицейские сводки предупреждали, что Теему Ринниус крайне опасен. Изрядное множество людей твердили, что он уголовник. Но в одном бьорнстадском баре он так и остался мальчишкой, старательным и неуверенным в себе.

– Не играй со мной в угадайку, мальчик. Давай выкладывай, – нетерпеливо потребовала Рамона.

– Его выпускают! Братишка едет домой! – рассмеялся Теему.

Рамона не знала, как совладать с ногами; описав по бару два полных круга и еле дыша, она проговорила:

– Нам нужен виски получше!

Теему уже выставил бутылку. Рамона обошла стойку и обняла его.

– На этот раз мы позаботимся о твоём брате как следует. На этот раз мы его не отпустим!

Старая барменша и молодой хулиган рассмеялись. Оба они были слишком счастливы, чтобы задать себе вопрос: почему Видара выпускают так скоро? Чья рука повернула ключ?

Политика – это нескончаемая череда переговоров и компромиссов, и, даже если процесс часто оказывается сложным, в основе своей он прост: каждый хочет, чтобы ему заплатили, поэтому почти все части любой бюрократической системы функционируют одинаково. Ты мне – я тебе. Так мы и построили цивилизацию.

Свою машину Ричард Тео обожал: каждый год он проезжал тысячи миль. Цифровые технологии, конечно, тоже сила, но они оставляют следы. Электронные письма, эсэмэски и записанные телефонные разговоры – злейшие враги политика. Поэтому Тео готов был наматывать мили, чтобы в тишине потолковать о вещах, которые никто потом не сумеет доказать.

Петер Андерсон был прав: Тео позвонил Элизабет Цаккель, потому что понял ее пиар-ценность. Женщина-тренер в клубе мужчин-насильников. Понимал Тео и цену победы, поэтому, когда Цаккель принесла список игроков основной команды «Бьорнстад-Хоккея», Тео спросил ее, что ей нужно. Она ответила: «В самую первую очередь? Вратарь. Был тут пару лет назад один юниор с хорошей статистикой: Видар Ринниус. Но он куда-то пропал. Что с ним?» Тео ничего не смыслил в хоккее, но в людях разбирался.

Отыскать стационар, где содержался Видар, оказалось легко, Тео не один год поддерживал нежную дружбу со служащими нескольких разных администраций и комиссий. Поэтому он позвонил Цаккель и спросил: «Насколько вам нужен Видар?» Цаккель ответила: «Если вы обещаете мне его, плюс я найду в Бьорнстаде еще трех хороших игроков, я смогу победить».

Для этого Ричарду Тео пришлось оказать пару услуг личного порядка, что стоило ему пары обещаний и нескольких миль на машине. Зато Видара Ринниуса решили отпустить значительно раньше, чем ожидалось. Не был нарушен ни один закон, не поменялось ни одно правило; Ричарду Тео понадобилось только подружиться с председателем нужной комиссии – и делом Видара по стечению обстоятельств занялся новый ответственный сотрудник, который счел, что «потребность пациента в лечении нуждается в пересмотре».

Видару было всего семнадцать, когда его арестовали за побои и хранение наркотиков, поэтому суд отправил его на принудительное лечение в соответствующий стационар. Но ведь иногда бумажные реки оказываются слишком полноводными, случаются ошибки, и, положив руку

на сердце, разве не следует время от времени пересматривать потребности пациентов в лечении? С учетом острой нехватки мест в медицинских учреждениях, не является ли это политически безответственным – держать там подростков сверх необходимого?

В своем отчете новый сотрудник дал понять, что Видар Ринниус, до того как угодить в клинику, был многообещающим хоккеистом и что для его социализации до «приемлемого уровня» необходимо, чтобы «упомянутый подросток имел возможность свободно заняться каким-либо осмысленным делом». В обычном случае Видар отправился бы дальше поэтапно по другим клиникам, но протокол можно пересмотреть, если у пациента вдруг появится возможность поселиться в «благоустроенном и безопасном жилище». И внезапно у Видара образовалась квартирка в Низине, подведомственная бьорнстадскому управлению коммунального жилья. Разумеется, Ричард Тео не имел к этому никакого отношения – это было бы коррупцией. И конечно, ответственный сотрудник вел дело Видара Ринниуса не из Бьорнстада – это выглядело бы подозрительно. Но так получилось, что теща означенного сотрудника, к тому времени скончавшаяся, была как раз оттуда. Жена сотрудника унаследовала домик и участок на берегу озера, и через несколько месяцев – так уж получилось – в коммуну поступила заявка на строительство на берегу озера домиков для сдачи в аренду. Обычно такие заявки получали отказ, потому что застройка береговой зоны запрещена, но именно в тот раз именно тот сотрудник без проблем получил разрешение на застройку. Чистая случайность.

Одна подпись на документе против другой подписи на другом документе. Бюрократ против бюрократа. Элизабет Цаккель получила вратаря, Теему Ринниус – младшего брата, Петер Андерсон – нескольких опасных врагов. А Ричард Тео в итоге получит все, что ему нужно. Каждый хочет, чтобы ему заплатили. Но валюта у каждого своя.

* * *

Когда Петер ушел, Суне и Цаккель проводили малышку Алисию домой.

– Можно я завтра опять приду бросать шайбу? – спросила четырех-половиной-летка.

Суне разрешил. Набор выражений лица у Цаккель явно исчерпался. Суне пришлось попросить ее не курить при ребенке, а Цаккель, похоже, не

могла взять в толк почему: то ли он считал это неприличным, то ли ребенок только-только бросил курить и может снова поддаться соблазну.

Когда Алисия убежала к себе домой, Суне нахмурил лоб, глядя на Цаккель:

– Ты всерьез хочешь, чтобы Видар вошел в команду?

– Он разве плохой вратарь? Я смотрела статистику его последнего сезона. Там какая-то ошибка?

– Видар, наверное, лучший вратарь, какого видел этот город. Но у него... проблемы.

– Он годен к игре или нет?

– Годный не означает подходящий нам, – заметил Суне.

Недоумение Цаккель было почти трогательным.

– Хоккей есть хоккей. Если этот парень хорошо играет, значит, он подходящий. Почему Петер так злится на него?

Суне постарался удержаться от смеха.

– Петер не... злится.

– Мне показалось, он злится.

– У Видара проблемы с... самоконтролем. Ему это тяжело дается. А Петер не любит... беспорядка.

– Беспорядка?

– Видар... он... с чего бы начать? Его брат...

– Беспредельщик. Глава Группировки. Я слышала, – перебила Цаккель.

Суне откашлялся.

– Ну... но... да какая тут Группировка... газетчики немного преувеличивают. Но... ну... однажды между фанатами началась драка возле арены, после матча, в котором играла основная команда. В драке участвовал Теему. Сразу после первого матча должна была играть юниорская команда, но к началу игры юниоры Бьорнстада остались без вратаря, потому что Видар сидел в полицейской машине. Он бросился в драку, даже коньки не успел снять. В другой раз он вломился в ледовый дворец и съехал по трибунам на мопеде. Он был... ну... слегка нетрезв. А как-то он услышал, что Петер Андерсон на встрече с правлением говорит ерунду про «гопников»; после этого Видар всю ночь колесил по городу. Он украл все шайбы. То есть буквально ВСЕ шайбы. Те, что хранились в ледовом дворце, в спортмагазине, из чужих гаражей украл... на следующий день на командном турнире нам пришлось просить публику съездить поискать шайбы на чердаке, чтобы можно было начать игру. А еще в другой раз Видар ударил судью в... ну... причинное место. Прямо во время матча. Петер запретил ему являться в клуб, поэтому Видар вломился в ледовый

дворец и нагадил Петеру на письменный стол.

Цаккель невозмутимо кивнула.

– А Петер не любит беспорядка?

Суне усмехнулся:

– В глазах Петера пролить кофе на его письменный стол – уже преступление. Экскрементов он не простит. Он не даст тебе играть с Видаром.

Цаккель выразила лицом, что не понимает, как одно связано с другим.

– В Бьорнстаде есть вратарь лучше Видара?

– Нет.

– Я тренирую хоккейные команды. Насколько я знаю, единственный способ тренировать команду – это обращаться со всеми справедливо, никого не выделяя. Хороший хоккеист есть хороший хоккеист.

Сунне кивнул:

– Ох. Вы с Петером будете ругаться так, что чертям тошно станет.

– Это плохо?

– Нет. – Суне улыбнулся. – Чтобы клуб жил, люди в нем должны гореть, а огонь возникает от трения...

– Лесные пожары тоже, – заметила Цаккель.

– Ты поняла мое сравнение, – вздохнул Суне.

– А это сравнение? У меня плохо с...

– Людьюми? Чувствами? – попытался угадать Суне.

– ...с поглаживанием по головке. Мне нужен игрок, который просто... прет вперед.

– Тогда тебе нужен Петер. Он их мотивирует, ты – тренируешь.

– Да.

– Он не будет разговаривать с Видаром. Но я могу поговорить с братом Видара.

– Братом?

– Да.

– А остальные трое? Беньи, Бубу и Агат? С ними Петер будет разговаривать?

– Нет.

– Нет?

– Если ты хочешь, чтобы он мотивировал Беньи, Бубу и Агата, разговаривать придется не с парнями. А с их мамами и сестрами.

– Странный у вас город, – констатировала Цаккель.

– Нам уже говорили, – подтвердил Суне.

«Бьорнстад против всех»

Новость появилась на сайте местной газеты и тотчас разлетелась повсюду. Может, потому, что других новостей как-то не было. Может, оттого, что в наших краях к хоккею относятся по-особому. А может, именно тогда ветер – едва заметно для большинства – поменял направление.

«Крупный спонсор спасает хоккейный клуб Бьорнстада: спортивный директор Петер Андерсон ведет тайные переговоры», – объявляла газета граду и миру. А несколькими строчками ниже следовала другая сенсация: «По нашим сведениям, новым тренером основной команды стала прославленная хоккеистка, член национальной женской сборной, Элизабет Цаккель. Это будет первая женщина-тренер в истории «Бьорнстад-Хоккея».

Газета не писала, откуда у нее такие сведения, – только упоминала некий «надежный источник, близкий к клубу».

Чтобы победить на выборах, политику нужны конфликты, но союзники ему тоже нужны. Ричард Тео знал всего два способа сподвигнуть тех, кто не испытывает к тебе симпатии, сражаться на твоей стороне: общий враг или общий друг.

В тот самый день, когда Петер Андерсон познакомился с Элизабет Цаккель, журналистка из местной газеты позвонила одному местному политику. Но трубку взял Ричард Тео:

– К сожалению, человек, которого вы ищете, сейчас в отпуске. Я случайно проходил по коридору и услышал, что звонит телефон, – любезно пояснил он.

– А... его помощник прислал мне электронное письмо, просил позвонить... что-то насчет «Бьорнстад-Хоккея».

Включать дурочку Тео умел в совершенстве. А что паролем к электронной почте помощника было наименование полового органа и цифры «12345», оказалось лишь удачным совпадением.

– Что-то насчет «Бьорнстад-Хоккея»? Случайно, не про нового спонсора и нового тренера? – услужливо намекнул Ричард Тео.

– Что? – воскликнула девушка.

Тео изобразил нерешительность:

– Прошу прощения... я думал, это уже всем известно... какой же я дурак... взял и все разболтал! Да и не мое дело говорить о таких вещах!

Журналистка откашлялась:

– А можно... поподробнее?

– Могу я рассчитывать, что мое имя не будет упомянуто в статье? – поинтересовался Ричард Тео.

Журналистка, конечно, пообещала; Тео великодушно объяснил, что он «просто не хочет отнимать славу у Петера Андерсона, ведь это всецело его заслуга!».

Когда новость появилась на интернет-странице газеты, Тео отправился в продуктовый магазин, спросил, где владелец, и был препровожден на склад.

Фрак производил учет товара – постаревший бугай-хоккеист сидел за рулем грязного автопогрузчика. Как всегда, в костюме. В молодости Фраку не хватало внимания девушек, и он решил выделяться одеждой. Когда другие натягивали футболку, он надевал пиджак, а на похороны, куда все пришли в костюмах, он явился во фраке. Так Фрак и обрел свое прозвище.

– Меня зовут Ричард Тео, – сказал политик, хотя в этом не было необходимости.

– Да помню я тебя, мы в одну школу ходили, – пробурчал Фрак и спрыгнул с погрузчика.

Политик протянул ему большую коробку. Хозяин магазина с опаской принял ее.

– Я хочу помочь «Бьорнстад-Хоккею», – объяснил Тео.

– Люди здесь не хотят, чтобы клубом завладел политик, – ответил Фрак.

– Вообще политик... или **ДАННЫЙ КОНКРЕТНЫЙ**? – Тео подпустил самоиронии.

Фрак ответил осторожно и без враждебности:

– Я думал, ты в курсе, какая у тебя репутация. Чего тебе от меня надо?

– Дружбы и взаимной помощи! У нас с тобой общий друг, а по мне, общий друг важнее, чем общий враг.

Фрак открыл коробку, заглянул в нее.

– Что... что мне с этим делать? – Он безуспешно пытался сохранить невозмутимость.

– Все говорят, что ты лучший продавец в Бьорнстаде. Вот и продай

их, – сказал Тео.

Он сунул руки в карманы дорогих брюк. Ослепительно-белая сорочка под серым жилетом, красный шелковый галстук, начищенные до блеска ботинки. В Бьорнстаде так одевались только он – и Фрак. Хозяин продуктового магазина снова заглянул в коробку. За исключением своей семьи, он любил всего две вещи: свой город и свой хоккейный клуб. Уходя, Тео обернулся и краем глаза увидел, как Фрак улыбается.

Коробка была набита футболками с надписью «Бьорнстад против всех». Фрак распродал их меньше чем за час.

* * *

В любви обязательно есть проигравший. Нам не хочется это признавать, но один из нас всегда чуть больше получает, а другой, по беспечности своей, чуть больше отдает.

Мира сидела на ступеньках дома, стараясь надышаться кислородом, но легкие все не наполнялись. Эти леса могут задушить человека, который стремится к большему, но какой из тебя семьянин, если ты думаешь только о том, чтобы тебе легко дышалось? Мире предлагали хорошую работу, далеко от Бьорнстада. Предлагали руководящую должность в бюро, где она работала сейчас; новая должность требовала дольше оставаться на работе, а в выходные – всегда быть на телефоне. Мира отказалась: выходные – это уроки гитары, тренировки и хоккейные матчи. Она продавала программки, разливала кофе, была мамой и женой.

Ее коллега, страстная противница моногамии, конечно, призывала ее «не сидеть всю жизнь на жопе ровно!». Но что есть брак, если убрать из него любовь? Сделка. Двум людям трудно договориться, какой сериал они будут смотреть, – что уж говорить о целой жизни вдвоем! Кому-то приходится уступать.

Петер вышел из «вольво» с букетом цветов в руках. На ступеньке рядом с Мирой стоял еще один бокал. Белые флаги. Наконец Мира улыбнулась – в основном цветам.

– Где ты их купил посреди ночи?

Петер покраснел:

– Нарвал в чужом саду. В Хеде.

Он протянул руку, коснулся ее кожи, и их пальцы осторожно переплелись.

* * *

Всего лишь хоккейный клуб. Всего лишь игра. Все понарошку. Кто-нибудь обязательно попытается внушить это Алисии, но этот чертенок не станет слушать. Ей четыре с половиной года, завтра она снова постучится в дверь Суне. Старик станет учить ее еще жестче посылать шайбу в стену дома. Отметины на фасаде будут для него как рисунки внуков, которые другие старики вешают на холодильник: оттиски на память о том, что здесь рос кто-то, любимый нами.

– Как в детском саду? – спросил Суне.

– Мальчишки обижают, – ответила девочка.

– Дай им в рожу, – посоветовал Суне.

Четырех-с-половиной-летка обещала. Обещания надо держать. Но, провожая девочку домой, Суне прибавил:

– Но ты поддерживай тех, у кого нет друзей. Защищай слабых. Иногда это нелегко, иногда неприятно, иногда даже страшно. А ты все равно будь хорошим другом.

– Зачем? – спросила девочка.

– Затем, что однажды ты станешь лучшей. Тренер сделает тебя капитаном команды. И тогда ты вспомнишь, что кому много дано, от того многого ждут.

Девочка еще не понимает, что это значит, но она запомнит каждое слово. Каждую ночь ей станет сниться один и тот же звук: банк. Банк. Банк-банк-банк. Ее клуб остался в живых. На ее счастье, она никогда не поймет до конца, что же случилось тем летом, как близко от гибели был клуб и как получилось, что он выжил. Вернее – какой ценой.

* * *

Если долго живешь с человеком бок о бок, то в конце концов понимаешь, что в начале отношений у вас могли быть сотни поводов для конфликта, но теперь остался всего один. Вы снова и снова проваливаетесь в одну и ту же ссору, она лишь принимает разные формы.

– Появился новый спонсор... – начал Петер.

– Все говорят. Газета уже выложила на сайте, – кивнула Мира.

– Я знаю, что ты скажешь, – прошептал Петер, стоя у крыльца их с Мирой дома.

– Не знаешь. Потому что ты ни о чем не спрашивал. – Мира отпила вина.

Петер снова ни о чем не спросил. Только сказал:

– Я могу спасти клуб. Я обещал Мае, что...

Мира мягко схватила его за пальцы, но голос ее был жестким:

– Не впутывай сюда нашу дочь. Ты спасаешь клуб ради себя. Ты докажешь всем, кто тебе не верил, что они ошибались. В очередной раз. И этих доказательств опять окажется недостаточно.

Петер скрипнул зубами:

– А что мне делать? Пусть клуб умирает, пока люди вокр...

– Да какая разница, что думают ЛЮДИ... – перебила Мира, но ее перебил Петер:

– В газете мой некролог! Кто-то всерьез угрожает мне!

– Кто-то всерьез угрожает НАМ, Петер! Какого хрена каждый раз именно ты решаешь, команда твоя семья или нет?

Наконец-то его слезы упали ей на волосы. Петер присел на корточки.

– Прости. Я знаю, у меня нет права просить тебя о чем-то еще. Я люблю тебя. Тебя и детей... больше, чем... больше...

– Мы знаем, любимый. – Мира закрыла глаза.

– Я знаю, чем ты пожертвовала ради моего хоккея. Знаю.

Мира прикрыла веками отчаяние. Каждую осень, зиму и весну вся семья жила на хоккейных условиях, взмывала в небо, когда команда выигрывала, и камнем падала вниз, когда та проигрывала. Мира не знала, хватит ли ее на очередной сезон. И все-таки встала и сказала:

– Что это за любовь, милый, если не приносить жертвы?

– Любимая, я...

И тут Петер онемел.

На Мире была зеленая футболка с надписью «Бьорнстад против всех». Мира прикусила щеки, сломленная своей потерей, но гордая своим выбором.

– Фрак заходил, он продает такие у себя в магазине. Наши соседи вернулись домой в таких же. Господи, Петер, им по девяносто лет. Много ли девяностолетних ходит в таких футболках?

Мира улыбнулась. Петер не знал, куда девать глаза.

– Я не знал, что Фрак...

Мира коснулась его щеки.

– Фрак тебя обожает. Просто по уши влюблен, милый. В этом городе есть люди, которые тебя ненавидят, и ты ничего с этим не сделаешь. Но гораздо больше людей боготворят тебя, и с этим ты тоже ничего не

сможешь поделаться. Иногда мне хочется, чтобы ты не был незаменимым, иногда мне надоедает вечно тебя с кем-то делить, но, когда я выходила за тебя замуж, я знала: половина твоего сердца принадлежит хоккею.

– Нет, неправда... милая... скажи мне «уволься!» – и я уволюсь!

Просить она не стала – дала ему возможность не доказывать, что он лжет. Поступок любящего человека. Мира сказала:

– Я тоже из тех, кто боготворит тебя. И играю в твоей команде. Несмотря ни на что. Иди и спасай свой клуб.

Петер еле слышно ответил:

– На будущий год, любимая... дай мне всего один сезон... а в будущем году...

Мира протянула ему бокал – наполовину полный? наполовину пустой? Поцеловала своего мужа в губы, он прошептал «я люблю тебя», и его дыхание легло на ее дыхание. Мира ответила: «Победи, любимый. Если тебе действительно это нужно, то... победи!»

Мира ушла в их с мужем дом. И написала коллеге: «Не могу принять твое предложение. В этом году не получится. Прости». Потом она легла спать. Той ночью в ее кровати спали три женщины. Всего три.

* * *

Поздно вечером Петеру позвонили из местной газеты и спросили напрямик: «Подтверждаете ли вы слухи? Нашелся ли новый спонсор? Вы можете спасти клуб? Правда ли, что вы приняли на работу женщину-тренера? Встретится ли “Бьорнстад” с “Хедом” в первом матче серии?»

На все четыре вопроса Петер ответил одним-единственным словом и положил трубку.

«Да».

Почуяв кровь, разжигали пламя

На стене в кабинете Ричарда Тео, рядом с изображением аиста, висела распечатка с сайта хоккейного союза: расписание осенней серии игр «Бьорнстад-Хоккея». Первая встреча – с «Хед-Хоккеем».

В открытое окно влетела муха, но Тео не прибил ее, и та летала по кабинету, жужжа все неистовей и яростней. Тео недавно прочитал книгу о терроризме, где историк использовал такую аналогию: муха в посудной лавке не сможет перевернуть ни одной, даже самой маленькой чашки, но вот она жужжит под ухом у быка, жужжит, жужжит – и он, перепуганный, разозленный, врывается в лавку и устраивает там разгром.

Ричарду Тео разгрома не требовалось, ему хотелось просто конфликтов. Он продолжал чутко слушать. Людей в продуктовом магазине, в скобяной лавке, в баре «Шкура», в Низине, на Холме; он смотрел им всем в глаза и, вместо того чтобы высказываться по тому или иному поводу, задавал вопросы. «Каких действий вы ждете от нас, политиков?», «Каким вы видите Бьорнстад через десять лет?», «Сколько налогов вы заплатили в прошлом году?», «Считаете ли вы, что деньги были потрачены в ваших интересах?». Порасспрашивав, Тео понял: людей здесь беспокоят три вещи: работа, здравоохранение и хоккей.

Потом Ричард Тео уселся за компьютер и принялся писать.

Все лето местная газета пересказывала слухи о закрытии больницы в Хеде; все эти статьи Тео комментировал анонимно с полдюжину разных аккаунтов. Он не сеял ненависть, не старался привлечь к себе внимание, а просто подбрасывал по полешку в разгорающееся пламя. Когда какая-нибудь встревоженная беременная спрашивала, что будет с родильным отделением в больнице, одна из анонимных ипостасей Тео вопрошала: «А вы что-нибудь слышали?» Женщина отвечала: «У меня там знакомая работает, говорит – больницу закрывают!!!!» Анонимная ипостась Тео замечала: «Ну, будем надеяться, что правительство не поднимет цены на бензин. Хоть в машине сможем рожать». Когда какой-нибудь очередной уволенный с бьорнстадской фабрики писал: «Точно!! Почему всякий раз расплачивается провинция?» – другая ипостась Тео отвечала: «С какой стати тратить все деньги на больницу в Хеде? Может, лучше открыть

медицинский центр в Бьорнстаде?»

К мужчине и женщине присоединялись еще несколько озлобленных голосов, дискуссия накалялась, и тут Тео направлял раздражение в нужное ему русло: «Значит, местные матери должны рожать в машинах, а бюджетные деньги коммуна потратит на «Хед-Хоккей?»»

На самом деле средства на медицину и на хоккей берутся из разных бюджетов, а решения о финансировании того и другого принимают разные политики, но, когда сталкиваешься со сложными вопросами, всегда найдутся люди, которым захочется простых ответов. И вот так, день за днем, Ричард Тео в разных ветках комментариев делал то, что умел лучше всего: раздувал конфликты, сталкивал лбами. Провинция против столичных городов. Здравоохранение против хоккея. Хед против нас.

Мы против вас.

А тем временем все больше людей самых разных возрастов надевали зеленые футболки с надписью «Бьорнстад против всех».

Политика не знает хронологической последовательности, масштабные перемены не происходят из ничего, им всегда предшествует ряд мелких причин. Иногда политика – это найти тренера в хоккейный клуб, иногда политика – это просто ответить на телефонный звонок, когда прочие местные политики в отпуске. Во второй раз Тео позвонила та же журналистка на временной ставке, что и в первый раз. Теперь она пыталась наполнить иссякшие по причине летнего времени полосы новостей дежурными вопросами типа «Как местные знаменитости отметили праздник середины лета?», а ведь Ричард Тео – «и политик, и в некотором роде знаменитость», к тому же он был так любезен во время их предыдущей беседы. И Тео не упустил свой шанс:

– Я поехал в Хед, коммуна всегда направляет деньги именно туда. Но с гораздо большим удовольствием я бы отпраздновал середину лета в Бьорнстаде!

– Вы полагаете, коммуне следовало провести летний праздник в Бьорнстаде? – поинтересовалась журналистка.

– Понимаете, у бьорнстадских налогоплательщиков может возникнуть опасения, что коммуна направляет все бюджетные средства в Хед, – благожелательно пояснил Тео.

– Это... в каком смысле?

– Ну, достаточно почитать ветки обсуждений под статьями в вашей же

газете, – намекнул Тео.

Журналистка положила трубку и быстро нашла комментарии под статьями о больнице. К тому времени Тео уже стер свои реплики, но его мысли подхватили многие другие: «Бьорнстад, значит, должен искать спонсоров на стороне, а КОММУНА тем временем спонсирует Хед! Почему деньги на «Хед-Хоккей» коммуна находит, а на БОЛЬНИЦУ – нет?»

Журналистка позвонила Тео еще раз, и Тео смиренно ответил, что он «не присутствовал на заседаниях, где речь шла о судьбе больницы», но предположил, что журналистке стоит задать этот вопрос лидеру фракции большинства в коммуне. И журналистка позвонила партийному лидеру. Лидер ответил по мобильному телефону – он проводил отпуск в Испании. Журналистка с места в карьер спросила: «Почему все бюджетные деньги уходят от «Бьорнстад-Хоккея» «Хед-Хоккею»? И разве «Хед-Хоккей» не может найти собственных спонсоров? Тогда коммуна могла бы направить деньги на содержание больницы?» Может быть, политик чересчур расслабился, может, даже выпил бокал или коробку вина, потому что ответил: «Вы же понимаете, милочка, что это разные деньги! Совершенно разные бюджеты! Что касается хоккея, то мы отдаем предпочтение более перспективному клубу, а сейчас это «Хед-Хоккей», а не «Бьорнстад». Журналистка процитировала его в интернете, но опустила слово «хоккей». Теперь ответ звучал так: «Мы отдаем предпочтение Хеду, а не Бьорнстаду». Посыпались комментарии: «А-а-а! Хеду, как всегда, достанется все!! А ведь в Бьорнстаде живут такие же налогоплательщики!» Потом: «Тут выше уже писали: почему деньги на «Хед-Хоккей» находятся, а на медицинский центр в Бьорнстаде – нет???» И еще: «Что для политиков вообще важнее – хоккей или здравоохранение?»

Журналистка еще раз позвонила в Испанию и спросила: «Что важнее, ПО-ВАШЕМУ? Хоккей или больница?» Политик, закашлявшись, завел: «Нельзя так сталкивать лбами...», но журналистка нажала, и политик прохрипел: «Вы же сами, мать вашу, понимаете: я считаю, что больница важнее хоккейной команды!» Журналистка процитировала его ответ в газете, снабдив короткой ремаркой: «...сказал он, когда мы дозвонились до его испанской дачи». В статье как бы вскользь упоминалось, что вообще испанский дачник проживает в Хеде, а не в Бьорнстаде.

Когда журналистка снова позвонила Ричарду Тео и попросила об интервью, тот предложил ей приехать в администрацию. Потому что он, Тео, работает без отпусков.

– Служить этой коммуне – высокая честь, а не просто работа, –

закончил он.

Следующая статья в местной газете вышла с фотографией: Тео сидел в безлюдной столовой здания администрации и усердно трудился. На вопрос «хоккей или больница?» он ответил:

– Я считаю, что налогоплательщики заслужили право на такое устройство общества, где не нужно выбирать между больными и здоровыми.

* * *

Вскоре на сайте местной газеты появилась новая статья. Никто не знал, где журналистка на временной ставке нарыла такие новости, но вдруг оказалось, что существует документ, подтверждающий, что всю эту весну ведущие политики коммуны тайно обсуждали судьбу больницы в Хеде. В статье утверждалось, что рабочие места в одном из отделений больницы, возможно, удастся сохранить, если немедля закрыть «более дорогостоящее» отделение. Газета «из надежных источников» прознала, что в отделении, которое желали сохранить «члены правящей элиты», работали в основном жители Хеда, а в том, которое собирались закрыть, было больше сотрудников из Бьорнстада.

Много позже выяснилось, что это утка, но какая разница? Все равно лейтмотивом новостной ленты того лета было «Скоро в Бьорнстаде станет еще больше безработных».

А комментаторы сайта делали то же, что и всегда: почуяв кровь, разжигали пламя.

* * *

Как-то летом некая чиновница из администрации, политик местного значения, пришла в автомастерскую Хряка за своей машиной: обзор через лобовое стекло оказался несколько затруднен вследствие попадания в капот топора. Капот Бубу перелакировал, но, когда женщина достала кошелек, покачал головой: «Тут уже пришли и заплатили». Имени он называть не стал, но женщина и так поняла. По дороге домой она тряслась от мысли, что вот сейчас увидит мужчин в черных куртках, но у дверей дома ее не ждало ничего ужасного. Только ослепительной красоты букет. Карточка

гласила: «Не бойтесь, у вас по-прежнему есть друзья. Мы не позволим темным силам победить! Ричард Тео».

Женщина позвонила, сказала спасибо. Тео был кроток, ни о каких ответных услугах не просил, чем вызвал у собеседницы уважение. Положив трубку, Тео улыбнулся. Обычно он загодя продумывал свои действия, но иногда позволял себе хоккейную тактику – полагался на свою интуицию и мгновенную реакцию. Однажды вечером, незадолго до праздника летнего солнцестояния, после собрания по поводу «Бьорнстад-Хоккея», куда местная политическая элита вызвала Петера, женщина-политик остановилась в коридоре у кофейного автомата, не решаясь выйти. Проходя мимо нее, Тео заметил:

– У вас невеселый вид. Что вас так тревожит?

Партия, в которой состояла женщина, официально не имела никакого отношения к Ричарду Тео, но слова участия творят чудеса. Женщина призналась:

– Да вот не знаю, как быть. Все говорят, что бьорнстадский хоккейный клуб – банкрот, но я совсем не в курсе спортивных дел! Вдруг кто-нибудь спросит, что я думаю? Что отвечать?

Тео приобнял ее:

– Ну, ничего страшного не произошло. У коммуны остается еще один хоккейный клуб. Скажите – пусть бьорнстадские фанаты болеют за «Хед-Хоккей», вот и все!

Женщина вышла из администрации, ответила на вопрос хедских фанатов, и ее ответ записали на видео. А потом кто-то всадил ей в машину топор. На следующий день однопартийцы не выказали ни малейшего сочувствия, только шипели: «Хватило же ума ляпнуть «пусть болеют за Хед»? В ЭТОЙ коммуне?» Что тут ответишь? Что ей посоветовал так сказать Ричард Тео? Женщина помалкивала, однопартийцы ругались, а она тайком смахивала слезы.

Вечером Ричард Тео явился к ней в кабинет, слушал и утешал, даже попросил прощения. У женщины появились новые враги, так что друзья стали нужны ей как никогда. Тео вызвался отогнать ее машину в мастерскую, пообещал заплатить за повреждения, уговаривал ее не тревожиться. Потом он подбросил женщину домой и просил при малейшей угрозе сразу звонить ему, в любое время суток. «Не нужно бояться, у вас есть хорошие друзья», – напомнил он. И пообещал: «Я позабочусь, чтобы клуб наказал хулиганов, которые на вас напали. Я позабочусь, чтобы стоячие трибуны снесли!»

Никто из однопартийцев не спросил женщину, как она себя чувствует,

никто не протянул ей руки, и она схватила ту, которую ей протянули. Руку человека с хорошей реакцией.

* * *

Прочитав газету, испанский дачник, разумеется, понял свою ошибку, прервал отпуск и вернулся домой. В аэропорту его встречал Ричард Тео.

– Ты что здесь делаешь? – спросил испанский дачник.

– Хочу тебе помочь.

Испанский дачник обидно захохотал:

– Да ну? Мы с тобой вроде никогда не были, как бы это выразиться... на одной стороне.

Но ему стало любопытно, а из-за статей о больнице он как-то напрягся. Тео пригласил его выпить кофе и дружески напомнил, что «мы с тобой оба работаем на благо коммуны» и что «неуверенность и раздрай никому не на пользу». Они немного поговорили о статьях, где речь шла о судьбе больницы; Тео посетовал на «неуклюжие формулировки». Испанский дачник злобно поносил «журналихов». И тут Тео вдруг выдал:

– Слышал о новом спонсоре «Бьорнстад-Хоккея»?

Испанский дачник кивнул, но проворчал:

– Да! Все только о нем и говорят, но никто, похоже, не знает, КТО этот загадочный «спонсор»!

Тео подался вперед и доверительно сообщил:

– Это предприятие, которое покупает фабрику в Бьорнстаде. Они связались со мной, я позову тебя на пресс-конференцию, когда о сделке объявят официально. В коммуне появится много новых рабочих мест.

Испанский дачник даже начал заикаться:

– Откуда ты... я даже не слышал...

Тео без околичностей объяснил, что информацию ему слил один из давних коллег по лондонскому банку. Рассказал и о том, чего новые хозяева фабрики ждут от коммуны: «Конечно, им требуются некоторые политические жесты... доброй воли. Вложения в... инфраструктуру». Испанский дачник понял, что это значит: земельные субсидии, снижение аренды, более или менее официальные вложения коммуны в переустройство фабрики. Но понял он и другое – насколько важно оказаться тем политиком, который на пресс-конференции пообещает людям новые рабочие места.

– Почему ты мне об этом рассказываешь? – подозрительно спросил

испанский дачник.

– Потому что я не хочу быть твоим врагом, – мягко ответил Тео.

Испанский дачник расхохотался:

– Да ты прямо конский барышник, Тео. Чего ты хочешь?

И Ричард Тео спокойно ответил:

– Места за столом переговоров. Достаточно, если во время пресс-конференции ты упомянешь меня и мою партию, начнешь сотрудничать со мной – тогда и другие партии подтянутся.

– Хочешь, чтобы я сделал тебя политически рукопожатным?

– Я хочу дать тебе шанс стать тем политиком, который сохранит Бьорнстадам рабочие места.

Испанский дачник еще кобенился, но внутренне уже сдулся. Он поставил Тео одно-единственное условие:

– Все новые рабочие места на фабрике должны достаться Бьорнстадам! Я не желаю видеть, как моя партия подыгрывает Хеду, да еще сейчас!

Ричард Тео пообещал, дав слово чести. Которое стоило не особенно дорого. Он ничего не имел против этого дачника, политики все одинаковы, вот в чем проблема. Испанский дачник водил знакомство со всеми денежными людьми в коммуне, но слыл к тому же большим любителем спорта, который охотно поддерживает хоккейные клубы, – получалась опасная комбинация. Требовался противник послабее. Поэтому, когда испанский дачник уехал домой, Тео тут же позвонил другу в Лондон:

– Ну, договорился. Новые владельцы получают все, что нужно. Только тут кое-какая мелочь всплыла...

Новые владельцы фабрики, конечно, все поняли. Тем более что Тео постарался объяснить: учитывая жаркие прения в местной прессе о закрытии больницы, «местные политики» оценили бы, если бы новые владельцы пообещали большую часть новых рабочих мест жителям Хеда.

Чтобы никто не думал, что подыгрывают только Бьорнстаду.

* * *

Однажды вечером в конце лета в дверь женщины-политика постучали. Она открыла, удивилась и пригласила Тео войти, но тот виновато улыбнулся и сказал, что «не хочет мешать». Тео разглядел в глубине доме ее мужа и детей.

– Новые владельцы фабрики скоро объявят о сделке официально. Расскажут про новые рабочие места и про то, что они будут спонсировать «Бьорнстад-Хоккей». И проведут пресс-конференцию, совместно с политиками, которые внесли свою лепту в заключение сделки, – сказал Тео.

Женщина не умела играть в такие игры и не поняла, каким образом это ее касается, поэтому просто сказала:

– Поздравляю. К следующим выборам у вас будет звездочка на фюзеляже.

Тео смиренно улыбнулся:

– Ну, меня там не ждут. А ваши люди там будут, вы же самая крупная партия в коммуне.

– Я занимаю не настолько высокое место в иерархии, чтобы меня отправили на пресс-конференцию. Особенно после... ну, вы понимаете. Топор в капоте.

Тео с радостью отметил в ее голосе не только страх, но и злость.

– А если я устрою так, что вы туда отправитесь? Вместе с лидером вашей партии?

– Вы не сможете... или сможете?

Женщина замолчала, но Тео ничего не говорил, и она продолжила:

– Чего вы от меня хотите?

– Я хочу быть вашим другом.

– Что я должна буду сказать на этой пресс-конференции? – как-то слишком услужливо спросила женщина.

– Правду. Что рабочие места нужны не только бьорнстадцам, но и в Хеде. Ответственный политик заботится обо всей коммуне.

Женщина покачала головой, ее веки задергались.

– Я не могу... вы же понимаете – не могу...

Рука Тео коснулась ее руки: поддержать, успокоить.

– Вы напуганы. Не бойтесь. Никто не причинит вам зла.

По его глазам женщина поняла: он говорит всерьез. Тяжело вздохнула:

– Так вы хотите, чтобы я потребовала часть рабочих мест на фабрике для жителей Хеда?

– Половину, – кивнул Тео.

– Вы что, не понимаете, как меня после этого возненавидят в Бьорнстаде?

Ричард Тео невозмутимо пожал плечами:

– В Бьорнстаде возненавидят, зато полюбят в Хеде. А в Хеде народу живет больше. Если вас уже ненавидят здесь, то тем больше полюбят там. Выборы выигрывают не те, у кого мало врагов, а у кого много друзей.

– Это хотя бы законно? Вы можете... а вдруг меня исключат из партии?

– Вы меня не так поняли. После пресс-конференции вы не только сохраните членство в партии. Вы станете ее лидером.

И это тоже было сказано совершенно всерьез.

Лето в Бьорнстаде ослепит кого угодно; как аромат роз усиливается в темной комнате, так пора света в краях, привычных к темноте, буквально опьяняет. Вокруг вдруг вскипает зелень, светло почти круглые сутки, теплые ветерки гоняются друг за другом, словно выпущенные из хлева телята. Но мы научились не доверять жаре, она быстротечна и вероломна. В этой части страны деревья раздеваются быстро, сбрасывают листья одним махом, как ночную рубашку, и вот дни усыхают, а горизонт становится ближе. Быстрее, чем мы ждали, является зимняя белизна и стирает краски остальных времен года, и однажды утром мы поднимаем шторы и видим, что мир снова стал чистым листом, хрустяще-ледяной свежевыглаженной простыней. Мы вытаскиваем лодки из озера, оставляя часть себя на лодочном дне. Те, кем мы были в июле, летние люди, останутся спать в этой деревянной постели под толстым слоем снега, и сон их будет так долог, что до следующей весны они почти забудут самих себя.

Близился сентябрь. Время принадлежит тем, кто любит хоккей. Наш год начинается в сентябре.

Фатима и Анн-Катрин закончили смену. Все без исключения врачи, проходившие мимо, обсуждали только хоккей – местная газета сообщила про некоего «таинственного спонсора», который может спасти «Бьорнстад-Хоккей», и эта новость стала главной темой всех разговоров и в Бьорнстаде, и в Хедде. «Вот это будет СЕЗОН!» – выдохнула одна из медсестер в комнате отдыха, и ей тут же возразила медсестра из другого лагеря: «Лучше бы этому спонсору вложиться в Хед! Коммуна у нас маленькая, ей две команды не потянуть!» – «Ну конечно!» – воскликнула первая. «Вот и закрывайте тогда ваш «ХЕД», вы же без денег налогоплательщиков не проживете!» – рявкнула вторая.

Поначалу все выглядело как дружеская перебранка, но Фатима и Анн-Катрин достаточно долго следили за делами хоккейными в обоих городах, чтобы понимать: перебранки вскоре перерастут в полномасштабные конфликты, и не только в больнице. Когда «Бьорнстад» и «Хед» наконец встретятся, наружу вырвется все то лучшее и худшее, что накопилось в отношениях между людьми. В наших краях спорт – это гораздо больше,

чем спорт. А уж в том сезоне...

Когда Фатима и Анн-Катрин вышли после рабочего дня из больницы, на парковке их ждал человек в спортивной куртке.

– Петер? Что ты здесь делаешь? – растерянно спросила Анн-Катрин, издали завидев спортивного директора «Бьорнстад-Хоккея».

– Пришел кое-что у вас попросить, – сказал Петер.

– Что, Петер?

– Ваших сыновей.

Фатима и Анн-Катрин сначала рассмеялись, но потом поняли, что он не шутит.

– Петер, ты хорошо себя чувствуешь? – встревоженно спросила Фатима.

Петер с серьезным видом кивнул.

– Может быть, вы слышали – у нас новый тренер. И она хочет выстроить клуб... вокруг ваших мальчиков.

Уловив его интонацию, Анн-Катрин уточнила:

– А у тебя эта идея вызывает сомнения?

Уголки рта у Петера приподнялись, но его взгляд уперся в асфальт.

– Я всегда пытался строить хоккейный клуб, который был бы... больше чем просто хоккейный клуб. Хотел воспитывать не просто хоккеистов, но и людей. Чтобы главным были не победы. Но... у нас теперь новый спонсор. И если мы не победим в этом сезоне... если не разобьем «Хед» и не поднимемся в высший дивизион... тогда я не знаю, выживет ли клуб в следующем году.

– Так что ты хотел сказать? – нетерпеливо потребовала Анн-Катрин.

Грудь Петера поднялась и опустилась.

– Я боюсь, что в этом году клуб потребует от ваших сыновей больше, чем даст им взамен.

– Как это? – спросила Фатима.

Петер повернулся к ней:

– Недавно Аамат остановил меня на дороге, за городом. Спросил, будет ли он играть в юниорской команде, а я... я обошелся с ним как последняя сволочь...

– Мы все последние сволочи, ты не хуже других, – улыбнулась Фатима, но Петер перебил ее:

– Он спросил о юниорской команде, Фатима, но господи... в юниорской команде Аамата не будет. Мы хотим, чтобы он играл в основной команде!

– С... со взрослыми? – Фатима сглотнула.

Петер не стал скрывать от нее правду:

– К нему предъявят колоссальные требования. И старшие игроки будут обходиться с ним исключительно жестко. Подобное ломало многих. Самый молодой в команде... среди взрослых мужчин... ему придется нелегко.

Взгляд Фатимы был суров.

– Никто не обещал моему сыну, что будет легко.

Ладонь Петера смущенно скользнула по небритому подбородку.

– Нет бы мне сказать Амату, в каком мы с дочерью бесконечном долгу перед ним, как мы благодарны за то, что он весной пришел на то собрание и сказал правду...

Фатима яростно замотала головой:

– Твою благодарность он может принять, но Мая ему ничего не должна. Это мы должны просить у нее прощения, всем городом. А мой сын... мой сын просто играет в хоккей. И будет играть, если ты дашь ему, где играть.

Петер благодарно кивнул. И повернулся к Анн-Катрин:

– Не буду тебя обманывать...

– Смелости не хватит, – улыбнулась Анн-Катрин.

Она была женой Хряка, друга детства Петера, и видела насквозь их обоих. Поэтому что-то скрывать от нее смысла не имело.

– Бубу нужен нам на этот сезон. У нас плохо с защитниками. Но если совсем честно – на более высокий уровень он не тянет... Даже если мы победим, если он поможет нам пробиться в высший дивизион... в следующих сезонах он играть все равно не будет. Этот сезон станет для него последним. Я потребую от Бубу крови, пота и слез, он должен поставить хоккей превыше всего остального – школы, девушек и... всего. А в ответ я могу предложить ему один-единственный год.

Анн-Катрин сильно вздохнула через нос. Внутри все болело, Петер думает, что она такая худая и так плохо выглядит просто потому, что устает на работе. Он, как и все остальные, почти все, не знал о ее болезни. Да и пусть, ей не нужно их сострадание. Но она хочет увидеть, как ее сын играет в хоккей в последний раз. И Анн-Катрин улыбнулась:

– Год? Год – это целая вечность.

Для ее мужа, Хряка, хоккей закончился, когда он получил серьезное сотрясение мозга. Врачи заставили его оставить хоккей; юный Хряк несколько недель молчал, горюя о себе как о покойнике. Несколько месяцев он не мог заставить себя даже приехать к ледовому дворцу, ведь он предал свою команду. Предал товарищей! Тем, что оказался не бессмертным. Бубу

унаследовал от отца широкие плечи и грубую силу, а еще – потребность быть частью команды; оба не выносили одиночества. Обоим требовались любовь и признание, и для Хряка лишиться доступа в знакомую раздевалку было как лишиться руки или ноги. Что бы он отдал за один-единственный хоккейный сезон? Одну-единственную игру? За последнюю секунду, когда ощущаешь жизнь всем телом, публика беснуется и на кону – всё?

Когда Анн-Катрин вечером приедет домой, ноги ей откажут, и Хряк вынет ее из машины, а потом этот дурной, этот чудесный и неуклюжий мужик внесет ее в дом. Она слишком устанет, чтобы танцевать, и он медленно и нежно покружит ее по кухне, держа в объятиях. Она уснет, и его губы будут на ее шее, а его влюбленные руки – под ее майкой. В соседней комнате Бубу будет читать «Гарри Поттера» младшим сестрам. Завтра утром Анн-Катрин снова пойдет к врачу.

Год? Что мы готовы отдать за один-единственный год? Это целая вечность.

* * *

Пятерка возрастных снова собралась в баре «Шкура». У стариков появилась новая тема для споров.

– Какая-то баба? Хоккейный тренер? Это что будет-то! – сказал один.

– Да-а, далековато оно зашло, это равноправие, – заметил второй.

– Язык придержи. Эта самая баба, видать, успела забыть о хоккее больше, чем вы о нем в жизни знали, маразматика хреновы, – возмутился третий.

– Уж чья бы корова мычала! Ты же различия между вбрасыванием и пробросом не видишь, я весь прошлый сезон сидел тут и, как собака-поводырь, докладывал, где сейчас шайба! – замахал руками четвертый.

– А что, нынче и собаки-поводыри заговорили? И не ты ли врал, как в восемьдесят седьмом собственными глазами смотрел чемпионат мира прямо в Швейцарии?

– Да, СМОТРЕЛ! – уперся четвертый.

– Да? Как интересно! Учитывая, что чемпионат мира в восемьдесят седьмом проходил в Австрии! – напомнил пятый.

Все пятеро захохотали. Потом первый сказал – или, может быть, это был второй:

– Но баба – хоккейный тренер? Что будет-то?

– Она, говорят, спит с бабами, только этого у нас не хватало! – заметил

второй – или, может быть, это был первый.

Ему возразил четвертый (или пятый):

– У нас такие тоже имеются. Они теперь везде.

Первый фыркнул:

– Оно бы ладно, если потихоньку, но зачем напоказ-то выставлять? Неужто в наше время и это – политика? Третий старик с такой силой откинулся на спинку барного стула, что непонятно, что затрещало – спинка или его спина, – и попросил у Рамоны еще пива. Пока Рамона наливала, он сказал:

– Вы уж напричитайтесь впрок, потому что если эта новая тренерша одолеет «Хед-Хоккей», то пусть хоть с МОЕЙ бабой спит, мне без разницы.

Вся пятерка снова захохотала – все вместе и друг над другом.

Рамона выставила им закуску, старым пердунам. Орехов – у самих-то на плечах, считай, пустая скорлупа.

* * *

Петер позвонил в дверь Овичей. Открыла мать Беньи.

– Петер! Марш за стол! – велела она, словно Петер опоздал к ужину, хотя он и не помнил, когда видел эту женщину в последний раз.

Беньи дома не было, и Петера это обрадовало, он ведь пришел не к Беньи. Сестры, все три, сидели на кухне: Адри, Катя и Габи. Мать отвесила им по затрепщине – за то, что они все еще не поставили тарелку для гостя.

– Я ненадолго, и я уже поужинал, – попытался увильнуть Петер, но Адри схватила его за руку:

– Ш-ш-ш! Если ты откажешься от маминой стряпни, то ты смелее, чем я думала!

Петер улыбнулся – сначала виновато, потом испуганно. Можно отпускать шуточки по поводу семейства Ович, но только не за ужином. Поэтому Петер съел на три порции больше, чем был в состоянии вместить, плюс кофе с печеньем четырех видов, а остальное ему дали с собой в пластиковых контейнерах и в фольге. Адри с довольным видом проводила его к двери.

– Сам виноват, что пришел во время ужина.

– Я только хотел поговорить о Беньямине. – Петер держался за живот.

– Понимаю, поэтому мы дали маме поговорить с тобой о всяком прочем. – Адри ухмыльнулась еще шире, но, увидев, как Петер серьезен,

тоже стерла улыбку.

– У нас новый тренер. Элизабет Цаккель.

– Я слышала. Все слышали. Даже в газете писали.

Петер достал мятую бумажку. Адри прочитала фамилии, увидела имя брата, но, похоже, не сразу сообразила, что означает буква «К» рядом с именем. Петер пришел ей на помощь:

– Она хочет сделать Беньи капитаном команды.

– Основной команды? Где взрослые мужики? Беньи же...

– Знаю. Но эта Элизабет Цаккель... как бы выразиться? Она поступает не как другие... – уныло объяснил Петер.

– Ну и ну. – Адри улыбнулась. – МОЙ брат – капитан команды? Она хоть понимает, во что ввязывается? – Она говорит, ей нужна не команда, а шайка разбойников. А тут с твоим братом никто не сравнится.

Адри дернула головой:

– От меня ты чего хочешь?

– Помоги мне контролировать его.

– Этого никто не сможет.

Петер нервно почесал шею.

– У меня плохо получается общаться с людьми, Адри. Но эта Цаккель – она...

– У нее получается еще хуже? – предположила Адри.

– Именно! Откуда ты знаешь?

– Мне звонил Суне. Сказал, что ты приедешь.

– Значит, я зря высидел весь ужин? – взорвался Петер.

– Тебе не понравилось, как мама готовит, или что? – прошипела Адри так сердито, что Петер попятился, вскинув руки, будто угодил в кино про ковбоев.

– Адри, прошу тебя, просто помоги мне. Беньи нужен нам, чтобы победить.

Адри смотрела на бумажку, которую держала в руке.

– Но Беньи нужен вам как лидер. Вам нужен разбойник, а не псих без башни.

– Нам нужен Беньи, который не очень похож на... обычного Беньи.

– Сделаю, что смогу, – пообещала Адри.

Петер благодарно кивнул.

– А еще нам нужна ты, как тренер для команды девочек. Если у тебя хватит сил. Я не смогу платить тебе зарплату и знаю, что работа эта неблагодарная, но...

– Она благодарная, – возразила Адри.

Петер видел, как в ней горит огонь. Такое понимаешь, только если ты человек хоккея. Они простились, крепко пожав друг другу руки, – спортивный директор и сестра, отец и тренер девчачьей команды. Но прежде чем Петер ушел, Адри сказала:

– Кто даст тебе деньги? Эти «таинственные спонсоры», о которых пишет газета, – какие у них условия?

– А кто говорит, что они ставят условия?

– Петер, где деньги – там и условия. Особенно когда деньги сочетаются с хоккеем.

– Ты же понимаешь – я не могу ничего рассказывать, пока не будет объявлено о сделке, – умоляюще сказал Петер.

Адри ответила – не угрожающе, скорее сочувственно:

– Ты только не забудь, кто вступился за клуб, когда пришлось совсем хреново.

Адри не потребовалось произносить «Группировка». Петер и так понимал, кто тогда вступился.

– Сделаю, что смогу, – пообещал он.

Хотя оба знали, что для Бьорнстада этого слишком мало.

Та же синяя рубашка

Было еще тепло, когда в бьорнстадской школе начался осенний семестр. Светило солнце, в вышине парили легкие облачка, температура врала, что время коротких рукавов и садовой мебели еще не прошло, но коренные бьорнстадцы уже чуяли зиму. Скоро холод заморозит озера, полетят снежные хлопья, тяжелые, как кухонные прихватки, снежинки, и на городок опустится темнота, словно сзади к нему подкрался злой великан и упрятал все дома в черный мешок, чтобы у себя в подвале, где никто не видит, составить из них игрушечный поезд.

Каждый год в Бьорнстаде как будто заканчивается в августе – может, оттого здесь так легко любить спортивную игру, время которой приходит в сентябре. Возле школьного здания кто-то пристроил на дереве зеленые флаги. Одним это показалось безобидным, а для других выглядело провокацией.

Все началось не здесь. Но здесь оно зашло гораздо дальше.

Ана и Мая остановились метрах в ста от входа; обе глубоко дышали и держались за руки. Целое лето они оставались свободными, но школа – это совсем другой остров, не тот, где можно спрятаться вместе с лучшей подружкой, а тот, на котором поневоле дрейфуешь к суше после ужасного несчастья. Все они тут – жертвы кораблекрушения, они оказались вместе случайно, и теперь каждый мечтает лишь дотянуть до конца семестра и побыстрее отсюда убраться.

– Мне точно не надо сходить за ружьем? – спросила Ана.

– Точно. – Мая рассмеялась.

– Я не буду ни в кого стрелять. Во всяком случае, сильно не буду, – пообещала Ана.

– Если кто-нибудь опять начнет, можешь подсыпать слабительного в молочный автомат в столовой, – разрешила Мая.

– И выкрутить лампочки в туалете, а унитаза затянуть пищевой пленкой, – кивнула Ана.

– Больная, – рассмеялась Мая.

– Не позволяй ни одной сволочи увидеть, как ты плачешь, – прошептала Ана.

– Ни за что.

Плечом к плечу они зашагали к школе. Чужие взгляды жгли кожу, молчание било в виски, но девочки шли, выпрямив спину. Вдвоем против целого мира. До Маиного шкафчика не больше пятидесяти метров, но ничего страшнее этого пути в их жизни не будет. Две юные женщины шагали через наполненную шепотками школу, не опуская взгляда, потому что не осталось такого паскудства, которого они бы не видели.

Вильям Лит пер по коридору, окруженный четырьмя товарищами по команде. Возможно, он не собирался искать врагов; может быть, он завернул за угол и наткнулся на Бубу по чистой случайности. Но драка завязалась мгновенно и неуклюже: парни корчились в тесном коридоре, будто угодили в пчелиный рой. Весной, после того как Агат на собрании в ледовом дворце свидетельствовал о том, что Кевин изнасиловал Маю, некоторые из этих парней ночью отправились в Низину, чтобы его наказать. Среди них был и Бубу. Но в последний момент он перешел на другую сторону. Не прими он за своего нового друга немыслимого количества ударов, Агата, может статься, забили бы до смерти. И та драка до сих пор не кончилась.

Кто-то толкнул Бубу так, что он полетел навзничь; Лит и его приближенные завопили, но тотчас умолкли. Бубу лежал на полу, а в паре метров за ним стоял Бенни. Он ничего не говорил – просто стоял, полуприкрыв глаза, взъерошенный, словно ссора началась у скамейки, под которой он провел ночь. Руки в карманах, высокомерный взгляд, настолько уверенный в производимом эффекте, что даже не угрожающий.

– Начнем сейчас, Лит, или подождешь, пока другие кореша подтянутся? – спросил Бенни, словно интересовался, хочет Лит средний или большой стакан газировки.

Дружки Литы покосились на него, ожидая инструкций. Лит встретил взгляд Бенни и поспешно отвел глаза. Он изрыгнул оскорбление, но ему не полегчало, даже когда он проворчал:

– Да насрать, мы лучше займемся вами на льду. Удачи вам с вашей лесбиянкой! Для вас – самое оно! Вы же все играете, как проститутки!

Бенни поднялся на носки, Лит уперся в пол пятками. Когда к ним по коридору побежали учителя, Лит как-то слишком охотно махнул руками в их сторону, притворяясь, что уходит только из-за них. Но Бенни так и стоял на месте, не опуская взгляда, и каждый, кто это видел, понял, что это означает в школьной иерархии.

Особенно внимательно наблюдал за происходящим Лео Андерсон.

Мая вместе с Аной стояла возле своего шкафчика, когда до них донеслись вопли и звуки ударов: драка. Школьные здания словно специально строят с такой акустикой, чтобы звуки достигали тебя в любом углу, чтобы одни ученики непременно были в курсе жизни других, хотя они того или нет. К месту происшествия уже бежали учителя; Мая мельком увидела, как поодаль, в коридоре, ученики выпускного класса яростно лупят друг друга. Что это глупость, она поняла, едва слова сорвались с губ, но все-таки спросила:

– Из-за чего вы теперь-то деретесь?

В паре метров круто обернулась ее ровесница и бросила, источая презрение:

– Не строй из себя дурочку, двуличная шлю...

Произнести последний слог девице не дала подруга, но какая разница? Взгляд Майи задержался на ней секундой дольше. Вытаращив глаза и впившись в ладонь ногтями, девица гаркнула:

– Как будто ты не ЗНАЕШЬ, из-за чего они дерутся! Тебе же в радость, да? Все драки в этом сраном городке – из-за ТЕБЯ! Ее высочество Мая Андерсон, принцесса Бьорнстадская!

Имя Майи девица словно сплюнула ей на могилу. Подружки оттащили ее. На рюкзаке девицы краснел брелок «Хед-Хоккея» – в «Хеде» играли ее парень и старший брат. Оба дружили с Кевином.

Мая и Ана привалились к шкафчикам, пульс бился так, что дребезжали жестяные дверцы. Этому конца не будет. Никогда. Мая обреченно простонала:

– Что им от меня еще надо? То я жертва изнасилования, то лживая шлюха, то... ПРИНЦЕССА?

Ана стояла, глядя в пол; торжественно откашлявшись, она изрекла:

– Ну... если кого-то это утешит, то Я ЛИЧНО продолжаю считать тебя самой обычной тупицей!

Крепости горя в углах Маинога рта еще какое-то время держались, но под конец сдались, и над подъемными мостами и валами взвилась улыбка.

– Ну ты и дура...

– ...сказала ТУПИЦА! – фыркнула Ана.

Мая расхохоталась.

Потому что нельзя, чтобы кто-то из этих сволочей увидел другое.

* * *

Бубу ворочался на полу, как крупная подстреленная косуля. Аамат подбежал, протянул руку и вместе с Беньи со стоном поднял его на ноги.

– Почему тебя, такого тяжеловеса, так легко сбить с ног? – ухмыльнулся Аамат.

Бубу, вообще-то не блиставший остроумием, неожиданно выдал:

– Хер смещает центр тяжести.

Хохот Аамата и Беньи эхом прокатился по коридору. Только они втроем и остались в «Бьорнстад-Хоккее» из всей юниорской команды прошлого года, но сейчас казалось, что этого достаточно.

– Слышали? Мне разрешили тренироваться с основной командой! – радостно сообщил Аамат.

Бубу кивнул, но в следующий миг вид у него сделался озадаченный:

– Что там Лит нес про «лесбиянку»?

Аамат и Беньи воззрились на него в изумлении:

– Ты не знаешь, что у бьорнстадской основной – новый тренер?

Лицо Бубу излучало полное непонимание. Слухи по Бьорнстаду, может, и распространяются со скоростью света, но до Бубу доходят не сразу.

– Но почему лесбиянка-то? У нас что, будет тренер-ЛЕСБИЯНКА?

Беньи промолчал. Аамат откашлялся:

– Слушай, Бубу... мы сказали – «основная команда».

– Хочешь сказать, мне не место в основной? – выпалил Бубу.

Аамат пожал плечами:

– Разве что в качестве дополнительного конуса на тренировках. Без тебя твои коньки вообще-то ездят несколько быстрее...

Беньи заржал, Бубу попытался схватить и стукнуть Аамата, но тот оказался слишком проворным.

* * *

Все трое валяли дурака, но в глубине души знали: они действительно хорошие хоккеисты. И воспользуются шансом попасть в основную команду. Иначе кто они? Если не хоккеисты?

Школа постепенно заполнялась учениками и сотрудниками. Новый

семестр, предвкушение пополам с ужасом, горькая радость от встреч с теми, кого любишь и с теми, кого ненавидишь, и понимание, что ты бесповоротно обречен снова дышать одним воздухом и с теми и с другими.

В кабинете директора молодая учительница, Жанетт, в последний раз пыталась убедить мужчину в пиджаке, сидевшего напротив и потиравшего виски:

– Дайте мне такую возможность! Пусть это будет частью уроков физкультуры!

Директор вздохнул:

– Жанетт, прошу вас. После всего, что случилось весной, я хочу всего-навсего на один семестр оградить школу от скандалов и внимания СМИ, а вы собрались учить ребят драться?

– Это же не... да блин... это единоборство! – прошипела Жанетт.

– Как, вы сказали, называется предмет?

– ММА, *mixed martial arts*, – терпеливо повторила Жанетт. – Смешанные боевые искусства.

Директор возвел очи горе:

– Искусства? На искусство не очень тянет, вам так не кажется? Или вы собрались выставлять сломанные носы в музее?

Жанетт сцепила руки на коленях. На всякий случай, чтобы ненароком не запустить в директора чем-нибудь тяжелым.

– Единоборства учат дисциплине, учат уважать тело – свое и чужое. Я присмотрела помещение, в питомнике у Адри Ович. Вы только разрешите мне пригласить туда учеников, и...

Директор протирал очки – с несколько избыточной тщательностью.

– Мне очень жаль, Жанетт, но родители с ума сойдут. Решат, что вы учите детей насилию. Мы не можем позволить себе еще один скандал.

Он поднялся, давая Жанетт понять, что ей пора покинуть кабинет, но, открыв дверь, едва не получил кулаком в лицо: стоявший на пороге человек как раз собирался постучать.

– Чует мое сердце, учебный год будет долгим... – проворчал директор.

Жанетт с любопытством высунулась у него из-за спины:

– Здравствуйте!

Мужчина на пороге улыбнулся.

– Я же... сегодня приступаю? – представился он.

– Да! Вы наш новый преподаватель философии и истории! – воскликнул директор, порылся в каких-то бумагах на полке и добавил: – А также математики, естествознания и... французского, да? Французский знаете?

Учитель в дверях, кажется, хотел возразить, но Жанетт улыбкой дала ему понять: так надо. Директор притащил охапку книг и бумаг.

– Ну, приступайте! Ваше расписание тут сверху.

Учитель сказал «спасибо» и вышел в коридор. Директор, глядя ему в спину, фыркнул:

– Только-только университет закончил. Я знаю, мне радоваться надо, что он пришел сюда добровольно, но господи Иисусе, Жанетт! Как по-вашему, сколько ему?

– Двадцать пять? Двадцать шесть? – предположила Жанетт.

– А уж вид у него...

– Я ничего такого не заметила, – фальшиво улыбнулась Жанетт.

– Школа бурлит гормонами, а мы принимаем на работу учителя, который выглядит, как солист из поп-группы! Половину девчонок придется посадить под замок, – проворчал директор.

– А может, и кое-кого из учительниц... – закашлялась Жанетт.

– Что??

– Что? – невинно повторила Жанетт.

– Вы что-то сказали?

– Нет! У меня урок!

Директор недовольно пробурчал:

– Можете вешать объявление насчет единоборств. ОДНО объявление, Жанетт!

Жанетт кивнула и вышла в коридор. Она прилепила четыре стикера с приглашением в группу ММА и рассматривала задницу нового учителя, пока тот не скрылся за углом.

* * *

Пока ученики отдельными группами входили в класс, новый учитель что-то писал на доске. Звонок почти потонул в шуме: стулья скрежетали по полу, падали на пол рюкзаки, слышались воодушевленные разговоры о летних событиях, к тому же в коридоре как раз началась драка.

Беньи зашел в класс последним – на него едва ли кто-то обратил внимание. Он все еще был взъерошен, джинсовая рубашка наполовину выбилась из штанов: он словно натягивал их в темноте. Как в тот раз, поднявшись с постели в одном из домиков кемпинга между Бьорнстадом и Хедом. Та ночь, полная Ницше, холодного пива и горячих рук, была не так давно.

Школьники были слишком заняты друг другом и не заметили, как учитель повернулся к двери и на миг перестал дышать. Беньи был не из тех, кого легко застать врасплох, но он застыл, грудь ему пронзил электрический разряд.

На учителе была та же синяя рубашка поло, что и в ту ночь.

Пена для бритья

Когда человек тебе небезразличен, это тяжело. Эмпатия вообще штука нелегкая. Она требует от нас всякий раз принимать тот факт, что у других людей есть собственная жизнь. А когда на нас одновременно наваливается слишком много всего, мы не можем нажать кнопку «пауза», но ведь и у других такой кнопки тоже нет.

После урока школьники, как обычно, беспорядочной толпой повалили из класса, словно он загорелся. Как бы случайно Беньи оказался последним – искусство, дававшееся ему без малейшего усилия. Учитель взмок от волнения, воротник синей рубашки поло пошел пятнами.

– Я н-не знал, что ты школьник, Беньямин. Если бы знал... Я думал, ты старше. Это была о-ошибка! Я могу лишиться работы, не надо нам было... я же никогда... ты просто... просто...

Беньи приблизился к нему. Руки у учителя дрожали.

– Просто ошибка. Я был просто ошибкой, – закончил Беньи.

Учитель тревожно кивнул, закрыв глаза. Беньи долго смотрел на его губы. Когда учитель открыл глаза, Беньи уже исчез.

* * *

Из школы Бубу, как всегда, направился прямо домой. Он забросил рюкзак в комнату, переоделся и пошел в мастерскую, помогать отцу. Как всегда. Но сегодня за часами следил не он, а Хряк.

– Хватит, Бубу. Давай собирайся! – призвал отец.

Бубу с облегчением кивнул и быстро вылез из комбинезона. И этот уже мал, отметил Хряк. Когда Бубу принес спортивный баул, Хряк долго медлил, прежде чем что-то сказать – может, чтобы не выказать переполнявшей его надежды. Отцовские надежды могут легко задавить сыновей. Но Хряк все же сказал:

– Нервничаешь?

Глупый вопрос. Бубу нервничал, как длиннохвостый кот между двумя креслами-качалками. Это его первая тренировка со взрослой командой, ему

ведь уже восемнадцать; со взрослыми хоккей разговаривает на другом языке, чем с детьми. Сын помотал головой, но глаза словно кивнули. Отец широко улыбнулся.

– Не высовывайся и не разевай варежку. Выложишься по полной. И надень кроссовки, которые не любишь.

Бубу раскрыл рот и издал звук, которым с детства выражал недоумение:

– Э-э-э?

– Старшаки из основной команды, пока ты будешь в душе, напустят тебе в обувь пены для бритья. Поначалу они устроят тебе адок, придется перетерпеть. Помни: это знак, что тебя заметили. Дергаться надо, если они НЕ станут над тобой изгаляться. Значит, поняли, что ты скоро вылетишь из команды.

Бубу кивнул. Хряк, казалось, хотел коснуться его плеча, но вместо этого потянулся за каким-то инструментом на верстаке у него за спиной. Бубу нагнулся переобуться, когда Хряк откашлялся:

– Спасибо за помощь.

Бубу не знал, что ответить. Он помогал отцу в мастерской каждый день, и батя никогда его не благодарил. А Хряк добавил:

– Как бы мне хотелось, чтобы жизнь у тебя была полегче. Чтобы ты мог думать только о школе, хоккее, девчонках и о чем там еще думают твои приятели. Я знаю, что работать в мастерской тяжело, а теперь, когда мать...

Он замолчал. Бубу тоже помалкивал. Потом сказал:

– Все нормально, пап.

– Как же я горжусь тобой, – сказал Хряк в капот какого-то «форда».

Бубу нашел кроссовки постарее.

* * *

В раздевалке Аамат оказался самым маленьким. Он приложил все усилия, чтобы съежиться и стать еще меньше, чувствуя на себе взгляды взрослых игроков и зная: эти мужики ему не рады. Рядом сидел Бубу, и то, что он такой верзила, говорило не в его пользу. Клуб болтался на грани банкротства, у игроков постарше шансов найти другую работу не было, уступать ее сопливым юниорам они не собирались, а мишенью избрали Бубу. Все вроде по мелочи – кто-то задел его плечом, кто-то случайно пнул его снаряжение, и оно разлетелось по всей раздевалке. Бубу попытался вставить свои юмористические замечания в их громогласный обмен

шуточками, и выдал себя: он слишком старался выглядеть своим парнем, а это только усугубляло его положение. Амаг толкнул его локтем, пытаясь уговорить, но Бубу уже понесло. Один из старших рявкнул:

– У нас что, тетка будет и тренером? До пиар-путча лучше спортивный директор не додумался? Мы теперь больше не команда, а политическая демонстрация?

– Кто работать не умеет, для таких всегда квоты есть! – выпалил другой.

– Вы слышали, что она лесбиянка? – выкрикнул Бубу – как-то слишком ретиво.

Старшие не удостоили его внимания. Но один сказал:

– Да на нее посмотришь – сразу видно, ковырялка.

– Э-э-э? Что за ковырялка? Или погодите... я понял? Лесбиянка, во! Я понял! – взвыл Бубу.

Никто ему не ответил. Старшие продолжали рассуждать:

– Неужели хоккейная команда не может быть просто хоккейной командой? Обязательно надо политику приплести? Того и гляди медведя на свитерах заменят радугой! Словно повинуюсь чьим-то злым чарам, Бубу выдал:

– И заставят нас играть в... это... в балетных пачках!

Он поднялся и изобразил неуклюжий пируэт, споткнулся о лавку и гигантской черепахой распластался на полу, придавив собой два чужих баула. И тут двое старшаков заржали. Они смеялись над ним, а не вместе с ним, но Бубу жадно ухватился за их внимание. Он вскочил на ноги и сделал еще один пируэт; старший, напустив на себя серьезный вид, спросил:

– Тебя ведь Бубу зовут?

– Да! – важно кивнул Бубу.

Остальные ухмылялись, зная, что старший собирается выставить мальчишку на посмешище.

– Покажи-ка ей хер, – предложил он.

– Э-э-э?

Старший вызывающе наставил на Бубу палец:

– Новой тренерше. Она же лесбиянка. Покажи ей хер! Пусть знает, чего себя лишила!

– Выпусти удава из клетки, Бубу! Ты же не трус? – завопил другой игрок, и вскоре все они уже подначивали его так, словно он готовился поставить рекорд по прыжкам в длину.

– А она... это... не обидится? – растерянно спросил Бубу.

– Да ну. Она просто оценит твое чувство юмора! – восторженно

заржал один из старших.

Легко потом будет назвать Бубу придурком. Но когда тебе восемнадцать и ты в раздевалке, полной взрослых мужиков, которые вдруг начинают тебя подначивать, «нет» оказывается самым трудным на земле словом.

Поэтому, когда Элизабет Цаккель проходила по коридору мимо раздевалки, Бубу выскочил ей навстречу в чем мать родила. Он ожидал, что она будет в шоке. Или хоть вздрогнет. Цаккель и бровью не повела.

– Да? – спросила она.

Бубу встревоженно завертелся:

– Я... Это... мы слышали, что вы лесбиянка, и я...

– БУБУ ХОТЕЛ ПОКАЗАТЬ ВАМ ХЕР, ЧТОБ ВЫ ЗНАЛИ, ЧЕГО СЕБЯ ЛИШИЛИ!!! – проорал кто-то из раздевалки; эти слова сопровождалось истерическим хохотом двадцати здоровых мужиков.

Цаккель уперлась ладонями в колени и заинтересованно наклонилась к промежности Бубу.

– Вот этот, что ли? – поинтересовалась она, с любопытством указывая пальцем.

– Э-э-э? – отозвался Бубу.

– Ты про этот хер? Ну, знаешь. Я видала девчонок, у которых клитор побольше.

Цаккель отвернулась и пошла к ледовой площадке. Красный с головы до ног, Бубу вернулся в раздевалку.

– Это... ну, она... клитор же не может быть такого размера? Или может? Или это... какие вообще клиторы бывают? В длину? Хоть примерно?

Стены раздевалки затряслись от глумливого хохота. Смеялись над ним, а не вместе с ним. Но Бубу смущенно улыбался: порой любое внимание – это признание.

Амат смотрел на Бубу, съездившись внутри своих доспехов. Он уже понимал, что все кончится плохо.

* * *

Игроки лениво стягивались к центральному кругу, надменно демонстрируя Цаккель: ей здесь не рады. Она, кажется, не поняла намека, когда выехала с шестью ведрами под мышкой.

– Вы тут, в Бьорнстаде, хоть что-то умеете?

Никто не ответил, и она пожала плечами:

– Я просмотрела все ваши матчи за прошлый сезон, и вижу, что хоккеисты из вас никакие. Так что для работы с вами хорошо бы знать, что вы умеете вообще.

Кто-то шепотом сострил «бухать и трахаться», но даже эти слова были встречены лишь глухим ворчанием. Потом кто-то вдруг рассмеялся, но не шутке, а тому, что происходило на льду за спиной у Цаккель. Из отсека запасных выкатился стокилограммовый Бубу, одетый в юбочку, которую он стащил у фигуристок. Он сделал три пируэта подряд и был встречен аплодисментами и восторженным улюлюканьем старшаков. Элизабет Цаккель не стала прерывать выступление, хотя теперь смеялись не над Бубу, а над ней.

Когда Бубу зашел на четвертый пируэт, улюлюканье стихло; Бубу даже не успел понять, во что врезался, как вдруг все вокруг почернело. Когда он открыл глаза, то лежал на льду и едва мог дышать; лицо склонившейся над ним Элизабет Цаккель не выражало ровным счетом ничего.

– Почему никто не научил тебя стоять на коньках как следует?

– Э-э-э?

– У тебя водоизмещение как у парома, и я видела, как ты выдернул топор из капота. Умей ты стоять на коньках как следует, я бы ни за что не опрокинула тебя с такой легкостью. А еще ты имел бы некоторую ценность как командный игрок. Так почему тебя никто не научил?

– Не... не знаю, – задыхаясь, выговорил Бубу. Он все еще лежал на льду, и грудь болела так, будто его не сбили с ног, а переехали грузовиком.

– Что вы в Бьорнстаде умеете? – серьезно повторила Цаккель.

Поскольку Бубу не отвечал, Цаккель бросила его и подъехала к центральному кругу. Но Бубу наконец сумел кое-как подняться, содрал с себя юбку и сказал, зло и униженно:

– Работать! Мы в Бьорнстаде умеем работать. О нашем городе могут говорить много всякой херни... но ВКАЛЫВАТЬ мы умеем!

Старшие игроки скривились, но возражать не стали. И Цаккель сказала:

– Именно так мы и победим. Будем вкалывать больше, чем все остальные. Если понадобится проблеваться – это вон туда. Мне сказали, спортивный директор не любит беспорядка, и, подозреваю, он не захочет видеть блевотину на льду. Знаете, что такое «сбегай к бортику»?

Игроки взвыли, Элизабет истолковала это как «да» и поставила к бортику принесенные ведра. Остаток тренировки прошел в упражнениях на

выносливость. Челночный бег на максимальной скорости, скольжение боком, борьба – они вкалывали, вкалывали... К концу тренировки ни одно ведро не осталось пустым. А единственным игроком, кто под конец мог стоять на ногах, был Абат.

Конечно, поначалу старшие пытались его остановить – не явно, а мелкими, как бы случайными, приемчиками: задеть локтем в давке, придержать за свитер, когда он набирает скорость, подставить конек, чтобы он потерял равновесие. Большинство игроков были на тридцать-сорок килограммов тяжелее Абата, они могли его повалить, едва наклонившись в его сторону. Абат ничем перед ними не провинился – он не выделялся, не старался привлечь к себе внимания, просто был лучше всех. Остальные на его фоне выглядели копушами и терпеть этого не собирались. Снова и снова они заставляли Абата падать, и снова и снова он поднимался. Скользил еще быстрее, дрался жестче, глубже зарывался в себя. Взгляд становился все чернее.

Никто не знал, который час, – Цаккель никак не давала понять, что тренировка окончена. Один за другим взрослые игроки валились на лед – у них подгибались ноги. Но когда они смотрели на площадку, Абат был еще там. Сколько бы раз Цаккель ни гоняла его между бортиками, она не могла заставить его выдохнуться. Свитер почернел от пота, но Абат держался на ногах. Бубу валялся на льду в полуобморочном состоянии, полный гордости и зависти при виде того, как его друг продолжает вкалывать.

Абат был младшим в команде. Под душем мышцы ног дрожали так, что он едва стоял. Но когда он, обмотавшись полотенцем, выполз в раздевалку, его кроссовки оказались наполнены пеной для бритья.

Значит, оно того стоило.

* * *

Когда Элизабет Цаккель, уже сильно после тренировки, шла через пустой ледовый дворец, в раздевалке сидел один-единственный игрок. Бубу, огромный, как корова, и все же маленький, как перепуганный ежик, мокрыми глазами смотрел на кроссовки, в которые никто не напустил пены для бритья. Когда он вышел из душа, старшие только бросили ему: «Ну, спасибо, сучонок, за кардиотренировочку. «Мы умеем работать!» За каким тебе понадобилось эту хрень тренерше сообщать?»

Абат попытался его утешить, Бубу отшутился, а Абат слишком устал,

чтобы настаивать. Когда он и все остальные ушли, Бубу остался сидеть в раздевалке, самый маленький в мире.

– Выключи свет, когда будешь уходить, – сказала Цаккель, у которой было неважно с этими... с чувствами.

– Как сделать, чтобы уважали? – всхлипнул Бубу, отчего Цаккель, видимо, стало страшно неловко.

– У тебя... сопли... везде. – Она махнула ладонью по собственному лицу.

Бубу утерся ладонью. Цаккель, казалось, мечтала свернуться калачиком и закричать у себя внутри.

– Хочу, чтобы меня уважали. Чтобы мне в кроссовки тоже напустили пены для бритья! – жалобно сказал Бубу.

Цаккель издала неопределенный звук.

– Это совершенно незачем. Уважение не так важно, как людям кажется.

Бубу кусал губы.

– Простите, что я показал вам хер, – прошептал он.

Цаккель слегка растянула губы в улыбке:

– В твоё оправдание – это так себе хер. – И она отмерила несколько жалких сантиметров между большим и указательным пальцами.

Бубу загоготал. Цаккель сунула кулаки в карманы и тихо посоветовала:

– Стань полезным команде, Бубу. Тогда тебя будут уважать.

Она ушла, не дожидаясь следующего вопроса. В ту ночь Бубу лежал без сна, ломая голову над ее словами.

По дороге домой он зашел в магазин. Купил пену для бритья, чтобы батя не расстраивался. Когда Хряк увидел в прихожей испачканные кроссовки, он обнял сына. Такое случалось нечасто.

Он лежал на земле

Раскачиваясь и тяжело сопя, Суне брел через ледовый дворец. Не было секунды, когда бы он не тосковал по своей тренерской работе, но больше он на трибуны не поднимется. Покуда мы стареем, хоккей молодеет и в какой-то момент выбрасывает нас вон без малейших сантиментов. Потому что он продолжает жить и развиваться ради новых поколений.

– Цаккель! – задыхаясь, крикнул Суне, заметив женщину, которая забрала у него его дело.

– Да? – отозвалась та, выходя из раздевалки.

– Как сегодняшняя тренировка? Какие ощущения?

– «Ощущения»? – переспросила Цаккель, словно услышала незнакомое слово.

Суне привалился к стене и слабо улыбнулся.

– В смысле... быть хоккейным тренером в нашем городе непросто. Особенно если ты... ну, ты поняла.

Он имел в виду – «женщина». И Цаккель ответила:

– Быть хоккейным тренером везде непросто.

Суне с сожалением кивнул:

– Я слышал – один из игроков показал тебе свой... э-э... член...

– Не совсем, – отрезала Цаккель.

Суне смущенно закашлялся:

– Не совсем показал?

– Не совсем член, – поправила Цаккель, показав расстояние между большим и указательным пальцами.

– Ну... вот так уж с ними... с парнями. Они иногда... – пробормотал Суне, не отрывая глаз от собственных коленей.

Цаккель, кажется, рассердилась.

– А ты откуда знаешь, что кто-то мне показал член?

Суне решил было, что эта демонстрация ее задела.

– Если хочешь, я поговорю с парнями. Я понимаю, что ты обижена, но...

– Говорить с моими хоккеистами – не твое дело. Говорить с моими хоккеистами – МОЕ дело. И единственный человек, который решает, оскорблена я или нет, – это я.

Суне задрал бровь:

– Гляжу, тебя не так просто обидеть.

– Обида – просто чувство.

Цаккель сказала это таким тоном, каким говорят об инструментах. Суне сунул руки в карманы и пробормотал:

– Быть тренером в Бьорнстаде нелегко. Особенно когда дела идут неважно. Поверь мне, я занимал твою должность всю свою жизнь. И в этом городе есть люди, которым не понравится, когда хоккейный тренер выглядит... как ты.

Старик заглянул женщине глубоко в глаза и увидел в них то, чего не хватало ему самому: ей было все равно, что о ней скажут или подумают. А Суне в глубине души всегда это заботило. Ему хотелось, чтобы его любили хоккеисты, фанаты, выпивохи обоего пола из «Шкуры». Весь город. А вот Элизабет Цаккель не боялась чужих мнений, потому что знала то, что известно всем успешным тренерам: ее полюбят, когда она победит.

– Я иду ужинать, – сообщила Цаккель без малейшей неприязни или приязни.

Суне кивнул. Снова улыбнулся. И напоследок поделился еще одним соображением:

– Помнишь ту девочку, Алисию, что бросала шайбу у меня во дворе? Она сегодня была в ледовом дворце, семь раз. Убегала из детского сада, чтобы посмотреть тренировку основной команды. Я отводил ее в садик, а она снова убегала. И будет так бегать всю осень.

– А нельзя детей запирать? – поинтересовалась Цаккель, кажется не вполне постигшая символические смыслы этого сообщения, поэтому Суне прибавил:

– Дети принимают все, с чем растут, как должное. Алисия увидела, как ты тренируешь основную команду, и теперь будет считать, что женщины действуют именно так. Когда она подрастет достаточно, чтобы играть в основной команде, женщин-тренеров, может быть, больше не будет. Будут просто... тренеры.

Для Суне это кое-что значило. Кое-что важное. Он не знал, важно ли это для Элизабет Цаккель, по крайней мере, по ее виду ничего понять было нельзя, кроме того, что хоккейный тренер хочет поужинать. Впрочем, голод – тоже чувство.

Когда Элизабет уже стояла в дверях, в глазах у нее что-то сверкнуло, – что-то ей небезразличное, – и она спросила:

– Как там с моим вратарем? С этим Видаром?

– Я поговорю с его братом, – пообещал Суне.

– Ты разве не обещал, что Петер поговорит с сестрами Беньямина Овича? – поинтересовалась Цаккель.

– Он и поговорил, – удивился Суне.

– Тогда почему Беньямин не пришел сегодня на тренировку?

– Не пришел? – воскликнул Суне.

Он и мысли не допускал, что Беньи не явится на тренировку. Не только дети воспринимают некоторые вещи как должное.

* * *

В домике на краю кемпинга сидел молодой человек в синей рубашке поло. Он несколько лет учился на педагога, и теперь ему надо было готовиться к уроку, но пока он не написал ни строчки. Просто сидел в кухоньке, на столе перед ним лежал учебник по философии, а молодой человек все смотрел в окно в надежде увидеть юношу с грустными глазами и диким сердцем. Но Беньи так и не пришел. Он пропал. Сегодня учитель, глядя Беньи в глаза, сказал, что тот был ошибкой, хотя это была ошибка учителя.

Все в Бьорнстаде знали, что Беньи опасен, что он бьет жестче всех. Но немногие понимали, что то же самое происходит у него внутри, что он жестоко избивает всего себя день за днем. Не щадя даже собственного сердца.

* * *

В доме мамы Ович одна из сестер, Габи, зашла в комнату Беньи. Ее двое детей ползали по полу, играя в легио. Габи могла наговорить про младшего брата много обидного, но лучшего дядьки, чем он, было не сыскать. Повзрослев, ее дети запомнят эту комнату в бабушкином доме, комнату дяди, как самое безопасное место во вселенной. Здесь их не могло настичь никакое зло, оно бы просто не отважилось сюда сунуться, потому что дядя всегда защищал племянников от всего и от всех. Однажды кто-то из детей сказал Габи: «Мама! В дядином шкафу сидят привидения, они там прячутся, потому что боятся дядю!»

И вот теперь Габи, улыбнувшись, уже шла к дверям, как вдруг ее кольнуло предчувствие. Она резко обернулась и спросила:

- Откуда у вас лего?
- Было в пакете, – беззаботно ответили дети.
- В каком пакете?

Дети закричали, словно их обвинили в краже:

– В пакете на дядиной кровати! Мама, там написаны наши имена! Это наше лего!

В этот момент в дверь позвонили. Габи не пошла к двери. Она бросилась к ней бегом.

Дверь открыла Адри, старшая сестра. На пороге стоял Аамат, парень из команды Беньи. Мальчик оставался спокойным, пока не увидел, как встревожилась Адри – она все поняла сразу.

– Беньи дома? – спросил Аамат, хотя уже знал ответ.

– Что за х... – ответила Адри.

Габи уже бежала по коридору:

– Беньи оставил детям подарки!

– Он не пришел на тренировку. – Аамат нервно кашлянул. – Я только хотел узнать, не случилось ли чего!

Последние слова он прокричал уже Адри в спину. Адри бегом бежала к лесу.

Иногда Беньи прогуливал тренировки, но первую осеннюю – никогда. Его ноги успевали стосковаться по льду, руки – по клюшке, мозг – по полету. Он бы не упустил шанса сыграть, тем более – в ту осень, когда Бьорнстад в первой игре серии встречался с Хедом. Что-то было не так.

* * *

Рамона, как всегда, стояла за барной стойкой, всеми силами стараясь избегать эмоциональной перегрузки. Она видела и расцвет этого города, но в последние годы видела и как этому городу досталось. Люди в Бьорнстаде умеют работать, но работать им негде. Они умеют драться, но драться стало не за что.

Единственное, что наверняка найдется в любом городе, большом ли, маленьком ли, – это сломленные люди. Города здесь ни при чем, нас ломает сама жизнь. И тогда легко найти дорожку в бар, барные стойки быстро становятся местами печали. Те, кому не за что больше держаться, крепко держатся за стакан; те, кто устал падать, могут спрятаться в бутылку,

потому что ниже бутылочного доньшка не упадешь.

Рамона видела, как такие раненые приходят и уходят: кто-то идет дальше, кто-то скатывается еще ниже. У иных дела идут на лад, а иные, как Алан Ович, отправляются в лес.

За долгую жизнь Рамона научилась не прыгать от счастья и не посыпать голову пеплом от неудач, но даже она знала, как легко будет этой осенью связать с хоккейной командой чрезмерные надежды. Ведь спорт и реальность – разные вещи, но, когда реальность валится ко всем чертям, нам нужны сказки, потому что они учат: стань лучшим хоть в чем-то – и остальное, может быть, тоже изменится.

Сейчас Рамона ни черта не понимала. Сдвинется дело с мертвой точки? Или мы просто свыкнемся?

Прежде чем взять дробовик и уйти в лес, Алан Ович оставил детям подарки, положив их каждому на кровать. Никто не знал зачем – может, надеялся, что они запомнят его таким. Он зайдет поглубже в лес, и пусть дети подумают, будто он их просто покинул. Пусть фантазируют, что на самом деле он секретный агент и его послали выполнять ужасно секретное задание. Или что он астронавт и улетел в космос. Может, он надеялся, что их детство продолжится.

Все вышло не так. Адри, его старшая дочь, не смогла потом объяснить, откуда она знала, где отец. Она просто чуяла, куда идти. Может быть, поэтому собаки и любили ее – она обладала особым чутьем, которого недостает обычным людям. Она не кричала «папа», пробираясь между деревьями, – дети охотников так не делают, они усваивают, что все мужчины в лесу чьи-то папы, и, если хочешь дозваться своего, звать надо по имени, словно ты для него просто знакомый. Адри не была просто знакомой, она с самого рождения носила в себе нечто Аланово. И как бы далеко отец ни ушел в лес, она его находила.

* * *

Бар может быть довольно мрачным местом – жизнь дает нам гораздо больше поводов для печали, чем для праздника, подносит больше поминальных рюмок, чем бокалов за здоровье новобрачных. Но Рамона знала, что порой бар и нечто иное, от чего идут трещинами камни, которые носишь в груди. Бару не обязательно быть лучшим местом в мире –

довольно и того, что он не худшее.

Последние недели были наполнены слухами. Говорили, будто фабрику продают, а в Бьорнстаде, давно привычном к тому, что в городе закрывают то одно, то другое, вполне допускали, что на самом деле речь идет о банкротстве. Легко называть такие рассуждения «циничными», но цинизм – всего лишь химическая реакция в перенасыщенном растворе отчаяния. О безработице теперь говорили не только молодые мужчины из бара «Шкура»; теперь встревожены были все. В маленьком городке разорение работодателя – стихийное бедствие, у каждого найдется пострадавший знакомый, а в конце концов пострадаешь и ты сам.

Легко называть параноиками горожан, которые без конца твердят, что политики просто закачивают все ресурсы в Хед, что им плевать, народится ли в Бьорнстаде еще хоть одно поколение. Но худшее свойство паранойи в том, что единственный способ перестать выглядеть параноиком – это оказаться правым в своих опасениях.

* * *

Некоторым детям не дано освободиться от своих родителей до конца: их ведет по жизни родительский компас, они смотрят на мир родительскими глазами. Когда случаются страшные вещи, большинство людей становятся волнами, но кое-кто превращается в скалу. Волны накатываются и отступают под порывами ветра, а скалы лишь принимают удар за ударом и непоколебимо ждут, когда закончится шторм.

Адри была ребенком, но она вынула ружье из рук отца и села на пень, держа отцовскую руку в своей. То ли в шоке, то ли осознанно прощаясь – с отцом и с собой. После того дня Адри стала другой. Когда она поднялась и пошла через лес обратно в Бьорнстад, то не кричала в панике «помогите!», а решительно направилась домой к самым опытным и самым сильным охотникам и попросила помочь перенести тело. Когда мать с криком рухнула на пол в прихожей, Адри подхватила ее, потому что к тому времени девочка уже проплакалась. Она готова была стать скалой. И стала.

Катя и Габи были мамины дети, а Адри и Беньи – дети Алана Овича. Источники конфликтов и разжигатели войн. И каждый раз, когда Адри отправлялась в лес искать своего младшего, она знала, что обязательно найдет его, словно в его кожу были зашиты магниты. Адри боялась другого. Она боялась найти его мертвым, боялась каждый раз. Братишка не понимал, что в такие моменты творится внутри у старшей сестры. Тревога,

спрятанная за роговицей, слова, спрятанные за другими словами, ключи от оружейного сейфа, спрятанные на ночь под подушку.

Беньи не сидел на дереве. Он лежал на земле.

* * *

Элизабет Цаккель вошла в «Шкуру». Время ужина уже давно прошло, но Элизабет села в углу, и перед ней появилась большая тарелка картошки. Ей даже не пришлось просить Рамону.

– Спасибо, – сказала хоккейный тренер.

– Не знаю, что там едят эти веганутые, кроме картошки. Но у нас грибные места. Скоро сезон! – прозвучало в ответ.

Цаккель подняла глаза, Рамона резко кивнула. С чувствами у владелицы бара тоже обстояло неважно, и это был ее способ донести до посетительницы свою надежду, что хоккейный тренер задержится в Бьорнстаде подольше.

* * *

Беньи лежал неподвижно, с распахнутыми глазами, устремленными в никуда. Адри помнила отцовскую руку, с тех пор как девочкой сидела на том пне. Холодную, неподвижную, без пульса.

Осторожно, совершенно беззвучно и мягко старшая сестра улеглась на землю рядом с младшим братом. Положила руку на его руку, ища тепло, биение под кожей.

– Ты меня в гроб вгонишь. Я его ищу, а он тут разлегся, как кретин, – прошептала она.

– Извини, – ответил Беньи.

Не пьяный, не под кайфом. Сегодня он не пытался сбежать от чувств. Адри еще больше встревожилась.

– Что стряслось?

Последние лучи лета преломились в каплях, повисших у Беньи на ресницах.

– Ничего. Просто... ошибка.

Адри не ответила. Она не та сестра, с которой можно говорить о разбитом сердце. Она та сестра, которая приведет брата из леса домой.

Когда наконец показалась окраина города, Адри сказала:
– Новый тренер хочет, чтобы ты был капитаном команды.
И увидела в глазах Беньи то, чего не видела уже много лет.

Страх.

* * *

Цаккель почти покончила с ужином, когда Рамона вернулась к ее столу и поставила перед ней кружку пива. – От постоянных клиентов, – объявила она.

– От них? – Цаккель взглянула на пятерку возрастных.

Рамона помотала головой:

– От их жен.

Далеко в углу сидели пять немолодых теток. Седые, сумочки на столе, морщинистые руки крепко держат пивные кружки. Они прожили в Бьорнстаде всю жизнь, это их город. У кого-то из них дети и внуки работали на фабрике, кто-то работал на фабрике сам. На постаревших телах красовались новенькие футболки. На всех одинаковые. Зеленые, с тремя словами, написанными, как девиз:

БЬОРНСТАД
ПРОТИВ
ВСЕХ

Настоящей осени в Бьорнстаде не бывает – лишь короткий миг перед зимой; снег не настолько вежлив, чтобы дать листьям время стать землей. Быстро опустилась темнота, но те месяцы были все же наполнены светом: один клуб боролся – и выжил. Один взрослый положил утешающую руку на плечо одного напуганного ребенка четырех с половиной лет. Был хоккей, который больше чем игра. Пиво на столе неизвестного. Зеленые футболки, твердившие нам, что мы вместе, несмотря ни на что. Мальчишки, мечтавшие о великом. Друзья, ставшие армией.

Увы, через несколько лет в нашей памяти останется не это. Многие из нас, оглядываясь на те месяцы, припомнят... ненависть. Так уж мы устроены – хорошо ли, плохо ли, – что запоминаем времена по их худшим мгновениям. Поэтому мы никогда не забудем, как два города затаили обиду друг на друга. Не забудем насилие, которое пришло к нам как раз тогда. Говорить о нем мы, конечно, не будем – это не в наших обычаях. Мы станем говорить о сыгранных матчах, чтобы избежать рассказа о состоявшихся между ними похоронах.

* * *

Темнота успела удобно разлечься над Бьорнстадом и Хедом. В этой темноте через лес пробиралась щуплая тень. Уже начинались холода – дни пока утаивали правду, а ночи были честнее и не скрывали минусовой температуры за солнечными лучами. Тень, трясаясь от холода, прибавила шагу – и от сильного волнения, и чтобы согреться.

Сигнализации в ледовом дворце Хеда не было, зато в старом здании хватало черных ходов, которые кто-нибудь да забывал запереть. Тень не имела конкретного плана вторжения – она просто пошла вокруг здания наугад, дергая все дверные ручки. Двери не поддавались, зато с форточкой туалета тени повезло. Ее удалось открыть, хотя двенадцатилетним рукам пришлось приложить всю свою силу.

Лео влез в форточку, пробежал через темноту. Он сыграл достаточно выездных матчей в хедском ледовом дворце и знал, где тут раздевалка. У

игроков основной команды имелись собственные шкафчики, фамилии на большинстве отсутствовали, но некоторые игроки слишком любили собственные инициалы, чтобы устоять от соблазна написать их на табличке. Посветив себе мобильным телефоном, Лео нашел шкафчик Вильяма Литта. И сделал то, ради чего пришел.

* * *

Адри, Катя и Габи Ович колотили в закрытую дверь «Шкуры». Рамона гаркнула: «У МЕНЯ ЗАРЯЖЕННОЕ РУЖЬЕ!» – что на ее языке означало «Извините, мы уже закрылись». Но сестры Ович все равно вломились, и Рамона, увидев всех трех разом, аж подскочила.

– Что я на этот раз натворила? – охнула она.

– Ничего, мы пришли попросить об одолжении, – сказала Катя.

– Ничего? Когда вы все втроем вваливаетесь в дверь, старушки сразу понимают: сейчас влетит, вы же сами, чертовки, это знаете! – жалобно простонала Рамона, театрально хватаясь за сердце.

Сестры заулыбались. Рамона тоже. Она выставила на стойку пиво и виски и ласково погладила женщин по щеке.

– Давненько я вас не видела. Вы все еще слишком красивы для этого города.

– Лестью ты ничего не добьешься, – предупредила Адри.

– Поэтому бог создал спиртное, – кивнула Рамона.

– Как ты? – спросила Габи.

Рамона фыркнула:

– Да вот старею. А это самая дерьмовая штука. Спина болит, глаза стали плохо видеть. Против смерти я ничего не имею, но старость? Зачем она вообще нужна?

Сестры улыбнулись. Рамона со стуком поставила свой пустой стаканчик на стойку и продолжила:

– Ну? Что я могу для вас сделать?

– Нам нужна работа, – сказала Адри.

Сестры Ович вышли из «Шкуры», а их младший брат Беньямин так и стоял, привалившись к стене. Адри вышибла сигарету у него из рук, Катя агрессивно поправила ему воротник, Габи, поплевав на пальцы, пригладила ему волосы. Ругаясь на чем свет стоит, сестры напомнили брату, что любят его, – только они так умели. И втолкнули его в дверь. Рамона ждала за

стойкой.

– Сестры говорят, тебе нужна работа.

– Видимо, да, – буркнул Беньи.

Рамона разглядела в его глазах взгляд Алана Овича.

– Сестры говорят, тебе спокойно не живется, нужно тебя чем-то занять. Они не смогут удержать тебя от барной стойки, но хоть пристроят тебя к ней с правильной стороны. Я говорила Адри, что тебя пускать за стойку – все равно что козла в огород, но ее разве убедишь? А Катя твердит, что у тебя есть опыт бармена, ты работал в ее кабаке в Хеде. Как там краснозадые его называют? «Овин»?

Беньи кивнул. «Краснозадыми» Рамона величала жителей Хеда.

– Меня там больше не ждут. Между мной и... коренным населением возникли эстетические разногласия, – пояснил Беньи.

Рамоне незачем было закатывать ему рукав, чтобы узнать, что под ним наколот медведь. Она питала слабость к юношам, которые любят этот город больше, чем представляется разумным.

– Умеешь наливать пиво в стакан, а не мимо?

– Да.

– Что делать, если просят налить в долг?

– Одолжить в челюсть?

– Приступай к работе!

– Спасибо.

– Не благодари. Я тебя нанимаю только потому, что боюсь твоих сестер, – фыркнула Рамона.

– Все разумные люди их боятся, – улыбнулся Беньи.

Рамона жестом указала на полки:

– У нас два сорта пива, один сорт виски, все остальное – просто для красоты. Будешь мыть посуду и прибираться, а если кто с кем повздорит, ты НЕ вмешиваешься, понял?

Беньи не спорил – хорошее начало. Он разобрал на заднем дворе накопившуюся за многие месяцы кучу досок и кровельного железа. Сильный как бык и умеет держать язык за зубами. Два свойства, которые Рамона особенно ценила.

Когда пришла пора выключать свет и запирать заведение, Беньи помог хозяйке подняться в ее квартиру. На стенах все еще висели фотографии Хольгера, ее мужа. Он и «Бьорнстад-Хоккей», ее первая и вторая любви, зеленые флаги и вымпелы на каждой стене.

– Если хочешь о чем-то спросить – спрашивай сейчас. – Рамона ласково погладила молодого человека по щеке.

– У меня нет вопросов, – соврал Бенья.
– Тебе, наверное, интересно, часто ли твой отец заходил в «Шкуру».
Имел ли обычай сидеть в баре, прежде чем... уйти в лес.

Руки Бенья исчезли в карманах джинсовой куртки, голос утратил
взрослость.

– Каким он был? – спросил мальчик.

Старуха вздохнула:

– Не из лучших. Не из худших.

Бенья повернулся к выходу:

– Я вынесу мусор. Увидимся завтра вечером.

Но Рамона схватила его за руку и прошептала:

– Беньямин, тебе не обязательно быть, как он. У тебя его глаза, но я
верю – ты можешь стать другим.

Бенья расплакался перед ней, и ему не было стыдно.

* * *

На следующее утро, довольно рано, Элизабет Цаккель просунула
голову в дверь кабинета Петера Андерсона. Петер сражался с
кофемашиной. Цаккель наблюдала. Петер нажал какую-то кнопку, из брюха
машины полилась коричневая жижа; Петер в панике нажал на все кнопки
сразу, одновременно с поразительной, акробатической точностью протянув
руку за бумажным полотенцем. Машину он при этом удерживал ногой.

– И меня еще считают странной из-за того, что я НЕ пью кофе... –
заметила Цаккель.

Петер поднял глаза. Он как раз исполнял па из современного
хореографического прочтения уборки в офисе, сопровождая выступление
словами, которые Цаккель – с полным на то основанием – полагала
совершенно чуждыми его лексикону.

– Едр... перемать... как же меня зае...

– Может, мне попозже зайти? – осведомилась Цаккель.

– Нет... нет... я... эта, мм, машина, просто сил моих нет, но... мне ее
подарила дочь! – смущенно признался Петер.

Цаккель никак не отреагировала на это сообщение.

– Я зайду позже, – решила она.

– Нет! Я... извините... что вы хотели? Вам зарплату задержали? –
озаботился Петер.

– Я насчет веревки, – сказала Цаккель, но Петер уже завел оправдательную речь:

– Новый спонсор... договор еще не... переговоры пока не завершились. Но зарплату все получают уже сейчас!

Он промокнул потный лоб. Цаккель гнула свое:

– Я не насчет зарплаты. Я насчет веревки.

– Веревки? – повторил Петер.

– Мне нужна веревка. И ружье для пейнтбола. Здесь можно купить?

– Ружье для пейнтбола? – повторил Петер.

Цаккель объяснила – монотонно, но без раздражения:

– Пейнтбол – военная игра, проводимая в специально отведенном для этого месте, две команды стреляют друг в друга из ружей пульками, содержащими краску. Мне нужно такое ружье.

– Я знаю, что такое пейнтбол, – заверил ее Петер.

– Мне так не показалось, – сообщила Цаккель в свое оправдание.

Петер почесал в затылке, и кофе оказался у него на лбу. Петер этого не заметил, а Цаккель милосердно не стала ему сообщать об этом беспорядке, чтобы не вызвать у спортивного директора панической атаки.

– Веревки есть в скобяной лавке, напротив бара «Шкура».

– Спасибо, – сказала Цаккель. Она уже успела выйти в коридор, когда Петер прокричал:

– Зачем вам веревка? Вы же не собираетесь никого повесить?

В его голосе слышался смех. Но в следующей фразе зазвучала неподдельная тревога:

– ЦАККЕЛЬ! ВЫ ЖЕ НЕ СОБИРАЕТЕСЬ НИКОГО ПОВЕСИТЬ? НАМ ТОЛЬКО ЭТОГО НЕ ХВАТАЛО!!!

* * *

Прежний тренер Беньи, Давид, говаривал, что Беньи способен опоздать на собственные похороны. Если бы товарищи по команде не следили, чтобы номер шестнадцатый вышел на лед, Беньи вполне мог проспать начало игры, прикорнув где-нибудь в углу раздевалки. Иногда он пропускал тренировки, иногда являлся под кайфом или пьяный. Но сегодня он пришел в ледовый дворец вовремя, сразу переоделся и выехал на лед. Элизабет Цаккель обернулась к нему, словно ее поразило, что на тренировке появился хоккеист. Беньи набрал в грудь воздуху и попросил прощения так, как просят прощения люди, которых воспитывали старшие

сестры с тяжелой рукой:

– Простите, что я вчера не пришел на тренировку.

Цаккель пожала плечами:

– Мне все равно, ходишь ты на тренировки или нет.

Беньи увидел на льду пять толстых веревок, метров по пять длиной. В руках Цаккель держала ружье для пейнтбола – в скобяной лавке Бьорнстада таких не было, но в скобяной лавке Хеда, на складе, одно завалялось. Скопление разноцветных клякс на плексиглазе в углу бортика свидетельствовало, что Цаккель уже протестировала жесткие, наполненные краской пульки.

– Это зачем? – озадаченно спросил Беньи.

– Что ты делаешь здесь так рано? – ответила вопросом на вопрос Цаккель.

Беньи взглянул на часы. Он пришел точно к началу тренировки, но кроме него на льду были пока только Аамат и Бубу.

– Сеструха говорит – вы хотите сделать меня капитаном команды, – проворчал Беньи. – Плохая идея.

Цаккель кивнула, не моргнув глазом:

– Окей.

Беньи подождал продолжения. Его не последовало. Тогда он выпалил:

– Почему именно я?

– Потому что ты трус, – сказала Цаккель.

Беньи за его жизнь много как называли, но так – еще никогда.

– Охренели, что ли?

Цаккель кивнула:

– Может быть. Но я вручаю тебе то, чего ты боишься больше всего в жизни: ответственность за других.

Глаза у Беньи потемнели. Ее – оставались без всякого выражения. Аамат стоял у обоих за спиной, беспокойно постукивая коньками; наконец он потерял терпение:

– Тренировка уже началась! Почему вы не приведете из раздевалки остальных?

Цаккель легкомысленно пожала плечами:

– Я? Почему я должна об этом заботиться?

Беньи, прищурившись и все больше раздражаясь, смотрел на нее. Снова посмотрел на часы. И покинул лед.

Когда Беньи вошел в раздевалку, кое-кто из взрослых игроков успел переодеться только наполовину.

– Тренировка начинается, – объявил Беньи.

Некоторым людям, чтобы их слушали, не нужно повышать голос. Однако кое-кто из старших поначалу не понял Беньи и ответил:

– Да этой бабе все равно, вовремя мы придем или нет!

Ответ Беньи был коротким, но за ним последовала полная тишина:

– Мне – не все равно.

Умение быть авторитетным – это способность заставить других делать то, что нужно тебе. Любой из взрослых мужиков, собравшихся в раздевалке, мог лишить восемнадцатилетнего юнца авторитета, просто оставшись сидеть на лавке. Но юнец дал им тридцать секунд, и, когда он пошел назад, на лед, они встали и потянулись за ним.

Капитаном команды он стал не в эту минуту. Но именно в эту минуту все они – включая его самого, поняли: он – капитан.

Беньи не хотел возглавлять команду, но пришлось. А Вильям Лит в Хеде ничего так не хотел, как возглавить команду, да не тут-то было. Несправедливо; но спорт вообще несправедлив. Тот, кто больше всех тренируется, не всегда становится лучшим; тот, кто все сделал, чтобы стать капитаном, не всегда лучшая кандидатура на эту роль. Говорят, хоккей – спорт беспристрастный: «Мы считаем только заброшенные шайбы». Но это, конечно, не вся правда. Хоккей считает все подряд, в нем полно статистики, и тем не менее он непредсказуем. Слишком в нем велика власть невидимого. Например, понятие, которым часто описывают талантливых игроков, – «лидерские качества» – не поддается измерению, поскольку состоит из вещей, которым нельзя научиться: харизма, авторитет, любовь.

Когда Вильям Лит был маленьким и Кевина Эрдаля сделали капитаном команды, Вильям услышал, как тренер говорит Кевину: «Можно заставить других слушаться тебя, но заставить их следовать за тобой невозможно. Если хочешь, чтобы они играли за тебя и ради тебя, они должны тебя полюбить».

Никто, наверное, не любил Кевина больше, чем Вильям, и он делал все, чтобы Кевин ответил ему взаимностью. Был беззаветно верен ему, даже после изнасилования; он последовал за Кевином в «Хед-Хоккей», когда лучший друг Кевина, Беньи, остался в Бьорнстаде. Вильям собрал своих парней и избил и Амата, донесшего на Кевина, и Бубу, который встал на защиту стукача.

Когда Кевин внезапно уехал из города, Вильям остался в Хеде,

брошенный другом, но по-прежнему верный. У него теперь был тот же тренер, что и в Бьорнстаде, Давид, – он-то и убедил Вильяма и почти всех других старых игроков сменить клуб. Не оправдывая Кевина, Давид привел элементарнейший спортивный аргумент: «Мы просто продолжим играть в хоккей. Никакой политики. То, что происходит за пределами льда, остается за пределами льда».

Вильям поверил ему, в глубине души надеясь, что теперь, когда ни Кевина, ни Беньи на горизонте нет, Давид наконец оценит его, Вильяма, преданность. Но он не дождался ни благодарности, ни хотя бы слова одобрения. Его продолжали игнорировать.

Когда Вильям вошел в раздевалку, открыл шкафчик и увидел там нечто, случилось два события, которые не поддаются статистике. В шкафчике лежала зажигалка. Точно такая же, какими однажды оказался забит почтовый ящик Литов, такая же, какая была у Лео на берегу озера.

Одновременно открылась дверь и кто-то из товарищей по команде сказал:

– Черт, Лит, слышал про Беньи? Новый тренер «Бьорнстада» сделал его КАПИТАНОМ!

Готов на все ради того единственного, что имеет значение

Говорят, быть лидером – значит уметь принимать тяжелые решения, неприятные и непопулярные. Лидеры вечно слышат: «Делай свое дело». Задача неразрешимая: лидером можно оставаться, только пока за тобой идут; и реакция людей на лидерство всегда одинакова: если твои решения мне на пользу – ты справедлив, если те же решения мне во вред – ты тиран. Потому что правда о человеке столь же проста, сколь и неприглядна: мы редко хотим того, что хорошо для всех. Куда чаще – того, что хорошо для нас.

Петер, отяжелев от раздумий, выключил компьютер в кабинете, расставил папки по полкам и спустился к ледовой арене. Устроился на стоячих местах, в торце. Поодаль убиралась Фатима, Петер помахал ей, но она лишь коротко кивнула в ответ. Не хотела привлекать к себе внимание, спешила закончить уборку до того, как у основной команды начнется тренировка, чтобы Амату не было стыдно перед товарищами. Как будто мальчик хоть раз стыдился матери, подумал Петер.

Фатима во многих отношениях была большей бьорнстадкой, чем Петер: сдержанная, гордая, работающая, она не выносила пустых разговоров. Когда в начале лета счет клуба иссяк, Петер понял, что Фатиме нечем платить зарплату, но, когда он позвонил ей, она только сказала: «Не беспокойся. Мы с Аматом справимся». Петер знал, что в конце лета Амаат собирал банки, которые можно сдать во вторсырье, и с чувством ужасной неловкости проговорил: «Ты не останешься без зарплаты, у клуба есть обязательства...» Но Фатима оборвала его: «Клуб? Это и мой клуб тоже. Клуб моего мальчика. И – мы справимся». Особенный человек, особенный клуб.

Сейчас, осенью, Фатима зарплату получила. Петер тоже. Сегодня утром он пытался оплатить счета через интернет, но компьютер забастовал, и Петер позвонил в банк. Мужчина на том конце непонимающе ответил: «Эти счета уже оплачены». Не «этот счет». Все вместе. Ричард Тео приходил не с пустыми обещаниями, спонсор уже начал вкладывать деньги, хотя пресс-конференцию еще не провели. Петер спасет свой клуб.

Так почему его раздирает такой страх?

Началась тренировка основной команды. Все они там, на льду, воспринимали как должное, что в ледовом дворце горит свет, что всем платят зарплату, что сюда стекается публика. В хоккее деньги – это то, что само собой разумеется. В этом спорте мы так и не взрослеем до конца, на льду мы остаемся детьми, которые хотят только играть: вот шайба, вот товарищи по команде, вот зажегся свет! Поехали!

Но Петер знал этому цену. Теперь он на ней сидел. Она – вот это дерево и этот металл, затоптанные пакетики со снюсом, ветхие перила. Но когда мужчины в черных куртках подпрыгивали на этой трибуне, на стоячих местах, она ходила ходуном, а когда они скандировали, потолок становился выше. «Мы медведи, мы медведи, МЫ... МЕДВЕДИ... ИЗ БЬОРНСТАДА!..»

Каменная стена у тебя за спиной, если все идет хорошо, и пугающая сила, с которой страшно столкнуться, если все пойдет не так. Никто за всю историю клуба не критиковал Группировку за драки больше, чем Петер, он пытался установить в ледовом дворце камеры наблюдения, а когда реальная стоимость высокооплачиваемых игроков упала ниже рыночной и они начали разрывать контракты, он попытался доказать, что им угрожали парни Теему. Годами на заседаниях правления клуба мужчины в пиджаках попрекали Петера, что он «делает из мухи слона». Хотя на самом деле они тоже боялись. Пиджаки позволяли беспредельщикам из Группировки управлять этим городом, пока это было пиджакам на пользу. Но теперь? Теперь у Петера появился шанс избавиться от Группировки, но он колебался. Почему? Потому ли, что чувствовал себя их должником, ведь он остался в клубе благодаря их голосам? Или потому, что он трус? Или все дело в Ричарде Тео, и Петер просто боится сменить власть гопников на власть политика? Что страшнее – татуировка или галстук на шее?

В первый год его директорства Мира часто напоминала ему: «Мы не та семья, которая сдается без боя». Непрошибаемая – не в пример мужу, – эта яростная женщина-адвокат была больше нацелена на победу, чем дипломатичный спортивный директор. Но сейчас именно Петер рвался в бой, а Мира колебалась. Может, Тео правильно заметил: Петер просто наивен. Мир устроен сложно, а Петеру хочется, чтобы тот был прост.

Когда он играл в Канаде, тренер говорил: «*Winning isn't everything. It's only one thing!*» Но Петеру не хватало «инстинкта киллера». Когда его команда во время тренировки повела с большим отрывом, он сбавил обороты, потому что ему не хотелось унижать противника. Философия тренера требовала «не снимать ноги с горла врага», но Петеру это было

непонятно. Достаточно победить, не нужно никого растаптывать. Потом была тренировка, на которой противники победили со счетом 0:5. «*Get your mind right!*» – заорал тренер. Но Петеру этого так до конца и не удалось.

Может быть, поэтому он и промазал в финале тогда, двадцать лет назад, может быть, поэтому боялся теперь выполнить обещание, данное Ричарду Тео. У каждого есть предел, скольких врагов он в состоянии пережить. Петер знал, что должен делать свое дело, только не знал, какое именно.

Он смотрел на Элизабет Цаккель на льду и мечтал быть таким, как она. Никогда не снимать ноги с горла соперника.

* * *

Элизабет Цаккель поделила игроков на две команды и накрепко связала их по двое. Упадет один – упадут оба.

– ЧТОЗАСУКАБАБЬЕУПРАЖНЕНИЕ?! – взревел один из старшаков, когда его потащил за собой споткнувшийся товарищ и он крепко ударился об лед, однако Цаккель не обратила на него внимания.

Им предстояло вкалывать до тех пор, пока они не поймут, что такое партнерство, и не начнут кататься как единое целое. Предстояло потеть и блевать, раз за разом. Под конец даже Аамат упал на колени у линии ворот, и лишь тогда Цаккель разрешила хоккеистам развязать веревки. А потом взялась за пейнтбольное ружье. Один из старших пробурчал:

– Вот теперь у бабы точно инсульт...

Умела ли Цаккель читать по губам, неизвестно, только она ответила:

– Что-то много стало разговоров о бабах. Мое предположение – вы боитесь, что станете играть, как бабы, если вас тренирует одна из них.

Хоккеисты поежились. Кого-то все еще рвало в ведро. Цаккель демонстративно выстрелила в перекладину ворот; загудел металл, и жесткая пулька с краской взорвалась желтой кляксой.

– Когда-то я тренировала женскую команду. Девчонки плохо брали отскоки от ворот и не хотели ложиться под шайбу – боялись боли. Я велела им раздеться догола и попробовать доехать до ворот и коснуться перекладины, пока я буду стрелять по ним из пейнтбольного ружья. За каждый раз, что они сумеют дотронуться до перекладины, они получают по холодному пиву. И знаете, что они мне сказали?

Все промолчали, и Цаккель ответила сама:

– Они сказали «иди на хрен». Но они же были... бабы. А вы?

Мужчины, собравшиеся на льду, выпучили глаза, но Цаккель просто ждала. Прошла минута. Кое-кто нервно захихикал, но Цаккель с ружьем в руках оставалась невозмутимой.

– Вы что... шутите? – спросил наконец кто-то.

– Вряд ли. Мне приходилось слышать, что у меня неважно с... чувством юмора, – сообщила Цаккель.

И тогда поднялся другой хоккеист. Бросил шлем на лед, стянул свитер, налокотники и нагрудник.

– Хватит, или мой хер вам тоже показать? – поинтересовался Беньи.

– Достаточно, – ответила Цаккель и выстрелила. Пулька просвистела, едва не задев шею Беньи.

Прочие игроки пригнулись, но Беньи не стал ждать ни секунды – он заскользил прямо к воротам. Когда он в первый раз коснулся перекладины, Цаккель успела попасть в него дважды, во второй и третий она выпустила по нему вдвое больше пуль. По словам продавца, ружье выпускало пульки со скоростью девяносто метров в секунду, и Цаккель настоятельно рекомендовали стрелять только по «людям в защитной одежде и с расстояния не менее десяти метров». Кожа Беньи была обнажена, один раз Цаккель попала ему в спину, и он дернулся от боли, когда краска расплылась по лопатке.

Старшие игроки смотрели. Поначалу они словно не верили своим глазам, но вскоре пришли в возбуждение. Под конец кто-то громко выкрикнул не то «восемь», не то «девять», а потом считать прикосновения к перекладине принялась вся команда. Рев двадцати глоток возвещал, сколько пива выиграл Беньи. ЧЕТЫРНАДЦАТЬ. ПЯТНАДЦАТЬ. ШЕСТНАДЦАТЬ. Цаккель перезарядила ружье, Беньи снова покатился к воротам – нормальные люди так себя не ведут. В том-то и суть. Нормальный капитан Цаккель был не нужен.

Один раз пулька попала Беньи прямо в ключицу, и Цаккель увидела в его глазах все, на что он способен. «С этим типом я одержу победу где угодно», – подумала она. Беньи катался, а она стреляла до тех пор, пока он не заслужил целый ящик пива. Цаккель принесла ящик на скамейку запасных. Отдавая Беньи пиво, Цаккель сказала:

– Человек, ощущающий ответственность, несвободен. Вот чего ты боишься, Беньямин.

Для человека, у которого неважно с чувствами, у нее было не так уж плохо с чувствами, у этой бабы. Беньи, распухший, с горящей кожей, весь в разноцветных пятнах, пошел в раздевалку. Там он раздал одноклубникам

по банке пива. Пил даже Агат – не посмел отказаться.

Беньи один ушел в душ. Надолго. Когда он вернулся в раздевалку, пиво уже прикончили. В кроссовках Беньи шапкой стояла пена для бритья.

* * *

Пока Цаккель собирала веревки, Петер Андерсон стоял у бортика.

– У вас весьма... интересные методы тренировки. Они действительно пойдут игрокам на пользу? – поинтересовался Петер со всей доступной ему дипломатичностью. Созерцая лед в цветных пятнах от пульек, он изо всех сил старался дышать ровно.

– Откуда я знаю? – равнодушно ответила Цаккель.

– Должна же у вас быть причина применять такую... технику? – предположил Петер.

У него начиналась мигрень. Ричард Тео обещал ему «полный контроль» над клубом, но Петер почему-то совсем не ощущал себя хозяином.

– Ну, хоккейные тренеры знают не так много, как прикидываются. Я думала, вы в курсе.

Петер почувствовал, как напряглись мышцы спины.

– У вас... своеобразный взгляд на лидерство.

Цаккель пожала плечами:

– Если игроки считают меня дурой, значит, им есть о чем посудачить в раздевалке. Иногда команде, чтобы объединиться, нужен враг.

Петер смотрел ей вслед. Он был почти готов поклясться, что на этой последней реплике Цаккель коротко улыбнулась. Потом Петер принес моющее средство и следующие несколько часов скреб и оттирал бортики.

Наверное, ему следовало бы поехать домой, выпить вина с женой, уснуть в их постели. Но они с Мирой еще не помирились по-настоящему. Только перестали ссориться, а это не одно и то же. Они больше не кричали друг на друга – но и говорили друг с другом редко. Семья становилась все безмолвнее, словно комната, замусоренная настолько, что, чем ее прибирать, проще замуровать туда дверь. Петер ловил себя на том, что выдумывает рабочие дела, лишь бы возвращаться домой попозже, когда все уже спят.

Полночи Петер убил на чтение инструкции к кофемашине. Хотя мог бы просто позвонить дочери, которая ему эту машину подарила, и

признаться, что больше не знает, как быть. И ради кого он дерется.

* * *

Тренера основной команды «Хед-Хоккея» звали Давид. Его рыжие волосы месяцами ждали стрижки, а лицо было бледным, потому что даже в чудесный летний день ни одному солнечному лучу не пробиться в просмотровую ледового дворца. Давид отдавал делу всего себя, – других вариантов не было. Его девушка ждала ребенка, а если Давид одержит победу, «Хед-Хоккей» попадет в высший дивизион.

Давид не хотел тренировать эту основную команду, он хотел тренировать «Бьорнстад». Он создал из оравы мальчишек команду, он тренировал их как юниоров, они должны были победить в юниорском чемпионате и стать костяком основной команды: Кевин и Беньи на льду, Давид – в кабинке. Они почти добились этого. Но – почти.

Давид ушел из «Бьорнстада» не потому, что был на стороне насильников. Во всяком случае, ему так казалось. Он даже не знал, виновен ли Кевин, мальчику ведь так и не вынесли приговора, а Давид не юрист и не политик. Он хоккейный тренер. Если хоккейные клубы начнут судить игроков сами, не дожидаясь суда, куда это приведет? Пусть хоккей останется хоккеем. Надо отделять происходящее вне ледового дворца от того, что происходит в его стенах.

Давид покинул «Бьорнстад» не из-за того, в чем обвиняли Кевина, а потому, что Петер Андерсон устроил так, что мальчика арестовали в день финала. Наказанной оказалась вся команда, а не только Кевин. Этого Давид не стерпел. Он сменил клуб и увел за собой почти всех игроков.

Он не жалел о своем решении. Жалел он только о Беньямине Овиче. Этот мальчик воплощал в себе все, чего Давид хотел от команды, но в решающий момент тренер так и не смог до него достучаться. Когда все прочие потянулись в «Хед», Беньи остался в «Бьорнстаде», а весной Давид видел, как он целуется с другим парнем. Беньи не знал, что Давид это знает, и, вероятнее всего, никто, кроме Давида, этого и не знал. Если совсем начистоту, то Давид надеялся, что никто и не узнает. Не те у нас края, где подобное можно делать достоянием гласности, особенно если речь о хоккее, который выйдет против его команды этой осенью.

Гордился ли Давид собой? Нет, нет и нет. Но почему тогда он не приехал к Беньи и не признался, что ему, Давиду, стыдно – ведь он оказался настолько никудышным лидером, что мальчик поостерегся говорить правду

о себе? Почему Давид просто не попросил прощения? Может статься, по той же причине, по которой и другие люди совершают самые большие глупости: тяжело признаться, что ты совершил ошибку. И тем тяжелее, чем серьезнее ошибка.

Давид не считал себя хорошим человеком, но он твердил себе: все, что он делает, он делает на благо хоккея. Прежде всего – команда, клуб и спорт. Он не позволит им стать политикой. Даже теперь.

В дверь кабинета постучали. На пороге стоял Вильям Лит.

– Слышали, что Беньи – капитан «Бьорнстада»? – рявкнул могучий форвард.

Тренер кивнул:

– Это «Хед». Это не «Бьорнстад». Какая тебе разница, что у них там происходит.

Вильям дрожал. Он не мог заставить себя уйти, хотя взгляд тренера ясно говорил: обсуждение окончено.

– Кто-нибудь из нашей команды будет в этом году играть под шестнадцатым номером? – поинтересовался Вильям.

Ему не хотелось, чтобы это прозвучало как обвинение. Хотелось только, чтобы тренер его любил. Вот в чем проблема: любовь как лидерство, просить о ней бессмысленно.

– Это не твоя забота, – холодно сказал Давид.

Под шестнадцатым номером в «Бьорнстаде» играл Беньи. Отдать этот номер игроку «Хеда» Давид отказывался. – А у нас кто будет капитаном? – ревниво спросил Вильям.

Давид ответил на тот вопрос, который волновал Вильяма на самом деле:

– Вильям, ты еще слишком молод.

Особый способ разбить сердце: когда хоккеист по глазам своего тренера видит, что тот предпочитает другого. – А если бы я был Беньи? Вы бы такое сказали?

Давид не стал врать и отрицательно покачал головой.

Вильям Лит вышел на лед, как никогда исполненный жажды самоутверждения. Давид притворился, что ничего не заметил, но он, конечно, прекрасно все понимал. Не случайно он стал таким хорошим спортивным тренером – он понимал силу собственного слова. Пока мальчишки росли, он наблюдал, как Вильям соревновался с Беньи за все – и ни разу не одержал верх. Давид знал, что зависть – отвратительное чувство, но оно может стать мотивирующим. И растил его намеренно, потому что быть лидером – значит уметь манипулировать чувствами ради

победы. Давид знал: он играет в опасную игру, Вильям может возненавидеть Беньи настолько, что во время матча изувечит его. Но во всех лучших командах мира есть кто-то, кто играет на грани, а иногда и выходит за эту грань. Вильям играл лучше всего, когда ненавидел.

И все-таки Давид любил Беньи больше, чем любого другого своего воспитанника, и ему было стыдно, что мальчик не решился доверить ему свою тайну. Может быть, когда-нибудь, как-нибудь Давид искупит свою вину как человек. Но место чувствам – за стенами ледового дворца. А во дворце Беньи – противник. Если Вильям во время матча перейдет грань – так тому и быть. Если Беньи изувечат, значит, изувечат. Давид – хоккейный тренер, он делает свое дело. И готов на все ради того единственного, что имеет значение.

Ради победы.

* * *

Когда опустилась темнота, Беньи в одиночестве выжимал вес в сарае при собачьем питомнике. Прежде чем поднимать штангу, он расстегнул и снял часы. Старые и потертые, тяжелые, громко тикавшие, они плохо подходили ему. Но он получил их от Давида. С тех пор как тренер сменил клуб, они не сказали друг другу ни слова, и все-таки, куда бы Беньи ни пошел, часы были у него на руке.

* * *

Вильям отжимался до тех пор, пока руки не заболели, пока не заболело все остальное тело. Он уснул, держа в руке зажигалку, которую подкинули ему в шкафчик, и он знал, кто ее подкинул. Может быть, Вильям не изувечит Беньи, по крайней мере пока. Но это не значит, что он не изувечит кого-нибудь другого.

Но медведь в ней уже проснулся

Окруженная облаком ругани, Рамона, топоча, спускалась по лестнице, желая знать, кто барабанит в дверь «Шкуры» после закрытия. Она ожидала увидеть очередного алкаша, но обнаружила кое-кого другого.

– Ты что здесь делаешь, старый прохвост, ты же в последний раз объявился у моей двери лет сорок назад, хотел позабавиться посреди ночи! Я тогда тебя не пустила и сейчас не пущу! – прошипела Рамона и застегнула халат.

Суне рассмеялся так громко, что напугал щенка, сидевшего у его ноги.

– Мне нужен совет, Рамона. Или два.

Рамона впустила его, налила щенку воды в миску. Щенок вылакал воду и принялся закусывать мебелью.

– Ну? – потребовала Рамона.

– Я хочу, чтобы ты поговорила с Теему Ринниусом. Ради меня.

Попроси об этом любой другой, Рамона прикинулась бы дурочкой, мол, какой еще Теему? Но с Суне... Он посвятил всю свою жизнь трудным мальчишкам с хоккейным талантом, а Рамона свою – тем, кому таланта не доставало.

– О чем?

– О клубе.

– Я думала, ты больше не тренер. Какое тебе дело до клуба?

– Меня держат там ради одной красотишки.

Рамона заржала так, что отчистила легкие примерно от десятилетнего сигаретного нагара. Потом посерьезнела:

– Я кое-что слыхала, Суне. В газетах пишут про «нового спонсора» и «тайные переговоры», на которых присутствует спортивный директор. Теему и его ребят это беспокоит. Это их клуб.

– Это не только их клуб, – поправил Суне.

В этом чертовом городе людям не угодишь, подумал он. Если клуб обанкротится, все дерьмо полетит в Петера, а если Петер найдет деньги, дерьмо полетит в него же. Рамона выставила на барную стойку три стаканчика виски. Один Суне, два – себе.

– Что скажешь про нового тренера? – спросила Рамона. – Она заходит иногда, поест картошки.

– Цаккель? Не знаю, что сказать. Чокнутая тетка. Похоже, ей совершенно плевать на то, что думает Петер Андерсон...

– Хорошее начало, – одобрила Рамона.

– ...но я подозреваю, что Теему и его ребята не в восторге от того, что тренер – женщина, – заметил Суне.

Рамона фыркнула:

– Они любят свой клуб. Сам знаешь. А боятся они, что ее сюда прислали ради пиар-путча. Не желают выглядеть посмешищем, да и политическая повестка в хоккее им не нужна...

– Политическая повестка? – Суне закатил глаза. – Теперь это так называется? Бабы уже и спать не могут с кем хотят?

– Да ну тебя! Уж кто-кто, а я тут понимаю лесбиянок как никто! На мой-то взгляд, вот кому достался счастливый билет! Да только мужиков не образумишь, их можно только выставить за дверь.

– Тогда что не так с Цаккель?

– То и не так, что мальчикам кажется, ею вертят Петер Андерсон, спонсоры и политики, а им больше не нужен тренер вроде... – Рамона осеклась.

– Вроде меня? Слабак? – договорил за нее Суне.

Он знал, что о нем говорят. Что он в последние годы позволил спонсорам и политикам захватить клуб и пустить его ко дну. Люди правы, Суне постарел и слишком устал, чтобы драться. Он надеялся, что сам хоккеем удержит клуб на правильном пути, и экономически, и морально, но ошибся и насчет того, и насчет другого.

– Я не хотела тебя обидеть, – пробормотала Рамона.

– Да ладно. Они правы. Хорошо бы у этого города было побольше поводов для радости. Но Цаккель – не я.

– В каком смысле?

– Она победитель.

– Ты пришел ко мне за советом? Мальчикам нужны доказательства.

Суне вздохнул:

– Тогда передай Теему, что, когда его братика выпустят из клиники, пусть тот едет напрямиком в ледовый дворец.

И тут Рамона растерялась. Как в дальнейшем и другие.

Петер вернулся домой поздно. Мира сидела с ноутбуком за кухонным столом – она рано уехала с работы, чтобы приготовить детям ужин, постирать и прибраться. Сейчас она снова работала, но начальство этого не знало. Рабочий день у Миры был в среднем на несколько часов длиннее, чем у коллег, но ее все равно считали «той, кто уходит домой раньше всех». Быть матерью – все равно что отводить воду из сырого сада или перекрывать крышу: много времени, пота и денег, а в результате все как было, так вроде и осталось. Такими делами не прославишься. А вот просидеть лишний час в офисе – это как повесить красивую картину или новую лампу: все заметят.

Петер заговорил с Мирой, она заговорила с Петером, но они не смотрели друг другу в глаза. Как прошел день? Хорошо, а у тебя? Хорошо. Дети поели? Да, там осталось в холодильнике. Можешь подбросить их завтра в школу – мне в ледовый дворец рано? Мира ответила «конечно», хотя ей хотелось закричать «а как же моя работа?». Петер сказал «спасибо», хотя ему хотелось закричать «господи, я тону». Мира сказала «все нормально», хотя ей хотелось закричать «на помощь!». Дальше они молчали, хотя оба чувствовали «мне так не хватает нас». Петер вышел из кухни, не проведя кончиками пальцев по волосам Миры. Мира осталась сидеть, не подышав ему в шею.

* * *

Рамона сердито глянула на Суне:

– Ты меня не разыгрываешь?

– Нет. У этой Элизабет Цаккель нет чувства юмора.

– Она собирается снова выпустить Видара на лед? Что Петер скажет?

– Ей наплевать, что он скажет.

Рамона захохотала от смеха. Братья Ринниус всегда были ей немного ближе, чем прочие мальчики «Шкуры». Теему раз в неделю закупал ей продукты, Видар когда-то делал здесь уроки. Много лет назад, вскоре после смерти Хольгера, братья услышали, как кто-то говорит, что Рамона «стала забывчивой, наверное, это Альцгеймер». Это был не Альцгеймер, а просто-напросто разбитое сердце, но мальчики вычитали в интернете, что старение мозга можно замедлить, если тренировать его, и стали заставлять ее решать кроссворды. Каждое утро являлись с новым. А Рамона костерила их на все корки и любила безусловной любовью.

– Значит, Видар срет на стол, а Цаккель срет на Петера? Добром это не

кончится, – заметила она.

– Не кончится, – согласился Суне.

Рамона почесала стаканом под подбородком.

– Не похоже это на тебя – идти против Петера.

– Не похоже, – подтвердил Суне.

– А в чем дело? Чем она так хороша, эта тренерша?

Суне вздохнул так, что затрепетали волоски в носу.

– Тут уж все или ничего, Рамона. Видар всегда был охрененным вратарем, и если таким остался, я готов рискнуть... в смысле его... личных качеств.

– И черт на старости в монастырь пошел, – улыбнулась Рамона.

– Так ты устроишь, чтобы Теему привел Видара на тренировку? – спросил Суне.

Рамона вздернула бровь:

– Ах ты прохвост, да ты помнишь, как Видар играл в хоккей? Вам приходилось волоком тащить его со льда, когда тренировка кончалась! А теперь он сидит ПОД ЗАМКОМ в... черти драные... да он бросится в ледовый дворец, так что сам черт не удержит!

Рамона сказала не то, что думала: что она, если понадобится, сама потащит Видара в ледовый дворец. Она не сумела спасти Теему, он был слишком озлоблен, чтобы измениться. Но у Видара жизнь еще может сложиться по-другому, и Рамона не собиралась снова упустить шанс, даже ценой собственной жизни.

Суне кивнул и глотнул виски. В глазах защипало.

– Ну, тогда...

Он замолчал.

Рамона фыркнула:

– Что еще?

Суне устыдился, насколько он весь как на ладони.

– Я еще кое о чем хочу попросить. Не для клуба, для себя. Есть одна девочка, ее зовут Алисия, ей четыре с половиной года, она живет в доме...

– Знаю чертенка, – сказала Рамона мрачно. Не то чтобы она знала девочку с плохой стороны, но взрослые обитатели этого дома были хорошо известны в каждом из окрестных баров.

– Поможешь мне приглядеть за ней?

Рамона плеснула еще виски.

– Ты точно не собирался вскружить мне голову и затащить в койку? Сейчас у тебя это получается лучше, чем сто лет назад.

– У меня инфаркт случится раньше, чем ты лифчик расстегнешь, но

спасибо за предложение, – улыбнулся Суне.

Рамона выпила. И грустно констатировала:

– Я никому здесь не говорила, Суне, но Петер тоже мой мальчик. Тоже мой мальчик. Так что передай ему – пусть не забывает, кто вступился за «Бьорнстад», ради себя самого пусть не забывает. Что бы там ни потребовал новый спонсор.

Суне кивнул. Он понимал, Рамона имеет в виду стоячую трибуну Группировки. В этом городе трудно сохранить в тайне хоть что-то.

– Сделаю, что смогу, – пообещал он.

Только этого слишком мало.

* * *

Петер остановился у двери Лео. Мальчику уже двенадцать лет – почти подросток. А Петер помнил день, когда тот родился, помнил те, полные смятения, секунды, когда он впервые услышал плач своего сына. Как держал на руках хрупкое голое тельце, поддерживал головку, помнил зажмуренные глазки и беспокойные крики... и когда они затихли. Как в первый раз осознал, как спокойно этому существу спать у него на руках. На что мы готовы в такие минуты ради детей? На что не готовы?

Но годы проносятся мимо. Отцам надо жить здесь и сейчас, но спортивные директора не могут себе этого позволить. Момент надо ловить, ибо детство – как мыльный пузырь: всего несколько мгновений радости. Но спортивные директора должны думать о следующем матче, следующем сезоне, дальше, вперед, вверх.

...Петер стоял, держа в одной руке две клюшки, в другой – теннисный мячик. Лео когда-то чуть плешь ему не проел, умоляя поиграть с ним в гараже. «Папа, может, выкатаешь машину? Папа, а мы поиграем? Папа! Всего пять минут! Всего до пяти голов!» Петер сидел с пультом в руке, смотрел запись матча или, согнувшись над папками, подсчитывал на калькуляторе бюджет; он отвечал: «Сначала сделай уроки». После уроков оказывалось, что уже поздно. «Завтра», – обещал папа. «Конечно», – соглашался сын. Мужчины постоянно заняты; но мальчики растут, не дожидаясь их. Сыну нужно внимание отца ровно до того момента, как отцу понадобится внимание сына. Потом остается только думать: надо было чаще спать с ним рядом, чтобы его голова лежала у меня на груди. Чаще сидеть на полу, пока он играет. Обнимать его, пока он позволяет себя обнимать.

Петер постучался к Лео, и двенадцатилетний человек ответил, не открывая:

– Мм?

– Я тут... я выкатил машину из гаража, – с надеждой сказал отец.

– Ага?

– Я... ну, я подумал, может... поиграем?

Петер так сжимал мячик, что от пота на зеленом ворсе остались темные пятна. И услышал в ответ беспощадное:

– Я делаю уроки. Может, завтра?

Петер чуть не открыл дверь. Чуть не попросил снова. Но вместо этого убрал ключи в чулан и в одиночестве сидел на диване, пока не уснул с мячиком в руках.

* * *

Мира закрыла ноутбук. Заглянула к Лео. Сын притворился, что спит, Мира притворилась, что поверила. Прошла мимо гостиной, накрыла Петера тонким одеялом, задержалась – хотела отвести ему волосы со лба. Не отвела.

Она сидела на ступеньках дома, смотрела на звезды, на которые, она знала, можно смотреть из любой точки мира. Сегодня на работе коллега передала ей конверт; отправителем значилась немолодая женщина, которую Мира с коллегой боготворили уже многие годы: управленец высочайшего уровня, гений инвестирования, эта женщина вдруг резко сменила амплуа и основала крупный благотворительный фонд, лицом которого были художники и актеры, а базой – многие миллионы. Мира и коллега познакомились с этой женщиной в прошлом году на конференции, она заинтересовалась ими и на прощание сунула Мире свою визитную карточку: «Мне всегда нужны умные энтузиасты, способные гореть. Дайте знать, если будете искать работу». Мира тогда не приняла этого всерьез, не посмела, лишь сохранила в памяти как смутную мечту. Но в конверте лежало приглашение на крупную конференцию, которую фонд проводил через пару недель в Канаде.

– Почему она приглашает нас? Решила воспользоваться услугами нашего бюро? – ахнула Мира.

И лишь теперь разглядела зависть во взгляде коллеги. Взглянув на приглашение, Мира увидела в нем только свое имя. Коллега пыталась говорить веско, но голос у нее стал, как у маленькой девочки, у которой

большой мир вот-вот отнимет талантливую подругу:

– Она пригласила только тебя, Мира. Ей не нужно наше бюро. Она хочет взять на работу тебя.

Мира сидела на ступеньках дома с конвертом в руках, смотрела на звезды. Те же самые звезды видны из Канады. Мира когда-то уехала туда, потому что Петер заключил контракт с НХЛ, ему предстояло играть с лучшими из лучших. Теперь она знала его ответ заранее. «Что, тебе обязательно ехать на эту конференцию? И именно сейчас? В клубе столько дел, любимая. Может, на будущий год?»

Мира никогда не сможет ему объяснить. Петер никогда не поймет, что у нее есть своя НХЛ.

* * *

Рамона позвонила Теему. Они говорили недолго – оба не хотели выдать голосом слабость. Рамона не сказала, что желает для Видара лучшей жизни, чем у Теему, а Теему не сказал, что желает того же самого. Потом Рамона попросила Теему об одной услуге и не ложилась, пока он не перезвонил и не сказал, что все уладил.

Теему ждал перед домиком в другом районе города, пока в детской не погаснет свет. Удостоверившись, что теперь не спят только взрослые, он не позвонил в дверь, не постучал – они так и не поняли, как он вошел. Теему просто возник на кухне, пока хозяйка шарил по краю стола возле мойки, пытаясь поймать стакан, который опрокинули их дрожащие руки. Теему понял: они знают, кто он такой; ему оставалось только поставить на стол хоккейный баул и спросить:

– Алисия здесь живет?

Взрослые испуганно кивнули.

Теему коротко объявил:

– С этого дня фонд бара «Шкура» будет ежегодно оплачивать все ее хоккейное снаряжение, пока она играет. Не знаю, есть ли у этой девочки сестры, но братья у нее теперь есть. Любой взрослый, который ее обидит, будет иметь дело с одним из нас.

Дождаться ответа Теему было незачем. Когда он вышел, еще несколько минут никто у него за спиной не решался двинуться с места, но в конце концов баул отнесли наверх, в комнату Алисии. Девочка четырех с

половиной лет крепко спала, ей снился звук, с которым шайба влетает в стену, и еще долго после этой ночи синяки у нее будут только ото льда. Она будет играть в хоккей каждый день, а однажды станет лучшей.

Девочка той ночью крепко спала. Но медведь в ней уже проснулся.

Песня для мамы

Вильям Лит, как всякий восемнадцатилетний парень, жил на грани самомнения и бездны отчаяния. Ему нравилась девочка из параллельного класса. Весной они вместе были на вечеринке, и она, подвыпив, чмокнула его в щеку; ему до сих пор снился этот поцелуй. И вот сегодня, когда она проходила мимо его шкафчика, по броне Вильяма пошли трещины.

– Привет... хочешь... это... может, займемся чем-нибудь таким? После школы... Ты... и я?

Девушка посмотрела на него с отвращением:

– Заняться чем-нибудь таким? С тобой?

Вильям кашлянул:

– Ну...

– Ты что! – Девушка фыркнула. – Я из Бьорнстада, а для некоторых из нас это кое-что ЗНАЧИТ! Надеюсь, Бенъи РАЗМАЖЕТ ТЕБЯ ПО ЛЬДУ!

Лишь когда она пошла прочь, Вильям увидел, что на ней зеленая футболка с надписью «Бьорнстад против всех». Ее подружки были в таких же. Проходя мимо, одна из девочек бросила:

– Кевин Эрдаль – насильник и выродец, да и ты не лучше!

Вильям застыл, заклеянный. Всю жизнь он пытался все делать правильно. Не пропускал тренировки, обожал капитана команды, слушался тренера. Он выполнял все правила, делал как велено, наступал на свою гордость. А Бенъи всегда поступал ровно наоборот. И кому в результате досталась всеобщая любовь?

Какие чувства могли после этого остаться у Вильяма Лита, кроме ненависти?

Обернувшись, он увидел в другом конце коридора Лео. Двенадцатилетний мальчишка только что понял, где у Вильяма самая слабая точка, и теперь издевательская улыбка этого мелкого засранца жгла восемнадцатилетнему Литу кожу. Вильям влетел в туалет и лупил себя кулаками по ляжкам, пока не подступили слезы, с остервенением раздирал себе руки, пока из-под ногтей не выступила кровь.

* * *

После уроков Мая и Ана переоделись в спортивные костюмы и отправились в лес, бегать. Идея принадлежала Ане и на первый взгляд выглядела странно: Мая всегда ненавидела пробежки, а Ана, всю жизнь носившаяся по лесу, никогда не делала из этого фитнеса. Никогда не бегала кругами. И все же той осенью Ана выгнала Маю в лес, потому что знала: даже если Кевина больше нет в Бьорнстаде, им только предстоит вернуть себе то, что он у них отнял. Сумерки. Одиночество. Мужество слушать музыку в наушниках, когда на улице темно. Свободу не оглядываться то и дело через плечо.

Они бегали только по освещенной дорожке, бегали молча, но обе думали одно и то же: парни даже не задумываются, светло на улице или нет, в их жизни это не проблема. Если парни боятся темноты, то это страх перед привидениями или чудовищами. Если девушки боятся темноты – они боятся парней.

Девочки бегали долго. Смогли пробежать больше, чем думали. Заминка возникла недалеко от дома Аны, там, где тропа огибала Холм. Тут было самое освещенное место во всем Бьорнстаде, но дела это не меняло. Потому что именно тут Мая приставила дуло ружья к голове Кевина.

Мая глубоко дышала. Она не могла заставить себя сделать еще хоть шаг. Ана, стараясь утешить ее, положила руку ей на плечо:

– Завтра еще раз попробуем.

Мая кивнула. Они пошли к Ане. Уже у самой двери Мая соврала, что с ней все в порядке, она сама дойдет до дома. Ана так старалась, чтобы все было как обычно, что Мае не хватило духу ее огорчить.

Оставшись одна, Мая села на пень и заплакала. Отправила маме сообщение: «Можешь приехать за мной? Пожалуйста!»

Ни одна мама – ни в этом лесу, ни в каком другом – еще не гнала на машине с такой скоростью.

* * *

Никто не знает точно, как зарождается насилие. Тот, кто легко раздает

удары, просто чувствует, что оно всегда под рукой, наготове. «Ты меня довел». «Ты же знал, что я такого не выношу». «Сам виноват, нарочно нарывался, так тебе и надо!»

Подруги у двенадцатилетнего Лео Андерсона никогда не было. И когда к нему возле шкафчиков подошла девчонка двумя годами старше, он испытал такое опьянение, как никогда ни до, ни после.

– Я видела на пляже, как ты не струсил перед Литом. Ты смелый! – улыбнулась она.

Когда девочка ушла, Лео пришлось вцепиться в шкафчик. За обедом она села за один стол с Лео. А после уроков возникла в коридоре и спросила, не хочет ли он проводить ее домой.

За Лео обычно заезжал кто-нибудь из родителей, чтобы отвезти его на тренировку. Но в последнее время родители обитали каждый в собственном мире, а Лео этой осенью играть в хоккей не собирался. Ему хотелось стать кем-то другим, он еще не знал кем, но, когда девочка посмотрела на него, он подумал: «Хочу быть тем, про кого она думает “смелый”». Поэтому Лео отправил родителям сообщение, что собирается в гости к приятелю. Мать с отцом только обрадуются, что не нужно его забирать.

Лео с девочкой спустились в подземный переход-туннель, который тянулся под широким шоссе, отделявшим школу от жилого района. Лео глубоко вдохнул, набираясь смелости, и потянулся взять девочку за руку. В туннеле было темно, девочка увернулась от его пальцев и побежала. Лео растерянно смотрел ей вслед; кроссовки девочки чавкали по асфальту. Потом к стуку прибавился другой звук. Другие кроссовки, много. Шаги доносились с разных сторон, все громче. Среди приближавшихся был и старший брат девочки – Лео не разглядел под ее курткой красной футболки.

Коммуна прорыла туннель много лет назад по требованию группы родителей: детям опасно переходить оживленную магистраль. Переход был призван защитить детей. Но сейчас он стал ловушкой.

* * *

Когда Мира забрала Маю, дочь сделала вид, что все снова хорошо. Притворяться она научилась на отлично. Мая сказала, что подвернула ногу, когда они с Анной бегали, и Мира обрадовалась. Обрадовалась! Потому что вывих – это так нормально. Обычное происшествие в жизни шестнадцатилетней девочки.

– Ну, что придумаем? Может, съездим в Хед, выпьем кофе? –

предложила Мира. Как мать подростка, она прошла многолетнюю тренировку отказами, поэтому сердце сделало перебой, когда дочь потрясла ее ответом:

– Давай.

Они пили кофе. Болтали. Даже смеялись, словно все как обычно. И конечно, Мира сама все испортила. Потому что ей приспичило спросить:

– Как там у... психотерапевта? Или точнее... у психолога? Какая между ними разница, никак не запомню. Но... я понимаю, ты не хочешь говорить ни со мной, ни со своим папой, но ты просто знай: ты всегда можешь... поговорить.

Мая помешивала ложечкой в чашке. По часовой стрелке, против часовой стрелки, потом наоборот.

– Все нормально, мама. Со мной все нормально.

Как же Мире хотелось поверить в это! Она постаралась, чтобы голос звучал ровно:

– Мы с твоим папой поговорили... Я собираюсь взять поменьше нагрузки, смогу больше быть дома...

– Зачем? – воскликнула Мая.

Мира растерялась:

– Я думала, ты обрадуешься! Если я... буду больше бывать дома?

– Почему меня это должно обрадовать?

Мира заерзала.

– Лапуля, я неважная мать. Я столько занималась своей карьерой, а надо было почаще оставаться с тобой и Лео. Сейчас вашему папе нужно все время отдавать клубу, и...

– Папа и так все время отдает клубу! – перебила Мая.

Мира моргнула.

– Я не хочу, чтобы ты запомнила меня как мать, которой вечно нет дома. Особенно сейчас. Я хочу, чтобы ты чувствовала: у тебя... обычная мама.

Тут Мая отложила ложечку. Перегнулась через стол.

– Мама, прекрати! Я же, блин, охрененно тобой горжусь, понимаешь? У всех просто мамы, а у меня – образец для подражания. Просто мамы говорят детям: вырастешь – и станешь кем захочешь. А ты не говоришь – ты каждый день мне это показываешь своим примером.

– Лапуля, я... – начала Мира, но у нее перехватило дыхание.

Мая вытерла ей слезы и прошептала:

– Мамочка. Это ты меня научила, что мечтать не обязательно. Что можно сразу идти к цели.

Может, Вильям Лит никого увечить не собирался. Есть такая порода людей – им доставляет удовольствие причинять другим боль, но Вильям вряд ли был из их числа. Возможно, однажды и сам он задумается, почему мы становимся такими, какие есть. Или всю жизнь будет искать оправдания жестокости: «Ты его довел». «Ты же знал, что он этого не выносит». «Сам виноват, нарочно нарывался, так и надо!»

Поддержка парней далась Литу не просто так. Парни шли за ним не потому, что любили его или восхищались им, как шли за Кевином и Беньи; за Литом они шли потому, что он сильный. Поэтому надо было оставлять мокрое место от каждого, кто бросит ему вызов, ведь презрение – как искры в летнем лесу. Если не затоптать их сразу, огонь распространится и в конце концов окружит тебя со всех сторон.

Его парни остановились, загородив выходы. Вильям двинулся вперед. Ситуация не должна была выйти из-под контроля, потому что Вильям начал словами:

– Ну что, хвост поджал, а?

Если бы Лео выглядел испуганным, все могло бы закончиться уже тогда. Если бы двенадцатилетнему мальчишке хватило ума задрожать, упасть на колени и попросить у Вильяма пощады!.. Но не Вильям увидел страх в глазах Лео; это Лео увидел страх в глазах Вильяма. И двенадцатилетний подросток с издевкой сказал:

– А сам-то ты сильно крутой, Вилли-Винки-крошка? Слабо с Беньи подраться? А играть против «Бьорнстада» выйдешь в памперсах или как?

Лео и сам, наверное, не знал, зачем это сказал. Или ему было все равно. Девчонка его обманула, и отныне он обречен носить в себе черную злобу – чувство, оставшееся после ее бегства. Они все спланировали, еще, наверное, смеялись. Все это как-то замыкается на насилие, на адреналин, на иные частоты сердца у некоторых людей.

Лео вынул из кармана какой-то предмет и бросил на землю перед Вильямом. Зажигалка. Вильям ударил в ту же секунду, кулак влетел в лицо Лео тяжело, как полено. Лео откатился по полу, встал на четвереньки, чтобы кровь не застила глаза. Он понимал, что в драке ему Вильяма не одолеть. Но избежать поражения можно множеством иных способов. Заметив, что глаза Вильяма наполнили слезы ярости в тот миг, когда он занес ногу для удара, Лео дернулся в сторону и изо всех сил пнул Вильяма в промежность. Потом вскочил на ноги и принялся избивать его ногами.

Тут бы драке и конец, будь Лео крупнее и тяжелее, а Вильям – поменьше и полегче. Но удары Лео были слабыми, половина их приходилась мимо, Вильям от них просто уклонялся. Парни у выходов не двигались с места. Пальцы Вильяма сгребли Лео за свитер, сомкнулись, как когти. Потом восемнадцатилетний ударил двенадцатилетнего головой в переносицу. Лео, ослепленный, повалился на землю. А потом? Господи...

Потом Вильям Лит топтал жертву, не в силах остановиться.

Песня для мамы

*На вопрос «Какой была я мамой?» —
Вечный, тот же самый —
Хочешь ответа
Я скажу на это
Послушай, мама
Ты всегда была немыслимая мать
Ты всем была чем мне суметь бы стать
Ты меня научила слову «прости»
Но никогда не виниться в том что я здесь и сейчас
Научила меня не сходить с пути
Хоть сама сошла на самом старте один-единственный раз
В блистающую сталь меня нарядила ты
Взамен канители
И вложила в меня взамен девчачьей мечты
Стремление к цели*

Парни в туннеле стояли молча. Кто-нибудь из них, может быть, и хотел вмешаться, крикнуть «хватит!», что пацану же всего двенадцать. Но человеческие чувства склонны притупляться: иной раз то, что происходит на глазах, кажется кадрами из фильма. Ты пугаешься, успеваешь подумать – «хорошо, что не со мной», или просто впадаешь в подобие паралича.

Кто знает, убил бы Вильям Лео в том переходе? Никто. Потому что Вильяма остановили.

* * *

У Жанетт имелось множество дурных привычек, которые она изо всех сил скрывала и от учеников, и от других учителей. Жанетт хрустела пальцами, когда нервничала, – это началось еще в детстве, когда она играла в девчачьей команде «Хед-Хоккея». Когда она стала постарше, то увлеклась боксом, а потом единоборствами; из этих видов спорта она тоже вынесла много своеобразного. В минуты беспокойства она делала растяжку, а по

утрам в классе разогревалась, словно готовилась выйти на ринг. Когда-то она была перспективной и могла стать лучшей. Целый чудесный год Жанетт выходила на ринг как профессионал, хотя в ее городе вряд ли кто-то об этом знал, потому что она получила травму, а дальше все как обычно: либо ты лучший, либо все остальное. Жанетт получила педагогическое образование, огонь в груди погас, инстинкт победителя ушел. Тренер в свое время внушал ей: «На ринге надо стремиться сокрушить мечты соперницы, иначе тебе здесь нечего делать». Наверное, он был прав: как Жанетт ни хотелось поверить в обратное, но спорт, похоже, действительно беспощаден.

Жанетт не жалела ни о нормативах, ни о нагрузке, – только об адреналине. Ничто в обычной жизни не заменит этого жизнеутверждающего: ты выходишь на ринг, и есть только ты и противница. Ты против меня. Здесь и сейчас.

Взамен она искала других стимулов, даже в таком безнадежном деле, как работа учителя. Когда видишь, как порой в классе загораются глаза, это стоит всех учебных часов за унизительную зарплату. Иногда Жанетт удавалось до кого-то достучаться. А то и кого-нибудь спасти. А подобный шанс дает мало какая другая профессия.

Когда уроки в школе заканчивались, Жанетт поднималась по пожарной лестнице на крышу. Отсюда, из-за вентиляционного барабана, расположенного прямо над столовой, открывался вид почти на весь Бьорнстад; здесь можно было тайком выкурить сигарету – худшая из привычек Жанетт.

Отсюда Жанетт видела подземный переход, прорытый под широким шоссе ради безопасности детей. Видела, как туда входят Лео с девочкой. Но вот девочка выбежала – одна. Зато на глазах у Жанетт в туннель спустились Вильям Лит и его подручные, по несколько человек в каждый спуск. Жанетт бросила сигарету и кинулась к лестнице. Школа у нас маленькая, как и сам город; но охваченному паникой человеку, бегущему по ее коридорам, она казалась бесконечной.

Мира и Мая вернулись домой. Когда Мая открыла дверь в свою комнату, Мира увидела на стене концертные билеты. Мира до сих пор помнила самый первый концерт – может быть, даже отчетливее, чем Мая, помнила, как Мая и Ана несколько недель таскали билеты в карманах. Девчонки тайком купили тени для глаз и от души накрасились, обрезают джинсовые шорты так, что те едва прикрывали зад. Отпуская их в тот вечер, Мира потребовала, чтобы после концерта девочки СРАЗУ отправлялись домой, и они, хихикая, обещали; они были еще маленькие, но

в тот день Мира поняла, что уже понемногу начала их терять. Взявшись за руки, Мая и Ана побежали к сцене, как сотни других визжащих девчонок, они впервые ощутили вкус той свободы, которую у человека уже не отнять. Музыка изменила Маю и Ану, хотя они прикипели душой к совершенно разной музыке и потом уже только ругались, что из нее – «наркотрек», а что – «умца-умца». И все же кое-что их объединяло: музыка спасла в их душах то важное, что иначе обе могли бы потерять. Воображение, силы, маленький пылающий шар в груди, который твердил им: «Не ведись на поводу у всяких засранцев, иди своим путем, не бойся плохо танцевать, пой во весь голос и стань лучше всех!»

А теперь Мае было уже шестнадцать. Она поцеловала мать в щеку и ушла к себе. Сидя на кухне, мать вспоминала все, что слышала в последние годы о девочках, которых затоптали или задавили насмерть на концертах, о террористах, которые проносят бомбы на арену. Знай Мира обо всем этом в тот, первый, вечер... Отпустила бы она девочек? Ни за что в жизни. Разве решишься отпустить своего ребенка, да и не один раз, если знаешь, что весь мир хочет причинить ему зло?

Жанетт потом спрашивала себя, что было бы, подоспей она чуть раньше. Может, Вильям скорее бы отступился? Может, ненависть Лео не успела бы достичь такого градуса? Может, парни в переходе сами признали бы, что зашли слишком далеко?

Здоровяка Вильяма Жанетт отшвырнула в сторону – ему повезло, он узнал учительницу достаточно быстро и успел не врезаться и ей тоже. Во взгляде Жанетт пылало бешенство – не учительское, бойцовское. Вильям, хватая ртом воздух и не глядя на Лео, проговорил:

– Он первый начал! Сам напросился!

Всю свою жизнь Жанетт придется стыдиться того, что она сделала в том переходе. Ей не было оправдания. Но события весны – изнасилование, заговор молчания против ученицы школы, где учительствовала Жанетт, вся гнусь города, всплывшая на поверхность, – переполнили Жанетт стыдом и злостью. Не ее одну; злоба охватила весь город. Те же чувства Жанетт видела и в глазах у Лита, только бесили его другие вещи. Наш гнев редко обрушивается на тех, кто его заслужил; чаще достается тем, кто оказался рядом.

– Что ты сказал? – прошипела Жанетт.

– Он сам напросился! – повторил Вильям Лит.

Жанетт пнула его сбоку под колено с такой силой, что Вильям рухнул как подкошенный. Жанетт владела телом в совершенстве, и, едва Лит

коснулся земли, снова стояла на обеих ногах как ни в чем не бывало, преспокойная, разве что не насвистывая.

Только когда до нее дошло, что она только что сделала, легкие у нее стянуло узлом. Ее тренер не уставал повторять: «Никогда не теряй контроля. Не позволяй чувствам рулить, Жанетт. Иначе окажешься в заднице!»

Мира безутешно плакала на кухне, уткнувшись в рукав, чтобы не услышала дочь. По ту сторону двери лежала в постели дочь, над ней высилась стена, оклеенная концертными билетами. Дочь тоже плакала, забившись под одеяло, чтобы не услышала мама. Хорошо, что обмануть родителей так просто. Они так хотят, чтобы ты была счастлива, что верят, даже когда ты им врешь.

Мая понимала, что маме и папе нужно снова стать хозяевами собственной жизни, кто как может. Вернуть себе то, что отнял у них Кевин. Чтобы мама почувствовала, что она хорошая мама, чтобы папа спас свой клуб, чтобы оба почувствовали, что у них получилось выстоять, дать сдачи, победить. Чтобы не боялись темноты, иначе им не выжить вместе. Дочь слышала их ссоры, даже бессловесные, видела бокалы на кухне – прежде пару, теперь один. Знала, что отец приходит домой все позже, видела, как он стоит перед дверью и все дольше медлит, прежде чем войти. От ее внимания не укрылся и конверт с приглашением на конференцию – мама так и не спросила, сможет ли туда поехать. Если родители разведутся, оба станут ей говорить, что это не ее вина. Но Мая будет знать: они лгут.

Кевин сломал ее. Но сломались – они.

* * *

Вильям Лит, шатаясь, поднялся.

– Счастье ваше, что я не бью женщин... – просипел он.

– Не советую даже пытаться, – ответила Жанетт, хотя голос разума у нее в голове орал: «ЗАТКНИСЬ, ЖАНЕТТ, ЗАТКНИСЬ И МОЛЧИ!»

– Я, блин, на вас в полицию... – начал было Лит, но Жанетт осведомилась:

– И что ты там скажешь?

Она знала, что ведет себя по-идиотски, но она была расвирепевшей женщиной в расвирепевшем городе, где обычные правила больше не действуют. Парни в переходе попятились. Они не бойцы, они толпа, они

бывают жесткими, лишь когда перевес на их стороне. Жанетт видела, что Вильям – иной, в нем было что-то, что делало его опаснее других. Может быть, он ушел, потому что боялся забить Лео до смерти. А может, его сознание вытеснило эту страшную мысль, зато нашло оправдание: «Зачем он меня дразнил? Он же знал, что потом будет».

Когда переход опустел, Жанетт склонилась над Лео. Лицо мальчика было в крови, но дышал он ровно; Жанетт поразило, что глаза у него открыты. Спокойные и все осознающие. Вильям топтал его ногами, бил, но кто-то, видимо, придерживал парня – лицо Лео не было разбито в лепешку. Ничего не сломано. Тело покрыто синяками, но их можно скрыть под одеждой – совсем как расчески, а лицо распухло ровно настолько, чтобы Лео смог вечером соврать маме, что на физкультуре получил мячом по голове.

– Зря вы это сделали, – сказал мальчик учительнице.

– Зря, – согласилась она.

Она истолковала это как беспокойство за нее, но Лео имел в виду другое.

– Вы что, не смотрите передачи о природе? Дикая природа опаснее всего, когда они ранены, – пробубльнул Лео. Во рту был вкус крови.

Едва на двенадцатилетнего мальчишку перестали сыпаться удары, как он стал думать о мести. Он отметил, что Вильям пнул его в бедро, а не в коленную чашечку, он целился в мягкие места, а не в зубы, Вильям поставил Лео синяк на плече, но не попытался сломать ему руку. Милосердие Вильяма Лео воспринял как слабость. Он получит по заслугам.

Когда мальчик, шатаясь, поднялся на ноги, верная долгу Жанетт сказала:

– Мы должны подать на него...

Лео затряс головой:

– Я споткнулся и упал. Вильям помог мне встать. А если вы скажете что-нибудь другое, я засвидетельствую, что вы ударили ученика ногой!

Осудить учительницу задним числом будет легко: она не стала возражать, а следовало бы. Но наши леса учат держать язык за зубами, хорошо это или плохо. Жанетт знала старшую сестру Лео и понимала, что у мальчика есть причины озлобиться. Если заявить о случившемся, в школе или в полиции, Лео перестанет ей доверять. И она потеряет шанс достучаться до него. Поэтому Жанетт сказала:

– Давай заключим сделку. Я никому ничего не скажу, если ты придешь в собачий питомник Адри Ович. Знаешь, где это?

Мальчик кивнул, без самодовольства, и вытер окровавленный нос рукавом.

– Зачем?

– У меня там бойцовский клуб.

– Научите меня драться?

– Я научу тебя НЕ драться.

– Не хочу быть невежливым, но не драться у вас плохо получается, – заметил Лео.

Жанетт пристыженно улыбнулась. Лео медленно потащился к выходу, ему явно было больно, но, когда Жанетт хотела поддержать его, он оттолкнул ее руку. Не агрессивно, но и не приглашая начать переговоры. Мальчик понимал, чего хочет учительница: она пытается спасти его.

Ничего у нее не выйдет.

Кому достанется город?

Пытаешься быть хорошим родителем, стараешься и так, и эдак, но все равно не знаешь как. Быть хорошим родителем – миссия не то чтобы трудная. Она невыполнимая. Петер стоял у двери дочери с барабанными палочками в руках. Его малышка. Он должен был защитить ее, а теперь не может даже смотреть ей в глаза, потому что ему слишком стыдно.

Когда Мая была маленькой, они иногда по ночам лежали вдвоем на узенькой кровати, чувствуя себя последними оставшимися на земле людьми. Малышка засыпала, уткнувшись Петеру в шею, и он едва смел дышать. Ее сердце билось, как у кролика, и его билось в такт; от счастья Петер пугался и мог думать только о крушении: вдруг жизнь разобьется вдребезги снова. Дети делают нас уязвимыми. Поэтому так опасно мечтать: поднялся на вершину горы – и понял, что боишься высоты.

Теперь ей шестнадцать. Отец стоит у двери, он слишком трусит, чтобы постучать. Когда-то он звал ее Огрызочком. Она не увлекалась хоккеем, но так влюбилась в гитару, что Петер выучился стучать на барабанах, только чтобы играть с ней в гараже. С годами их дуэт собирался все реже, Петер был слишком занят. Работа, дом, жизнь. Все чаще звучало слово «завтра». Когда дочь подходила к нему с барабанными палочками, он спрашивал: «А уроки ты сделала?»

Но сейчас палочки принес он. Осторожно постучался к Мае. Словно почти надеялся, что она не услышит.

– Мм? – глухо отозвалась Мая.

– Я вот подумал... гитара-то еще у тебя? Может... поиграем в гараже?

Мая открыла дверь. Ее сострадание надрывало сердце.

– Пап, я уроки учу. Завтра, ладно?

Он кивнул:

– Конечно. Конечно, Огрызочек. Завтра...

Мая поцеловала отца в щеку и закрыла дверь. Петер едва мог взглянуть дочери в глаза. Он пытался снова стать ей отцом, но не знал как. Этого никто не знает.

Вечером Андерсоны держались друг от друга подальше, насколько позволяли размеры небольшого дома. Мая лежала на кровати в наушниках, включив музыку на полную громкость. Мира сидела на кухне, проверяя почту. Петер заперся в ванной и сидел, глядя в телефон.

Лео скрыл синяки на теле под плотным тренировочным костюмом, а про фингалы на лице сказал, что ему на физре попали в лицо мячом. Наверное, родители поверили. Или просто захотели поверить. Тем вечером все сидели, пойманные каждый в свой собственный страх. Никто не услышал, как Лео открыл окно в своей комнате и выскользнул на улицу.

Петер звонил Ричарду Тео. Трубку взяли после третьего гудка.

– Да? – ответил политик.

Петер сглотнул, но во рту пересохло, и проглотить удалось лишь собственную гордость.

– Хочу спросить о нашей... договоренности, – начал он.

Говорил Петер из ванной и шепотом – не хотел, чтобы слышали жена и дети.

– Какой договоренности? – удивился политик. Он был умнее любого человека, когда-либо обсуждавшего договоренности по телефону.

Петер задыхался медленнее.

– Найти в Бьорнстаде плотника... трудно. В такое-то время.

Так Петер пытался упрямить политика не заставлять его ломать стоячие трибуны. Не заставлять его идти против Группировки. Хотя бы сейчас. Но политик ответил:

– Не знаю, о чем ты. Но... ЕСЛИ БЫ у нас с тобой и была какая-то договоренность, я бы ожидал, что ты выполнишь свои обещания. Все без исключения. Как настоящий друг!

– Ты просишь меня о вещах... опасных. Сам знаешь, тут у нас одному местному политику воткнули топор в машину, а у меня... семья.

– Я ни о чем не прошу. Но ты спортсмен, а я не думал, что спортсмены встают на сторону беспредельщиков, – насмешливо ответил Ричард Тео.

И повесил трубку, но Петер еще долго прижимал телефон к уху. До сих пор, закрывая глаза, он видел перед собой тот некролог. Он спасет клуб, но каким опасностям подвергнет свою семью? Он даст этому городу хоккейную команду. Но кому достанется этот город?

От малой искры, говорят, бор загорается. Но, по мнению некоторых, недостаточно быстро. Ричард Тео позвонил в Лондон. Потом от новых владельцев фабрики спортивному директору «Бьорнстад-Хоккея» полетело электронное письмо, в котором просто-напросто говорилось: новый

спонсор требует гарантий того, что Петер Андерсон действительно «намерен сдержать обещание и создать в ледовом дворце пространство, ориентированное на семейное времяпрепровождение, оставив только трибуны с сидячими местами». Ни слова ни о «Группировке», ни о «хулиганах». Письмо к Петеру не попало – из-за безобидной ошибки: отправитель написал фамилию Петера через два «с» вместо одного.

Если бы кто-нибудь потом начал задавать вопросы, поднялась бы неразбериха: Петер стал бы утверждать, что письма не получал, спонсор – что они общались через «посредника», и чем труднее было бы дознаться, как все обстояло на самом деле, там больше люди бы убеждались: всем участникам этого дела есть что скрывать.

Как именно копия письма попала в местную газету, объяснять, конечно, не нужно. Журналисты ссылались на «надежный источник». Новость стала достоянием гласности, и никому уже не было интересно, как она оказалась в газете.

В конце концов уже невозможно было дознаться, кто именно первым выступил с предложением снести стоячие трибуны.

* * *

Члены Группировки всегда обнимались при встрече и расставании, сжав кулаки на спине товарища. Для некоторых сжатый кулак – символ насилия. Но не для них.

Теему Ринниус все еще жил у матери. Полицейские отчеты утверждали, что он просто не имеет возможности завести собственное жилье, поскольку живет на незаконные доходы. Теему с этим не спорил. Правда заключалась в том, что он не мог оставить мать одну. Кто-то должен присматривать за домом. Об уголовном стиле жизни братьев Ринниус ходило много шуток вроде «Что такое Ринниус-триатлон? Прийти в баню пешком, а уехать на велосипедах!» и «Если братья Ринниус едут в машине, то кто за рулем? Полицейский!». Когда Видар стал вратарем в детской команде, кое-кто на трибунах хихикал: «Конечно, из этой семейки выходят отличные вратари. Ничего не упустят!» Правда, больше эту шутку никто не повторил. Что бы ни говорили о братьях Ринниус, но по математике они шли в школе впереди всех. Потому что считали всю свою жизнь: сколько таблеток осталось в пузырьках на полке в ванной, сколько часов мама проспала. После того как Видар влип, счетом Теему занимался в одиночку.

Матери хотелось только спать – все дольше, все крепче, – а ее младшего мальчика тем временем упекли в закрытый стационар. Видар всегда был ее любимым малышом, что бы он ни вытворял.

...Теему сидел за кухонным столом, мать гремела сковородками и кастрюлями – непривычный для него звук – и громко смеялась, чего он не слышал еще дольше. Когда Теему объявил, что Видара выпускают, мать на радостях отдраила дом от пола до потолка. Наутро, впервые за многие годы, количество таблеток в пузырьках, по подсчету Теему, осталось прежним.

– *My baby, my baby*, – радостно напевала мать, стоя у плиты.

Она не спросила, почему Видара выпускают, кто это устроил, но Теему терзало беспокойство. Он твердил себе, что хочет того же, чего хотят все обычные люди: чтобы младший брат был дома, чтобы мама была счастлива, чтобы они все жили обычной жизнью. Но он кривил душой: Теему стремился защищать мать и брата, это был его долг и идея фикс.

– *My baby, my baby, coming home to mama!* – напевала мать.

Теему больше ни о чем не думал. Группировка никогда не была такой изощренной полувоенной организацией, как считали в городе. В ответ на вопросы какого-нибудь приезжего бьорнстадцы отвечали: «Что за Группировка?» или «Теему... кто это?» – но они и правда не вполне понимали, что такое Группировка. Теему не был диктатором: черные куртки на самом деле объединяла любовь – во-первых, к хоккею, а во-вторых – друг к другу. Политики, шишки из правления клуба и журналисты с удовольствием поносили «гопников», когда этого требовали их цели, но эти жадные свиньи никогда не любили ни клуб, ни город так, как Группировка.

Два лучших друга Теему, Паук и Плотник, дрались как звери. Но они никогда не поднимали руку на безвинного, а когда несколько лет назад по лесу пронесся самый страшный за несколько лет ураган, они ходили из дома в дом и расчищали сады от упавших деревьев, перекрывали крыши, вставляли окна и не брали за это ни гроша. А где в те дни были журналисты и шишки из правления? В полицейских отчетах Паука и Плотника называли «бандитами», но и сегодня, когда «бандиты» проходили мимо тех домов, хозяева зазывали их на кофе. Теему не обольщался насчет того, что у парней золотое сердце. Но понятие о чести у них было. На свой манер.

Паука в детстве травили в школе, он не хотел принимать душ после физкультуры, мальчишки в классе решили, что он «гомик», затащили его в душ и избили скрученными полотенцами. «Гомик» считалось у них худшим

оскорблением – слабак, слабее которого не бывает. После этого Паук возненавидел, во-первых, гомиков, а во-вторых – тех, кто травит слабого.

После одного выездного матча лет шесть-семь назад Группировку задержали копы. Младший брат Теему, Видар, которому тогда было всего двенадцать, сидел один в «Макдоналдсе», туда-то и направилась толпа фанатов противника. Сообразив это, Паук вырвался от полицейских. Не смогли удержать ни собаки, ни конная полиция, ни оперативная группа. Двадцать минут они с Видаром сражались в том «Макдоналдсе», двадцать минут бились с вражескими фанатами; Паук отправил четверых в больницу, а двенадцатилетний Видар разломал стул и дрался ножкой, как дубинкой. Он уже тогда был боец.

Плотник на первый взгляд сильно отличался от Паука. Он вырос в полной семье, жил на окраине Холма, работал в отцовской фирме. Но он носил в себе то же, что и Паук. Когда Плотник был подростком, его двоюродную сестру изнасиловал приехавший в отпуск говнюк. Когда Теему услышал об этом, он угнал машину, мчался всю ночь и успел в аэропорт как раз вовремя, чтобы не дать Плотнику ворваться в самолет, потому что тот собрался лететь и биться с целой страной. Парень плакал от ярости, Теему обнимал его, и сжатые кулаки Плотника лежали на его спине.

Теперь у Плотника была подружка, сотрудница местного управления муниципального жилья, у них недавно родилась дочь. Плотник и убедил Теему весной, что Группировке стоит взять сторону Майи Андерсон, а не Кевина Эрдаля. «Мне наплевать, в каком дивизионе мы окажемся, хоть ниже нижнего, я все равно буду стоять на той трибуне, но я не хочу стоять там, болея за насильника!» – сказал он. Тогда Группировка приняла решение. А сейчас столкнулась с его последствиями.

Они голосовали за то, чтобы Петер Андерсон остался в клубе, а сейчас эта крыса нашла спонсора, который хочет снести стоячие трибуны. Телефон Теему не умолкал ни на минуту. Парни хотели войны.

– Но я не понимаю, почему мой БЕБИ не может жить у собственной МАМЫ! – повторила вдруг мать Теему, и он очнулся.

– Что? – буркнул он.

Мать бросила на стол конверт – письмо из местного управления муниципального жилья.

– Здесь сказано, что Видар получил собственную квартиру! Зачем она ему? У него же есть МАМА!

Наконец в голове Теему что-то щелкнуло.

* * *

Мужчина в костюме вышел из здания администрации и уже собрался сесть в машину, как вдруг у него за спиной возникла фигура. Ричард Тео испугался, но не удивился. Он собрался с духом и спросил:

– Ты кто?

Теему Ринниус сделал два шага вперед. Он стоял недостаточно близко, чтобы коснуться Тео, но достаточно, чтобы оба чувствовали дыхание друг друга, так что политик все же ощущал физический страх. Этот страх знаком всем нам, не умеющим драться, неважно, есть ли у нас деньги, власть или уверенность, что суд окажется на нашей стороне. Никто не защитит нас на темной парковке в те несколько секунд, пока мужчина вроде Теему избивает нас до бесчувствия. Мы это знаем. Теему тоже это знал. Он сказал:

– Ты знаешь, кто я. Моего младшего брата Видара закрыли, но теперь вдруг выпускают. Я не понял почему, но потом вдруг услышал, что новый тренер «Бьорнстад-Хоккея» хочет поставить его вратарем. Ни один хоккейный клуб не смог бы вытащить моего брата из больницы тюремного типа. А политик – может!

– К сожалению, я не понимаю, о чем ты. – Пульс у Ричарда Тео пустился вскачь, но голос оставался спокойным.

Какое-то время Теему мрачно рассматривал собеседника, потом отступил назад, давая Тео вдохнуть, и предостерегающе поднял палец, давая понять, что собирать информацию в Бьорнстаде умеет не только Тео:

– Мать получила письмо из управления муниципального жилья. Моему брату дали квартиру. Мы проверили, кто сделал заявку. Ты.

Ричард Тео смиренно кивнул:

– Моя работа – помогать жителям коммуны. Все жители...

Конечно, электронный адрес Ричарда в базе данных управления мог оказаться случайно. Или он сам мог отправить туда сообщение с таким расчетом, что Теему его вскоре обнаружит. В конце концов, в этой конторе работает подружка его приятеля Плотника.

– Не с тем человеком ты в игры играешь! – прошипел Теему. – Что тебе надо от моей семьи?

Ричард Тео мужественно прикинулся дурачком.

– Я не из тех, кто о чем-то просит. Особенно у людей из этой... как вы

называетесь – Группировка?

– Что за группировка?

Теему даже в лице не изменился, наупражнявшись за столько лет в показном равнодушии. Политика это впечатлило. Он вскинул руки:

– Сдаюсь! Я знаю, кто ты. И надеюсь, что мы с тобой станем друзьями.

– Почему?

– Потому что мы с тобой похожи. Мы далеко не всегда делаем, что нам хочется, мы делаем то, что должны делать. Журналисты изображают меня опасным злодеем лишь потому, что я не всегда соблюдаю правила, которые придумала правящая элита, чтобы мешать людям вроде меня делать дело. Ты не узнал в этом описании себя?

– Твой костюм стоит как месячная зарплата нормального человека. – Теему сплюнул.

Ричард принял его слова к сведению.

– Ты не злодей, Теему. Ты заботишься о друзьях, о своей семье, хочешь лучшей жизни для младшего брата. Ведь так?

Теему не мигая смотрел на него:

– Давай к делу.

– Дело вот в чем: у меня нет иллюзий насчет того, как устроено общество. У тебя тоже. Мы принадлежим к разным группам, мы разные люди, но свои интересы мы соблюдаем одинаково.

– Ты ничего обо мне не знаешь.

Политик позволил себе улыбнуться:

– Может быть. Но в детстве я часто смотрел ужастики и усвоил, что страшнее всего чудовище бывает за секунду до того, как его увидят. Наше воображение умеет напугать нас гораздо больше, чем реальные факты. Думаю, ты скотил Группировку по тому же принципу. Вас не так много, как всем кажется. Ты позволяешь людям считать вас страшнее, чем вы есть на самом деле.

Теему опустил брови – единственное движение, которое он себе позволил.

– Нет никакой группировки.

– Конечно-конечно, – самоуверенно заверил политик. – Но друзья нужны всем. Потому что друзья помогают друг другу.

– Чем?

В голосе Ричарда Тео послышалась вкрадчивость:

– Вспомни про трибуну со стоячими местами.

* * *

Лео шел через Бьорнстад сам не зная куда. Из-за отеков и синяков идти быстро не получалось, но нужно было двигаться, нужно было выйти на ночной воздух, чтобы доказать себе: он не боится.

Сначала Лео направился к Холму, к дому Вильяма Лита – ребенок, который обжегся о плиту, но которого так и тянет снова ее потрогать. Однако дома на Холме стояли тихие и темные, и Лео повернул к центру. Возле бара «Шкура» курили какие-то мужчины, среди них – Паук и Плотник. Лео стоял в тени, повторяя их движения, он сам закурил, пытаясь затягиваться и выдыхать дым, как они. Может быть, двенадцатилетний человек надеялся, что если выглядеть, как те мужчины, то можно стать их подобием: человеком, с которым шутки плохи.

* * *

Слова «трибуна со стоячими местами» Ричард Тео произнес без тени самодовольства. Хотя они в одно мгновение позволили ему добиться абсолютного внимания Теему.

– Что еще за... трибуна со стоячими местами? – спросил тот, словно и правда в первый раз о ней услышал.

Ричард Тео позволил себе потянуть с ответом.

– Ходят слухи, что новый спонсор хочет ее снести.

Маска Теему дала трещину, сквозь которую засветилась ненависть.

– Если Петер Андерсон ТРОНЕТ нашу трибуну, ему... – Он злобно осекся.

Политик заботливо повторил:

– Я уже говорил: я хочу стать твоим другом.

– Почему?

Ричард Тео наконец перешел к делу:

– Потому что весной члены «Бьорнстад-Хоккея» решали, останется ли Петер Андерсон спортивным директором, и ты устроил так, что он победил. Я политик. И могу по достоинству оценить человека, который может заставить других голосовать, как ему надо.

Теему скептически прищурился.

– Ты хочешь убедить Петера не трогать трибуну?

– Нет, – беспечно солгал политик. – Петер отказывается слушать

людей из администрации. Отказывается вообще кого-либо слушать. Он хочет прибрать к рукам всю власть над клубом. Но я могу поговорить с новыми спонсорами. Они разумные люди, они поймут ценность... группы поддержки. Вы ведь группа поддержки?

Теему раздумчиво покусал щеки.

– И что будет с Петером?

– Я мало что смыслю в хоккее, но ведь спортивных директоров иногда увольняют? Ветер может поменяться!

– Смотри, чтобы этот ветер не подул в лицо моему брату! – прошипел Теему.

Ричард Тео склонился в вежливом поклоне.

– Я знаю, чего ты хочешь, и могу дать тебе и трибуну, и клуб, и такой «Бьорнстад», где играют бьорнстадцы. Мы подружимся?

Теему медленно кивнул.

– Тогда я больше не задерживаю тебя, Теему. Я понимаю: сегодня вечером у тебя дельце в Хеде.

Веки у Теему дрогнули. К удовольствию Ричарда Тео. Если хочешь чего-нибудь добиться от человека, ты должен понимать, что им движет. Теему был защитник. В детстве он дрался со взрослыми мужиками на кухне, чтобы защитить мать, подростком склотил Группировку, чтобы защитить младшего брата, но это еще не все. Легко было поверить, что он не интересуется спортом, что все это лишь повод для насилия и уголовщины. Но если заглянуть ему в глаза, когда он говорит о «Бьорнстад-Хоккее», становилось ясно: этот город – его родной дом. И единственное место, где он ни о чем не тревожится, не боится рухнуть под грузом ответственности за всех вокруг – это та самая стоячая трибуна. А свое место силы люди вроде Теему защищают любым имеющимся оружием. И Теему прошипел:

– О чем ты вообще? Какие у меня дела в Хеде?

Ричард Тео улыбнулся:

– А я думал, ты уже посмотрел видеоролик.

В следующую секунду в кармане у Теему завибрировал телефон: пришло сообщение. Потом еще одно. И еще.

* * *

Лео еще стоял в тени на другой стороне улицы, когда на телефоны

мужчин, куривших перед «Шкурой», посыпались сообщения, и писк поднялся такой, будто кто-то играл в пинбол. Курильщики смотрели один и тот же ролик, Лео его не видел, но слышал, как переговариваются мужчины. Кто-то сказал: «Пускай сосут, пидоры хедские!» Другой, глядя в телефон, тяжело ответил: «Теему пишет. Он посмотрел ролик. Говорит – надо собирать парней». Ролик Лео нашел у себя в телефоне меньше чем за минуту – ребята из школы уже начали рассылать его всем подряд, и Лео понял, что сейчас будет. Он бросился к лесу. Если он поторопится, то успеет в Хед раньше Группировки.

Близилось сражение.

* * *

Теему Ринниус добрался до собачьего питомника. Адри разглядела его в темном окне. Теему явился один и без спиртного.

– Брат здесь? – спросил он.

Адри узнала этот взгляд.

– На крыше, – ответила она.

Теему возбужденно улыбнулся:

– Хочу угостить его пивом. Пойдешь с нами?

Адри медленно покачала головой:

– Если с ним что-нибудь случится, я тебя убью.

Теему притворился, что не понимает:

– Что с ним может случиться? От пива?

Рука Адри потянулась к его шее.

– Ты меня слышал.

Теему улыбнулся. Адри ушла в дом. Она знала, что будет сегодня ночью. Ей не хотелось, чтобы брат вступал в драку, но пусть лучше дерется, чем валяется в лесу и шепчет про «ошибку». Адри проверила, под подушкой ли ключ от оружейного сейфа, и легла спать.

Беньи сидел на крыше пристройки и курил, пуская дым к звездам. Теему взобрался по лестнице и заглянул за край крыши.

– Ович, хочешь пива?

Как-то по-особому он это сказал, словно сдерживая смехок.

– Чего? Сейчас? – Беньи от удивления почти протрезвел.

Теему достал телефон и включил гулявшее по сети видео.

– В Хеде кто-то сжег бьорнстадский хоккейный свитер на площади.

– А я при чем? – удивился Беньи.

Теему ответил, уже спускаясь – настолько он был уверен, что Беньи спустится следом за ним:

– На груди свитера был мой медведь, Ович. А на спине – твой номер.

Он сказал это беззлобно. Почти шутливо. Если бы кто-нибудь видел, как Беньи слезает с крыши, то понял бы почему. Теему его понимал, они были одной породы. – И что ты решил? – улыбнулся Беньи.

– Угостить тебя пивом. Я слышал, в Хеде пиво хорошее.

Только ненависть и хаос

Теему и Беньи прошли мимо щита с названием города – спокойно и деловито, без спешки. Остановились на площади в Хеде. Остатки сожженного свитера еще валялись на земле. На улице было темно, но Теему и Беньи и без света знали: из всех окон на них устремлены взгляды. Оба стали прохаживаться взад-вперед по главной улице Хеда, каждый со своей бутылкой пива. Голые до пояса, с татуировкой-медведем, горевшей в ночи, как факел, они ждали, пока не уверились: зазвонили телефоны, люди проснулись, обрезки железных труб легли в багажники. Потом оба покинули Хед и углубились метров на двести в лес и наконец оказались на поляне. Там их уже ждали шестеро мужчин в черных куртках. Потом появились вдвое больше мужчин – из Хеда, но это не имело значения, потому что все двадцать человек из Хеда драться не умели, а Теему привел опытных бойцов. Паука, Плотника и всех своих лучших.

А главное – он привел Беньи.

У драки в темном лесу нет ни организатора, ни хореографии. Только ненависть и хаос. Здесь нет места ни отрепетированным шагам, ни элегантным движениям: главное – устоять на ногах, главное – остаться в живых и сделать так, чтобы на землю упало как можно больше других, но не ты. Не отступай назад, двигайся только вперед; здесь нет ни правил, ни белых флагов. Ты можешь убить кого-нибудь – случайно, не желая того: слишком сильно пнул или неудачно ударил. Когда ты шел сюда, ты знал, во что ввязываешься, они тоже. Здесь на всех один страх: если ты не боишься в драке, значит, ты еще не дрался с равным. Тогда поройся в себе и найди там что-нибудь, нечто ужасное, нечто неудержимое. Свое подлинное «я».

Насилие – вещь самая простая и самая непонятная. Иные из нас готовы прибегнуть к ней ради власти, иные – только ради защиты, одни – ежедневно, другие – никогда. Но есть люди, не похожие на остальных: они дерутся словно бы без всякой цели. Возможно, они в большей степени животные, чем мы, все остальные, или, напротив, в большей степени люди; но спросите любого, кто смотрел в их потемневшие глаза, и вы поймете – мы принадлежим к разным биологическим видам. Никто не знает, почему

они такие: то ли этим людям недостает чего-то, что есть у всех прочих, то ли наоборот. То ли в них что-то гаснет, когда они сжимают кулаки, то ли что-то загорается.

Почти любая битва уже выиграна или проиграна задолго до того, как началась: мозги и сердце вступают в драку прежде рук. И ты будешь бояться – не побоев, так поражения, не боли, так унижения или стыда. Если не того, что тебя изувечат, то того, что ты сам изувечишь другого. Вот почему появляется адреналин, биологический ответ тела: выпустить когти, опустить рога, взметнуть в воздух копыта, обнажить клыки.

А первый удар? Он ничего не решает, ничего не говорит о тебе. Все решает второй. Ударить один раз может кто угодно: в гневе, со страха, инстинктивно... Но ударить взрослого мужика в челюсть что есть сил – все равно что обрушить кулак на кирпичную стену, и, когда ты услышишь, как хрустит его кость или твои собственные пальцы, кое-что произойдет. Когда враг согнется и, пошатнувшись, отступит и ты увидишь страх в его глазах, когда он, может быть, даже протянет к тебе дрожащую руку, моля о пощаде... что ты сделаешь? Ударишь ли еще раз? В то же место, еще сильнее? Если да, то ты человек другого вида. Потому что большинство – не ударит.

А те, кто видел твой второй удар, больше с тобой ссориться не станут.

Теему и Беньи пошли первыми, плечом к плечу. Вокруг них сомкнулись тела. Тот, кто первым бросился на Беньи, похоже, хотел опрокинуть его – это плохое решение: хоть он и был выше, крупнее и тяжелее, но здесь это не имело значения. Нанося первый удар, Беньи свободной рукой придержал противника, не дав ему упасть, а потом ударил в то же место, еще сильнее.

Беньи ничего не почувствовал, когда разжал руку и голова противника глухо стукнулась о землю, словно ребенок уронил булочку на песок. Обычно Беньи ощущал прилив адреналина, иногда даже нечто вроде счастья. Но теперь что-то сломалось, он пересек черту.

Он замер на мгновение. Успел подумать – нельзя было этого делать. В лесу, в темноте, когда в руках оружие – нельзя. Кто-то приблизился к нему с обрезком железной трубы в руках, размахнулся, метя в колени, и Беньи слишком поздно понял, что люди из Хеда, возможно, проиграют этот бой, но выиграют хоккейный матч.

Хочешь узнать человека – узнай, чего он больше всего боится.

Крик был таким, что Беньи услышал его прежде, чем почувствовал боль. Он ждал, что тело ослабнет, что колено прогнется под ударом. Успел подумать, что не сможет сыграть не только в матче с «Хедом», но и когда-либо вообще. За годы, проведенные в ледовом дворце, он не получил ни одной серьезной травмы, а теперь колено никогда не будет прежним, – без шансов. Он успел еще подумать: как странно, он совсем не испугался. Не пришел в смятение. Ему было все равно. Сколько лет тренировок, сколько часов? Ему было наплевать на хоккей. Беньи замер, задохнувшись от понимания того, насколько мало все это значит. Но он почему-то стоял прямо. Лишь через несколько секунд Беньи понял, что колено цело. Что обренок трубы пролетел мимо.

Краем глаза он увидел, как мальчишка лет двенадцати, не больше, чем-то размахивает – суматошно и испуганно. Мужчина с обрезком трубы валялся на земле. Кричал он, а не Беньи. Мальчик держал в руках толстый сук. По щекам у него катились слезы.

Беньи узнал его. Лео Андерсон, младший брат Май Андерсон. Кто-то врезал двенадцатилетнему мальчишке в ухо, он отступил назад, пошатнулся, и Беньи успел подумать – так нельзя. Он не обернулся, не нанес удар – он схватил мальчишку за руку и побежал. Вверх по склону, в лес, между деревьями. За спиной он слышал рев, он знал, что люди из Хеда станут на каждом углу рассказывать, как Беньи Ович удрал с поля боя. Струсил. Ему было все равно. Лео сначала упирался, но потом тоже побежал – прочь, в темноту.

В ту ночь Лео узнал Беньи. Узнал, в чем его главный страх. Беньи не боялся драки, не боялся быть избитым, даже смерти не боялся. Его приводило в ужас одно: обернуться, увидеть двенадцатилетнего мальчишку и почувствовать ответственность за него. Если ты за кого-то отвечаешь, ты больше не свободен.

Они бежали до самого Бьорнстада. Лео, еле дыша, остановился, лишь когда остановился Беньи. Болела нога – наверное, камень попал в кроссовку; опустив глаза, Лео увидел, что он вообще босой. Кроссовку он потерял во время драки и всю дорогу бежал босиком, но боль глушил адреналин. Пальцы ног кровоточили.

– Я Лео Андер...

Беньи дышал спокойно, словно не дрался, а дремал после обеда на пригретом солнцем подоконнике.

– Ты младший брат Май Андерсон. Я знаю.

Голос Лео тут же изменился:

– Давай не читай мне нотации, что не надо было лезть в драку, потому что я...

Беньи вскинул ладонь:

– Ты ее младший брат. Уж у кого, как не у тебя, не считая ее самой, есть полное право хотеть кому-нибудь врезать.

Лео задыхался медленнее, благодарно кивнул:

– Я не... я прятался в лесу, хотел только посмотреть, как будут драться... но ты не видел того, с трубой, а он хотел...

Беньи улыбнулся:

– Если он целился мне в голову – это не страшно, там нет ничего ценного. Но если он собирался выбить мне коленные чашечки... Спасибо. Ты ему отвесил в самый раз. Как ухо?

– Нормально...

Беньи похлопал Лео по плечу:

– Ты жесткий парень, Лео. Подрастешь – поймешь, что это и хорошо, и плохо.

Лео сплюнул и повторил слова, которые говорили курившие перед «Шкурой» мужчины; эти слова доставляли ему удовольствие:

– Пускай сосут, пидоры чертовы! Пускай сосут! Пидоры! Вильям Лит и его сраные дружки, и все сраные хедовские фанаты. Ненавижу их!

Беньи грустно моргал на каждом слове, но так, чтобы мальчик не заметил.

– Уже поздно. Тебе пора домой.

– Научишь меня драться, как ты? – с восхищением попросил Лео.

– Нет.

– Почему?

Беньи опустил голову, узел в животе затянулся натуго. Как же Лео боготворит искусство увечить других. Беньи не знал, кого за это ненавидит больше.

– В тебе этого нет, – тихо сказал он.

Лео не выдержал – сорвался, казалось, не только голос, но и все его существо:

– КЕВИН ИЗНАСИЛОВАЛ МОЮ СЕСТРУ! ЧТО Я ЗА ЧЕЛОВЕК, ЕСЛИ НЕ...

Беньи обнял его и прошептал на ухо:

– У меня тоже есть сестры, и, если бы кто-нибудь сделал с кем-нибудь из них то, что Кевин сделал с Маей, я бы тоже его возненавидел.

Лео задохнулся от отчаяния:

– Если бы Кевин изнасиловал твою сестру, ты бы его убил...

Беньи знал, что мальчик прав. И сказал правду:

– Так не будь, как я. Потому что если ты станешь таким, то другим быть уже не сможешь.

Гомосятина поганая

На следующее утро Ана и Мая остановились в сотне метров от школы. Это стало их ежедневным ритуалом. Так они собирались с силами, обрастали броней. Ана откашлялась и очень серьезно спросила:

– Ну ладно... ежедневный понос до самой смерти или ходить в сортир без дверей.

Мая захохотала:

– Что тебя на какашки-то потянуло? Других мыслей не осталось?

– Отвечай на вопрос! – потребовала Ана.

– Он придурочный!

– Это ТЫ придурочная! Так что – понос или сортир без двери... ВСЕГДА. ЧЕМ бы ты ни занималась в туалете. До конца ЖИЗНИ!

– У меня сейчас урок, – фыркнула Мая.

– Как мы только могли играть всю жизнь, если ты не понимаешь правил? – фыркнула Ана в ответ. – Давай отвечай! Это же ИГРА!

Мая, дразнясь, помотала головой, Ана толкнула ее, Мая рассмеялась и толкнула было Ану, но та настолько проворно отскочила в сторону, что Мая с размаху упала. Ана уселась на нее, схватила за руки и прорычала:

– Отвечай, а то помаду тебе размажу!

– Понос! ПОНОС, и отвали от меня! – со смехом прокричала Мая.

Ана помогла ей подняться. Девочки обнялись.

– Кретинка моя любимая, – прошептала Мая.

– Мы против целого мира, – прошептала Ана в ответ.

Теперь они были готовы начать день.

* * *

Что-то трепещет между желудком и грудной клеткой, словно буря полощет флаг, – таковы первые мгновения влюбленности. Когда кто-то смотрит на нас через несколько дней после первого поцелуя. Наша маленькая тайна: ты хочешь быть со мной. Ты уязвим, и нет ничего опаснее.

В начале уроков кто-то написал красной ручкой на шкафчике Беньи

три слова: «Беги, Беньи, беги!» Кто-то, кто знал про прошлую ночь. Беньи так долго оставался неуязвимым, что, завидя малейшую трещину в его броне, враги в нее буквально впились. Он сбежал с поля боя. Удрал. Оказался не тем, кем его считали. Он трус!

Они смотрели, как Беньи подходит к шкафчику, ждали реакции, когда он прочитает слова, но Беньи словно ничего не заметил. Наверное, поэтому враги забеспокоились, понял ли он смысл послания. И когда учебный день прошел, а Беньи, все так же не выказывая ни малейшего признака страха или стыда, вошел в буфет, кто-то закричал: «БЕГИ ЖЕ, БЕНЬИ, БЕГИ». Вильям Лит и его прихвостни сидели за столом в самом углу. Определить, кто именно кричал, было невозможно, но Беньи развернулся и сделал так, как ему посоветовали.

Он побежал. Прямо к ним. На полной скорости и сжав кулаки. Другие ученики отползали к стене, столы переворачивались, падали стулья. Когда Беньи остановился в полуметре от Вильяма, один из прихвостней кинулся под стол, двое других чуть не сели друг другу на колени, еще один так резко отскочил назад, что стукнулся головой о стену.

Но Вильям не сдвинулся ни на сантиметр. Он остался сидеть, пристально глядя на Беньи широко раскрытыми глазами. И Беньи увидел в нем себя. Того, кто перешел грань. В буфете все затихли, но оба восемнадцатилетних мужчины слышали, как бьется сердце у другого, слышали каждый его удар. Спокойный, выжидательный.

– Что, Ович, устал? Слыхали мы, как ты через весь лес бегом бежал, – прошипел Вильям.

Беньи задумчиво смотрел на него. Потом снял кроссовки. Потом – оба носка. Носки он бросил Вильяму на колени.

– Вот, Вильям. Твой единственный шанс развлечься с двумя «девчонками» сразу.

У Лита свело челюсть, и ответ прозвучал напряженнее, чем ему хотелось:

– Они потные. Как у труса.

Вильям пытался не смотреть на часы Беньи, но не смог. Он знал, кто подарил их Беньи, а Беньи знал, что тот знает, понимал, что Вильяма сдает ревность. И ухмыльнулся:

– Так я же тебя в лесу искал, Вильям. Но ты не решишься драться на равных? Ты только в видеороликах крутой. Вот поэтому твоя команда и не может на тебя положиться.

По щекам Вильяма пошли жгучие пятна стыда.

– Я даже не знал, что будет драка, я был дома, и тот свитер сжег НЕ

Я... – бросил он.

– Тебе даже это слабо, – ответил Беньи.

Он повернулся и пошел прочь, и тут только Вильям кое-что выкрикнул. Беньи не слышал, что именно – до него донеслось только одно:

– ...ГОМОСЯТИНА ПОГАНАЯ!

Беньи остановился, чтобы никто не видел, как он валится в разверзшуюся перед ним пропасть. Сунул руки в карманы, чтобы никто не видел, как они дрожат. Не оборачиваясь, чтобы Лит не увидел, что происходит у него в душе, спросил:

– Что... ты сказал?

Лит повторил, воодушевленный неожиданным преимуществом:

– Что ваша тренерша – гомосятина поганая! Гордишься? Тем, что играешь в радужной команде?

Беньи застегнул куртку, чтобы через рубашку не видно было пульса. Лит что-то еще кричал, его парни ржали. Беньи вышел в коридор и в толпе увидел рубашку поло. Сегодня – зеленую. Учитель смотрел умоляюще, словно хотел что-то сказать, но знал, что слова – это слишком мало.

И тогда Беньи ощутил то самое трепыхание. Флаг под ураганным ветром. Нельзя, чтобы кто-нибудь заметил его слабость, – только не в этом сезоне. Беньи вышел из школы, нарочно медленным шагом, но, едва выйдя из поля зрения школьников, побежал. Прямо в лес. Он бежал, кулаком с размаху считая деревья.

В той же самой школе, но возле другого шкафчика, стоял мальчик. Двенадцати лет. Весь в синяках и распухших царапинах. Вчера он схватил толстый сук и без колебаний бросился в гущу драки, чтобы размозжить ноги тому, кто хотел изувечить Беньямина Овича. Подобное в нашем городе не проходит незамеченным.

Сегодня в его шкафчике кое-что висело. Сначала мальчик решил – мешок для мусора. Как же он ошибался! В шкафчике висела черная куртка. Без значков, без эмблемы, без символики – самая обычная черная куртка. Она значила сущую ерунду: всё. Куртка была Лео велика – ему давали понять, что он станет одним из них, лишь когда повзрослеет. Но они повесили куртку в его шкафчик, чтобы послание прочли все остальные в этой школе.

Отныне у него есть братья. Вы его больше пальцем не тронете.

Чтобы драться за кого-то, нужны колоссальные запасы доверия. Именно поэтому жестокие люди так высоко ценят преданность и так чувствительны к малейшим признакам измены: если ты отступаешь и бежишь, ты подвергаешь опасности и выставляешь слабаком меня. Так что Бенни знал, что он предал Теему и Группировку. И они этого не простят.

И все же, пробежав несколько часов по лесу, он собрался и пошел назад, в город. Вытер слезы со щек и кровь с костяшек пальцев. Нельзя, чтобы кто-нибудь решил, что с ним что-то не так, все должно быть как всегда. Да, синяя рубашка поло растоптал его, да, Группировка покарает его за бегство с поля боя. Но куда он пойдет, если у него отнимут Бьорнстад?

Поэтому Бенни отправился в «Шкуру», встал за барную стойку и стал наливать пиво. Чем больше становилась толпа, тем больше он избегал смотреть людям в глаза. Пришли и вчерашние бойцы: Паук, о чьих интеллектуальных способностях Рамона отзывалась – «мозги как у мозгового горошка». Но он был преданным – в лесу Бенни видел, что Паук постоянно держался у Теему за спиной, не потому, что Паук трусил, а чтобы прикрыть главаря с тыла. Паука все его детство и отрочество травили за костлявость и придурковатость, но в Группировке оценили. Такого рода приязнь не купишь за деньги.

Рядом с Пауком сидела его физическая противоположность: коротышка почти без шеи, широкий, как деревенский нужник, с бородой густой, как мех у выдры. Его прозвали Плотником, потому что он работал плотником, и отец его тоже был плотник. Однажды кто-то спросил, не хочет ли Плотник прозвище поизысканнее, на что Плотник фыркнул: «Ты гомик, что ли?» Если он и был умнее Паука, то скрывал это, но он учился в одном классе с сестрой Бенни, Габи, и она говаривала: «Он не умный, но и не злой». Плотник до сих пор больше всего любил все прикольное: пиво, хоккей, приятелей, девчонок. Пьянки, танцы и драки. К любой проделке Плотник присоединялся, не задумываясь о последствиях, на ночную махаловку в лес отправлялся не раздумывая.

Но у них с Пауком имелись и другие приятели, не бойцы; для них драка была, скорее всего, общепринятым хобби. Вроде гольфа. Напарник Плотника, милейший человек, встречая тебя во вторник, желал тебе «хороших выходных» – просто на всякий случай, вдруг он не успеет повидать тебя до пятницы. Другой держал дома четырех кошек. Как может быть опасным человек, у которого четыре кошки? И тем не менее.

В Группировке не было экстремалов; опасной Группировку делало лишь то, что ее члены держались вместе. Друг за друга против остальных. В книжке одного журналиста Беньи когда-то прочел – речь шла о спорте и насилии: «Угроза – это любая толпа, к которой ты не принадлежишь».

Иные бьорнстадцы, выросшие рядом с Теему, теперь работали в офисах, носили белые рубашки вместо черных курток, но если Теему звал их – они приходили. Один из них стал отцом и учился в институте, чтобы дать своему ребенку лучшую жизнь; если студенческого кредита не хватало, он получал вспомоществование из «шкурного» фонда. У другого сестра жила в большом городе; ее поколачивал сожитель, а полиция не видела, чем может помочь. У третьего имелся дядюшка, а у дядюшки – типография, куда нагрянула банда с деловым предложением о покровительстве. Теему каждый раз вступался. Сестра счастливым образом вышла замуж за мужчину получше, а визиты в дядюшкину типографию прекратились. Если Теему звал, люди приходили. Вот почему члены Группировки ценили преданность и не прощали измены.

Ни Паук, ни Плотник теперь даже не смотрели в сторону Беньи, но он знал: если бы они хотели что-нибудь с ним сделать, то предупредить бы не стали.

* * *

После школы Ана и Мая расстались. Ана соврала, что ей надо присмотреть за собаками, хотя за собаками всегда присматривал отец. Ей было стыдно. Мая соврала, что пойдет на пробежку, хотя собиралась отправиться домой и свернуться под одеялом. Ей было стыдно по другому поводу. Девочки были как сестры и никогда не имели тайн друг от друга. Но Кевин что-то сломал и тут.

Уже перед закрытием толпа в одном конце барной стойки слегка расступилась. Стало чуть тише – не настолько, чтобы это заметил чужак, но Беньи заметил.

– Два пива, – сказал Теему, пристально глядя Беньи в глаза.

Биньи кивнул и налил. Теему наблюдал за его руками – они не дрожали. Беньи понимал ситуацию, в которой оказался, но страха в нем не было. Теему принял одну кружку, вторую оставил стоять на стойке. Беньи не сразу понял, что это значит. Потом осторожно взял кружку; Теему перегнулся через стойку и чокнулся с ним. Так, чтобы все видели.

– Ты один из нас, Ович. Но мы больше не можем брать тебя с собой в

лес. Вчера я ошибся. Тебя могли изувечить, а ты нужен нам на льду.

– Там в лесу оказался парнишка... Лео...

Теему ухмыльнулся:

– Мы знаем. Жесткий парень. Если бы ты не убежал с ним, он бы бился до смерти.

– Он же еще пацан, – сказал Беньи.

Теему нагнул шею, в ней что-то хрустнуло.

– Пацаны вырастают в мужчин. Если копы к нему пристанут с вопросами...

– ...он ни черта не скажет! – пообещал Беньи.

– Мы рассчитываем на это.

Беньи видел злорадство Теему: сын спортивного директора мечтает носиться по лесу в черной куртке. Петер годами контролировал влияние Группировки на хоккейный клуб, но не смог оградить от этого влияния собственного ребенка. Теему нагнулся над стойкой и снова чокнулся с Беньи:

– Ты слышал? Мой младший возвращается домой. И ваш тренер разрешит ему играть! Ты – и мой младший брат. И еще этот Агат, который носится, как хорек, которому перцу под хвост насыпали. И Бубу-тормоз! Вы не как другие игроки, – эти жадные, мать их, наемники, большинство даже не хотят жить в Бьорнстаде! Только и мечтают уехать отсюда! Но вы – бьорнстадская команда бьорнстадских парней!

До конца вечера Паук, Плотник и еще с десяток черных курток тоже успели чокнуться с Беньи. Он теперь один из них. Можно было подумать, что теперь, когда его тайны раскрыты, все станет проще. Но вышло наоборот.

Она убивает его

Ужас – это дьявольски странная штука.

Мая шла домой одна, железная снаружи, но внутри – словно картонный домик. Достаточно легкого ветерка. Сегодня в столовой была очередь. Толчея. Кто-то из парней нечаянно толкнул ее спиной, Мая не знала, как зовут этого мальчика, он ее даже не заметил. Они едва задели друг друга. Не по его вине. Но Мая за считанные мгновения снова провалилась в ад.

В детстве они с Аной любили летом считать бабочек. Сейчас Мая считала бабочек по-другому. Она знала: когда падают листья, бабочки умирают.

Ужас не опишешь словами. Почти все хоть раз, но испытывали его, однако объяснить это чувство невозможно. Глядя в зеркало, Мая спрашивала себя: почему в нем не видно страха? Даже на рентгеновских снимках не видно. Как же так? Что-то так жестко колотится внутри ее – почему оно не проявляется на фотографиях в виде черного шрама, выжженного на скелете? Почему в зеркале не видно, как ей больно? Мая научилась притворяться. Она ходила в школу, сидела в классе, делала уроки. Играла на гитаре – это даже помогало, или Мае казалось, что помогает. Может, надо было просто чем-то занять пальцы. В отцовских книжках по «психологическому тренингу в спорте» она вычитала, что мозг должен управлять телом, но иногда выжить можно только наоборот. Именно так – Мая видела – делают взрослые в депрессии: ходят на тренировки, убираются в доме, делают ремонт на даче. Находят, ради чего вставать по утрам: полить цветы, сделать то или другое. Что угодно, лишь бы заглушить это черное чувство. Мы словно надеемся, что ежедневные мелкие ритуалы убаюкают ужас, и он уснет.

Мая научилась контролировать свою кожу, не позволять ей лопаться от огня, пылавшего в душе; ей казалось, что если она сумеет обмануть других, то в конце концов сможет обмануть и себя. Но отбросить ее в тот страшный день могла любая мелочь. Лампа, похожая на ту, что стояла в углу в комнате у Кевина, или скрип половицы, словно кто-то наконец поднимался по лестнице, когда она, Мая, уже охрипла от крика. Она могла прожить

несколько вполне сносных недель подряд, но наплывал звук или запах – и она снова оказывалась там. В его кровати. Его рука сдавливала ей горло, его ладонь зажимала рот.

Мальчик в столовой просто задел ее спиной – для него пустяк, но внутри Майи снова полыхнул пожар. Внутри бомбой взорвался приступ панического страха.

Об изнасиловании все говорили в прошедшем времени. Майя «стала». Она «пострадала». Она «прошла через».

Но Майя не прошла через, она все еще оставалась там. Ее не изнасиловали, ее продолжали насиловать. Для Кевина все продолжалось несколько минут, для Майи – длилось и длилось без конца. Та беговая дорожка, наверное, тоже будет снится ей всю жизнь. И как она убивает его там, снова и снова. И просыпаться оттого, что ногти вонзились в ладони, а зубы прикусили крик.

Страх. Невидимый властелин.

* * *

Полицейский участок в Хеде, подобно всем полицейским участкам в небольших городах, был сверхзагружен и недоукомплектован. Легко острить по поводу якобы умышленных опозданий на вызовы и нескончаемых расследований. Но полицейские Хеда ничем не отличались от представителей других профессий в этих краях: дайте им немного времени и возможность делать свое дело – и они его сделают. Дайте им одетых в красное фанатов, которые объявились в больнице, избитые мало не до полусмерти, и полицейские Хеда зададут им правильные вопросы. Дайте полицейским Хеда знакомый лес – и они рано или поздно кое-что в нем отыщут.

– Есть! – крикнул один из них, когда полицейские уже больше часа прочесывали поляну, где, по их расчетам, произошло побоище.

И полицейский перебрал что-то своему напарнику.

Кроссовка. Судя по размеру, принадлежит ребенку лет двенадцати.

* * *

Лео сидел на ступеньках дома.

– Ты чего тут сидишь? – удивилась Мая.

– Ключи потерял, – промямлил Лео.

Мая подозрительно прищурилась. Заметила на брате старые, изношенные кроссовки.

– А где новые?

– Надоели, – соврал Лео.

– Ты же несколько МЕСЯЦЕВ ныл, чтобы мама тебе их купила!

Маю удивило, что младший брат не огрызнулся, а так и остался сидеть, разглядывая мелкие камешки. У него распухло лицо, под глазом налился фонарь – Лео говорил всем, что на физкультуре ему попало мячом в лицо, но очевидцев происшествия не нашлось. А еще Мая слышала, как сегодня в школе шептались про черную куртку у него в шкафчике.

– С тобой... все в порядке? – осторожно спросила она.

Лео кивнул.

– Не говори маме, что я потерял ключи, – попросил он.

– Я на тебя не ябедничаю, – шепнула ему Мая.

Они нередко пакостили друг другу, но никогда друг на друга не ябедничали. Этому научила брата сестра: в двенадцать лет она однажды ночью вернулась с вечеринки гораздо позже, чем обещала, и, чтобы не привлечь внимания родителей, влезла в окно Лео. «Мы не ябедничаем друг на друга», – объяснила она сонному брату, а он оказался достаточно сообразительным, чтобы понять: в один прекрасный день это соглашение обернется на пользу и ему.

* * *

Поздним вечером к ним явился полицейский. Петер знал его – сын полицейского играл в той же возрастной группе, что и Лео. Может быть, поэтому каждое слово полицейского было пропитано сожалением.

– Извини за позднее вторжение, Петер, но в лесу возле Хеда была драка. Несколько человек серьезно ранены. В драке участвовала Группировка.

Петер понял его неправильно:

– Ты же знаешь, клуб не имеет никакого отношения к Группировке...

Полицейский прервал его, протянув кроссовку:

– Мы нашли на месте драки вот это.

Петер взял кроссовку сына, руки задрожали. Когда он в последний раз

держал обувку, которую обронил его ребенок? Когда Лео было два годика? Три? Когда это его ноги успели так вырасти?

Полицейский говорил, словно извиняясь:

– Я бы не узнал, чьи они, если бы мой сын неделями не кланчил точно такие же. Я сказал ему, что для парня двенадцати лет они дороговаты, а он раскричался, что я ничего не понимаю и что «у ВСЕХ такие!». Я сказал: «У кого у ВСЕХ? Назови хоть одного». И он ответил: «У Лео!»

Петер попытался унять дрожь в голосе. Для двенадцатилетнего ребенка такие кроссовки дороги. Летом Лео получил их от родителей лишь потому, что Миру и Петера мучили угрызения совести из-за... из-за всего.

– Я... это самые обычные кроссовки... конечно, такие есть у очень многих мальчишек...

Полицейский достал еще кое-то. Маленькую связку ключей.

– Мы нашли еще вот это. Если ты сейчас захлопнешь дверь у меня перед носом, я, скорее всего, смогу ее открыть.

Петер больше не оправдывался. Взял ключи. Молча кивнул.

– Лео должен явиться в участок для допроса, – сказал полицейский.

– Ему же всего двенадцать... – выговорил Петер.

Полицейский страдал вместе с ним, но не отступал.

– Петер, все очень серьезно. Парни из Хеда и раньше дрались с Группировкой, но последняя драка была особенно жестокой. Трое лежат в больнице с тяжелыми ранениями. Они будут мстить, а потом будет мстить Группировка, и это не игра. Дело кончится чьей-нибудь смертью!

Петер бессознательно прижимал к груди кроссовку и ключи.

– Я... Лео всего... я хотя бы могу отвезти его в участок сам?

Полицейский кивнул.

– Твоя жена адвокат, да?

Петер понял, что он имеет в виду. И до смерти испугался. Когда полицейский уехал, Петер не открыл дверь в комнату сына. Он распахнул ее пинком.

В следующую секунду отец и сын уже орали друг на друга. Они стояли лицом к лицу, но никогда еще они не были так далеки друг от друга.

А полицейский был прав. Дело кончится чьей-то смертью. И скоро.

* * *

Мая заперлась в ванной. Она слышала, как отец кричит на Лео, как мама кричит на отца, чтобы тот прекратил кричать, потом они кричат друг на друга, выясняя, у кого больше прав кричать. Испуганные, злые, бессильные. Самые обычные родители.

Мая видела их старую фотографию, еще до рождения детей. Оба на ней были молодые и счастливые. Смеялись так, как не смеялись больше никогда, даже на фотографиях. От любви они словно голодали друг по другу, пальцы отца касались маминой челки, и волосы на отцовских руках поднимались от одного маминого взгляда. Физически родительская любовь детям противна, но когда видишь, что ее больше нет, то ты противна сама себе.

Мая сидела на полу ванной, открывала и закрывала барабан сушилки, щелк-щелк-щелк. Медитативный звук. Но вот Мая увидела в барабане футболку. Футболку Лео. Только он, дурак, мог сообразить сунуть хлопчатую футболку в сушилку, потому что стирать не умел, просто не знал как. Мая достала футболку; кровавые пятна не совсем отошли. Мая понимала, что делал брат, она сама сожгла свою одежду после той ночи с Кевином, чтобы дома никто ни о чем не догадался. Лео дрался, и Мая знала из-за кого.

Отец теперь кричал еще громче: «Собрался играть в войнушку? С ГОПНИКАМИ? Совсем СПЯТИЛ?!» Лео прокричал в ответ: «Они хоть что-то ДЕЛАЮТ! А ты, что ТЫ делаешь? «Давайте, хедовские обсоски, ПИНАЙТЕ НАШ ГОРОД!»?!» Мать рявкнула, перекрывая всех: «НЕ СМЕЙ ПРОИЗНОСИТЬ ТАКИЕ СЛОВА В МОЕМ ДОМЕ!»

Щелк-щелк-щелк. Мая открывала и закрывала барабан сушилки. Она понимала, что родители и брат ссорятся не из-за слов, не из-за драки, не из-за города. Они ссорятся из-за нее, все ссорятся из-за нее.

Они с Аной когда-то считали бабочек, говорили про «эффект бабочки»: бабочка может определить судьбу нашей вселенной, малейшее движение воздуха от ее крылышек способно вызвать ураган в другом полушарии Земли. И теперь Мая видела, как целый город тонет в колее, оставшейся от ее решения. Она – причина; все драки, все насилие – эффект бабочки. Если бы Мая не жила здесь, не познакомилась бы с Кевином, не пошла бы к нему на ту вечеринку, не напилась бы, не влюбилась, если бы просто сказала «да», если бы не сопротивлялась... Вот так она думала, вот так работает чувство вины. «Если бы тебя просто не было на свете, ничего подобного не случилось бы».

Отец кричал: «Мы тебя не драчуном растили!» Лео орал в ответ:

«КТО-ТО ЖЕ В ЭТОЙ СЕМЬЕ ДОЛЖЕН ДРАТЬСЯ! ВЕДЬ ТЫ ЖЕ ТРУС!»

Мая услышала, как хлопнула дверь. Поняла, что отец пулей вылетел из дома. Ослепший от горя.

В тот вечер Мая записала в блокноте песню, которую никогда не споеет. Песня называлась «Услышьте меня».

*Ну откуда это взяли и отец и сын и брат
и в кулак вы пальцы сжали до сих пор он не разжат?
Вечно напролом вечно в стену лбом да и не в одну —
Кто в недобрый час подстрекает вас на войну
Ради нас?*

*Если это только ради меня —
Разрядите снаряды ради меня
Затворите ворота ада ради меня
Поддержите меня
Вы же добрые типа ну так докажите это ради меня!*

*Вы клялись что на все готовы ради меня
Так не надо крушить все снова и снова ради меня
Постарайтесь ссоры утишите ради меня —
Услышьте меня*

* * *

Мама, встав под дверь ванной, шепотом спросила, «окей» ли Мая. Мая соврала: «Да». Мама сказала: «Нам нужно съездить в Хед. По... делу». Как будто Мая не понимает. И Мая ответила: «Все норм. А я засяду за уроки. Пока!»

Когда мама, очень злая, пришла за Лео, он не протестовал. Он уже оделся, на ногах были новые кроссовки. Все трое уехали в полицейский участок. Мая так и сидела на полу ванной, когда ей стало трудно дышать. Паническое желание вдохнуть воздуха подняло ее с пола. Ей вдруг захотелось вырваться из дома, из города. Мая знала: чтобы сбежать, есть

всего одно место и всего один друг. Она отправила Ане сообщение из одного-единственного слова: «Остров?»

Мая собрала рюкзак, сунула телефон в задний карман. Ей не нужно было ждать ответа – она знала, что Ана придет. Ана никогда не бросит ее одну.

Конечно, Ана придет. Такую дружбу в саду не вырастить. Но не вырастить там и другое. Растения сорта «родители» мы не выбираем, а корни их уходят в глубину и накрепко спутывают нам ноги. Лучше других это знают дети алкоголиков.

Ана была уже в лесу, когда у нее запиликал телефон. Звонила Рамона. Старуха была жесткой, но не злой; за долгие годы она сделала много подобных звонков и говорила всегда одинаково: с сочувствием, но без снисхождения. Рамона сказала Ане, что отец «допился до дверей»; это означало, что кому-то пришлось выдворить его из «Шкуры», а он не в том состоянии, чтобы дойти до дома самостоятельно. «Холодает», – намекнула Рамона – ей не хотелось позорить Ану, рассказывая, что ее папаша заблевал себя по уши и ему требуется чистая одежда. Девочка и так поймет. Старая барменша полвека наблюдала, как люди напиваются до положения риз, и усвоила, что некоторым детям полезно наблюдать алкоголиков в самом неприглядном виде, чтобы не скатиться в пьянство самим.

Так что она сказала: «Папу нужно проводить домой, Ана». Ана, остановившись среди деревьев, кивнула и прошептала: «Иду!» Конечно, она придет. Она никогда его не бросит.

Ужас. Он овладевает нами, не оставляя следов.

Ана не позвонила Мае, потому что у Маи идеальные родители. Мама, которая никогда не сбежит от семьи, и папа, который не напивается и не заблевывает себя по уши. Ана с Маей как сестры, но стыд был у каждой свой. Ане не пережить, если Мая увидит ее отца таким.

* * *

Всю ночь Мая просидела на острове одна. Смотрела на телефон. Наконец пришло сообщение, но не от Аны. Опять с анонимного номера. Она продолжала принимать анонимки, но перестала отвечать на них, ради Аны, ей не хотелось огорчать подругу. Это теперь Маина тайна: «Отсосешь

за 300??» – интересовался аноним. Мая не знала даже, понимают ли авторы анонимок, зачем они продолжают слать свои эсэмэски. Какой-нибудь хедец хотел сделать ей больно, какая-нибудь девочка из школы, какие-нибудь мелкие поспорили «на слабо» написать «этой, которую изнасиловал Кевин Эрдаль». Только так все они теперь видели Маю. Жертва, шлюха, врунья, принцесса.

Летом Ана закопала на острове бутылку дорогого вина, которую подарил отцу один немолодой сосед с Холма – отец приносил ему дичь с охоты. Ане не хватило духу выбросить бутылку, но она не решилась и оставлять ее дома, на кухне, усеянной осколками папиного разбитого сердца. Поэтому Ана спрятала бутылку здесь. И вот теперь Мая выкопала ее и прикончила в одиночку. Мало ли что это эгоизм. Опынение не приносит ни умиротворения, ни покоя – лишь горечь. «Я всегда жду, что ты придешь, – думала она о своей лучшей подруге. – Ждала, когда Кевин навалился на меня тогда, в кровати, я тоже думала – моя лучшая подруга обязательно придет, потому что лучшая подруга никогда не бросит!» Мая швырнула пустую бутылку о дерево, бутылка разбилась, и осколок отлетел назад, порезав ей руку. Потекла кровь. Мая этого не заметила.

* * *

В последнее время Ане каждую ночь снилось, что она задыхается в гробу, кто-то сидит на крышке, и она не может открыть, колотит изо всех сил, но никто ее не слышит. Она не рассказывала об этом лучшей подруге, потому что Мае в последнее время как будто полегчало, и Ана боялась ее огорчать. Не рассказывала она и о сообщениях, потому что Мае они вроде бы приходят перестали, и не хотелось ей напоминать об этом мучительном «пилик-пилик». Какие-то парни присылали фото своих писюнов. А иногда и что похуже. Ана не понимала, что за извращенное удовольствие они от этого получают, человек ли она вообще в их глазах. Может, просто животное. Что-то, что можно употребить.

Не такой Ана представляла себе свою юность. Взрослые говорят – наслаждайся жизнью, пока тебе шестнадцать, прекрасное время. Только не для Аны. Она любила свое детство: когда лучшая подруга была счастливой, а папа – обожаемым и неуязвимым, героем без страха и упрека. Когда Ане было года четыре или пять, к северу от Бьорнстада во время снежной бури пропали двое парней на снежном скутере. Спасатели вызвали лучших местных охотников, знавших местность; отец Аны посреди ночи собрал

рюкзак и ушел в метель. Ана стояла в дверях и просила его остаться. Она слышала про бурю по радио и уже знала, что некоторые папы из такого бурана не возвращаются. Но отец присел на корточки, обхватил ее щеки ладонями и прошептал:

– Мы с тобой не из тех, кто бросает людей в беде.

Один из парней тогда замерз насмерть, но второй выжил. Его нашел отец Аны. Несколько зим спустя, когда Ане только-только исполнилось шесть, она играла у озера, уже в сумерках, и услышала крик. Какая-то девочка, ее ровесница, провалилась под лед и уже начала коченеть. Все дети Бьорнстада знают, как двигаться по льду, чтобы спасти того, кто провалился в воду, но далеко не все бросятся спасать утопающего одни и в темноте. Ана не колебалась ни секунды.

Ее отец много каких дров наломал за свою жизнь, но он воспитал дочь, которая спасала жизнь чужим дочерям. Она пришла в тот вечер домой промокая, замерзшая, с посиневшими губами, но, когда мать в ужасе охнула: «Что случилось?» – девочка только широко улыбнулась: «Я нашла лучшего друга!»

Через несколько лет мама от них ушла. Не вынесла леса, темноты и молчания. Ана осталась. Они с отцом играли в карты, перебрасывались прибаутками, а иногда отец бывал в таком хорошем настроении, что ее пугал. Пугать отец был великий мастер, мог часами прятаться за дверь в темной комнате ради того, чтобы потом выпрыгнуть и заорать так, что Ана заходила хохотом до потери дыхания.

Она всегда любила отца, даже в самые жалкие его минуты. Наверное, в глубине души он всегда грустил. Ана не знала, стал ли он таким потому, что мама его оставила, или мама оставила его, потому что он такой. У некоторых людей горе – их сущность. Отец сидел на кухне один, пил и плакал, и Ана жалела его, потому что это, наверное, ужасно: когда ты в состоянии плакать, только когда напьешься.

Она привыкла думать, что у нее два отца, хороший и плохой, и считала своей обязанностью следить, чтобы плохой папа, вселявшийся по вечерам в отцовское тело, не разносил бы вдребезги полдома, иначе хорошему папе наутро не из чего будет завтракать.

Ана нашла отца на задах «Шкуры» – он спал, привалившись к стене. Несколько ужасающих секунд Ана не могла нащупать у него пульс, и ее затопила паника. Она хлопала отца по щекам, пока он вдруг не закашлялся и не открыл глаза. Увидев дочь, он с трудом выговорил:

– Ана?

– Да, – шепнула она.

– На... на... напугал я тебя?

Ана попыталась улыбнуться. Отец снова заснул. Его шестнадцатилетней дочери потребовалась вся ее сила, чтобы оторвать от стены его грудь и плечи и сменить испачканную рвотой рубашку на чистую. Большинству, наверное, было бы наплевать, но Ана знала: там, внутри, – хороший папа. Тот, что читал ей сказки, когда мама сбежала из Бьорнстада, тот, что знал другие колыбельные, кроме виски. Ане хотелось, чтобы завтра утром этот папа проснулся в чистой рубашке. Она забросила его руку себе на плечо и принялась шепотом уговаривать его подняться:

– Папа, идем домой.

– Ана?.. – проговорил он.

– Да. Все нормально, папа. Просто у тебя был плохой вечер. Завтра будет лучше.

– Прости, – всхлипнул отец.

Вот это хуже всего. Этому слову дочери не в силах сопротивляться. Отец споткнулся, и Ана тоже споткнулась.

Но кто-то ее подхватил.

Голос Миры гремел по всему полицейскому участку. Разве адвокат и мать – не одно и то же, если мальчику всего двенадцать лет? В машине по дороге в Хед Мира не кричала на Лео, потому что Петер уже откричал за них обоих. За всех. Зато она кричала сейчас, обрушивая на полицейских весь свой страх и бессилие.

Петер сгорбился рядом с Лео. Сын сидел гордо и вызывающе; отец сжался, точно из него ушел весь воздух и вся радость. Когда он в последний раз кричал на Лео? Сколько лет назад? Отец Петера раздавал затрецины легко. Рамона как-то сказала Петеру: «У отца-драчуна как у отца-пьянчуги: сыновья дерутся и пьют еще больше или вообще этим не занимаются». Петер когда-то пытался объяснить это Лео: «Я не верю в насилие. Мой отец лупил меня за то, что я проливал молоко. В результате я не перестал проливать молоко, но стал бояться к нему прикасаться». Петер не знал, понял ли его Лео. Не знал, что сказать еще. Сегодня вечером он называл сына ужасными словами, но Лео, кажется, было все равно. Он снес отцовскую выволочку не моргнув глазом, а когда полицейские начали задавать мальчику вопросы, знобить стало отца. Петер дрожал, словно все окна были открыты настежь. Он знал, что здесь и сейчас теряет своего сына.

Лео играл в хоккей, потому что хоккей любил его отец; сам он никогда не питал склонности к этой игре, но ему, командному игроку, нравилось

ощущение общности и взаимной поддержки. Петер понимал, что теперь Лео нашел все то же самое, только в другом, страшном месте. Когда полицейский спросил, что происходило в лесу во время драки, Лео ответил: «Какой драки?» Когда полицейский спросил, как его кроссовка и ключи оказались на той поляне, мальчик ответил: «Я залезал на дерево. Наверное, уронил». Полицейский спрашивал, видел ли он дравшихся парней из Группировки. «Что за группировка?» – удивился мальчик. Полицейский показал ему фотографию Теему Ринниуса. Лео сказал: «Не знаю такого. Как, вы сказали, его зовут?»

Петер понял, что потерял своего мальчика. Потому что он, Петер, боится прикасаться к молоку, а Лео не боится ничего.

* * *

Беньи вышел из задних дверей «Шкуры» с мусорными мешками – он-то и подхватил Ану. Он удержал и ее, и ее отца, и Ана заплакала. Рассыпалась на тысячу кусков. Беньи обнял ее, она зарылась лицом ему в грудь, он погладил ее по волосам.

Ана молчала о том, как привыкла таскать отца на себе. Беньи – о том, что жизнь не дала ему шанса хоть раз утащить из «Шкуры» своего.

– Почему все столько пьют? – всхлипнула Ана.

– Чтобы отключиться, – честно ответил Беньи.

– От чего отключиться?

– От всей той херни, о которой невозможно не думать.

Ана потихоньку отпустила Беньи, запустила пальцы в отцовские волосы – он похрапывал, и его голова стучалась о стену. Ана сказала тихо-тихо, почти пропела:

– Как же это ужасно – чувствовать что-то, только когда напьешься.

Беньи поднял великана-охотника с земли, одну его руку закинул себе на шею.

– По-моему, лучше так, чем вообще никак...

И он наполовину понес, наполовину поволок отца Аны домой. Ана долго шла рядом и наконец, набравшись смелости, спросила:

– Ты, наверное, ненавидишь Маю?

– Нет, – ответил Беньи.

Он не стал делать вид, что не понял вопроса; за это Ана и влюбилась в него.

Она пояснила:

– То есть ненавидишь не за то, что ее изнасиловали, а... за то, что она в принципе есть? Если бы она не пришла на тот вечер... все твое осталось бы при тебе: и лучший друг, и команда, и... жизнь отлично складывалась. У тебя все было. А теперь...

Беньи не пытался подольститься к Ане, но его голос не был и враждебным.

– Если бы мне понадобилось кого-нибудь возненавидеть, я бы возненавидел Кевина.

– А ты его ненавидишь?

– Нет.

– А кого ты тогда ненавидишь? – спросила Ана, хотя и так уже знала.

Беньи ненавидел свое отражение в зеркале. Как Ана – свое. Потому что оба должны были быть там и тогда. Не дать этому произойти. Оказаться в аду должны были не Мая и Кевин. Провалиться в ад следовало Ане и Беньи. Потому что они из тех, кто плохо кончит.

Трудно упрекать Ану. У всех бывают минуты, когда коже страшно, невыносимо хочется прикосновения чьих-то рук.

Наконец они пришли к Ане домой. Беньи втащил отца на кровать, помог Ане вынести из кухни бутылки. Нельзя злиться на шестнадцатилетнюю девушку, у которой чувств оказалось так много, что мозг не смог в них разобраться.

Беньи легко погладил Ану по плечу и чуть слышно сказал:

– Нам необязательно быть, как наши отцы.

Он пошел к двери. Ана бросилась следом, вцепилась ему в руку, прижалась к нему. Ее язык коснулся его губ, Ана завела руку Беньи себе под рубашку. Она сама потом не знала, что оскорбило ее больше: что он не захотел ее или что настолько деликатно дал это понять.

Беньи не оттолкнул ее; он мог толкнуть взрослого мужчину так, что тот пролетел бы через всю кухню, но от Аны отстранился едва заметным движением. В его взгляде не было злости, было понимание. Как же она его за это возненавидела! Беньи даже не показал, что отвергает ее, – он только дал ей понять, что ему ее жалко.

– Прости. Но ты не хочешь... ты не этого хочешь, Ана... – прошептал Беньи.

Он неслышно закрыл за собой дверь. Ана сидела на полу, и ее трясло от слез. Она позвонила Мае. Подруга ответила после десятого гудка:

– Ааааана? Да нуууу? Иди к черту твоего херова вина больше нет чтоб ты знала. Ты не ПРИШЛА! Обещала прийти на остров, но не ПРИШЛА!

Ана услышала, что Мая пьяна; для нее это был конец всему. Она нажала «отбой» и бросилась к двери.

Бесконечно трудно упрекать ее в том, что произошло той ночью. Но все же очень, очень легко.

* * *

Разобраться в политике непросто. До конца ее, видимо, вряд ли кто понимает. Мы редко отдаем себе отчет, почему бюрократическая система срабатывает именно так, а не иначе, поскольку там, где все можно объяснить простой некомпетентностью, факт коррупции не докажешь. В полицейском участке раздался звонок; полицейский и женщина из администрации вышли в другую комнату. Мира все еще рвалась в бой, когда полицейский, вернувшись, сообщил, что Лео может ехать домой. «Принимая во внимание возраст мальчика». Мира закричала, что именно об этом она кричит уже больше часа, хотя понимала: именно этого полицейские и хотели. Сделают вид, что она, адвокат, их убедила. Но Мира знала, что это неправда. Полицейским кто-то позвонил.

Когда Мира, Петер и Лео вышли из участка, Петер увидел знакомую машину. Он попросил Миру увезти Лео домой, не дожидаясь его; Мира сделала вид, что просьба мужа ее не встревожила. Петер подождал, пока жена и сын скроются из виду, и пошел к черной машине. Постучал в окошко; мужчина в черном костюме открыл дверцу.

– Привет, Петер! И ты здесь? Какая неожиданность! – сказал политик.

Поразительно, как некоторым удается врать так естественно!

– Моего сына забрали на допрос по поводу драки, которую устроили хулиганы, но потом вдруг инцидент оказался исчерпан. Ты, конечно, не в курсе? – в ярости рубанул Петер.

Он не умел скрывать чувств – ни злости, ни тревоги, ни родительской слабости. За это Ричард Тео его молча презирал.

– Конечно нет, – сердечно ответил Тео.

– Дайте-ка угадаю: у тебя много друзей? – взбешенно спросил Петер.

Тео счистил брызги его слюны со своего пиджачного рукава.

– У тебя тоже есть друзья, Петер. Скоро тебе сообщат, где и когда будет пресс-конференция, приезжают новые владельцы фабрики.

Приглашены политики, представители местной экономики – все, от кого зависит жизнь коммуны. Как друг, советую тебе тоже присутствовать.

– И там я должен буду публично дистанцироваться от Группировки?

Ричард Тео изобразил смятение:

– Ты дистанцируешься от НАСИЛИЯ, Петер. Насилие, которое, похоже, уже затягивает твоего сына!

Петер задохнулся:

– Почему тебе так важно объявить Группировке войну?

Тео ответил:

– Потому, что их главный инструмент – насилие. Демократическое общество не может этого допустить. Все, кто прокладывает дорогу к власти кулаками, должны получить отпор. Поскольку, будь уверен, Петер, никто из тех, кто дорвался до власти, не отдаст ее добровольно.

Давясь отвращением к собственному голосу, Петер спросил:

– А что я за это получу?

– Ты? Ты получишь контроль над клубом. Сможешь распоряжаться спонсорскими деньгами по собственному усмотрению. Новые владельцы даже разрешат тебе посадить в правление своего человека!

– Одного?

– Кого захочешь.

Петер переводил взгляд с одного своего ботинка на другой. Наконец он прошептал:

– Хорошо.

Скоро он придет на пресс-конференцию. Скажет все, что должен сказать. Сожжет мосты. Отныне он – против Группировки.

По дороге домой Ричард ощущал себя не злодеем, а всего лишь прагматиком. Теему Ринниус может повлиять на исход голосования. Ричард Тео должен ему что-то за это дать. Теему заботит только трибуна со стоячими местами. Чтобы отдать ему эту трибуну, ее надо у него забрать.

* * *

Ана выбежала в дверь не для того, чтобы причинить кому-то зло, – она просто не могла оставаться дома. Она даже не собиралась следить за Беньи, просто видела, как его белый свитер движется между деревьями – медленно, словно ноги Беньи не соглашаются с остальным телом. Ана всегда умела тропить зверя, ею словно двигал инстинкт, и вот теперь она

следовала за Беньи. Может, просто хотела выяснить, куда он пойдет, – скажем, у него другая девушка и он сейчас к ней и направляется? Вдруг полегчает, успела подумать Ана, если увидеть его с подружкой в тыщу раз красивее? Резко стемнело, но Ана все шла за красным огоньком сигареты, за сладким дымом, который Беньи оставлял за собой.

На полпути между Бьорнстадом и Хедом Беньи свернул на гравийную дорожку, ведущую к кемпингу. Остановился возле какого-то домика, постучал в дверь. Ана узнала мужчину, который ему открыл: учитель из их школы. Она сама потом не помнила, что подумала или почувствовала, увидев, как Беньи, припав всем телом к учителю, поцеловал его.

Легко обвинять Ану за то, что она совершила. Ей было больно, но больно бывает всем. Она еще никогда не чувствовала себя такой одинокой, а одиночество подсказывает человеку плохие идеи, особенно в шестнадцать лет. Ана достала телефон и сфотографировала Беньи и учителя. И выложила фотографии в сеть.

И все полетело к черту.

БАНК!

Мы всегда говорим о тайнах как о своей собственности. «Моя» тайна». Так оно и есть – до тех пор, пока она не окажется в зоне видимости всех остальных. Мы не можем утратить тайну частично – мы либо владеем ею полностью, либо целиком теряем. Стоит ей ускользнуть в мир, как начинается землетрясение, лавина, наводнение. Одно-единственное случайное слово, мелькнувшая в голове мысль, несколько фотографий, выложенных в сеть кем-то, раненым в сердце, – и покатались камни, снежный пласт стронулся с места, и массы воды сметают все на своем пути, а мы не понимаем, как так вышло, и отыграть назад уже нельзя. Невозможно, как невозможно поймать аромат июля и удержать его в сложенных лодочкой ладонях. Теперь все знают. Знают то, чего не должен знать никто.

Этот звук разбудил Беньи.

БАНК! Один-единственный, но такой, что стена домика задрожала. Потом – тишина. Учитель сонно заворочался в постели, но Беньи уже бежал, пригнувшись, из спальни к входной двери. Он не знал почему, потом он вспомнит лишь, что его уже тогда захлестнула паника. Еще когда он шел сюда, еще когда они целовались на крыльце, он понимал, что совершил величайшую глупость.

Однажды он поймет: просто он был влюблен. И поэтому забыл об осторожности. Беньи приоткрыл дверь домика, выглянул, но, кто бы ни затаился там, в темноте, он никак не проявил себя. Беньи почти развернулся, чтобы войти обратно в дом, когда понял, что это за звук.

Банк.

Так шайба ударяется о стену дома. Так сердце колотится о грудную клетку. Так нож втыкается в деревянную дверь кемпингового домика. Кто-то накорябал на бумажке несколько букв, и одна из них – «О» – была стилизована под оптический прицел. Точно в центре торчал нож.

«ПИДОР»

Ана блуждала по лесу словно в лихорадке. Валил снег, в тот год он выпал слишком рано и обильно даже для этих мест. Приближалась очередная осенняя буря. Силу холода легко недооценить, легко не понять, насколько быстро он способен погубить тебя, этот убийца, который ласково шепчет – присядь, передохни минутку, ты устал. Он совет тебе, что ты вспотел, уговорит раздеться. Снег и минусовая температура способны вызвать те же галлюцинации, что и палящее солнце пустыни.

Ана все это знала, ей всегда было привычнее в лесу, чем в городе. Человекообразная белка, дразнила ее Мая. Оказавшись среди деревьев, Ана убегала из реальности, время останавливалось, и то, что происходило здесь, не могло иметь никаких последствий в мире городских улиц. Так казалось Ане. Поэтому понимание того, что она только что сделала, всей тяжестью обрушилось на нее только на пороге дома. Вспыхнула паника – абсолютная, невыносимая, в груди стало так больно, что у Аны перехватило дыхание. Мы воображаем, что выложить что-то в сеть – это не более чем повысить голос в гостиной, хотя на самом деле это как заорать с крыши на весь свет. Наш придуманный мир обязательно затронет чужую реальность.

Ана выхватила телефон и удалила фотографии Бенни и учителя, но было поздно. Она уже развеяла их тайну, словно пепел над морем, так что назад уже не собрать.

* * *

Спонтанные реакции редко бывают предметом нашей гордости. Говорят, первая мысль самая верная, но это неправда. Чаще всего самая первая мысль оказывается самой глупой. Иначе откуда у нас потребность подумать хорошенько?

Рано утром Петер забарабанил в дверь «Шкуры». Рамона открыла окно на втором этаже, облаченная в халат и праведный гнев.

– Ну что там? Бар загорелся? Смотри, мальчик, иначе тебе плохо придется. Будить порядочных людей в восемь утра!

Тут Рамона смягчилась, ведь и Петер когда-то был ее мальчиком. Рамона много раз звонила ему, чтобы он забрал домой своего надравшегося папашу; став взрослым, Петер почти не притрагивался к спиртному. Вся

его дальнейшая жизнь формировалась все тем же стремлением все уладить. Чтобы все были довольны. Скрыть чужие ошибки. Взять на себя ответственность. И теперь, стоя у «Шкуры», Петер признался Рамоне:

– Скоро будет пресс-конференция. Загадочный спонсор «Бьорнстад-Хоккея», о котором все судачат, – это новые владельцы фабрики. На пресс-конференции я должен пообещать журналистам, что снесу стоячую трибуну и... выгоню хулиганов из клуба.

Если Рамону это поразило, то виду она не подала.

– Я тут при чем? – Она сунула в рот сигарету. Петер откашлялся.

– Мне разрешат выбрать одного члена правления. Кого захочу.

– Фрак отлично подойдет, – фыркнула Рамона.

– Фрак хочет, чтобы это была ты. Я тоже.

Из одной ноздри Рамоны вырвалось облачко дыма – единственный признак того, насколько старуху ошеломили эти слова.

– Ты головой не ударялся, мальчик? Ты же знаешь, что я... после всего, что ты собрался устроить Теему и его ребятам? Они МОИ мальчики! Стоячая трибуна – это... это же их клуб!

Петер держался прямо, хотя голос его рухнул на дно:

– Я делаю для клуба все, что в моих силах. Но до меня дошли разговоры, что кое-кто не захочет отдать власть добровольно. И чтобы мне до конца быть уверенным, что я бьюсь за клуб не ради себя, мне надо посадить в правление кого-то, кто со мной не согласен. Кто станет со мной спорить.

Рамона спокойно курила.

– Если мы оба будем биться за то, во что верим, один из нас в конце концов останется без работы.

Петер кивнул.

– Но если мы оба будем биться за клуб, у нас останется клуб.

Рамона запахнула халат покрепче. Надолго задумалась. Потом наморщила лоб.

– Зайдешь позавтракать?

– Каким сортом? – уточнил Петер.

– Где-то у меня точно был кофе, – проворчала Рамона. – Или что вы там теперь пьете, трезвенники несчастные.

Так Рамона вошла в правление клуба «Бьорнстад-Хоккей», но прежде, чем они с Петером успели все обсудить, их прервали. Сначала телефон зазвонил у Петера. Фрак спросил: «Слышал про Бенямина?» Так Рамона обо всем и узнала. За свою реакцию ей будет стыдно до конца жизни, а

Петеру за свою, потому что первым делом оба подумали: «Нет, только не это!»

Чаще всего наши спонтанные реакции оказываются самыми глупыми.

* * *

Правда о людях – это огонь, губительный и беспощадный. Правда о Беньи прожгла Бьорнстад и Хед; все, кто имел хоть малейшую причину завидовать Беньи или обижаться на него, теперь углядели трещину в его броне. И каждый из них постарался воткнуть туда нож, да поглубже.

Очень немногие отважились бы сказать что-то Беньи в глаза, поэтому они шли проторенным путем: говорили не с ним, а о нем. Беньи следовало расчеловечить, превратить в объект. Сделать это можно было тысячью способов, из которых самый легкий тот, которым пользуемся все мы: отнять у него имя.

Поэтому, сообщая «правду», никто не писал ни в телефоне, ни на компьютере ни «Беньямин», ни «Беньи». Только «этот хоккеист». Или – «школьник». «Этот молодой человек». «Пидор».

Впоследствии иные говорили, что к гомосексуалам ненависти не питают, а ненавидят только Беньи. Многие станут утверждать: «Мы просто удивились, что именно... он». Многие заявят: «Вот если бы у людей были какие-то... признаки... так и нам бы тогда попроще было бы».

Склонные к фундаментальным культурологическим обобщениям станут объяснять общий шок тем, что спорт, особенно хоккей, в нашем восприятии – само воплощение маскулинности. Другие возразят, что и шока никакого не было бы, если бы не СМИ. Что он «преувеличен».

Кто-то скажет: «Мы же ничего против них не имеем», другой добавит: «Мы только не хотим, чтобы у нас был полный город... этих». Кто-нибудь пробурчит: «Может, лучше ему уехать отсюда, ради себя же – что ему здесь делать? Пусть отправляется в какой-нибудь большой город. Ну, ради себя же самого. А не потому, что я что-то имею против этих. Что вы. Но... в общем, сами понимаете».

Некоторые шутки в сети были просто шутками, так потом и объяснят. «А я всегда это знал! Когда мы учились в начальной школе, мама на мой день рождения принесла мороженое с безе и фруктами, так Беньи выбирал оттуда бананы!» Другие просто намекали: «Интересно, чем они с Кевином занимались в раздевалке, когда все остальные расходились?!»

Все дальнейшее вливалось в ту же волну. Эсэмэски с одноразовых телефонов, анонимные комментарии в сети: «Голубец», «Педрила»; «Пидор», «Противный», «Зашквар!!!», «Это противоестественно, лечиться нужно!», «А мы всегда знали!», «Голубым у нас не место!», «Доберемся до тебя – срежем татуху! Медведь – не для гомиков!», «Насильники и пидоры, вон из Бьорнстада!», «Ты больной не хуже Кевина!», «Небось еще и педофил! Чтоб тебе СПИД подцепить!», «Сдохни!», «Хочешь жить – проваливай из города!!!», «Следующий нож – не в дверь, а в тебя!».

* * *

Мая сидела дома за компьютером. Она прочитала все, что эти сволочи писали о Беньи, она помнила все, что они же писали о ней самой. Ничего не изменилось, все начиналось снова. Отец Майи любил слушать одну старую пластинку – там какой-то дядька пел, что у всего есть трещины, потому что только так внутрь попадает свет. Мая все смотрела на фотографии, запечатлевшие учителя и Беньи, но смотрела не на учителя и не на Беньи. Летом, на острове, она слушала музыку в телефоне Аны, там звучали гитары и печальные голоса; Ана завопила «Не потерплю наркомусики у меня на острове!», и Мая, задрала руку с телефоном повыше, смеясь, кричала «Не потерплю умцы-умцы в лесу, она засоряет окружающую среду!». Ана попыталась вырвать телефон у нее из рук, Мая отпрыгнула, но споткнулась и уронила телефон на камень. Стекло в линзе камеры треснуло – несильно, но отныне на всех фотографиях Аны в правом верхнем углу виднелась черточка.

Мая думала, что Ана разозлится, но та только рассмеялась: «Теперь на всех моих фотографиях будет трещина. На всех моих фотографиях будешь ты, тупица такая!»

Мая обожала свою лучшую подругу, но сейчас она смотрела на фотографии Беньи и учителя – и видела только черточку в правом верхнем углу. Одну и ту же черточку на каждой фотографии.

Тонкую, почти незаметную трещину. Из которой струилась тьма.

* * *

Потом, через много месяцев, никто из нас не мог точно сказать, кто что говорил или откуда взялись в сети фотографии. Но все видели кадры, на

которых Бенни целуется с учителем. Многим было наплевать, но они промолчали, – тем громче казались голоса других. Тех, кто в свое оправдание скажет именно это: нам было НЕ НАПЛЕВАТЬ. На город, на команду, на самого Беньямина. Не наплевать на школу. Не наплевать на детей.

Группа родителей позвонила директору и потребовала собрания. Среди этих родителей была Магган Лит, мама Вильяма Лита. Она – член родительского комитета, она просто делает свое дело, «ничего личного», как подчеркивала она на встрече, «мы ни на кого не держим зла, но мы родители, и мы волнуемся». Но, по ее мнению, учителя следовало уволить. Не потому, что он... не такой, как все; нет, конечно! Но нельзя допускать, чтобы он заводил половые отношения с учеником! После всего, что уже случилось! Вначале изнасилование, а теперь еще и это? И не имеет значения, мальчик это или девочка – в школе все равны.

Одно с другим всегда связано, если нам так удобнее.

– Разве можем мы чувствовать себя спокойно, когда у наших детей такой учитель, а мы не знаем его... настоящих целей? – поинтересовался один из родителей.

Когда директор попросил уточнить, какие именно цели он, родитель, полагает «настоящими», Магган Лит прошипела:

– Сами знаете какие!

– А как вам вот ЭТО? – воскликнул другой родитель и бросил на директорский стол какую-то бумажку.

– Висело на доске объявлений в коридоре! Эта учительница, Жанетт, собралась учить школьников ДРАТЬСЯ! – вклинилась Магган Лит.

– Это... единоборства, спорт... она набирает группу... – попытался было объяснить директор, но его предсказуемо перебили:

– НАСИЛИЕ! Уроки НАСИЛИЯ! Один учитель заводит половую связь со школьником, другой собирается лупить учеников! Это что за школа такая, господин директор?

Магган Лит объявила:

– Я позвоню кому надо!

И позвонила. Первым ей ответил Ричард Тео.

* * *

Мая так колотила в дверь Аны, что собаки залаяли, испугавшись, что

стена рухнет. Ана открыла – бледная, безжизненная, раздавленная, ненавидящая себя. Но Мая так рассвирепела, что не сдержала ярости:

– ТАК ЭТО ТЫ ИХ СФОТКАЛА! КАК ТЫ МОГЛА?..

Ана, истерически задыхаясь, икая и давясь соплями, выговорила:

– Я не... я поцеловала его, Мая. Я его ПОЦЕЛОВАЛА! Он мог бы сказать, что он... МОГ сказать, просто чтобы я знала... я думала, у него другая девчонка... я его поцеловала! Я... почему он не сказал...

Мая, не дослушав, покачала головой и сплюнула на землю между собой и своей лучшей подругой: между ними отныне все кончено.

– Ты такая же, как все в этом городе. Считаешь, что раз не можешь чего-то добиться от других, то имеешь право причинять людям зло.

Ана так плакала, что не удержалась на ногах и рухнула на порог. Но Мая не подхватила ее – она уже бежала прочь.

* * *

Может, люди и правы – ничего личного тут не было. Может, это просто стало последней каплей для тех, кто едва сводит концы с концами. Рабочих мест все меньше, политики мухлюют, больницу вот-вот закроют, а фабрика сменит владельца. Журналисты появляются, только когда что-то случилось, с единственной целью – представить жителей нашего города в черном цвете: ограниченные люди, полные предрассудков. Может, некоторые тут у нас решили, что хватит с них политики. Слишком много перемен обрушилось на тяжело работающих людей, которые и так уже натерпелись. Может, дело было даже не в Беньи или учителе, не в Элизабет Цаккель или еще в ком. Гадости в интернете могли писать «пара-тройка отморозков». И никто не хотел ничего плохого – «просто накал страстей, ну, и перегнули палку». И мы станем оправдываться тем, что «слишком много всего навалилось, вопрос-то сложный, все мы живые люди».

Мы всегда защищаем чувства агрессоров. Словно именно им нужно наше понимание.

Новость, что школьный учитель, «уже давно имевший отношения со школьником», «отстранен от работы на время расследования», быстро достигла местной газеты. Поначалу комментаторы осторожничали, но вскоре прозвучал вопрос: «Сначала тренер, теперь учитель? По-вашему, это

совпадение?» Никто не говорил «женщина», никто не говорил «гомосексуал». Все говорили «эти» или «такие». Кто-то написал: «Теперь против таких попробуй слово скажи – сразу всех собак спустят! Но как не реагировать, если дело касается наших ДЕТЕЙ! Мы что, хотим жить в таком городе? Где над нами проводят опыты, как над кроликами?»

Большинство не называло Беньи по имени. Так проще. Но вот появилась картинка: сначала ее опубликовали в каком-то анонимном аккаунте, никто не помнил в каком, а стоило ей разойтись по сети, как аккаунт удалили. Никто не спрашивал, откуда она взялась, слухи ходили самые разные, но это не имело значения. Значение имело то, что она изображала.

А изображала она хоккейный шлем, судя по всему сфотографированный на скамье в раздевалке, на шлеме красовался бьорнстадский медведь, символ команды. Медведя окружала радуга. Какой-то аноним приписал: «По-моему, отлично! Я не интересуюсь хоккеем, но думаю – нам обязательно надо как-то символически выразить клубу нашу поддержку! Политкорректность идет рука об руку с хоккеем!»

Картинка разлетелась по всему Бьорнстаду, а одна столичная газета поместила ее на своем сайте, снабдив заголовком: «Хоккеист признался в гомосексуальности. Фанаты поддерживают клуб!»

Когда под картинкой начали появляться первые комментарии, Ричард Тео уже выключил компьютер. Он открыл окно и выпустил последних мух. На улице похолодало, мухи скоро уснут. Но у них было целое лето, они успели достичь своего.

Когда Ричард вышел из кабинета, кто-то в сети написал: «Не бывать Бьорнстаду радужным городом, а «Бьорнстад-Хоккею» – радужной командой! Группировка этого не допустит!»

Когда выяснилось, что картинка – фотожаба, сляпанная с помощью простейшей компьютерной программы, журналисты со всей страны принялись названивать спортивному директору «Бьорнстад-Хоккея»:

– Почему вы не выражаете поддержку игроку-гомосексуалу? Почему отказываетесь от радужных шлемов?

Петер Андерсон пытался объясняться с ними, толком не зная, что говорить. Ситуация развивалась стремительно. Под конец Петер уже не отваживался брать трубку.

Но когда журналистка из местной газеты позвонила Ричарду Тео и

спросила, что он думает насчет «турбулентности» вокруг «Бьорнстад-Хоккея», у Тео, разумеется, наготове был самый простой из всех простых ответов:

– Я считаю, что не следует смешивать хоккей и политику. Пусть парни просто играют.

В последние дни это слышалось все чаще. «Пусть парни просто играют!» Вот только для разных людей эта фраза означала разное.

* * *

В доме слышалось только тихое пощелкивание: компьютерная мышка, клавиатура. Лео сидел у себя, как всегда уткнувшись в экран, так что остальной мир исчез. Мая завидовала тому, как брат умеет сбежать от происходящего.

– Чем занимаешься? – задала она дурацкий вопрос.

– Играю.

Мая задержалась в дверях; она открыла рот, чтобы ответить, но не придумала что. Поэтому она закрыла дверь и ушла на темную кухню. Наверное, Лео по ее шагам понял, что что-то не так, либо младшие братья знают что-то такое, что не дано остальным людям, но только он оторвал взгляд от экрана и крикнул:

– Хочешь тоже поиграть?

А потом он взял ружье и ушел в лес

Хоккей – игра проще некуда, если смотреть на нее с трибуны. Легко рассуждать, кому и как следовало действовать, когда уже знаешь, что все, что было сделано, не помогло.

Петер ехал в ледовый дворец, ничего вокруг не видя, точно в туннеле. Телефон все разрывался, Петер не отвечал. Он позвонил Беньи, но тот не ответил. Петер открыл почту, и на него обрушилась лавина.

Петер согнулся, ослепнув от мигрени, не в силах вздохнуть. Несколько минут ему казалось, что это инсульт. Он отлично помнил, какие гнусные письма стали приходить, когда Мая заявила в полицию на Кевина. Все пошло по новой.

Большинство высказывалось не напрямую – писавшие употребляли слова вроде «отвлекающие факторы» и «политика». «Петер, мы просто не хотим, чтобы в клубе появились отвлекающие факторы и политика. Тем более сейчас, перед игрой с «Хедом!» Конечно, все эти люди хотели как лучше. «Может быть, мальчику лучше было бы... ненадолго прерваться? В его же интересах? Вы же знаете, как некоторые люди... реагируют... конечно, не мы, но есть и другие, а их реакция, Петер, может оказаться негативной! Мальчику мы желаем только добра!» Разумеется. Большинство твердило: «Пусть парни просто играют!»

Только не все.

Но одно письмо выбивалось из общей массы. Прислали его родители одного из игроков детской команды; приложение содержало фотографию, сделанную в раздевалке основной команды. Однако на фото был не Беньи, а была Элизабет Цаккель; подавшись вперед, она осматривала... член Бубу. Возможно, поначалу это казалось безобидной шуткой, но кто-то из игроков основной команды успел сделать снимок. Неведомо кто выложил его в сеть, а следом пришло еще одно письмо с той же фотографией, уже от других родителей. Потом еще. «Сначала учитель, который спит с учениками, потом учительница, которая учит учеников драться, а теперь еще и ЭТО????!!!»

И пошло-поехало: сначала имейлы, полные тревоги. Потом –

ненависти. Дальше – угрозы. Наконец в почту Петера упала анонимка: «Если эта сучка и этот пидор проведут еще хоть одну тренировку с «Бьорнстадом», пеняйте на себя!!!»

Все мы задним умом крепки; хоккей простая игра, если смотришь с трибуны. Если бы у Петера не было дочери, которую весной выставили врагом целого хоккейного клуба, он бы, может быть, сейчас среагировал разумнее. Или глупее. Но теперь его разрывали инстинкты, поэтому Петер в конце концов распечатал совместный портрет Цаккель и Бубу, отыскал тренера на ледовой арене и заорал:

– Цаккель! Что, мать ва... ЭТО ЧТО ТАКОЕ?

Цаккель в одиночестве была клюшкой по шайбам. Она спокойно подъехала к бортику и прищурилась на изображение.

– Это я. Это – Бубу. А вот это – как бы писюн.

– Но вы... это... что вообще...

Цаккель постучала клюшкой по льду. Пожала плечами:

– Вы же сами понимаете. Хоккейная команда проверяет нового тренера на прочность. Это все между ними и мной.

Петер схватился за голову так, словно та лопнула, а он склеил ее и теперь ждет, когда схватятся швы.

– Цаккель, прошу вас, все это больше не только между вами. Кто-то выложил фотографию в сеть! И весь город сейчас...

Цаккель невозмутимо ковыряла изоленту на клюшке.

– Я тренер хоккейной команды, а не мэр. Проблемы города – это проблемы города. Мы в ледовом дворце, мы играем в хоккей.

Петер застонал:

– Цаккель, общество устроено совсем не так! Люди будут говорить об этом, как о... они не привыкли к... сначала Беньи, а теперь история с вами и вот этим...

– Писюном? – заботливо подсказала Цаккель.

Петер злобно глянул на нее.

– Нам угрожают! Надо отменить сегодняшнюю тренировку!

Но Цаккель, словно не расслышав его, спросила:

– Как там с Видаром? Моим новым вратарем? Вы выпустите его на лед?

– Вы меня не слышали? Нам уже начали угрожать! К черту Видара! Мы должны отменить тренировку!

Цаккель пожала плечами:

– Я слышала. Я не глухая.

И она заскользила прочь, словно разговор окончен. А потом спокойно продолжила забивать шайбы. Петер вихрем ворвался в кабинет и стал звонить членам основной команды. Ответили все, кроме Беньи. Петер рассказал про письмо с угрозой. Члены команды все поняли. Ни один не собирался остаться дома.

Когда тренировка началась, команда выстроилась перед Цаккель на льду. Она постучала клюшкой:

– Вы слышали, что клуб получил письмо с угрозами?

Хоккеисты закивали.

Цаккель пояснила:

– Если я продолжу тренировать вас и если с нами будет играть Беньямин, нам посоветовали «пенять на себя». Так что, если вы сегодня захотите уйти с тренировки, я зла на вас держать не буду.

Никто из членов команды не двинулся с места. О нашей основной команде говорили много гадостей, но в ней играли не трусы.

Цаккель кивнула:

– Ну, так. Я понимаю, что здесь замешано много... чувств. Но мы – хоккейная команда. Мы играем в хоккей.

Игроки ждали, что Цаккель станет дознаваться, кто выложил в интернет фотографию с ней и Бубу. Но Цаккель о ней даже не заговорила. Чем, видимо, вызвала общее уважение, потому что один из игроков крикнул:

– Да мы только ради пива пришли!

Грянул раскрепощающий смех. Смеялись все, даже Бубу выглядел не таким растерянным.

Просто слова. Просто буквы. Какой они могут причинить вред?

* * *

Беньи стоял посреди питомника Адри, у его ног играли в снегу собаки. Уж им-то точно на все наплевать. Вот бы и всем остальным тоже! Беньи не хотел, чтобы к нему приноравливались, не собирался переделывать мир – он просто хотел играть в хоккей. Чтобы раздевалка не замолкала с его появлением, потому что никто больше не решается шутить на определенную тему. Он хотел только, чтобы все было как обычно: клюшки и лед, шайба и двое ворот, воля и борьба. Вы против нас и всего того, что у

нас есть. Но теперь этому пришел конец. Беньи стал чужаком.

Когда-нибудь у него, быть может, найдутся слова, чтобы передать, каково это – быть не таким, как все. Как ощущаешь на физическом уровне свою отверженность, точно ввевшуюся в кости усталость. Другим людям, большинству, соответствующему их норме, этого не понять. Откуда?

Беньи слышал все доводы, он сидел на трибунах и в автобусе по дороге на турниры рядом со взрослыми, которые говорили – «гомосексуалы в хоккее не играют». Шутили дежурные шутки: «Голубые ели. И пили», но Беньи они не задевали. Его больно ранили конструкции, в которых «пидор» был моральной оценкой. «Играете, как пидоры!», «Судья – сучий пидор!», «Чего эта пидорская кофеварка не работает?». Пять букв для описания слабости, глупости или конструктивных недостатков. Чего-то неправильного.

Конечно, некоторые взрослые этого слова не произносили. Они говорили другие слова. Не особо задумываясь. Но в памяти Беньи годами хранились обрывки самых разных разговоров. «Да такие в хоккее сами не пойдут. А то непонятно, что делать. С раздевалками, например. Что, три раздевалки делать, просто на всякий случай?» Так говорили самые обычные родители, дружелюбные, щедрые люди, делавшие все для команд, где играют их дети. Они не голосовали за радикальные партии, они не желали никому смерти, не мечтали кого-нибудь избить. Они просто изрекали банальности вроде: «Таким в хоккее будет неуютно, у них же другие склонности, а хоккей – игра жесткая!» Иногда выражались напрямую: «В хоккее играют мужчины!» Они говорили «мужчины», но маленький Беньи, молча сидевший рядом, понимал: они имели в виду «настоящих мужчин».

Просто слова. Просто буквы. Всего лишь человек.

Сегодня Беньи не пошел тренироваться с командой, потому что знал: там он отныне чужак. Он не знал, кем ему быть теперь. И хочет ли он вообще быть.

* * *

К началу тренировки Суне уже сидел на трибуне. Петер опустился рядом с ним.

– Ты позвонил в полицию насчет угроз? – спросил Суне.

– Они не могут сказать, насколько это серьезно. Может, пацан какой развлекается.

– Не волнуйся.

– Я не знаю, что делать... – бессильно признался Петер.

Суне не стал его утешать – он никогда не лез с утешениями. Он требовал ответственности.

– Не знаешь, что делать или что ТЫ ДОЛЖЕН БЫЛ сделать?

Петер вздохнул:

– Ты же меня понял. Мерзейшая ситуация... Цаккель, команда...

Суне кивнул на ледовое поле.

– Они решили прийти. Пусть парни играют.

– А Беньямин? Ему как помочь?

Суне расправил сморщившуюся на животе футболку.

– Для начала можно перестать думать, что помощь нужна ему. Она нужна всем остальным.

– Только не говори, что у МЕНЯ предубеждения... – обиделся Петер.

– Петер, – фыркнул Суне. – Что держит тебя в хоккее до сих пор?

Петер глубоко вдохнул.

– Я не знаю, как из него уходят.

Суне кивнул:

– Я все еще здесь, потому что лед – единственное известное мне место, где все равны. На льду не имеет значения, кто ты. Лишь бы у тебя были способности к игре.

– На льду, может быть, и равны. Но в спорте – нет, – возразил Петер.

– Верно. И это наша вина. Твоя, моя, всех остальных.

– Ну и что нам делать? – Петер взмахнул руками.

Суне приподнял бровь:

– Надо, чтобы на слова любого мальчишки, любой девчонки о том, что они не такие, как все, мы бы впредь пожимали плечами. И говорили бы: «Ну и что? Какая разница?» Когда-нибудь настанет день, когда не будет ни хоккеистов-геев, ни тренеров-женщин. Будут просто хоккеисты и тренеры.

– Общество не так просто устроено, – заметил Петер.

– Общество? Общество – это мы!

Петер потер веки.

– Суне, умоляю тебя... мне часами названивали журналисты... я... черт, а может, они правы? Может, сделать ради Беньямина что-нибудь символическое? Перекрасить шлемы, например... это поможет?

Суне откинулся на спинку сиденья.

– Думаешь, Беньямина это порадует? Сам он предпочел ни о чем не

рассказывать. Какой-то прохвост раскрыл его тайну. Уверен, что сейчас туча журналистов рвется сделать из него символ, а туча болванов по другую сторону забора желает излить на него всю свою ненависть. И ни те ни другие ни бельмеса не смыслят в хоккее. Каждую игру с его участием они будут превращать в столкновение повесток, в политический цирк, и этого, наверное, ему стоит опасаться больше всего: что он станет обузой для команды. Отвлекающим фактором.

– А по-твоему, чего Бенъямин ждет от нас? – огрызнулся Петер.

– Ничего.

– Мы должны сделать хоть что-то...

– Тебе не все равно, какие у него сексуальные предпочтения? Они как-то изменят твоё отношение к нему?

– Разумеется, нет!

Суне похлопал Петера по плечу:

– Петер, я старый хрыч. Я не всегда знаю, что правильно, а что нет. Бенъямин за пределами дворца годами вытворял бог знает что: драки, травка, прочее подобное. Но он, черт такой, отличный хоккеист, и ты и все другие годами говорили: «К хоккею это все не имеет отношения». Так почему отношение к хоккею должно иметь ЭТО? Пусть мальчик живет своей собственной жизнью. Не заставляй его быть символом. Если из-за его половых предпочтений нам как-то неуютно – то, черт меня раздери, это не он со странностями, а мы.

Петер покраснел и сглотнул:

– Я... не в том смысле...

Суне поскреб в остатках волос.

– Таскать в себе тайну тяжело. Представляешь, каково ходить всю жизнь с этим знанием о себе? Хоккей для него – убежище. Может быть, лед – единственное место, где он чувствует себя, как все. Не отнимай у него этой возможности.

– И что мне делать?

– Дай ему заслужить место в команде исключительно хоккейными успехами, как и всем остальным. К нему теперь везде будут относиться по-другому. Так пусть он хоть у нас с этим не сталкивается.

Петер долго молчал.

– Ты всегда говорил, что нам надо стать «больше чем просто хоккейным клубом», – сказал он наконец. – Разве сейчас не тот самый случай?

Суне задумался. Потом виновато прошептал:

– Ну... я старик, Петер. Я, бывает, и сам не понимаю половины из

того, что несу.

* * *

Беньи – не отец. Он не стал поступать, как Алан Ович. Он не оставил ни подарков, ни знаков, ни намеков.

Мама и сестры звонили ему. Они прочитали в интернете то же, что и весь город, и встревожились. Поэтому Беньи уверил их, что все нормально. Это ему всегда хорошо удавалось. Беньи поехал в питомник Адри – ночью одна из собак заболела, Адри поздно вернулась от ветеринара и теперь еще спала.

Беньи хлопнул входной дверью достаточно громко, чтобы сестра очнулась от дремоты и тут же снова заснула. По-настоящему глубоко Адри спалось, только если она знала наверняка, что младший брат дома; иначе она спала вполглаза и беспокойно. Беньи вынес мусор, сложил постельное белье и аккуратно убрал в шкаф – сестра ему плешь проела насчет этого, – потом вышел, погладил собак. Они тоже спали. Потом Беньи беззвучно пошел вверх по лестнице, точно зная, какая доска скрипит, а какая нет, словно ребенок, прыгавший самые медленные «классики» в мире.

Беньи осторожно протянул руку под подушку Адри и взял ключ. На прощание поцеловал спящую сестру в лоб. Прокрался к оружейному сейфу.

Взял ружье и ушел в лес.

* * *

После тренировки Цаккель стояла на парковке, куря сигару. Петер вышел из дворца, остановился рядом с ней, спросил:

– Вы правда хотите взять в команду Видара?

Цаккель выпустила дым из носа.

– Да.

У Петера вырвался стон.

– Тогда проведите открытую тренировку. Скажите, что можно прийти всем, кто не связан с другими клубами. Если Видар покажет себя хорошо, пусть играет, но он должен заслужить место в команде на общих основаниях!

Петер уже открыл дверцу своей машины, но Цаккель успела спросить:

– За что вы так взъелись на этого Видара? Разве можно так злиться, если человек всего-навсего нагадил вам на стол?

Петер удержал рвотный позыв, возникший при одном только воспоминании о визитной карточке Видара, оставленной на его столе. Дерьмо попало между кнопками клавиатуры, и выполоскать его ни оттуда, ни из памяти не представлялось возможным. Но Петер покачал головой.

– На Видара нельзя полагаться. Команда должна полностью доверять вратарю, но Видар совершенно непредсказуем. Он эгоист. Нельзя строить команду вокруг эгоиста.

– Так почему вы передумали? – поинтересовалась Цаккель.

Петер не знал, что отвечать, поэтому ответил честно:

– Я хочу, чтобы мы были клубом, который делает людей лучше. Может быть, нам удастся сделать Видара лучше. А может, мы сами сумеем стать лучше.

Снежинки выдывали финты на ветру, и Петер до смерти испугался, что понял все слишком поздно. Что Беньи может не вернуться. О Беньямине Овиче много чего можно было сказать, но эгоистом он не был.

* * *

Кое-кто потом будет утверждать, что дело в одном-единственном человеке. Ложь. Мы будем говорить, «когда такое случается, виноватых нет», но виноватые есть. В глубине души мы будем знать правду. Виноваты многие. Виноваты мы все.

Не просыпается

Беньи забрел так далеко в лес, как не забредал ни разу. Наконец он остановился. Снег все еще падал, снежинки застенчиво касались кожи, но с сердитым шипением скатывались с разгоряченного тела и стекали по волоскам на руках. Мороз румянил щеки, пальцы заоченели на стволе ружья, облачка пара изо рта становились все меньше. И вот он перестал дышать.

Долго стояла тишина. Потом между деревьями раздался выстрел.

* * *

Мы, бьорнстадцы, хороним самых любимых под самыми красивыми деревьями. Тело нашел ребенок, но он не шагал через Бьорнстад спокойно, как шла Адри, много лет назад обнаружившая своего отца, Алана Овича. Ребенок бежал бегом.

* * *

Амат и Бубу сидели в раздевалке. Они запомнят, как болтали и ржали – в последний раз перед тем, как их настигла страшная весть. Тогда им показалось, что они никогда больше не смогут смеяться в голос.

– Что девчонки считают сексуальным? – задался вопросом Бубу.

Спрашивал он так, будто его мозг – это кофеварка, которую включили, а колбу подставить забыли: вопросы хлестали на раскаленную базу, забрызгивая все вокруг.

– Я-то откуда знаю? – ответил Амат с обреченной улыбкой.

Перед этим Бубу интересовался, правда ли, что контактные линзы делают из медуз. До этого он как-то спросил: «Клать ключи на стол – к несчастью, знаешь? Окей. А если ты возьмешь мои ключи и положишь их на стол, а меня там даже не будет, со мной ВСЕ РАВНО произойдет несчастье?!» Весной его волновало, «как узнать, красивый у тебя член или

нет?». А недавно в школе он спросил Амата: «Какой длины должны быть шорты?» – а следом, не дав приятелю опомниться: «А вот вакуум, как в космосе, если там плакать... что там будет со слезами?»

– Я слышал, девчонки в школе говорили про какого-то знаменитого чувака, что он сексуальный, потому что у него «выраженный подбородок и высокие скулы». А как узнать, выраженные у тебя скулы или нет?

– У тебя – точно выраженные, – сказал Аमत.

– Правда? – с надеждой спросил Бубу.

Лицо у него формой походило на разваренную картофелину, но Аमत все же великодушно кивнул.

– Ты очень привлекательный парень, Бубу.

– Спасибо! – сказал Бубу с явным облегчением, словно наконец вычеркнул очередной пункт из списка «О чем надо беспокоиться», а потом спросил: – Ты был когда-нибудь лучшим другом?

Аमत застонал:

– Ну, Бубу... я... конечно, у меня был и есть лучший друг.

Бубу затряс большой головой:

– Нет, я имею в виду – ты сам БЫЛ чьим-нибудь лучшим другом? У меня несколько лучших друзей, но я не знаю, был ли я кому-нибудь лучшим другом. Понимаешь?

Аमत почесал в ухе.

– Честно? Я вообще не понимаю, что за хрень ты несешь...

Бубу заржал. Аमत тоже. Так громко, так чудесно – они потом долго не смогут так смеяться.

* * *

«В лесу человек не один» – это знают все дети в наших краях. Зверь возник метрах в десяти перед Беньи, и парень резко остановился. Оба смотрели в глаза друг другу. Беньи охотился здесь всю жизнь, но такого огромного медведя видел впервые.

Беньи шел против ветра, поэтому зверь его не учуял. И оказался настолько близко, что почувствовал угрозу, а шансов убежать у Беньи уже не оставалось. Все здешние с детства усваивают: «Не беги, не кричи, если медведь двинется на тебя – свернись калачиком, притворись мертвым, прикрой голову рюкзаком! Не обороняйся, пока не убедишься, что другого выхода нет!»

Ружье задрожало у него в руках – не надо бы стрелять. Сердце и

легкие животного защищает гора мощной плоти, только очень искусные охотники могут выстрелить в медведя и прожить после этого достаточно долго, чтобы рассказать о своем подвиге. Беньи следовало иметь это в виду. Но под стук своего сердца он услышал собственный рев откуда-то из глубин естества; он выстрелил в воздух. Или в медведя – он не помнил. И медведь исчез. Он не удрал, не отступил в лес – он просто... пропал. Беньи стоял в снегу, лес пожирал эхо выстрела, пока наконец не остался только свист ветра, и Беньи не мог понять, спит он или бодрствует. Правда ли перед ним стоял медведь, был ли этот ужас на самом деле, или ему привиделось? Подойдя к месту, где стоял медведь, следов Беньи не увидел. Но до сих пор ощущал направленный на него взгляд, как когда просыпаешься рано утром и знаешь, еще не открывая глаз: тот, кто спал с тобой рядом, смотрит на тебя.

Беньи тяжело дышал. Когда решил умереть, но оставил все как есть, приходит чувство некой неуязвимости. Власти над самим собой. Беньи шел домой, не чувствуя себя хозяином собственного тела, не зная, кто отныне будет в нем жить.

Но он все-таки шел домой.

* * *

Амат и Бубу еще досмеивались. Но Бубу вдруг резко замолчал – Амат не сразу понял, что случилось. Бубу часто случалось слышать, что он тугодум, шутки на свой счет он знал наизусть: «Этот мальчик воду из сапога не выльет, если дыра будет в носке, а инструкция – в пятке» и «Бубу настолько тупой, что не сумеет высать на снегу собственное имя». Но это не означало, что его мозг не работает: мама всегда говорила, что он просто устроен иначе, не как у других.

Бубу ждал этого. Он только выглядел раздолбаем, но в душе готовился к этой минуте – с того самого дня, как мама увела его в лес и рассказала, что больна.

Пробежав весь Бьорнстад, девочка влетела в ледовый дворец, только размахивая руками в ответ на вопросы, куда это она. Некоторые ее узнали – младшая сестра Бубу, кое-кто даже успел все понять и охнуть: «Нет...»

Когда девочка остановилась в дверях раздевалки и, рыдая, проговорила: «Бубу, она не просыпается! Папа ушел забирать машину, а

мама не просыпается, как я ни кричала!!!» – Бубу уже был готов к горю. Его слезы покатались по волосам девочки, но плакал он больше о сестренке. Малышка героически пробежала через город, но сейчас силы ее оставили, ведь рядом был самый надежный человек на свете – старший брат.

Только в его верных объятиях девочка позволила себе рассыпаться на миллиард осколков. В минуты печали она всегда будет прибегать к Бубу, всю свою жизнь, а он будет стоять, обняв ее, и знать, что он должен оставаться сильным, потому что теперь вся ответственность – на нем.

Амат обнял их обоих, но Бубу этого не заметил. Он уже мысленно выискивал то самое красивое дерево, под которым уложит маму спать. Бубу стал взрослым.

* * *

Адри Ович очнулась от ужасного сна. Она в страхе сунула руку под подушку; пульс стучал в висках до тех пор, пока пальцы не обхватили ключ. Дышать было больно. Она спустилась на первый этаж; младший брат спал там на диване. Ружье стояло в сейфе, словно никто его оттуда не брал.

Адри поцеловала брата в лоб, села на пол и просидела так несколько часов, не в силах покинуть пост.

Нападение на лошадь при исполнении

Может быть, мы и через много лет не сможем толком сказать, о чем наша история. Мы назовем ее историей о насилии. О ненависти. О противоречиях, о несходствах, о двух городках, которые сами себя растерзали. Только это будет неправда. Не вся правда.

Наша история еще и про другое.

* * *

Видар Ринниус мог считаться подростком последний год. В заключении психолога – что Видар страдает «расстройством контроля над импульсами» – большинство людей заменило бы слово «расстройство» на «полное отсутствие». Он лез во все драки, иногда вместе со старшим братом Теему защищал мать, случалось братьям и защищать друг друга. Если защищать было некого, они дрались между собой. Насчет контроля психолог заметил верно – тормозов у Видара не было. Когда другие люди только-только задумывались: «а что, если...» – Видар уже действовал. Тренер детской команды как-то сказал, что именно поэтому из Видара вышел такой хороший вратарь. «Ты просто не понимаешь, что такое бояться шайбы!» Все говорили, что проблема Видара в том, что он «не думает», но все обстояло ровно наоборот. Проблема была в том, что Видар не мог перестать думать.

В двенадцать лет он понял, что одинок. Вместе с братом и братниными приятелями он поехал на выездной матч бьорнстадской основной команды. После матча Теему отправил Видара подождать его в «Макдоналдсе», почувствовав, что предстоит выяснение отношений. Видар ел за столиком, когда в дверь вломились фанаты команды-противника. Теему и Группировку уже повязала полиция, и Видар сидел совсем один в углу, в одежде неправильных цветов, так что вломившиеся знали, кто он. Во время игры они видели, как какой-то двенадцатилетний прыщ выкрикивает оскорбления в адрес их клуба и тычет им средний палец. «Ну что? Без братишки ты не такой крутой?» – выкрикнул один из фанатов, и вся кодла

двинулась на него.

Именно тогда Видар понял, что одинок. Все одиноки. Мы рождаемся в одиночестве, умираем в одиночестве и в одиночестве деремся. И Видар стал драться. Он думал, что умрет, он видел, как разбегаются взрослые посетители, он был ребенком – но никто даже не попытался его защитить. Персонал удрал на кухню; Видар не знал, со сколькими ему предстоит драться, но понимал, что шансов у него нет. И все же бил налево и направо. Потом словно из ниоткуда вынырнул Паук – Видару помнилось, что Паук вскочил в окно, но кто его знает. Паук защищал его так, словно они – одна семья; а потом они все и стали семьей. Тогда-то Видар и понял, что человек не обязательно одинок. Не всегда. Когда у тебя есть Группировка.

Когда Видару исполнилось шестнадцать, они попали на другой выездной матч. Паук к тому времени уже имел условный срок за мелкое хулиганство. Они с Видаром остановились в парке (остальная Группировка пошла дальше), потому что у Паука голова тоже никогда не молчала, и он, как и Видар, открыл, что мир замедляется, если принять правильную таблетку. Из-за угла выехала конная полиция и увидела обоих подозреваемых; Паук с перепугу убежал: в карманах у него оставались наркотики, у Видара тоже. Видар бегал быстрее Паука, но у Паука был условный приговор, а у Видара – расстройство контроля над импульсами. Он не смог удержаться от того, чтобы защитить дорогого ему человека.

Так что, когда Паук побежал в одну сторону, Видар бросился в противоположную: на полицейских. Пункты приговора были многочисленны и на удивление разнообразны – Видар их даже не помнил. Хранение наркотиков, это да. Еще вроде было активное сопротивление полиции и нападение на полицейского. Ну и когда он ударил полицейскую лошадь прямо в челюсть. Лошадей Видар вообще не любил. Нападение на лошадь при исполнении? Сколько за это дают?

Так Видар и попал в то самое учреждение, а в учреждении познакомился с Балу. Балу там работал, а прозвали его так за габариты и телосложение, как у медведя из «Книги джунглей». Когда они подружились, то совершенно естественно, что тощего черноволосого Видара в учреждении окрестили Маугли. Может, это ему и помогло – что он получил другое имя. Так он мог притворяться другим человеком.

Говорил Балу мало, но понимал, что у Видара столько энергии, что ее надо направить в мирное русло, пока не рвануло. Узнав, что Видар играл в хоккей, он взял напрокат хоккейное снаряжение и каждый раз, когда от ярости в голове у парня летели предохранители и Балу предчувствовал

взрыв, он спокойно ворчал: «Так, Маугли. Пойдем-ка в подвал». В подвале располагся склад, достаточно просторный, чтобы Баллу, стоя у стены, мог со всей силы подавать стоящему у другой стены Видару теннисные мячи. Где-то через месяц Баллу настелил там новый пол, такой скользкий, что стало можно запускать шайбу.

Они старались играть как можно чаще; иногда Баллу в нарушение правила играл с Видаром даже по ночам. Потому что надеялся, что это научит Видара не нарушать остальные правила. Границы между «медицинским наблюдением» и «наказанием» довольно размытые, но Баллу изо всех сил старался придать им четкость. Он редко заводил долгие разговоры, но именно он яростнее всех протестовал, когда пришло известие, что Видара выпускают. «Он еще не готов!» – упорствовал Баллу. Слушать его никто не стал. У Видара где-то объявился могущественный друг, который позаботился о том, чтобы материализовались все необходимые документы. Поэтому, когда Видар покидал учреждение, Баллу лишь грустно прошептал ему: «Оставайся на льду, Маугли. Сосредоточься на хоккее!»

* * *

Мая и Лео сидели за компьютером – Мае потом помнилось, что они играли несколько дней подряд. Сестра долго держалась, но под конец все же сказала:

– Не дерись больше ради меня. Я знаю, что ты меня любишь, но ради меня – не дерись. Если хочешь, дерись за что-нибудь другое. Но не за меня.
– Ладно, – пообещал брат.

Потом они говорили редко. Но порой Лео, когда что-нибудь не получалось, так злился, что бил себя по ноге и вопил: «ИДИОТ!» – и тогда Мая смеялась в голос, так что саднило в горле. Жизнь на миг становилась прежней. Простой.

Но вот Мая сделала удачный ход, Лео в восторге повернулся к сестре, чтобы «дать пять», та не успела подставить руку, и ладонь Лео пришлась ей в плечо.

Мая отскочила так, что опрокинула стул, словно ладонь брата ее обожгла. Задыхаясь, вытаращив глаза и костеря себя на чем свет стоит, она попыталась сделать вид, что ничего не случилось, но Лео все уже понял. Иногда младшие братья бывают понятливы. После изнасилования Мая не переносила прикосновений. И неважно, что Лео ее брат; страх не

подчиняется логике, тело реагирует независимо от мозга.

Лео закрыл ноутбук и решительно сказал:

– Бери куртку.

– Зачем? – смущенно спросила Мая.

– Я тебе кое-что покажу.

* * *

Когда Видар вышел из ворот учреждения, Теему, Плотник и Паук уже ждали его в машине. Теему пришлось треснуть Паука, чтобы тот прекратил душить Видара в объятиях. Но в квартиру, доставшуюся от муниципалитета, Видар даже не вошел.

– Я должен жить дома, – сказал он старшему брату. – Должен помогать тебе считать.

Теему поцеловал его в макушку.

О чем был первый вопрос Видара? О «Бьорнстад-Хоккее»! Какой стала команда? Кто у нас в этом году играет? Как думаешь, есть шансы вздрючить «Хед»? Видар был ревностным фанатом – после маминой кухни его интересовала только стоячая трибуна. Теему только похлопывал его по плечу, помалкивая о том, что Видару в этом сезоне трибуна ни к чему, что младшего ждут на льду! Теему не хотелось нервировать его раньше времени, а хотелось немного продлить свое чистое и бесхитрое братское счастье.

Но вот Видар спросил о Беньи Овиче. На последнем свидании ребята из Группировки рассказали Видару, что новый тренер назначил Овича капитаном команды, парни говорили об этом радостно, ведь они считали Беньи одним из них. Бьорнстадский пацан, который выстоял, который на удар отвечал тремя. Но теперь стоило Видару заговорить о Беньи, как Паук с Плотником умолкли. Взгляды стали жесткими, а слова – еще жестче:

– Мы о нем кое-что узнали...

Видар слушал. Парни не могли даже заставить себя произнести имя Беньи, говорили о нем как о покойнике. Может, для них он и правда умер. Перестал быть одним из них.

Возможно, Видар отличался от прочих членов Группировки – ему всегда было глубоко насрать, кто с кем спит. Но он понимал: мужчины в черных куртках говорят не о сексуальности, а о надежности и верности. Беньи притворялся тем, кем на самом деле не был. Он оказался

фальшивкой, ему нельзя доверять, Паук и Плотник считали, что он опозорил Группировку.

– Мы стояли за него грудью, а он все это время мечтал трахнуть нас в жопу! – заявил Паук.

Видар промолчал. Когда ему было лет двенадцать-тринадцать, вскоре после того, как Паук бился за него в «Макдоналдсе», Видар спросил: «Мы хулиганы, да?» Паук серьезно помотал головой и ответил: «Нет. Мы солдаты. Я стою за тебя, а ты стоишь за меня. Чего мы добьемся, если не сможем на тысячу процентов положиться друг на друга? Понимаешь?» Видар понимал. Члены Группировки держались вместе всю жизнь; дружбу такого рода без жертв не построить.

Теперь они ненавидели Беньи по разным причинам: одним было противно, другие считали его предателем, третьи беспокоились, какую речовку станут теперь скандировать про них фанаты «Хеда». На шеях у всех был наколот медведь – есть ли любовь больше этой? Так что Видар промолчал. Он просто радовался, что снова дома, что все как обычно. А когда Теему нагнулся к нему и прошептал: «Новый тренер проводит открытую тренировку основной команды и приглашает тебя. Если хорошо себя покажешь, будешь играть!» – радость запела у Видара в голове так громко, что он уже не мог думать ни о чем другом.

* * *

Это просто спорт.

Собаки в питомнике залаяли, еще издали услышав, что приближаются брат с сестрой, но полусонная Адри выбежала из дома и цыкнула на свою свору. Лео и Мая остановились, напуганные.

– А Жанетт здесь? Ну... учительница... у которой бойцовский клуб... это здесь? – спросил Лео.

– «Клуб» – громко сказано. Жанетт в сарае, – фыркнула Адри и, зевая, почесала в волосах, похожих на стальную мочалку.

Лео кивнул, но уходить не торопился; сунув руки в карманы, он с интересом разглядывал собак:

– А они какой породы?

Адри наморщила лоб; переводя взгляд с Лео на Мая, она пыталась сообразить, зачем они пришли. Кажется, поняла – у нее тоже имелись сестры. И спросила:

– Любишь собак?

Лео кивнул:

– Да. Но мама с папой не разрешают завести собаку.

– Если хочешь, помоги их покормить.

– ХОЧУ! – завопил Лео, счастливый, как щенок о двух хвостах.

Адри доброжелательно взглянула на Маю:

– Жанетт в сарае. Иди туда.

Так что Мая переступила порог сарая одна. Жанетт, лупившая мешок с песком, так и застыла, но попыталась скрыть удивление. Мая, похоже, тут же передумала. Жанетт утерла пот со лба:

– Хочешь попробовать себя в единоборствах?

Мая потеряла руки, словно пытаясь их помыть.

– Да я как бы не очень знаю, что это. Меня сюда брат притащил.

– Зачем?

– Он боится, что я кому-нибудь наврежу.

– Кому?

– Себе, – сдалась Мая.

С чего начать? Жанетт некоторое время смотрела на девушку, а потом сделала самое простое: уселась на мат. Целую вечность спустя Мая села напротив, в метре от нее. Жанетт было придвинулась к ней, но девушка вздрогнула, и Жанетт села на прежнее место. Мягко пояснила:

– Некоторые скажут тебе, что единоборства – это агрессия, насилие. Но для меня это про любовь. Про доверие. Потому что, если мы с тобой начнем тренироваться, придется доверять друг другу. Доверить друг другу свои тела.

Жанетт протянула руку и коснулась Маи; в первый раз после Кевина Маю тронул кто-то, кроме Аны, – и Мая не дернулась.

Жанетт показывала ей приемы, показывала, как захватывать и как высвобождаться, и Мае пришлось учиться не впадать в панику, когда тебя крепко держат. Как-то, не совладав с собой, она с размаху боднула Жанетт в голову.

– Все нормально, – прошептала Жанетт, не обращая внимания на кровь на губе и подбородке.

Мая покосилась на настенные часы. Она, оказывается, уже час борется с Жанетт, без единой мысли в голове, а пот льет таким градом, так что не поймешь, течет из глаз что-то или нет.

– Я только... я иногда так боюсь, что ничего никогда не будет

нормально... – задыхаясь, проговорила она.

– Не устала?

– Нет.

– Тогда продолжим!

Нет, в том сарае Мая не излечится. Не построит машину времени, не изменит прошлое, не обретет счастливого беспамятства. Но она станет приходить сюда каждый день и осваивать приемы борьбы. И однажды в магазине у кассы ее случайно заденет проходящий мимо мужчина. И она не отшатнется – величайшее событие, пусть кому-то оно и покажется мелочью, другим этого все равно не понять. Но в тот день Мая вернется из магазина с чувством, словно что-то наконец сдвинулось с места. А вечером снова отправится на тренировку. И на следующий вечер – тоже.

Это всего лишь спорт.

* * *

Ана сидела на дереве недалеко от собачьего питомника, наблюдая, как Мая и Лео возвращаются домой через лес. Она пришла за ними, не зная зачем – ей просто хотелось быть рядом с Маей, все равно как. Без Маи она замерзала.

Когда Мая проходила под деревом, их разделяло каких-нибудь три метра. Ана могла бы что-нибудь крикнуть, слезть вниз, умолять лучшую подругу о прощении. Но это была бы другая история. И Ана осталась на дереве и смотрела, как подруга уходит.

* * *

На другой день Видар ехал в школу на автобусе. Многие знали, кто он такой, и никто не отважился сесть с ним рядом. Пока на остановке у края Холма не зашла девушка на пару лет младше Видара. С лохматыми волосами и грустным взглядом. По имени Ана.

Первое, что заметил Видар, были тонкие щиколотки, удивительно подвижно сочлененные со стопой, – на таких ногах не по полу расхаживают, а мчатся через лес и прыгают с камня на камень. Первое, что заметила Ана, были черные волосы, такие тонкие, что их пряди, упавшие Видару на лицо, казались потеками дождя на оконном стекле.

Может быть, через много лет мы скажем, что это история о насилии.
Но это неправда, не вся правда.

Потому что она – еще и о любви.

Но только если ты будешь лучшим

В Бьорнстаде началась пресс-конференция. Для многих это было худшее из всех мыслимых событий – в тот момент, когда в городе назревают сотни конфликтов, но для некоторых явилось лучшим. Например, для Ричарда Тео.

Представители новых владельцев фабрики прилетели из Лондона, репортеры местной газеты запечатлели, как они, стоя перед своим приобретением, радостно жмут руку испанскому дачнику. Петер Андерсон покорно торчал рядом. Голос у него дрожал, Петер упорно смотрел в асфальт, но все же публично провозгласил свое «беспредельщикам в спорте не место!».

Испанский дачник был страшно доволен – аж рубашка лопалась. Пресс-конференцию он начал с упоминания о своем уважаемом, всегда готовом прийти на помощь коллеге Ричарде Тео: «Он заслужил благодарность за оказанную коммуне огромную помощь. Без связей и тяжелого многомесячного труда Ричарда фабрика была бы обречена!» Потом дачник сообщил, в менее скромных выражениях, о немалом собственном вкладе в судьбоносное решение. Налоговые поступления взлетят до небес, пояснил он а важнее всего то, что «мы сохраним рабочие места жителям Бьорнстада!».

Когда стоявшая рядом с ним женщина-политик вдруг открыла рот, испанский дачник оторопел от изумления. «Конечно, работу получают не только жители Бьорнстада, – заявила женщина. – В ходе консультаций с новыми владельцами фабрики мы достигли масштабных политических соглашений; приоритет будет отдан трудовым ресурсам из Хеда! Если коммуна поддерживает фабрику, фабрика должна работать на благо ВСЕХ жителей нашего муниципалитета!»

Журналисты записывали, вели фото- и видеосъемку. Испанский дачник уставился на женщину, она выдержала его взгляд. Крыть дачнику было нечем; что он мог бы сказать? Что он не собирается уступать Хеду рабочие места? Трясаясь от злости, он натянуто улыбался в камеры, но, когда его спросили о рабочих местах, ему пришлось ответить: «Ответственный политик, разумеется, должен думать... обо всем

муниципалитете». Говорил он это, опустив голову; женщина-политик, напротив, ощутила, что подросла на несколько сантиметров.

Однажды ранним утром, несколько месяцев спустя, на ее крыльцо ляжет конверт с описаниями махинаций с испанской недвижимостью, произведенных испанским дачником с привлечением грязных денег. Потом, конечно, выяснится, что политик невиновен, но Ричарду Тео не нужны были доказательства – ему нужно было посеять сомнение. Заголовки о «мошенничестве с недвижимостью» будут броскими, а упоминание о том, что невиновность политика все-таки доказана, займет несколько скромных строчек на последней полосе местной газеты. После этого карьере испанского дачника придет конец. Его соратники будут единодушны: «Партия не может позволить себе скандалов». Его заменит коллега-женщина, у которой, конечно, врагов в Бьорнстаде хватает, но друзей в Хеде все-таки окажется больше.

* * *

На тренировках Беньи не появлялся. Он не звонил и не отвечал, когда звонили ему. Но однажды поздно вечером, когда свет в ледовом дворце уже почти выключили, а раздевалка опустела, он в одиночестве вышел на лед, в джинсах, на коньках и с клюшкой в руке. Он пришел побросать шайбы, как делал уже миллион раз, – ему хотелось проверить, не изменились ли ощущения. Осталось ли все как было. Но так и застрял в круге вбрасывания, не в силах оторвать взгляда от изображенного в нем медведя. Кто-то лениво подъехал к нему и остановился рядом. Элизабет Цаккель.

– Ты с «Хедом»-то играть собираешься? – без всяких сантиментов спросила она.

Беньи сглотнул, не отводя глаз от медведя.

– Я не хочу быть... проблемой. Для команды. Не хочу, чтобы они чувствовали, что...

– Я не об этом спросила. Ты играть собираешься или нет?

Беньи зажмурился, потом медленно открыл глаза.

– Я не хочу быть обузой для клуба.

– Ты собираешься трахаться с другими хоккеистами в раздевалке?

– Да идите вы...

Цаккель пожала плечами:

– Ну люди ведь именно так и думают? Что у геев проблемы с

дисциплиной? Что все геи трахаются прямо в раздевалке?

– Это где вы такую пургу слышали? – Беньи наморщил лоб.

– Так ты собираешься с ними трахаться в раздевалке или нет?

– Да за каким!..

Цаккель снова пожала плечами:

– Раз так – ты не обуза. Хоккей – это хоккей. О тебе много чего могут говорить за пределами ледового дворца, но здесь все это не имеет значения. Если ты хороший хоккеист, то ты хороший хоккеист. Ты забиваешь шайбы – значит, ты забиваешь шайбы.

Но это Беньи, похоже, не слишком убедило.

– Меня ненавидят. И вас тоже. Вдруг им покажется чересчур, если и вы и я... ну, вы поняли. ОДНОГО они, может, еще и выдержали бы... но двое в одной команде... это для них чересчур.

– Ты о чем? – озадаченно спросила Цаккель.

Брови Беньи взлетели.

– Что вы... гей.

– Я не гей, – заметила Цаккель.

Беньи уставился на нее:

– Но все уверены, что вы...

– Мало ли кто в чем уверен! Люди вообще слишком зациклены на чувствах.

Беньи только рот раскрыл. А потом захохотал и уже не мог остановиться.

– Ну правда, Цаккель, представьте себе: у всех в этом городе прямо гора с плеч свалится, как только вы скажете, что вы не...

– Такая, как ты?

– Да...

Цаккель фыркнула:

– По-моему, ты не обязан отчитываться перед всем городом, с кем ты спишь. И, полагаю, я тоже не обязана.

Беньи ковырял лед коньком, раздумывая, и наконец произнес:

– Вам никогда не хотелось быть мужчиной?

– С чего бы? – удивилась Цаккель.

Беньи смотрел на медведя, подбирая слова.

– Чтобы не быть женщиной-тренером.

Цаккель медленно покачала головой. В кои-то веки она не выглядела невозмутимой.

– Мой отец иногда жалел, что я не мальчик.

– Почему?

– Потому что понимал: чтобы меня просто признали, мне придется быть вдвое лучше мужчин. То же относится и к тебе. Тебя будут мерить другой меркой. Те, кто меня ненавидит, возможно, дадут мне и дальше тренировать команду, но только если мы победим. Они могут позволить тебе играть, но только если ты будешь лучшим. Отныне тебе мало быть просто хорошим игроком.

– Гадская несправедливость, – прошептал Бенни.

– Несправедливость для мира гораздо более естественное состояние, чем справедливость, – заметила Цаккель.

– Это вам папа говорил?

– Мама.

Бенни дернул кадыком.

– Не знаю, смогу ли я быть капитаном.

– Окей, – ответила Цаккель.

А потом развернулась и уехала прочь без единого слова. Будто они и не требовались.

А Бенни так и стоял в круге вбрасывания. Наконец он принес от бортика столбик шайб и стал запускать их по льду, одну за другой, – может быть, в последний раз. Этому спорту мало быть лишь частью тебя, он требует все новых жертв; когда прожил в нем всю жизнь, то узнаешь о нем слишком многое. Как болят ноги, когда в первый раз после лета встаешь на коньки. Как невыносимо воняют перчатки в конце сезона. С каким звуком врезаешься в угол площадки, а с каким шайба ударяется в плексиглас. Что в каждом ледовом дворце свое, уникальное эхо. Как звенит каждый удар, когда трибуны пусты. Что происходит с телом, когда ты просто играешь. Как стучит сердце.

Банк-банк-банк-банк-банк.

* * *

В то утро, когда Ана села рядом с Видаром, они оба молчали. Ана отяжелела от вины и тоски, ей не хотелось разговаривать. Все эти годы она ездила в школу с Маей, и одиночество стало для нее ударом. Ана помногу спала – надеялась, что однажды проснется и поймет: эта ужасная ошибка ей только приснилась. Ничего такого на самом деле не было.

На следующее утро Ана снова села рядом с Видаром, а когда автобус

подъезжал к школе, Ана взглянула на него; Видар притворился, что увлекся чем-то в своем телефоне, но Ана видела, что он косится на нее. Он притворяться не умел.

– Во что играешь? – спросила Ана.

– Чего? – пробормотал Видар, словно только теперь ее заметил.

Но Ану не проведешь.

– Ты все слышал.

Видар засмеялся – он всегда смеялся, когда нервничал. Вскоре он узнает, что Ана, когда нервничает, отпускает саркастические шуточки. Проживи они вместе всю жизнь, они стали бы той самой парой, какую меньше всего хочется повстречать на похоронах: одна безостановочно шутит, другой безостановочно хихикает.

– В «Майнкрафт». Я играю в «Майнкрафт», – сказал Видар.

– Тебе что, семь лет?

– Она помогает мне не... – засмеялся Видар. – У меня сложности с контролем над импульсами. Психолог говорит, «Майнкрафт» помогает. Я лучше концентрируюсь, когда... просто играю.

Автобус остановился, из него повалили ученики. Ана все смотрела Видару в глаза:

– Ты младший брат Теему Ринниуса, да? Это же ты сидел в тюрьме?

Видар пожал плечами:

– Ну, это больше как досуговый центр.

– А что значит – ты не можешь сконцентрироваться? У тебя какой-то синдром или что?

– Не знаю.

Ана улыбнулась:

– А, так ты просто с приветом?

Видар захохотал:

– Некоторые говорят – я психопат! Зря ты со мной беседу завела!

Ана не торопясь рассмотрела его с головы до ног. Черные волосы падали ему на глаза.

– Для психопата ты слишком симпатичный, – объявила она.

Видар нахмурился:

– Берегись! Вдруг у меня нож!

Ана фыркнула:

– Будь у тебя нож, я бы тебя не испугалась, даже если бы была хлебом.

И Видар влюбился по уши, потому что не умел контролировать свои импульсы.

Психопаты разве гулять не ходят?

Открытую тренировку Элизабет Цаккель проводила рано утром. Народу явилось немного: несколько юниоров, которым негде было играть, потому что «Бьорнстад» в этом году не создал для них команду, и несколько взрослых, которых выставили из других клубов и они остались без контракта. Не важно, что никто из них и близко не годился для труппы Цаккель, это были всего лишь статисты, позволяющие клубу говорить об открытой тренировке. На самом деле Цаккель интересовал только Видар, но для начала его пришлось поискать – на лед он не вышел. Она нашла его в чулане вахтера.

– Тебе чем-то помочь? – осведомилась она.

– У вас есть пила? – спросил Видар.

– Для чего?

Видар потряс вратарской клюшкой:

– Слишком длинная!

Ночами в подвале учреждения Видар отбивал от стенки к стенке мячики и шайбы с подачи Балу, но, разумеется, не на коньках. Поэтому он подпилил ее под свой рост. Случайно он отхватил слишком много, черенок получился слишком короткий, но Видар обнаружил, что такой клюшкой можно пасовать жестче и точнее. Единственное, чего у заключенного в изоляции, – это время, – и Видар начал экспериментировать с длиной и обмоткой, например, обматывая рукоять, не сделал набалдашника, как большинство других вратарей. Хват стал лучше.

Цаккель принесла ему пилу, не особо понимая, что он затеял. Видар остался доволен клюшкой и вышел на лед. Принял шайбу и без всякого напряжения отбил так, что она пролетела от борта до борта.

– Можешь повторить? – спросила Цаккель.

Видар кивнул. Цаккель поставила его у ворот, а сама встала в другие.

– Пасуй! – велела она.

Видар пасанул. Через все поле, прямо в крюк клюшки. Для человека, которого хоккей не волнует, в этом, может, и нет ничего такого, но Цаккель знала, что большинству вратарей бьорнстадского дивизиона не забросить шайбу в воду, не вывалившись из лодки. «Этот парень будет вратарить, пока шайба не у нас, а когда мы ее получим, станет дополнительным

полевым», – подумала она. Так можно и выиграть.

– Становись в ворота, – снова велела она.

Видар послушался. Цаккель пробивала шайбу за шайбой, она была отличным нападающим, – и все же Видар принял все шайбы. Цаккель допустила к шайбе и других участников открытой тренировки, но ни один из них не сумел поразить ворота. Цаккель велела бить по воротам двоим одновременно, потом троим, под разными углами. Видар не пропускал практически ни одной шайбы. Потрясающие рефлексy.

Цаккель огляделась. На самом верхнем ряду, в углу, сидел Петер Андерсон. Далеко от него стоял на своей трибуне Теему Ринниус. Рядом торчали Паук с Плотником. Теему пытался скрыть распиравшую его гордость, у него плохо получалось. Паук и Плотник даже не пытались ничего скрывать.

Цаккель повернулась к Видару и прокричала:

– Перерыв, можно попить!

Игроки перестали бросать по воротам. Видар снял шлем, потные черные волосы прилипли к лицу. Он повернулся к Цаккель спиной и взял бутылку. Цаккель прицелилась и с силой послала шайбу ему прямо в спину. Видар подскочил, обернулся, и тут Цаккель взмахнула клюшкой еще раз; шайба просвистела в метре от его незащищенной головы.

Теему на трибуне заорал «НЕТ!» – но Видар уже летел к Цаккель. Никто на льду еще не успел понять, что сейчас произойдет, и, не зная Теему своего брата как облупленного, Цаккель вполне могла бы покинуть ледовый дворец ногами вперед. Видар обрушился на нее с кулаками; Теему на заднице съехал с трибуны, ногой распахнул дверь на скамейку запасных, перепрыгнул бортик и оказался на льду. То и дело оскальзываясь в своих тяжелых ботинках, он все же сумел схватить брата за свитер, рывком повалить и прижать ко льду. Потом подоспели Паук с Плотником, и понадобились все трое, чтобы не дать Видару вскочить и прикончить Цаккель.

– РЕХНУЛАСЬ, ЧТО ЛИ????!!! – заорал ей Теему, но она не испугалась – она улыбалась до ушей.

– Ты можешь обещать, что он будет приходить на тренировки вовремя и играть в каждом матче?

Видар все еще бешено извивался в железных объятиях друзей. Теему злобно глянул на Цаккель:

– Ты его убить могла! Он... ТЫ могла убить! Он мог убить ТЕБЯ!

Цаккель с воодушевлением кивнула:

– Да! Видару абсолютно наплевать, что я женщина, он собирался

избить меня до смерти! Для него я просто тренер хоккейной команды! Обещаешь, что он будет приходить на тренировки вовремя?

Теему, прищурившись, смотрел на нее. Совершенно чокнутая баба, точно.

– То есть он будет играть в этой команде?

Цаккель фыркнула:

– Будет играть в команде? Да я всю команду построю вокруг Видара! Я из него профи сделаю!

Теему тяжело сглотнул и угрюмо ответил:

– Ладно. Я обещаю, что он будет приходить на тренировки вовремя.

Цаккель кивнула и тут же укатилась. На сегодня она закончила. Другие игроки, присутствовавшие на открытой тренировке, получают короткое сообщение: их уровня для ее команды недостаточно. Цаккель будет с ними честна, справедлива и безжалостна. Как сам спорт.

Видар наконец пришел в себя. Он лежал на льду, измученный и взмокший. Теему присел рядом с ним. Видар скептически повернулся к брату и пробормотал:

– Ты чего, плачешь, что ли?

– Ничего я не плачу, – прошипел Теему и отвернулся.

– А как будто...

– ПОШЕЛ ТЫ!.. – выкрикнул Теему и так врезал младшенькому по руке, что тот жалобно заскулил и свернулся клубком. Теему поднялся и зашагал к выходу.

* * *

Цаккель влетела в кабинет Петера с восторженным воплем:

– Видели тренировку?

– Видал.

– Допустите его к игре?

– А вы сможете его контролировать?

– Нет! В этом-то вся штука! – победно взревела Цаккель.

Похоже, она была счастлива. От этого у Петера разболелась голова.

* * *

На парковке стоял старый «сааб». Выйдя из ледового дворца, Теему закурил, залез на пассажирское сиденье и закрыл дверцу. Убедившись, что никто его не видит, он ткнулся лбом в приборную доску и закрыл глаза.

Нет, он не плачет.

Идите вы все.

* * *

На следующее утро Ана снова сидела в автобусе рядом с Видаром. Видар играл в «Майнкрафт», чтобы сконцентрироваться, не нервничать, набраться храбрости и спросить:

– Я теперь играю в основной команде. Не хочешь как-нибудь глянуть?

– Не знала, что ты хоккеист, – недоверчиво хмыкнула Ана. – Я думала, ты хулиган, как все остальные в Группировке.

«Группировка» она произнесла без страха. В отличие от прочих бьорнстадцев. Видар задал встречный вопрос – смущенно, почти обиженно:

– Что, не любишь хулиганов?

Ана фыркнула:

– Не люблю хоккеистов.

Видар засмеялся. Черт, как же эта девчонка умеет насмешить. Но прежде чем автобус остановился у школы, Видар посерьезнел:

– Группировка – не хулиганы.

– А кто?

– Братья. Они все – мои братья. Они стоят за меня, а я – за них!

Ана его не осуждала. Кому же не хочется иметь братьев?

* * *

Маю в школу стала возить мама. Мира не спрашивала, куда делась Ана; она радовалась, что Мая не стыдится, что мать подвозит ее до школы. Еще каких-нибудь полгода назад дочь требовала, чтобы ее высадили метров за двести-триста – остаток пути она хотела пройти сама. Но теперь Мире можно довозить ее до самой остановки автобуса; дочь наклонялась,

целовала мать в щеку и говорила:

– Спасибо! До вечера!

Эти непонятные слова способны сбить взрослую женщину с ног, но они – целый мир, если ты чья-то мама. Мира уезжала, чувствуя себя на седьмом небе.

А Мая в одиночестве входила в школу. В одиночестве забирала учебники, в одиночестве высиживала уроки, в одиночестве завтракала. Это ее выбор. Она больше не может доверять лучшей подруге, но кому тогда доверять?

Ана вошла в школу, не намного позже Маи. Это такой особый холод – когда тебе приходится каждый день видеть лучшую подругу и знать, что она больше не лучшая и не подруга. Когда-то в детстве они прощались, исполняя тайное рукопожатие: кулак вверх – кулак вниз – ладонь – ладонь – бабочка – палец крючком – пистолеты – джаз – мини-ракета – взрыв – попа к попе, и суперклево. Все названия придумала Ана. А в конце, когда попа к попе, Ана вскидывала руки и кричала: «Ана – суперклевая!»

А теперь Мая заходит в школу, даже не замечая, что Ана идет за ней. Ана сама себя ненавидела, может, даже больше за свою вину перед Маей, чем за вину перед Беньи, так что это было ее последнее проявление любви. Сделать себя невидимой.

Мая скрылась в коридоре. Ана все стояла на месте, раздавленная. Видар протянул ей руку:

– Все нормально?

Ана взглянула на него. В нем было что-то, отчего она делалась честной, и Ана ответила:

– Нет.

Видар нервно пригладил волосы и буркнул:

– Хочешь сбежать?

– Куда? – Ана печально улыбнулась.

– Не знаю.

Ана оглядела школьный коридор. Она его ненавидела. Ненавидела саму себя. И сказала:

– Хочешь прогуляться?

– Прогуляться? – повторил Видар, словно услышал слово на иностранном языке.

– Психопаты разве гулять не ходят? – спросила Ана.

Он рассмеялся. Они удрали из школы и несколько часов бродили по лесу. Там Ана и влюбилась в него. За все его грубые, дерганые, нервные

движения. А Видар влюбился в Ану, потому что Ана была неуязвимая и хрупкая одновременно, словно сделана из яичной скорлупы и железа. Видар потянулся поцеловать ее, потому что не умел останавливаться, а она поцеловала его в ответ.

Проживи они вместе целую жизнь, они стали бы ни на что не похожей парой.

* * *

Заголовок статьи, освещавшей пресс-конференцию, гласил: «Половина новых рабочих мест достанется жителям Хеда!»

В той же статье содержались высказывания разных политиков. Большинство были шокированы тем фактом, что журналист потребовал ответов; они пытались сказать что-нибудь нейтральное, чтобы не спровоцировать ни ту ни другую сторону. Ричард Тео, конечно, выгодно выделялся на их фоне своей прямоотой – разумеется, тщательно отрепетированной: «Что я думаю по поводу квот на фабрике? Мне неприятны любые квоты. Я считаю, что бьорнстадские рабочие места должны достаться жителям Бьорнстада». Формулировка не блестящая, зато она быстро обрела популярность.

Уже через несколько часов слова «Бьорнстадские рабочие места – жителям Бьорнстада!» повторяли, как девиз, не только в интернете, но и в баре, и на кухнях. На следующее утро эти же слова оказались начертаны на бумажке, прицепленной к капоту машины испанололюбивого политика.

А чтобы бумажку не унесло ветром, отправитель прикрепил ее топором. Бумажки ведь легко уносит ветром, особенно когда ветер меняется.

Сразу после пресс-конференции Петер начал звонить плотникам. Все отвечали, что готовы взяться за дело – до тех пор, пока он не объяснял суть заказа. Демонтаж стоячей трибуны. Услышав, в чем дело, мастера начинали ссылаться на «загруженность» или на «отсутствие нужной квалификации». Некоторые просто клали трубку. Некоторые говорили напрямую: «Петер, у нас семьи!» В одной фирме ему ответил плотник, которого так и звали – Плотник. Когда Петер изложил свое дело, Плотник захохотал. Издевательски.

В тот же день, позже, Мира обнаружила возле дома коробку для

переезда. Большинство из тех, кто открыл бы эту коробку, решил бы, что в ней ничего нет, но Мира осторожно перевернула ее вверх дном и услышала, как из коробки выкатывается металлический цилиндрик. Цилиндрик поблескивал в солнечном свете, вливавшемся в окно детской спальни.

В коробке была ружейная пуля.

На что мы способны

Мало кто из нас знает, на какие чудовищные вещи мы способны. Как это поймешь, пока тебя не довели? Как догадаться, что за зверь в тебе живет, пока твоей семье не угрожают?

Мира пряталась в тени. Она шла за Теему от самого магазина. Теему нес в каждой руке по пакету, один из которых был почти полностью набит сигаретами. Он вошел в «Шкуру». А когда вышел, улица была пуста. Мира сама не понимала, какой бес ею овладел в тот миг.

– Теему Ринниус! – Такого угрожающего тона Мира за собой не знала.

Теему обернулся:

– Да?

Мира подошла к нему так близко, что Теему ощутил ее дыхание. В руках она держала сложенную коробку для переезда. На верхнем этаже «Шкуры» приоткрылось окно, и на улицу выглянула какая-то старуха, но Мира от волнения ничего не заметила.

– Знаешь, кто я? – спросила она.

Теему кивнул. Они стояли почти нос к носу.

– Жена Петера Андерсона.

Мира чуть откинула голову назад, но голос стал громче:

– Я мать Лео Андерсона и Маи Андерсон! А еще я юрист! Да, я боюсь тебя, как почти все в этом городе, но запомни: если ты не оставишь мою семью в покое, я не дам покоя ТВОЕЙ семье!

И она швырнула коробку на землю. Теему поднял бровь:

– Ты мне угрожаешь?

Мира кивнула:

– Именно, Теему Ринниус! Можешь передать своим трусливым подонкам из Группировки: если они еще раз оставят пулю у меня на гаражной дорожке, я всажу ее тебе в голову!

Теему ничего не ответил, и глаза его ничего не выражали. Наверное, Мире стоило бы остановиться, но она уже проскочила точку невозврата. Женщина достала что-то из сумочки. Пустые аптечные пузырьки. И глумливо сунула Теему под нос.

– Пока вы ездили ко мне домой, я съездила к тебе. И нашла в вашем мусорном баке вот это. Препарат из категории наркотических. У мамы есть

рецепт на такие лекарства? Если нет, то она нарушает закон. А еще в большей степени закон нарушает ее дилер. А ее дилер – ты, Теему. Сам подумай, что будет, если я за тебя возьмусь?

Теему медленно моргнул, почти замороженный. Но когда он шагнул к Мире, она попятилась. Потому что от него пятились все. Его слова прозвучали как приказ:

– Уходи. Сейчас же.

Мира невольно опустила голову. Она потом не раз прокляла себя за этот поступок, но мы не знаем, на что способны, пока нас не доведут. Мира пошла к машине. Она изо всех сил старалась не бежать, но ей это не вполне удалось.

* * *

Адри кормила собак. Машин со спиртным в багажнике сегодня не было. И охотники не являлись пить кофе. Адри сама не знала почему: то ли не хотят, то ли не решаются. В этих краях никогда не разберешь, хотел человек что-то сказать, но решил промолчать или молчит потому, что не знает, что сказать.

Адри позвонила своей подруге, Жанетт, – та еще сидела в школе, проверяла упражнения и сочинения. В детстве бывало наоборот: Жанетт всегда звонила Адри с вопросом: «Давай поиграем?» Но теперь спросила Адри:

– Может, приедешь на тренировку?

Жанетт приехала сразу. Они поднимали штангу и лупили мешки с песком до тех пор, пока руки не перестали подниматься. Жанетт не обещала Адри, что все будет хорошо: у Жанетт не было младшего брата, и она не знала, уместен ли тут оптимизм. Но она оставалась в «спортзале» с Адри столько, сколько подруге хотелось. Ни машин, ни охотников на пустой дороге все еще не было, и Жанетт подумала, что это, наверное, тоже неплохо. Потому что по глазам Адри она видела: кто явится сюда и скажет что-нибудь не то о ее брате, того отсюда унесут.

* * *

Теему стоял возле «Шкуры», окно на втором этаже все еще было

открыто. До Теему донесся неторопливый голос Рамоны:

– Говорят, Лео Андерсону вы повесили в школьный шкафчик черную куртку. А отцу Лео вы подкинули пулю. Где логика?

Голос Теему прозвучал уверенно, потому что у них с братом общая была только мать:

– А что, если мы знаем, что люди не всегда оказываются такими же сволочами, как их отцы?

Отговорка. Рамона затушила сигарету о подоконник.

– Если пулю и правда подбросил ты, то я даже не знаю, что о тебе думать...

Теему перебил ее; так – виновато, пристыженно – он не говорил больше ни с кем:

– Это не я. Но я не могу уследить за всеми...

Рамона перебила его; так – с такой любовью в голосе – она не говорила больше ни с кем:

– Не пудри мне мозги! За всеми ты, может, и не уследишь, но ты отлично знаешь: НИКТО из твоих ребят не пойдет против твоего слова!

– Я... – начал было Теему, но Рамона не дала ему продолжить.

– Мы с тобой не судим друг друга, Теему. И никогда не судили. Но за поступки спрашивают только с детей, а с нас, взрослых, – еще и за последствия того, что мы сделали или не сделали. Ты вожак. Люди тебя слушают. И если ты не отвечаешь за собственный хвост, то ты всего лишь чудовище.

* * *

Мира не сказала про пулю ни Петеру, ни детям, вообще никому. Но когда она вернулась домой, соседи, ветхая старушка и еще более ветхий старичок, оба в зеленых футболках, сидели, устроившись на облезлых складных стульях, у гаражной дорожки. Дверь в их дом была открыта, в прихожей горел свет, и Мира увидела прислоненное к стене ружье. Дед был старый и медлительный, ружье – вряд ли заряжено, но это неважно. Старушка кивнула Мире:

– Иди поспи, Мира. А мы пока тут посидим, поглядим на машины.

– Говорят, по городу в последнее время ездят фургоны, которые развозят не заказанные вещи по неправильным адресам. Но в наш квартал эти фургоны больше не приедут.

Короткие слова. Маленький жест. Этого довольно, чтобы дать понять:

мы тоже здесь живем. С нами не забалуешь.

* * *

Теему в задумчивости стоял перед темным ледовым дворцом. Окно светилось только в кабинете Петера. На что человек способен ради своего клуба? Ради своего города? И кому этот город достанется? Кому позволят в нем жить? Наконец Теему позвонил Пауку:

– Кто оставил коробку у дома Петера?

Паук удивленно прокашлялся:

– Ты вроде никогда не интересовался, кто что делает. Ты... как там ты говоришь? «Я дам вам знать, когда вы зайдете слишком далеко».

Паук был прав. Так Группировка защищала Теему. Чего он не знает, того невозможно вменить ему в вину, если дело дойдет до судебного разбирательства.

Но теперь Теему сказал:

– Вы зашли слишком далеко. Больше так не делайте.

Щетина Паука проскребла по трубке.

– Это не... мы. Это какие-то щенки со стоячей трибуны. Теему, ты же все понимаешь! Сначала папаша этих сопляков рассуждают, что все рабочие места уйдут Хеду, потом мы базарим, что Петер снесет стоячие трибуны, – они же все слышат. Они просто хотели произвести на тебя впечатление! Решили, что ты оценишь!

Теему прикрыл ладонью глаза. Глубоко вздохнул.

– Не перестарайтесь только с ними. Просто сделайте так, чтобы это не повторялось.

Паук снова прокашлялся:

– Не повторялось – это насчет коробки или... насчет этой семьи...

– Мы не нападаем на членов клуба, – резко перебил Теему. – Мы останемся стоять, когда эти сволочи сгинут. Как стоим теперь. Но людей из клуба мы не трогаем.

– А с трибуной-то что будет?

– Я разговаривал с... одним политиком, – признался наконец Теему. – Он наш друг. Он вернет нам трибуну. Мы будем стоять на ней и после того, как Петер Андерсон уберется из города.

* * *

Беньи сидел в питомнике на крыше пристройки. Уже стемнело. Беньи отбросил окурок и наконец принял решение. И пошел через Бьорнстад один. Он не прятался в тени, он спокойно шел в свете уличных фонарей. В школе Беньи не появлялся – его вообще мало кто видел после того, как всем стало известно, что он... ну, сами понимаете. Но сейчас он шел не скрываясь.

Глупость, наверное. Но рано или поздно ему все равно придется выйти против всех. Город маленький, прятаться особо негде, а уйти – куда он пойдет? Что делать, если твое единственное желание – чтобы все было как обычно? Ходить на работу. Надеяться на лучшее.

Когда Беньи вошел в «Шкуру», в баре замолчали. Какой-нибудь приезжий этого бы не заметил – все тот же гул голосов, все те же ссоры, все так же звякает посуда. Но Беньи каждой клеточкой тела ощутил, как из помещения уходит кислород. Он замер. Идти сюда было безумием, но Беньи с детства был не из тех, кто натягивает одеяло на голову, боясь привидений и чудовищ. Беньи распахивал двери и переворачивал матрасы, чтобы чудовища показались и сожрали его, раз уж собрались.

Лучше так, чем сидеть и ждать.

Компания мужчин, сидевших в дальнем углу бара, поднялась с мест. Сначала встал один, потом все остальные. Черные куртки. Никто не допил пиво, все демонстративно оставили по полбокала. Прочие расступились, когда черные куртки потянулись к двери, но никто не коснулся Беньи. Никто даже не взглянул на него. Черные куртки просто прошли мимо него на улицу. В две минуты с десятков других посетителей – старых и молодых, кое-кто в черных куртках, а иные без, кое-кто в охотничьих жилетах, а иные в белых рубашках, – последовали за ними.

* * *

Чувства – это сложно. Действовать куда проще.

Видар был среди тех, кто сидел за дальним столом. В детстве он как-то спросил Паука, почему они так ненавидят голубых. Паук со священным гневом в голосе ответил: «Потому что они – мерзость. Мужчины – это мужчины, женщины – это женщины, а эти – какой-то средний недопол! Даже исследование такое проводили! У них, у этих, кое-чего не хватает в

мозгу, вещества такого, и знаешь, у кого еще его не хватает? У педофилов, у тех, кто спит с животными, и прочей мрази. Они больные, Видар, они не как мы!»

Видар тогда этому не поверил. Не верил и теперь. Но когда Паук, Теему и прочие встали и вышли, Видар тоже вышел. Потому что с детства выучил: солдаты держатся вместе. Он не питал ненависти к Беньи – он просто любил своих братьев. Дело одновременно сложное и совсем простое.

* * *

Сильно после закрытия Рамона и Беньи все еще сидели в баре. Вдвоем.

– ...Сколько ж дерьма у людей в головах... да и не факт, что дело в тебе... – начала Рамона, хотя догадывалась: мальчик понимает, что она лжет.

– Они не допили пиво. Не хотят пить с такими, как я, – прошептал Беньи.

Слова – сухие веточки, чуть надави – и сломаются. Рамона вздохнула:

– Слишком много всего и сразу, Беньи. Женщина-тренер, политики эти проклятые, лезут в управление клубом... люди переживают. Все меняется. Они не ТЕБЯ ненавидят... они просто... людям нужно чуток времени, чтобы все это переварить.

– Они меня ненавидят, – поправил ее Беньи.

Рамона почесала стаканчиком под подбородком.

– Теему и мальчики считали тебя своим. Поэтому все стало так плохо. Может, кто-то из них думал... не знаю... думал, это что-то из телевизора. Что такие мужики... живут в больших городах и... ну... одеваются по-особому. Ребята здесь всю жизнь живут и свято верят, что подобное видно сразу. А ты... ты такой же, как они. Они пили с тобой, вы были одной компанией, они выкрикивали твое имя с трибуны. Ты служил им символом, надеждой, что один из них сможет повести за собой команду, город... даже если против них ополчатся все остальные засранцы. Ты был их поднятым средним пальцем. Таким бандитом, который показал, что не обязательно подлаживаться под других, чтобы выиграть, что мы тут в лесах сумеем разобраться со всеми, кто пытается нас захватить.

– Я не хочу... я никого не просил влезать... я просто хочу, чтобы все было как обычно.

Рамона так крепко обхватила голову Беньи ладонями, что ему показалось – уши сейчас отвалятся.

– Тебе не за что просить прощения, мальчик! – рявкнула она. – Ты слышал? НЕ ЗА ЧТО! Я не защищаю тех, кто сегодня вечером ушел из «Шкуры». Я лишь говорю, что... мир вертится быстро. Не суди нас слишком строго, если мы... ну... в общем, не суди нас строго. Все меняется с такой дикой скоростью, мы иногда просто не успеваем. Мы то и дело слышим разговоры о «квотах» и думаем: «А мы как же?» До нас-то эти квоты когда дойдут? Я никого не защищаю, я только говорю, что тут некоторым кажется, что их атакуют со всех сторон. Что им говорят: «Вы живете неправильно». А кому хочется, чтобы его принуждали меняться?

– Кого я к чему принуждаю? Я просто... фак, я просто хочу, чтобы все было как всегда!

Рамона разжала руки. Вздохнула. Налила еще виски.

– Знаю, мальчик. Так уж все устроено. Нам просто нужно новое «как всегда». Люди бывают двух типов, одним для понимания нужно время, другим – мозги. Этих других почти не осталось, но нам, пожалуй, лучше погодить и поглядеть, много ли осталось первых, прежде чем начинать вколачивать новое им в головы.

– Ты во мне тоже разочаровалась? – Беньи старался не смотреть ей в глаза.

Рамона захохотала, закашлялась дымом.

– Я? Из-за того, что ты спишь с мужиками? Мальчишка ты мой милый, ты всегда мне нравился. Надеюсь, у тебя будет счастливая жизнь. А в том, что ты спишь с мужиками, плохо только одно, уж я-то знаю: с мужиком счастлив не будешь. От них одна головная боль!

Вот и настал день матча. «Бьорнстад-Хоккей» против «Хед-Хоккея». Остальная Швеция знать не знала об этой игре, никому до нее не было дела, кроме нас. Зато у нас дело до нее было каждому.

Некоторые не в состоянии понять вещей, с которыми сами не сталкивались. Подавляющее большинство населения земного шара всю свою жизнь проживет в уверенности, что хоккейный матч – это всего лишь хоккейный матч. Какая-то дурацкая игра, которая ничего не значит.

Счастливы. Им никогда не испытать того, что выпало нам.

* * *

На что мы готовы ради семьи? На что не готовы?

Визитных карточек у Хряка никогда не водилось, но, если б они были, там бы значилось: «Хоккеист. Автомеханик. Отец троих детей. Муж Анн-Катрин». В его голове Анн-Катрин все еще пела, танцевала, стоя на его ногах, и всегда будет и петь, и танцевать. Хряк отработал в мастерской полный день – как всегда, хотя «как всегда» не будет уже никогда. Дома Бубу, его старший сын, мыл посуду. Именно Бубу ездил в похоронное бюро, организовывал кремацию и траурную церемонию. А потом стал разбираться со всем остальным. Ужин приготовлен, младшие уже сидят за столом; Бубу прибрался и постирал. Сделал все, что обычно делала мама. У Хряка в горле встал ком. Нельзя показывать младшим, как разваливаешься на куски. Сев за стол, Хряк сказал Бубу:

– Тебе пора на игру.

– Мне надо... там еще стирка осталась, и... – прошептал Бубу.

– «Гарри Поттер»! – завопила младшая.

Старшая на нее шикнула.

– Да. Вечером я почитаю «Гарри Поттера». Как всегда, – пообещал Бубу, глядя в раковину с посудой.

Хряк жевал, глядя в тарелку.

– Вкусно. Очень вкусно.

– Спасибо, – прошептал Бубу.

Потом оба молчали, пока девочки не ушли чистить зубы. Тогда Хряк поднялся, вымыл тарелку, обнял Бубу и прошептал ему на ухо:

– Почитаю я им этого проклятого Барри Тоттера. Пора уже и мне учиться. Ты меня слышал?

Бубу молча кивнул. Хряк положил ладони на его щеки и сказал:

– Мы с тобой прорвемся, потому что иначе мама нас не простит. А теперь поезжай. Мама будет смотреть на тебя, где она сейчас ни есть, и ни бог, ни ангелы, ни кто там еще ее не удержат. Сегодня ее старший сын играет свой первый матч в основной команде «Бьорнстада»!

Бубу собрал баул. Хряк ожидал, что девочки станут тоже проситься на игру. Но вместо этого обе встали на лестнице, с теннисным мячиком и клюшками в руках.

– Папа, хочешь поиграть?

Хряк посмотрел, как старший сын уезжает на свою первую «основную» игру, а потом отправился в гараж, играть с дочками. Они потели и гонялись за мячиком несколько часов, как настоящие бойцы. Словно ничего важнее на свете нет. И в тот вечер ничего важнее на свете действительно не было. В том-то и дело.

* * *

На что мы готовы ради семьи?

Прежде чем уехать, Петер Андерсон прошелся по всему дому. Из комнаты в комнату. Мира сидела на кухне с ноутбуком и бокалом вина.

– Хочешь со мной, на матч? – спросил он без особой надежды.

– Мне надо работать, – предсказуемо ответила жена.

Они посмотрели друг другу в глаза. Хотя бы так. Петер пошел дальше, постучал к Мае:

– Может, ты... я... я сейчас уезжаю на игру, – прошептал он.

– У меня полно уроков, пап. Удачи! – прокричала Мая из-за двери.

Потому что обе, и дочь, и мать, знали: так будет легче для Петера. Пусть ему покажется, что все хорошо. Петер еще постучал к Лео, но сына дома уже не было. Лео уехал в Хед, чтобы смотреть игру со стоячей трибуны.

Петер понимал, что это надо прекратить. Наказать сына. Но как, если

ты всю жизнь только знал, что уговаривать его поехать вместе на очередной матч?

* * *

Ана стояла перед зеркалом, не зная, что надеть, – она понятия не имела, что ей к лицу, а что нет. Она побывала на тысяче хоккейных матчей, но ни в одном из них не играл Видар. Глупо, но Ана мечтала: Видар взглянет на трибуны и заметит ее. И поймет: она здесь ради него.

Отец ворочался внизу, на кухне. Что-то перевернул, потом еще. Выругался. Как же ей невыносимо больно от всей этой его выпивки. Ана думала надеть что-нибудь особенное, но в результате натянула первое, что попало под руку. Надо улизнуть из дому, пока отец не набрался так, что ему потребуется помощь. Чтобы папина худшая версия не украла у нее этот матч. Только не сегодня.

Отец окликнул Ану, когда та была уже возле двери; сначала Ана хотела сделать вид, что не услышала, но что-то в голосе отца заставило ее задержаться. Голос был необычно отчетливым и ровным. Ана обернулась. Отец только что из душа, причесан, в чистой рубашке. Кухня у него за спиной аккуратно прибрана. Бутылки сложены в пакет – для сдачи в пункт отдельного сбора мусора, их содержимое отец вылил в раковину.

– Счастливо съездить. Деньги нужны? – осторожно спросил отец.

Ана долго смотрела на хорошего папу. Плохой остался где-то далеко-далеко.

– Как ты себя чувствуешь? – прошептала она.

– Да вот, попробую еще раз, – прошептал отец в ответ.

Он это и раньше обещал. Но Ана все равно ему верила. Она колебалась всего один вдох, а потом спросила:

– Хочешь, пойдём пройдемся?

– Ты же на хоккей собралась?

– Я лучше погуляю с тобой.

И они пошли пройтись. Пока два города стекались на хоккейный матч, отец с дочерью гуляли в лесу, который всегда был их лесом. Она, он и деревья. Семья.

* * *

Бубу ехал на велосипеде через весь Бьорнстад с невидимым каменным рюкзаком за спиной. Он опоздал на сбор команды, никто не обратил на это внимания; Цаккель, кажется, вообще едва его заметила. В автобусе по дороге в Хед Аамат сидел рядом с Бубу, не зная, что сказать. Все молчали.

Парковка перед ледовым дворцом Хеда оказалась уже забита, успели выстроиться длинные очереди, хотя времени до начала игры еще хватало. Трибуны будут переполнены, оба города гудели, как два пчелиных улья, ненависть все нарастала. Быть войне. В автобусе все молчали. Каждый из хоккеистов сражался с собственными демонами.

Команда выгрузилась из автобуса, прошла по коридорам ледового дворца и закрылась в раздевалке. Один из старших игроков поднялся и приблизился к Бубу, держа в руках моток хоккейной ленты.

– Как звали твою маму? – спросил он.

Бубу удивленно посмотрел на него. С трудом сглотнул.

– Маму?.. Ан... Анн-Катрин. Зовут... ее звали... Анн-Катрин.

– Ан или Анн? – уточнил старший.

– Анн, – еле слышно сказал Бубу.

Старшак написал на куске скотча «Анн-Катрин». Прилепил Бубу на рукав. Потом проделал то же еще с одним клочком скотча, прилепил на свой рукав. При полном молчании моток ленты обошел всю раздевалку. Имя матери Бубу появилось на каждом рукаве.

* * *

Аамат ступил на лед, как на борт вражеского корабля. За свою хоккейную жизнь он выходил так тысячу раз. Заскользил круг за кругом, чтобы разогреться. Обычно он ничего не слышал, просто выходил на лед, сколько бы публики ни было на трибунах. Вокруг стоял только глухой шум, Аамат уходил в зону сосредоточенности, и ему становилось неважно, кто сидит за плексигласом. Но сегодня все было иначе. Общий гул пошел трещинами. Его имя. Кто-то где-то скандировал его имя. Все громче и громче. Снова и снова. Наконец Аамат поднял глаза. Раздался восторженный рев.

В углу, на самом верху, подпрыгивала, стоя на креслах, орава балбесов. Они пришли не болеть за команду – они пришли поддержать единственного игрока. Потому что он – из Низины. Балбесы распевали самое простое, самое прекрасное, самое важное для него:

«А-МАТ! ОДИН ИЗ НАС! А-МАТ! ОДИН ИЗ НАС! А-А-А-МАТ!

ОДИН ИЗ НАС!»

* * *

Фатима вошла в ледовый дворец Хеда одна, но с двумя билетами. Она села, и рядом с ней было пустое кресло Анн-Катрин. Когда Аамат вышел на лед, Фатима вскочила и восторженно завопила, а когда вышел Бубу, она завопила вдвое громче. Она будет ходить на все матчи Бубу, на все матчи, в которых играют его сестры. И куда бы ни завела их жизнь, на трибуне всегда окажется чокнутая тетка, которая будет восторженно вопить за двоих.

* * *

Почему мы так любим командный спорт? Почему так рвемся стать частью группы? Для некоторых ответ прост: команда – это семья. Кому-то нужна еще одна семья, а у кого-то нет другой семьи, кроме команды.

В детстве Видар Ринниус обожал играть в хоккей, как многие другие дети. Но, в отличие от многих других детей, трибуну он любил еще больше. И обещал себе, что, когда подрастет, настанет день, когда он не променяет стоячие места на лед. Как-то он сказал это Теему; тот улыбнулся и ответил: «Это наш клуб, не забывай. Когда игроки поменяют клуб, когда спортивные директора и тренеры свалят туда, где больше платят, когда спонсоры передумают платить, а политики продадутся – мы останемся. Только скандировать станем громче. Потому что этот клуб никогда не был их клубом. Это наш, и только наш клуб».

Сегодня Видар сел в автобус, который вез команду в Хед. Снаряжение уже ждало в раздевалке, но самого Видара в раздевалке не было. Он надел черную куртку, поднялся на трибуну, встал рядом с братом и закричал: «МЫ МЕДВЕДИ! МЫ МЕДВЕДИ! МЫ МЕДВЕДИ ИЗ БЬОРНСТАДА!»

Теему смотрел на него. Может быть, он хотел отправить младшего брата в раздевалку, напомнить, что лучшая жизнь ждет его на льду. Но Группировка – его семья, и клуб принадлежит им. И он поцеловал брата в макушку. Плотник и Паук обняли Видара, и их кулаки легли ему на спину. А потом они стали скандировать, все громче и громче:

«Мы медведи! Мы медведи!»

* * *

Любовь и ненависть. Радость и печаль. Гнев и прощение. Спорт обещает дать нам все это разом, в один вечер. Так умеет только спорт.

В торце трибун, на стоячих местах фанатов «Хеда», тоже раздались голоса, и скоро уже ничто не могло пробиться сквозь звуковую стену. В новой кричалке звучало злорадство. Если сейчас, несколько лет спустя, спросить кого-нибудь из тех, кто был тогда на трибуне, собеседник станет неловко бормотать: «Ай, ну это же хоккей... никто плохого-то не хотел... так, орали в запале... сами понимаете! Это просто хоккей». Да, это просто хоккей. Мы поддерживаем свою команду, вы поддерживаете свою, и мы воспользуемся малейшей вашей слабостью. Сможем ударить ниже пояса – ударим, как бы вам ни было больно, как бы вы после этого ни корчились. Потому что мы просто хотим того же, что и вы: победить. И фанаты на трибуне «Хеда» принялись скандировать самое простое, самое злое и самое отвратительное, что смогли придумать.

Лучшим игроком «Бьорнстад-Хоккея» был когда-то Кевин Эрдаль. Он изнасиловал дочь спортивного директора Маю Андерсон. Лучший друг Кевина, Бенъямин Ович, оказался гомосексуалом. На что мы надеялись? Что фанаты «Хеда» не сложат об этом песню? Люди, которые нас ненавидят?

Голосов было немного, они доносились издалека, но в маленьком ледовом дворце с низким потолком хватает нескольких крикунов, чтобы стало казаться, будто кричат все. Красные фанаты развернулись к трибунам «Бьорнстада», к Группировке, и взревели: «Пидоры. Шлюхи. Насильники».

Легко говорить «не надо было обращать внимания». Принимать близко к сердцу. Это просто хоккей. Просто слова. Они ничего не значат. Но пропойте их много раз, проорите погромче, еще, и еще, и еще. Пока слова не вгрызутся в уши. Сотни красных рук указывали не на лед – они указывали на зеленых фанатов. Слова отражались от потолка и гудели между стенами. Еще. И еще раз.

«Пидоры! Шлюхи! Насильники! Пидоры! Шлюхи! Насильники!»

ПИДОРЫ!

ШЛЮХИ!
НАСИЛЬНИКИ!

Этот рев докатился до трибуны, где сидел Петер Андерсон. Как он ни пытался не обращать на выкрики внимания, это оказалось невозможно. Петер нагнулся, постучал сидевшего перед ним Суне по плечу и спросил:

– Где Беньи?

– Еще не появлялся.

Петер откинулся на спинку сиденья. Хедский ор с грохотом ударялся в потолок и оттуда обрушивался на Петера потоком горящего масла. Петеру хотелось вскочить и заорать, ему тоже хотелось орать – все равно что. Проклятый хоккей, просто игра, но какой ценой? Чем только Петеру не пришлось пожертвовать ради него? Чему он подверг семью? Дочь? Сколько неверных решений ты принял, если твоя жена предпочла остаться дома, а сын – стоять среди гопников, а не сидеть рядом с отцом? Если после всего, что сделал Петер, «Бьорнстад-Хоккей» не победит в этой игре – чего он, Петер, тогда стоит? Он продал свои идеалы, поставил на карту все, что любил. И если клуб проиграет «Хеду» – он проиграет все. Чувствовать по-другому у Петера не получалось.

«Пидоры! Шлюхи! Насильники»!

Петер молча смотрел на стоячие места «Хеда», слушал вопли фанатов и мечтал удавить их всех до единого. Пусть «Бьорнстад» сегодня вечером поведет, пусть сокрушит этих людей, раздавит их волю до последней крошки, так, чтобы завтра им ее не хватило даже на то, чтобы встать с кровати, пусть не снимает ноги с их горла. Ни на секунду. Пусть помучаются.

* * *

В какой-то момент жизни почти все мы делаем выбор. Некоторые – даже незаметно для себя, большая часть не планирует его заранее, но обязательно наступает секунда, когда мы выбираем тот путь, а не другой, а потом всю жизнь имеем дело с последствиями этого. От выбранного пути зависит, какими людьми мы станем – и в чужих глазах, и в собственных.

Возможно, Элизабет Цаккель была права, говоря, что ответственность означает несвободу. Потому что ответственность – это бремя. А свобода – это порыв.

Беньи сидел на крыше пристройки собачьего питомника, глядя, как снежинки падают на землю. Он знал, что игра уже началась, но никуда не поехал. Беньи и сам не смог бы ответить почему – он никогда не умел ни оправдывать, ни анализировать свои поступки. Иногда инстинкт толкал его на всякие безобразия, иногда от них удерживал. Иногда ему не было дела ни до чего, а иногда – было, да еще какое.

Рядом с ним на крыше сидели три его сестры – Адри, Катя и Габи. Внизу, на земле, на стуле, шатко утвердившемся в снегу, сидела их мать. Ради детей она могла сделать – и делала – практически все на свете, но лезть по лесенке, чтобы потом сидеть на ледяной крыше с мокрой задницей – это было уже чересчур.

Все Овичи любили хоккей, хотя каждый – по-своему. Адри любила и сама играть, и смотреть игру, Катя любила играть, а смотреть нет. Что до Габи, то она вообще не играла, а матчи смотрела только те, в которых играл Беньи. Мама сердилась: «Зачем обязательно три периода? Двух что, недостаточно? Или хоккеисты не ужинают?» – но могла точно сказать, в каком из матчей десятилетней давности сколько шайб забросил ее сын. Дрался ли он в тот раз. Гордилась она им или злилась на него. Чаще бывало и то и другое.

Сестры ерзали, сидя рядом с братом. Их пробирал холод, и не только из-за минусовой температуры.

– Если ты не хочешь, чтобы мы ездили на игру, то мы не поедem, – тихо сказала Габи.

– Если ты правда, на самом деле не хочешь... – внесла ясность Катя.

Беньи не знал, что отвечать. После всего произошедшего он испытывал к себе омерзение: надо же, поставить сестер и мать в такое положение. Он не хотел быть им обузой, не хотел, чтобы им приходилось защищать его перед всеми. Однажды он услышал от матери другого мальчика: «Ты не подарок, Беньи. Но бог свидетель – мужской пример тебе и не понадобился. Все твои лучшие черты у тебя – из дома, полного женщин». Беньи потом будет твердить, что она ошибалась, потому что говорила о его сестрах как об обычных женщинах. А это было не так. Сестры изо всех сил старались заменить Беньи отца, они научили младшего брата охотиться, пить и драться. Но они же научили его не путать доброе отношение со слабостью, а любовь – с бесчестьем. Из-за них он

сейчас и презирал себя. Потому что ехать в Хед или нет – для них даже вопрос так не стоял.

Наконец Адри – именно она – посмотрела на часы и призналась:

– Я люблю тебя, братишка. Но я поеду на матч.

– Я тоже! – прокричала снизу, сквозь снегопад, мама.

Потому что они с Адри помнили жизнь до Бьорнстада. Другие дети были слишком малы, но Адри помнила, откуда и почему бежала ее семья и что они обрели здесь, в Бьорнстаде. Безопасность, место, где можно построить дом. Это их город. Беньи нежно похлопал ее по руке и шепнул:

– Я знаю.

Адри поцеловала его в щеку и прошептала, что любит его, – на двух языках. Пока она лезла вниз, Катя и Габи колебались, но в конце концов последовали за ней. Они ехали на матч по той же причине, по какой могли бы остаться дома: ради своего брата, ради своего города. Им хотелось бы, чтобы Беньи сегодня играл, но они знали: никакие их слова не заставят его изменить решения. В конце концов, он один из них. Говорят, некоторые ослы дразнят других ослов: «Ты упрямый, как Ович».

Пока мать с сестрами садились в машину и выезжали на дорогу, Беньи сидел на крыше. Курил в одиночестве. Потом слез вниз, оседлал велосипед и поехал через лес. Но не в ледовый дворец Хеда.

* * *

Когда дети только начинают играть в хоккей, им говорят, что надо просто стараться изо всех сил. И только. Но всем известно, что это ложь. Всем известно, что в хоккей играют не для развлечения, что он измеряется не затраченными усилиями, а результатом.

«Бьорнстад-Хоккей» выехал на лед; на рукавах игроков было имя одной из мам, и, хотя матч был выездной, многие места на трибунах занимали люди в зеленых футболках с надписью «Бьорнстад против всех». Мужчины в черных куртках развернули вызывающий транспарант над стоячей трибуной – такой же, какую приговорили к сносу в их собственном ледовом дворце, и слова на транспаранте были адресованы и фанатам «Хеда», и Петеру Андерсону: «Кто захочет нас нагнуть – пусть попробует рискнуть!»

Внизу, на арене, началась игра. От невыносимого гвалта закладывало

уши, хоккеисты «Бьорнстада» играли на пределе сил. Дрались не на жизнь, а на смерть. Выкладывались всерьез, по полной. Но Видар стоял на трибуне, а где Беньи, не знал никто. Вратарь и капитан команды. Возможно, по большому счету «Бьорнстад» и заслуживал победы, и было бы только справедливо, если бы все кончилось, как в сказке, но хоккей меряет другой меркой. В хоккее считаются только забитые шайбы.

«Хед» забил первую. И еще одну. Потом еще и еще.

Красные трибуны скандировали так, что лопались барабанные перепонки. Но Петер Андерсон ничего не слышал. Когда разрывается сердце, то уши наполняет звон.

* * *

Вещи были уже сложены, сумки лежали в машине. И все же учитель сидел за кухонным столом и смотрел в окно, надеясь, что из-за деревьев вынырнет некто с грустными глазами и диким сердцем. Он ждал так долго, что, увидев Беньи, сначала решил, что ему показалось. И лишь когда стук двери ударил его в сердце, учитель поднялся и, не сводя глаз с губ вошедшего, с трудом выбрал несколько слов из всех, что теснились внутри.

– Я... хотел кое-что написать... – неловко извинился он, указав на заждавшиеся на столе ручку и чистый лист.

Беньи молчал. В домике стоял холод, но на учителе была только белая рубашка из тонкого льна. Она легко упала к его ногам, беззаботно смявшись, как беззаботно лохматятся волосы воскресным утром, от него пахло теплой кожей и свежим кофе. Беньи открыл рот, но слова не шли. Он огляделся: одежда исчезла, личные вещи куда-то делись. Учитель, кажется, истолковал его взгляд как обвиняющий и пристыженно забормотал:

– Я не такой смелый, как ты, Беньямин. Я не из тех, кто остается, чтобы драться.

На двери все еще виднелась глубокая отметина от ножа. Беньи протянул руку, в последний раз коснулся небритой кожи. Прошептал:

– Я знаю.

Учитель на секунду удержал его ладонь на своей щеке и закрыл глаза:

– Звони, если будешь... где-нибудь еще. Может быть, в другом месте все вышло бы иначе.

Беньи кивнул. В другом месте, может быть, что-нибудь и вышло бы.

Что-нибудь большее.

Уже сидя в машине, учитель вспомнил цитату из какого-то философа: «Человек – единственное существо, которое отказывается быть тем, что оно есть». Он пытался припомнить, кто это сказал. Альбер Камю? Учитель крутил цитату в голове, пока ехал через Бьорнстад, потом через лес. Надо сосредоточиться на этих словах, иначе его затопят чувства и он перестанет видеть дорогу.

Далеко позади Бенъямин Ович сел на велосипед и поехал в другом направлении. Может быть, придет день, когда он станет свободен. Но не сегодня.

* * *

В конце периода, когда «Хед-Хоккей» вел уже 4:0; на трибуны прошмыгнули четверо мальчишек из Хеда. По двое с каждой длинной стороны. Обычные старшеклассники – им потому это и поручили, чтобы никто ничего не заподозрил. На них даже не было красных свитеров, чтобы не привлекать внимание. Мальчишки притащили мешки для мусора – накануне вечером мешки тайно пронесли в мужскую раздевалку специально для этой цели. Очень скоро мальчишки начнут швырять их содержимое во врагов. Когда придет время, когда души фанатов «Бьорнстада» и так будут раздавлены, – их добьют.

Многие с красных трибун скажут потом, что это была часть игры, чисто символическая, всего лишь хоккей. Скажут даже, что это «просто шутка». Просто кто-то хотел насолить противнику, задеть побольнее. Растоптать. Уничтожить. Сровнять с землей.

Мальчишки подкрались к стоячим местам «Бьорнстада» раньше, чем их заметили. А когда заметили, было уже поздно. Из мешков мальчишки стали выхватывать дилдо и другие секс-игрушки, одну за другой, сотнями: фаллоимитаторы посыпались на пригнувшихся мужчин в черных куртках, как дождь снарядов. А красные трибуны снова принялись скандировать, с еще большей яростью, с еще большей угрозой:

**ПИДОРЫ! ШЛЮХИ! НАСИЛЬНИКИ! ПИДОРЫ! ШЛЮХИ!
НАСИЛЬНИКИ! ПИДОРЫ! ШЛЮХИ! НАСИЛЬНИКИ!**

* * *

О Теему Ринниусе мы можем говорить что угодно, потому что о нас он говорит что захочет. Собственный опыт научил его, что дискуссии о насилии почти всех людей превращают в лицемеров. Если его спросить напрямую, он ответил бы: большинство не склонных к насилию мужчин и женщин считают, что от насилия их удерживает «мораль». У Теему было для них одно слово: «вруны». Неужели они не врезали бы, если бы могли? Когда над ними издеваются в транспорте? На работе? Когда над их женами измываются в пивной, над детьми – в школе, а над родителями – в больнице? Сколько раз какой-нибудь рядовой обитатель таунхауса или владелец лабрадора мечтал стать человеком, которому все нипочем? Теему был уверен: нехватка агрессии не имеет никакого отношения к морали; если ты можешь кого-нибудь отметелить, ты это сделаешь. Если ты не прибегаешь к насилию, значит, сил у тебя на него просто нет.

Они не умеют драться, они в жизни не видели никого по-настоящему сильного. Умели бы, видели бы – вышли бы из машины и привели бы в чувство придурка, который жмет на клаксон, набили бы на родительском собрании морду папаше, который поносит их семью, приперли бы наглеца-официанта к стенке и заставили бы его сожрать счет. В этом Теему был уверен.

В детстве он научил Видара ненавидеть одно слово пуще всех других. Братьев много как называли: «нищоброды», «ворье»... Но больнее всего их ранило «курвеньши». Что было заметно, поэтому мальчишки в школе прибегали к этому слову особенно часто. У Теему и Видара была одна мать и разные отцы, а если один брат светлый, а второй черноволосый, то на любом школьном дворе открывается простор для фантазий. Братья раздавали оплеухи, пока обидчики не заткнулись, но есть слова, которые в душе не утихнут никогда. Курвеньши. Шлюхины дети. Шлюха. Шлюха. Шлюха.

Теему и Видар стояли на трибуне, рядом – Паук и Плотник. Паук, которого в детстве лупили в душевой свернутыми полотенцами и дразнили «пидором». Плотник, который подростком намеревался сесть в самолет, чтобы драться с кем придется в стране, где изнасиловали его двоюродную сестру; слава богу, Теему тогда утащил его домой.

Не святые, не золотые сердца; большинство из того ужасного, что о них говорили, было правдой. Но когда Плотник весной пришел к Теему, желая, чтобы Группировка поднялась против Кевина Эрдаля, лучшего игрока за все годы существования их обожаемого клуба, Теему поддержал его, потому что знал, какое слово кричат в школе вслед Мае Андерсон.

И вот теперь красная торсида по другую сторону трибун надрывалась: «ПИДОРЫ. ШЛЮХИ. НАСИЛЬНИКИ».

Фанаты «Хеда» ничего этого не знали. Они просто орали самое обидное, что смогли придумать, они надеялись побольнее досадить всем этим, с медведем на груди. Им это удалось. Когда на мужчин в черных куртках пролился дождь из фаллоимитаторов, восемь из них тут же стали спускаться с трибуны. Они сняли куртки, восемь других мужчин, в белых рубашках, надели куртки и заняли их место. Охранники не заметили, как Теему, Видар, Паук, Плотник и еще четверо исчезают в направлении коридора, проходят в дверь, спускаются в подвал.

Большинство людей неспособно на насилие. Но Группировка – не большинство.

* * *

Двенадцатилетний Лео Андерсон никогда не забудет, как Теему Ринниус повернулся к Пауку и сказал: «Собери парней. Только ядро». Как Теему коротко кивнул, подавая еле заметный знак, и семеро других сразу же последовали за ним. Ядро, сердцевина Группировки, самые опасные из всех.

Лео видел, как другие мужчины тотчас надели их черные куртки и закрывали обзор охранникам, пока ядро спускалось с трибуны и бежало к двери по темному коридору, мимо будки дежурных. Под ледовым дворцом Хеда имеется подвал, о нем почти никто не знает, но он там есть. За пару недель до матча там работали электрики: вышли из строя потолочные лампы. И вот теперь одному из электриков понадобилось спуститься в подвал – как он сказал, к распределительному щиту. Дежурным это не показалось подозрительным. А электрик не показал им свою татуировку в виде медведя.

Лео Андерсон никогда не забудет, как ему хотелось спуститься в подвал вместе с ними. Некоторые мальчишки мечтают стать профессиональными хоккеистами – они стоят на трибунах, страстно желая оказаться там, на льду. А другие мальчишки мечтают о другом. У них другие кумиры.

Они шли по подвальному коридору. Все восемь. Самые страшные. Никому не стоило становиться у них на пути, но такой человек все же нашелся. Он стоял один, посреди коридора. При нем не было ни друзей, ни оружия, а под ручку двери у него за спиной была засунута метла, чтобы дверь нельзя было открыть снаружи. Беньи добровольно заперся в коридоре, наедине с Группировкой.

Он не собирался ехать сюда. Просто ни в каком другом месте ему быть не хотелось.

Из кемпинга Беньи поехал на велосипеде в Хед, – сквозь ветер, сквозь снег, летящий в глаза. Когда он проскользнул в ледовый дворец, второй период уже подходил к концу и все взгляды были направлены на лед. Беньи взглянул на табло. 4:0 в пользу «Хеда». Он слышал рев, видел красную волну ненависти по одну сторону трибун и черные куртки – по другую. Потом увидел град из фаллоимитаторов. Пока остальные приходили в себя, Беньи уже искал, как спуститься с трибуны. Когда Теему, Видар и еще шестеро сняли куртки, Беньи уже понял, куда они направятся.

Он тоже бывал в этом подвале. Подростком он сыграл сотни выездных матчей и турниров в ледовом дворце Хеда. О Беньи можно много чего сказать, но уж кому-кому, а ему было известно, где в ледовых дворцах можно уединиться, чтобы выкурить косячок в тишине и покое.

Так что он знал, что через подвал можно пройти с одной стоячей трибуны на другую. Вынырнуть прямо в сердце вражеского лагеря. Как бомба.

Теему остановился на полпути. Мужчины у него за спиной тоже. Плотник и Паук стояли с одной стороны, младший брат, Видар, – с другой. Теему взглянул на восемнадцатилетнего парня, который заблокировал узкий коридор, и дал ему один-единственный шанс:

– Отойди, Беньи.

Беньи медленно покачал головой. На нем были изношенные кроссовки, серые спортивные штаны и белая фуфайка. Он казался таким маленьким.

– Нет.

Голос Теему был беспощадным.

– Я повторять не буду...

Голос Беньи дрожал – прежде они такого не слышали. – Вы же меня собрались избить до полусмерти. А не кого-то еще. Валяйте. Вот он я. Кто-то из вас пройдет мимо меня, я знаю. Но кое-кто из вас мимо меня не

пройдет.

У молчания есть когти. Теему начал хрипло, но потом зашипел:

– Мы считали тебя одним из нас, Беньи. Ты просто... врал нам...

Глаза Беньи блеснули.

– Я сраный ПИДОР! Скажи это вслух! Хочешь кого-нибудь избить? Так я здесь! Если вы появитесь на трибуне «Хеда», судья прервет матч, и «Хед» победит. Им же того и надо. А если вы хотите вышибить зубы какому-нибудь пидору, то вот вам я. Избейте МЕНЯ!

У Теему побелели костяшки пальцев.

– Уходи. Не заставляй меня...

Голос Беньи сел.

– Что? Бейте, если хотите! Вас восемь, я один, так что силы равны! Если вы полезете на трибуну «Хеда», матчу конец, а ведь мы можем одолеть их. Понимаете? Я МОГУ ОДОЛЕТЬ ИХ!

Беньи больше не смотрел на Теему. Он смотрел на Видара. Они несколько лет играли вместе, но тогда лучшим другом Беньи был Кевин, а Кевин не любил Видара – на Видара нельзя было положиться. Кевин требовал, чтобы вратарь подчинялся приказам, а Видар этого не делал. На Видара больше всех походил сам Беньи, но был при этом до смерти предан Кевину. А Видар был предан прежде всего брату и Группировке. Они никогда об этом не говорили, они не подружились, но, наверное, все же уважали друг друга. И теперь Беньи сказал:

– Ты слышишь, Видар? Если мы с тобой выйдем в третьем периоде, мы порвем этих сволочей. Иди на трибуну, дерись там, если хочешь, но мы можем нагнуть этих говнюков, если выйдем ИГРАТЬ! Выбей мне зубы, если тебе так больше нравится, я могу играть и без зубов. Но я... я хочу... черт... хочу просто... победить! Идите вы на хер... всей кучей, я уеду из этого города завтра же, если вы меня попросите. И сравняю счет прямо сейчас, если вы...

Беньи замолк. Мужчины не отвечали ему. Никто не двинулся с места. Беньи отчаянно стукнул себя кулаком в грудь:

– Вот же я! Дверь заперта, и если вы от меня чего-то хотите, то просто ДАЙТЕ мне выйти на лед. Потому что я смогу на хер порвать этих сук!

Когда тихо, говорят, что слышно, как муха пролетит. Если бы тогда в коридор впорхнула бабочка, ее крылья грохотали бы там, словно гром. Об этом вам никто не расскажет, ни в Бьорнстаде, ни в Хеде. Но мужчины навсегда запомнят, что их было восемь, а Беньи один, но дверь отпер именно он.

Через минуту. Или через десять минут. Хрен его знает.

– Ладно, – медленно сказал Теему.

Но сказал он это не Беньи. Он сказал это своему брату. – Ладно? – прошептал Видар.

– Чего стоишь? – рявкнул Теему. – Последний период вот-вот начнется. Бегом в раздевалку, идиот!

Лицо Видара расцвело улыбкой. Он бросил взгляд на Беньи и кивнул, Беньи коротко кивнул в ответ. Видар побежал к раздевалке «Бьорнстада». Через несколько секунд двое из Группировки повернулись и медленно пошли за ним. Потом еще двое.

С Теему остались только Плотник и Паук. Беньи не двинулся с места. Теему сделал бешеный вдох и прошептал:

– Твою же мать. Ты пил со мной. Ты дрался рядом со мной...

Беньи не дал себе труда вытереть слезы.

– Иди на хер, Теему.

И тогда вожак Группировки склонил голову. Очень ненадолго.

– Крепкий ты гад, Беньи, что есть, то есть. Но мы не допустим, чтобы этот город стал... ну... всякие там символы-радуги и прочее дерьмо...

– Я об этом и не просил, – хлюпнул носом Беньи.

Теему сунул руки в карманы. Кивнул. По одному этому знаку Паук с Плотником повернулись и ушли. Беньи не знал, ненавидят они его или нет, но они хотя бы оставили его наедине с Теему.

Кулаки у него были сжаты. У Беньи – тоже.

Всего лишь хоккейный матч. Ледовый дворец, набитый людьми, две раздевалки, полные игроков, две команды – одна против другой. Двое мужчин в подвале. Почему все это не дает нам покоя?

Может быть, потому, что оно упрощает самые сложные наши вопросы. Что заставляет нас бездумно орать от радости? Над чем мы плачем? Каковы наши самые счастливые воспоминания, наши худшие дни, наши самые глубокие разочарования? Кто рядом с нами? Что такое семья? И что – команда?

Сколько раз за всю жизнь мы бываем полностью, безоговорочно счастливы?

Сколько раз выпадает нам шанс полюбить что-нибудь почти бессмысленное, и полюбить абсолютно, безусловно?

* * *

Коридор опустел, и все же двум мужчинам, оставшимся в нем, казалось, что за ними стоит толпа. Теему трясло от гнева, Беньи тоже трясло, по тысяче разных причин. Теему выдохнул, глядя в пол.

– О тебе пишут в газетах. Журналисты называют жителей города, задают вопросы насчет тебя. Ты же знаешь, чего хотят все эти журналюхи со своей сраной политикой. Хотят, чтобы кто-нибудь из нас ляпнул глупость. Вот им и доказательство, что все мы просто дураки, ограниченная деревенщина. Журналюхи понесутся домой, в свои столицы, и начнут изображать, какие они высоко, сука, моральные...

Беньи прикусил щеки изнутри, почувствовал вкус крови. И прошептал:

– Прости...

Костяшки пальцев у Теему медленно краснели, к коже возвращалась кровь. Теему ответил:

– Это наш клуб.

– Знаю.

Теему медленно разжал кулаки. Провел ладонями по щекам.

– Можешь, значит, навалить этим засранцам... но мы уже упали ниже плинтуса, четыре-ноль. И... если вы победите, ну что... с меня пиво.

Лицо Беньи блестело, но глаза вспыхнули темным огнем.

– Я думал, ты не пьешь с такими, как я.

Вздых Теему наполнил весь коридор, ударился о запертые двери, проскреб по потолку.

– Беньи, да бляха-муха! Я что, должен теперь пить со ВСЕМИ местными пидорами? Нельзя для начала выпить с ОДНИМ?

Всегда справедливость. И всегда – несправедливость

Разговаривать с людьми нелегко. На такое и у лучших хоккейных тренеров может не хватить таланта. Разговаривать дано экстравертам. Зато, чтобы понимать тактику и все ночи напролет отсматривать записи старых матчей, видимо, нужно быть интровертом. Конечно, некоторые могут компенсировать некоммуникабельность, выказывая чувства. Но если и с чувствами у тебя неважно, то что, черт возьми, говорить?

Незадолго до начала третьего периода Петер поднялся. Усидеть на трибуне он больше не мог. Петер не знал, куда ему идти или зачем, и отправился в единственное понятное ему место: в раздевалку. Конечно, он помедлил в коридоре – он спортивный директор, ему не пристало врываться к игрокам. Это прерогатива тренера. Петер был уверен, что Цаккель сейчас там, что она произносит перед командой пламенную речь о том, как им переломить ход игры. Что у них все для этого есть, что надо мыслить «ноль-ноль»: если побыстрее забить гол, матч снова станет матчем!

Но когда Петер завернул за угол, то увидел, что Цаккель стоит у двери, ведущей на парковку. И в одиночестве курит сигару. Команда тем временем в полном составе сидела в раздевалке и ждала.

– Ты что делаешь? – зашипел Петер.

– А что? В помещении же курить нельзя? – перешла в оборону Цаккель.

– Нас в землю вогнали, счет четыре-ноль! И ты ничего не скажешь команде?!

– Думаешь, они сами не знают, что счет четыре-ноль и их вогнали в землю? – уточнила Цаккель.

– Ты, черт тебя... тебя... ты же тренер! Иди к ним, скажи что-нибудь, ВООДУШЕВИ ИХ! – приказал Петер.

Цаккель докурила. Пожала плечами. Уныло буркнула: «А-а. Ну да. Ладно».

Когда она уже подходила к дверям раздевалки, с противоположной

стороны к ней подбежал молодой человек. Это был Видар Ринниус.

– Я могу выйти на лед? – запыхавшись, спросил он. Цаккель пожалала плечами:

– Ну да. Ладно. Хуже уже вряд ли будет.

Через пару минут после того, как Видар радостно затоптал по раздевалке, разыскивая свои доспехи, в коридоре появился еще один молодой человек. Он не бежал – он спокойно подошел к Цаккель и остановился.

– Вам нужен еще один полевой игрок?

Цаккель наморщила лоб:

– Собрался трахнуть кого-нибудь в раздевалке?

Беньи попытался понять, шутит она или говорит серьезно. Задача оказалось непосильной.

– Нет, – сдался он.

– Ладно.

Нормальный тренер вычеркнул бы Беньи, не явившегося на игру к началу первого периода, из списка игроков. Но Цаккель не была нормальным тренером. По ее суждению, Беньи, даже когда он не играл, все равно был лучше любого другого члена команды. Некоторые это понимали, большинство – нет. Цаккель посторонилась, и Беньи вошел в раздевалку. До его прихода там было тихо; когда он вошел, стало еще тише.

Два десятка взглядов уперлись в пол, и Беньи в первый раз в жизни не знал, что делать. Куда сесть, как начать раздеваться – не потому, что испытывал неловкость, а потому, что боялся, что неловко станет кому-нибудь еще. Он же теперь не такой, как все.

Беньи вылез из кроссовок, но дальше дело не пошло. Он бросился в туалет. Захлопнул за собой дверь, но остальные все равно слышали, как его рвет. В ушах звенело, он так вцепился в край раковины, что хрустнули крепления в стене. Будь у него шанс сбежать прямо сейчас, он бы сбежал, но выход из туалета имел только один – в раздевалку. Так кем он хочет быть? Каждому рано или поздно приходится отвечать на этот вопрос. Делать выбор.

Беньи вытер лицо, отпер дверь и шагнул в раздевалку. Это был даже не жест, и все его товарищи по команде по-прежнему хранили молчание, но, когда Беньи вернулся на место, из его кроссовок лезла пена для бритья. И не только из его. Из всех. Из каждой пары, подо всеми скамейками. Потому что мужчины, сидевшие и стоявшие вокруг него, хотели, чтобы он знал: он ничем не отличается от других. Здесь – не отличается.

Беньи сел на лавку. Поколебавшись, стащил с себя свитер. Тихину вдруг прорезал голос – с неожиданной стороны, прямо напротив Беньи.

– Как узнать, сексуальный ты или нет? – спросил Аамат.

Беньи, голый до пояса, склонил голову набок:

– Чего?

Аамат покраснел. Все взгляды устремились на него, он еще никогда в жизни не испытывал такого стыда, но все-таки развил мысль:

– Ну... я это... как узнать, что девчонки считают сексуальным в парнях? Или что парни считают сексуальным в... парнях?

Беньи нахмурился:

– Что это ты вдруг, Ааматище?

Аамат кашлянул:

– Ну мы стояли вместе под душем, а ты вроде как эксперт. Я вот сексуальный?

Прежде чем Беньи придумал ответ, Аамат ухмыльнулся:

– Я не для себя спрашиваю. Я для своего лучшего друга.

Бубу рядом с ним дернулся, словно от электрического разряда. Какой пустяк один парень может сделать для другого, но многое в жизни можно одолеть, если у тебя есть лучший друг. А еще больше – если ты сам чей-то лучший друг. Бубу кашлянул и начал:

– Короче... Беньи... я только спрашивал, как... ну, это. Как узнать, что ты... ну, что бабы с тебя прутся?

Беньи посмотрел на Бубу, потом на Аамата, потом опять на Бубу. Покачал головой:

– Я никогда в жизни не рассматривал ВАС в душе!

Раздевалка взорвалась хохотом, но один из старших игроков посерьезнел и бесцеремонно спросил:

– А остальных? Хочешь сказать, ты никогда не рассматривал в душе НИ ОДНОГО из всей команды?

Беньи сморщился:

– Да я лучше девчонок буду рассматривать, чем вас.

– Вот сейчас обидно было... – Плечи старшака поникли.

– А мы так стараемся держать себя в форме, – разочарованно проворчал другой.

Бубу и Аамат ухмылялись. Все почти как всегда. Но Беньи посерьезнел и указал на рукав Бубу:

– Мне тоже нужна такая. Если можно.

Бубу написал на обрывке скотча «Аанн-Катрин» и прилепил Беньи на рукав. Буквы вышли неровными, потому что рука у Бубу дрожала.

* * *

Элизабет Цаккель с Петером стояли у дверей раздевалки. Цаккель недовольно бурчала, но Петер решительно жестикулировал в том смысле, что ей следует сказать команде хоть что-то. Цаккель застонала, шагнула в раздевалку и по-хулигански свистнула, призывая всех замолчать.

– Так. Мне тут сказали, что тренер должен сказать что-нибудь, чтобы воодушевить команду. И... я... вы пока продули со счетом четыре-ноль.

Парни сердито глянули на нее, она так же сердито глянула на них и продолжила:

– Я только хочу удостовериться, что вы в курсе. ЧЕТЫРЕ-ноль! И вот еще: вы не только продули, вы еще и играли, как старые галоши. Только собрание полных ИДИОТОВ может думать, что вы победите!

Мужчины молчали. Цаккель откашлялась. И добавила:

– Ну и... я работаю в хоккее всю свою жизнь. Что я могу сказать. Больших придурков, чем вы, мне еще не попадалось.

Воодушевив таким образом команду, Цаккель покинула раздевалку и направилась к арене. Петер, стоя в коридоре, смотрел ей вслед. Лучшего тренерского наставления он в жизни не слышал.

* * *

Жизнь в раздевалке замерла. Бенни посмотрел на часы на стене; команде полагалось уже быть на льду, но никто не двинулся с места. Наконец Амату пришлось пнуть конек Бенни:

– Они ждут.

– Чего? – удивился Бенни.

– Тебя.

Бенни поднялся. И за ним поднялись все остальные.

Игроки «Бьорнстад-Хоккея» последовали за своим капитаном в коридор. Беньямин Ович на лед не выехал. Он туда ворвался как ураган.

* * *

Три сестры Ович вместе с матерью вошли в ледовый дворец Хеда. Они

держались как женщины, выдавшие вещи и похуже, живавшие в местах и похолоднее. Им не страшно.

Но ледовый дворец был полон, все места заняты, люди знали, кто эти женщины, но большинство старалось этого не показывать. Люди перешептывались, кивали на них, но никто не смотрел им в глаза. Кому-то было стыдно, кто-то просто не знал, что сказать. Может быть, многие хотели уступить место, но так трудно быть первым, кто встанет.

С мест поднялись пять человек.

Пятерка возрастных. Все в зеленых футболках «Бьорнстад против всех», они пошли вверх по лестнице, задирая друг друга насчет того, какие они стали старикашки. Один взял под ручку маму Беньямина Овича и проводил на свое место. Другие возрастные уступили свои места сестрам. Один из них, когда Адри проходила мимо, сжал ей руку:

– Передай брату, что эти крикуны, может, и орут громче всех. Но их здесь не большинство. Нас намного больше.

Жены возрастных сидели рядом. У ног одной стояла сумка-холодильник. Проносить такие сумки на хоккейные матчи, конечно, нельзя, но, когда охранник в дверях спросил, что в сумке, женщина с похоронной серьезностью ответила: «Кот». Когда охранник попытался воспротивиться проносу кота на трибуну, другая старуха наклонилась к нему и прошептала: «Да ондохлый. Только не говорите ей, бедняжке». Охранник открыл было рот, но тут третья тетка вцепилась в него с вопросом: «У вас есть свежие помидоры? Бельгийские, которые тут продают, мне не нужны. Вы мне дайте настоящие помидоры! У меня купон!» Четвертая жизнерадостно воскликнула: «Народищу-то! А фильм какой? С Шоном Коннери?» И не успела пятая завести свое отрепетированное «Наверное, ночью снег пойдет, что-то у меня колени ломит!», как охранник вздохнул, сдался и впустил их, с сумкой-холодильником и всем прочим. Так что теперь старухи достали из сумки пиво, раздали банки матери и сестрам Беньи, а потом девять женщин трех поколений выпили друг за друга. Пятеро возрастных стояли рядом: почтенный караул.

Подумаешь, великое дело – стаканчик кофе.

Все запомнят, как ревела стоячая трибуна «Хеда»: «Пидоры! Шлюхи! Насильники!» Многие решат, что кричал на ней каждый, потому что издали разницы между людьми не видно. Поэтому осудят всех, кто там стоял, хотя

орали далеко не все: нам так хочется найти козла отпущения, а любителям порассуждать о морали – изречь, что «культура – это не только то, что мы поощряем, но и то, что позволяем».

Но когда ор становится всеобщим, в нем теряются голоса тех, кто ему противостоит; когда лавина ненависти стронулась с места, уже не поймешь, кто должен ее остановить.

Поэтому, когда молодая женщина в красном свитере с быком на груди покинула свое место на стоячей трибуне, прошла мимо охранников и встала на лестнице возле сидячих мест, никто поначалу не обратил на нее внимания. Женщина любила «Хед-Хоккей» с той же силой, с какой другие об этом кричали, она всю жизнь следила за успехами команды, и стоячая трибуна была ее клубом. Встать рядом с сидячими местами, среди бутербродных фанатов, о которых она всегда отзывалась с презрением, стало ее молчаливым протестом.

Мужчина в зеленом свитере, сидевший поодаль, увидел ее и поднялся. Он сходил в буфет, купил два стаканчика кофе, спустился и отдал один ей. Они стояли рядом, красная и зеленый, и молча пили кофе. Подумаешь, великое дело – стаканчик кофе. Но иногда он и правда великое дело.

Через несколько минут стоячую трибуну покинуло еще несколько красных свитеров. Ступеньки возле сидячих мест вскоре переполнились. Трибуна по-прежнему скандировала: «Пидоры! Шлюхи! Насильники!» – но теперь крикунов стало видно. И все мы поняли: их не так много, как нам казалось. Крикунов никогда не бывает много.

* * *

В команде «Хеда» был игрок по имени Филип. Самый младший из всех, он уже выбивался в лучшие. Наша история – не о нем, Филип появляется в ней так ненадолго, что мы легко могли бы вообще о нем забыть.

Но перед самым началом третьего периода он покинул лед. Вильям Лит и еще кое-кто из команды орал ему вслед, приказывая остановиться, но Филип прошел через выход для игроков, поднялся на трибуны и добрался до стоячих мест. Как был – на коньках и с клюшкой в руке – он подошел к самому крупному, сильному, самому растатуированному фанату «Хеда», какого только смог найти, оборвал его посреди «ПИДО...», дернул за свитер и сказал:

– Крикнете это еще хоть раз – и я прекращаю играть.

Филипу было всего семнадцать, но все, кто смыслил в хоккее, понимали, каким игроком он станет. Растатуированный бешено уставился на него, но Филип не отступил. Он указал на одетых в красное фанатов, стоявших на лестнице возле сидячих мест, и пообещал:

– Крикнете это еще хоть раз – и остаток игры я простою вместе с ними.

Он пошел вниз, на лед, оставляя за спиной плотное молчание. Филип не был наивен, мир не изменился, Филип знал, что на следующей игре они будут скандировать то же самое. Но не сегодня. Когда он спустился до кабинки запасных, кто-то взревел:

«Хед! Хед! Хед!»

«ДАВАЙ! ДАВАЙ! ДАВАЙ!» – ответила остальная трибуна.

До конца игры скандировали только эти слова. И стоячие места снова заполнились до отказа. Стоявшие скандировали свою речовку так, что потолок словно стал выше.

* * *

В хоккее все просто. Это самый справедливый и самый несправедливый спорт в мире.

«Бьорнстад» забил шайбу. Потом еще одну. Когда разрыв сократился до 3:4, оставался один гол и двадцать секунд до конца игры; все, конечно, уже знали, что произойдет. Ожидание висело в воздухе. У игры мог быть только один конец. Сказочный.

Беньи получил шайбу, провел ее в зону «Хеда», замахнулся, но передал шайбу Амату. Естественно, игроки «Хеда» решили, что Беньи ударит по шайбе сам, и только один игрок в красном знал, что Беньи не настолько эгоист.

Вильям Лит знал Беньи лучше всех остальных.

Амат вихрем понесся к воротам, запястья были мягкими, равновесие идеальным, он уверенно вел шайбу. Все казалось так просто, он должен стать героем, он безупречен. Но Вильям уже просчитал ситуацию. Он

растянулся во всю длину, шайба угодила ему прямо в шлем и отлетела в штангу ворот. А оттуда – в угол бортика. Филип завладел шайбой, вывел ее из зоны, она издевательски скользнула мимо беспомощно выставленных клюшек «Бьорнстада». Все было кончено.

Прозвучал безжалостный сигнал: конец игры. Красная трибуна взорвалась воплями радости, Вильям Лит исчез под навалившимися на него счастливыми товарищами по команде. Игроки в зеленом сжались от отчаяния, люди на трибунах с медведем на свитерах онемели перед лицом непостижимого.

«Хед» победил. «Бьорнстад» проиграл.

Хоккей – это просто. Это всегда справедливость. И всегда несправедливость.

Не прогнетесь вы...

В раздевалке «Бьорнстад-Хоккея» висело молчание. У проигравшей команды есть всего два способа переодеться: сделать это тотчас или не переодеваться вообще. А чтобы покинуть ледовый дворец – пять минут или несколько часов. Ни у кого не было сил даже потащиться в душ.

В раздевалку вошел Петер Андерсон. Посмотрел на игроков. Он понимал, что они чувствуют. Ему страшно хотелось как-нибудь воодушевить их, и он забормотал:

– Ну... ребята... матч был трудный. Но вы проиграли, и я хочу, чтобы вы...

Один из игроков перебил:

– При всем моем уважении, Петер, – не надо вымучивать из себя банальностей, что мы должны просто «забыть» или еще что-нибудь такое. Если по делу нечего сказать, лучше делай как привык: отсиживайся у себя в кабинете и помалкивай.

Это был прямой вызов. Его не уважают. Петер стоял у двери, сунув руки в карманы. Да, чаще всего он поступал именно так: отсиживался. Убеждал себя, что он спортивный директор, а не тренер, что добиваться уважения хоккеистов – не его забота. Но сегодняшний день отличался от других дней. Поэтому Петер сжал в карманах кулаки и выкрикнул:

– «Забыть»? ЗАБЫТЬ? Вы правда думаете, что я хочу, чтобы вы это ЗАБЫЛИ? Я хочу, чтобы вы ЗАПОМНИЛИ ЭТУ ИГРУ на всю жизнь!

Команда изумилась; он завоевал их внимание. Обычно Петер не повышал голоса, но сейчас он, тыкая пальцем в каждого игрока, начиная старшими и заканчивая Бенни, Бубу, Видаром и Аматом, прорычал:

– Сегодня вы – лузеры. Сегодня вы были в шаге от того, чтобы не проиграть. Так вот запомните хорошенько, каково это. Потому что ни вы, ни я больше этого не испытаем! НИКОГДА!

Наверное, он мог бы сказать что-нибудь еще, но сквозь стены ледового дворца пробился монотонный глухой стук, и все в раздевалке подняли головы. Сначала он казался барабанным боем, потом – будто кто-то пинает дверь, но скоро звук вырос в грохочущий гул, и только Петер понимал, откуда он исходит. Он и раньше слышал этот звук, двадцать лет назад, в тот

волшебный сезон, когда целый город жил и умирал в зависимости от того, побеждала или проигрывала его хоккейная команда. В тот сезон Петер слышал этот звук в каждом ледовом дворце.

– Выходите на лед, – велел он.

Хоккеисты послушались. Петер за ними не пошел – он знал, что его там не ждут.

Команда «Бьорнстад-Хоккея» снова выехала на лед; трибуны уже почти опустели, лампы под потолком погасли. Но в торце еще стояли люди в черных куртках, и они отказывались замолкать. Они прыгали так, что под их ногами гудело дерево, их не было и сотни, но скандировали они, как десять тысяч человек: «Не прогнетесь вы – не прогнемся мы! Не прогнетесь вы – не прогнемся мы! Не прогнетесь вы – не прогнемся мы!»

Чтобы сказать хоккеистам: мы еще здесь. Чтобы напомнить, что значит клуб. Что клуб – это не право, а привилегия.

И вот уже вся основная команда «Бьорнстада» стояла на льду и скандировала вместе с черными куртками: «НЕ ПРОГНЕТЕСЬ ВЫ – НЕ ПРОГНЕМСЯ МЫ! НЕ ПРОГНЕТЕСЬ ВЫ – НЕ ПРОГНЕМСЯ МЫ!» Во дворце было пусто и темно, но ни на льду, ни на трибунах никого и не ждали. То, что происходило сейчас, происходило между командой и ее самыми верными фанатами. Они были семья.

Петер, заложив руки в карманы, в одиночестве постоял в раздевалке. Потом вышел из дворца и пешком двинулся через лес до Бьорнстада, домой, глубоко дыша подступавшей уже зимой и чувствуя себя лузером как никогда. Все уплывало у него из рук: его дети, его жена. Его клуб.

Стоило ли оно того? Ах, кто бы знал!

* * *

Тренеры «Бьорнстада» и «Хеда» встретились после матча в судейской. Разговаривали они по-тренерски – вежливо, но без особого дружелюбия.

– Отличный матч, – сказал Давид, в красном.

– Вы победили. Так что отличным матч вышел только для вас, – заметила Цаккель, в зеленом.

Давид улыбнулся. Они оба одной породы.

– Как там твои парни? – спросил он.

– Мои парни или какой-то конкретный парень? – ответила она вопросом на вопрос.

– Бенъямин. – Давид пытался придумать, куда девать руки. – Я спрашиваю, как там Бенъямин.

– В следующий раз мы с вами встречаемся в декабре. В декабре он отыграет весь матч! – пообещала Цаккель. Давид широко улыбнулся. Цаккель не ответила на его вопрос, но дала понять: когда они встретятся в следующий раз, она не проиграет. Она в первую очередь тренер, как и сам Давид.

– Отличный матч, – повторил Давид.

Он протянул руку, но Цаккель не сделала ни малейшей попытки пожать ее. Зато сказала:

– Этот Филип, ваш защитник, явно в звезду вырастет.

Давид гордо выпрямился. Филип всю дорогу был самым незаметным и слабым в команде, но Давид всякий раз оставлял ему шанс – и вот вырастил звезду.

– Да. Ему только нужно... – начал было Давид, но Цаккель перебила его:

– В следующий раз не разрешай ему подниматься на трибуну. Не дай втянуть его в политику!

Давид согласно кивнул. Да, они с Цаккель точно одной породы. Оба знали, что Филип может быть лучшим, но ничего не добьется, если станет ссориться с публикой. Элитный спорт не терпит такого рода вольностей. Игроку надо только играть. Хоккей должен оставаться только хоккеем.

– Сегодня он был медлительнее, чем обычно. После предсезонной тренировки не отошел... – начал Давид.

– У него болит бедро, – с железной уверенностью заявила Цаккель.

– В смысле?

– Правое бедро. Гиперкомпенсация. Посмотри на его спину, когда он стоит неподвижно, и увидишь – он горбится. Он тебе ничего не говорит, потому что боится тебя разочаровать.

– Откуда ты знаешь? – удивился Давид.

– В его возрасте я тоже так делала.

Давид долго колебался, но потом спросил:

– Кто тебя тренировал?

– Отец.

Говоря это, Цаккель ни на йоту не изменила выражения лица. Давид озадаченно поскреб шею.

– Спасибо. Поговорю с Филипом...

Цаккель достала из кармана клочок бумаги, нацарапала телефонный номер.

– Вот, это физиотерапевт. Лучше всех смыслит в подобных травмах. Отвези Филипа к нему, передай от меня привет.

И она вышли из судейской. Давид крикнул:

– Когда меня назначат тренером элитной команды, я тебе позвоню! Будешь моим ассистентом!

Ответ донесся из коридора – самоуверенный, словно самоочевидный:

– Это ты будешь МОИМ ассистентом!

Назавтра Давид отвез Филипа к физиотерапевту. Поездка туда и обратно заняла целый день; через несколько лет, давая интервью, Филип расскажет, как Давид весь остаток сезона таскал его к врачу раз в неделю. «Мой лучший тренер! Он спас мою карьеру!» Физиотерапевт работал на один из крупнейших хоккейных клубов страны, и на следующий год Филипа взяли туда. В том же году Давида пригласили туда тренером.

Элизабет Цаккель тоже будет претендовать на эту должность, но ее туда не возьмут.

Всегда справедливость. И всегда несправедливость.

* * *

Поздно вечером в дверь Давида позвонили. Открыла его беременная подруга. На пороге стоял Беньи.

Когда Давид спустился в прихожую, у него перехватило дыхание. Все взросление этого мальчика пронеслось перед глазами: Беньи и Кевин, лучшие друзья, дикарь и гений. Как же Давид любил их обоих. Почувствует ли он себя еще хоть раз в жизни тем тренером, что работал с ними?

– Входи! – пригласил счастливый Давид, но Беньи покачал головой.

Ему уже восемнадцать. Мужчина. Когда они с Кевином были детьми, Давид мотивировал их тысячью мелких приемов, но самым действенным было дать им поносить часы. Эти часы Давид унаследовал от отца, мальчишки их обожали, и когда один из них особо отличался на тренировке или в игре, то получал их во временное владение. И вот теперь Беньи

протягивал эти часы Давиду:

– Отдай своему малышу. Мне они не очень подходят.

Весной, когда Давид покинул «Бьорнстад-Хоккей», он видел, как Беньи целуется с другим юношей. Как много тренер хотел ему тогда сказать и как мало нашел слов. Поэтому просто оставил отцовские часы на надгробии отца Беньи, вместе с шайбой, на которой написал: «По-прежнему самый смелый чувак».

– Я... – прошептал Давид, но не смог продолжать.

Беньи вложил часы ему в ладонь, Давид с такой силой впился в их металл, что девушка заплакала.

– У меня остается шайба, мне хватит, – сказал Беньи.

Давиду захотелось обнять его. Странное дело – оказывается, можно забыть, как обнимать другого.

– Через что тебе пришлось пройти... – искренне прошептал он.

Беньи прикусил щеки.

– Ты мой лучший коуч, – так же искренне ответил он.

«Коуч». Не «человек», не «друг». Просто «коуч». Боль от этого слова никогда не утихнет в душе Давида.

– В любой моей команде для тебя всегда найдется свитер с номером шестнадцать... – пообещал Давид.

Но он знал ответ Беньи еще до того, как тот ответил:

– У меня всего одна команда.

В следующий миг юноша исчез в темноте. Как обычно.

* * *

Через пару дней «Бьорнстад» играл свой второй матч. Тоже на чужой территории, но зеленые свитера и черные куртки поехали за командой, и во время матча звучало то же упрямое скандирование: «Не прогнетесь вы – не прогнемся мы! Не прогнетесь вы – не прогнемся мы! Не прогнетесь вы – не прогнемся мы!»

«Бьорнстад» победил со счетом 5:0. Амаг носился вихрем, Бубу дрался так, будто это последний матч его жизни, Беньи был лучшим на льду. Ближе к концу матча Видар чуть не подрался с хоккеистом из команды-противника; Беньи примчался к месту инцидента и вцепился во вратаря.

– За драку тебя выдворят с поля! А ты нужен нам здесь!

– Этот гондон еще варежку разевает! – орал Видар, указывая на

противника.

– А что он сказал?

– Что ты пидор!

Беньи долго смотрел на него.

– Я и есть пидор.

Видар зло стукнул себя в медведя на груди:

– Но ты же НАШ пидор!

Беньи грустно вздохнул, глядя на лед. Более странного комплимента он в жизни не слышал.

– Может, просто продолжим игру? – попросил он.

– Угу, – буркнул Видар.

И они продолжили игру. Беньи забил две шайбы. Видар не пропустил ни одной. Когда Беньи тем вечером пришел в «Шкуру», на стойке его ждало пиво. Он стал пить; Видар и Теему пили, стоя рядом с ним. Они сделали этот вечер почти обычным. Может, когда-нибудь все действительно станет как обычно.

Они ворвались как ураган

Мы, бьорнстадцы, хороним дорогих нам людей под самыми красивыми деревьями. Мы скорбим молча, мы говорим друг с другом тихо, и часто нам кажется, что легче сделать что-нибудь, чем что-нибудь сказать. Может быть, потому, что здесь живут и хорошие люди, и плохие, причем разницу между теми и другими заметить не так-то просто. Может, потому, что мы порой одновременно и те и другие.

* * *

Бубу пытался повязать галстук, ему это никогда не удавалось – вечно выходило то длинно, то коротко. Одна из попыток вышла совсем уж несусветной, сестры рассмеялись. Подумать только – он сумел рассмешить их в такой день. Анн-Катрин гордилась бы им.

Какие они все разные, трое ее детей, удивлялся Бубу. Родные брат и сестры, те же гены; все четверо выросли в одном доме. И все же они совершенно не похожи друг на друга. Интересно, размышлял Бубу, мама тоже так считала или просто видела в каждом из детей себя. Сколько вопросов Бубу ей не задал! В каком-то смысле смерть действует на нас, как телефонный звонок: мы кладем трубку – и через секунду понимаем, о чем забыли сказать. А там, на другом конце, остался лишь автоответчик, заполненный воспоминаниями, и обрывки голоса звучат все слабее, все тише.

Вошел Хряк и попытался помочь Бубу с галстуком, но получилось не лучше. Когда семья собиралась на чьи-нибудь похороны, галстуки и мужу, и сыну всегда повязывала Анн-Катрин. В конце концов Бубу повязал галстук на голову, как ленту, и сестрички расхохотались. Поэтому Бубу так и отправился на похороны.

Священник что-то говорил, но никто из них не слышал, что именно; они сидели впереди, сбившись как можно теснее. Анн-Катрин всегда нравилось, что ее семья – как стая, в которой все стараются согреть друг друга; она говаривала: «Дом побольше? Зачем он нам? Мы все равно собираемся в одной комнате!»

После службы люди подходили к Хряку, вспоминали Анн-Катрин. У них ничего не выходило, потому что она была слишком многим: отличной медсестрой в больнице, ценимой многими коллегой, которая никогда не сдавалась, верной и любимой подругой. Величайшей любовью одного мужчины и единственной мамой трех таких разных детей.

Хоронили одну женщину, но мир лишился стольких разных.

Каждый из пришедших в тот день в церковь жалел, что редко задавал ей вопросы. Так действует на нас смерть.

Теперь Петер и Мира как будто жили параллельной жизнью. После службы они вышли из церкви вместе, но между ними оставалось расстояние – ровно такое, чтобы их руки случайно не соприкоснулись. Каждый сел в свою машину, но ни та ни другой не вставили ключ в зажигание. Оба сломались, каждый на своем конце парковки.

Они всегда знали, как ужасно зависеть от других. Как-то теплой ночью, несколько лет назад, они сидели на крыльце дома; в новостях сообщили об автомобильной аварии, в которой погибли двое малышей, и они тогда заново пережили свое собственное горе. Если ты потерял ребенка, эта потеря растянется на всю жизнь. Мира прошептала Петеру: «Господи... как больно, любимый... когда Исак умер, мне было так больно, что живи я одна – я бы покончила с собой». Может быть, им с Петером удалось преодолеть горе потому, что они не верили, что обязаны существовать ради самих себя. Потому-то и искали то живое, ради чего надо дышать: муж, жена, дети, дело и цель, хоккейный клуб, город.

...Петер выглянул в окно и увидел, что Мира так и сидит в машине. Он подошел к ней, открыл пассажирскую дверцу и осторожно сказал:

– Надо съездить к ним, любимая. К Хряку и детям.

Мира напряженно кивнула и вытерла следы подводки из морщинок под глазами. После смерти Исака Хряк и еще один друг детства Петера, Фрак, тут же примчались в Канаду. Они понимали состояние Миры и Петера, поэтому Фрак занялся практическими вопросами вроде документов и страховки. Хряк поначалу в основном сидел на крыльце, не зная, куда себя деть, – он раньше никогда не бывал за границей. Но случайно заметил, что перила разваливаются, а перила есть перила, что в Канаде, что в Бьорнстаде, так что Хряк принес инструменты и все починил. А потом еще несколько дней чинил то одно, то другое.

– В твоей машине или в моей? – прошептал Петер.

– В моей. – Мира убрала сумочку с пассажирского сиденья.

Они поехали к Хряку и детям. На полпути Мира осторожно

потянулась к рычагу передачи; Петер взял ее за руку. И крепко сжал.

Фатима уже стояла у Хряка на кухне и готовила, Мира стала помогать ей. Амаг тоже приехал – он пошел к Бубу и его сестрам и сказал то единственное, что подросток может сказать другу, потерявшему мать:

– Может, поиграем?

Они взяли шайбу и клюшки. Бубу опять повязал голову галстуком, взял за руки сестер, и они двинулись на озеро. Лед был толстым, мир – белым, и они играли так, словно эта игра – самое важное на свете дело.

Петер нашел Хряка в мастерской – тот уже приступил к работе. Руки надо чем-то занять, чтобы сердце не разорвалась.

– Тебе помочь? – спросил Петер.

Потный Хряк растерялся и пробормотал:

– Буря повредила крышу, можешь глянуть, что там?

Иногда из-за сильного горя человек забывает, что руки у его лучшего друга растут не совсем из плеч – когда-то в Канаде этот друг не сумел привести в порядок перила в собственном доме. Но Петер любил Хряка, как любят закадычных друзей только дети, поэтому он принес лестницу и полез на крышу.

Пока он сидел наверху, не имея ни малейшего понятия, с чего начать, в лесу показалась вереница машин. Сначала Петер решил, что это родня Хряка, но, когда машины остановились, из них полезли молодые мужчины.

Теему и Видар шли первыми, за ними – Паук, Плотник и еще с десяток черных курток. В этой мастерской они ремонтировали свои машины и снегоходы, их родители – тоже; если ломались снегоочиститель, лесозаготовительная техника или даже электрический чайник, люди обращались к Хряку. И теперь, когда сломался он сам, люди пришли к нему. В мастерской Теему пожал механику испачканную маслом руку и сказал:

– Прими наши соболезнования, Хряк. С чем тебе помочь?

Хряк утер с лица пот и грязь.

– А что у тебя есть?

– Плотник, электрик, несколько просто сильных парней и еще пара абсолютно никчемных, – перечислил Теему.

Хряк слабо улыбнулся.

Петер все еще сидел на крыше, когда туда забрались Плотник с Пауком. Сначала они просто смотрели друг на друга, потом Петер набрал

воздуху в грудь и признался:

– Ничего у меня с крышей не получается. Я даже не знаю, с чего... начать.

Плотник ничего не сказал. Он просто показал Петеру, что и как делать. Потом они все втроем чинили крышу, несколько часов. Может быть, вниз они слезли опять врагами, но там, наверху, они дышали одним воздухом. Смерть нас и к этому подталкивает.

Теему зашел на кухню и резко остановился, увидев Миру. У Миры напряглись челюсти и сжались кулаки – так быстро, что Фатима инстинктивно встала между Мирой и Теему, не зная, кто из них в большей опасности. Но Теему отступил назад – плечи расслабились, голова опустилась, он, как мог, постарался уменьшиться.

– Я бы хотел помочь, – смущенно предложил он.

Потому что иногда легче что-то делать, чем говорить. Мира с Фатимой покосились друг на друга, Мира коротко кивнула, и Фатима спросила:

– Готовить умеешь?

Теему кивнул. Фатима знала, кто его мать, она понимала, что мальчику пришлось научиться готовить еще в детстве. Она попросила его порезать овощи – он порезал, без возражений. Потом Мира мыла посуду, а Теему вытирал. Не помирились, но заключили перемирие, ведь проблема с хорошими и плохими людьми в том, что большинство из нас бывает и тем и другим одновременно.

* * *

Легко надеяться на людей. Надеяться, что мир может измениться в одну ночь. Мы выходим на демонстрации после покушений, собираем деньги пострадавшим в катастрофе, ставим лайки в интернете. Но сделав шаг вперед, мы всегда делаем почти такой же шаг назад. Лишь оглянувшись назад, мы видим: всякая перемена занимает столько времени, что, когда она наконец происходит, мы ее попросту не замечаем.

В бьорнстадской школе прозвенел звонок. Начались уроки. Но Беньи стоял в сотне метров от школы, и кроссовки его словно налились цементом. Он знал, кто он теперь в глазах остальных, и даже хоккейный матч этого не изменит. Его, может быть, готовы принять на льду, пока он лучший, но ему теперь придется выкладываться гораздо больше, чем любому другому

игроку. Пусть скажет спасибо, что его вообще выпускают на лед. Потому что он не один из них. И никогда им уже не станет.

Беньи знал, что о нем все еще пишут мерзости, говорят мерзости, отпускают шуточки. И неважно, кто он, чего добился в спорте, сколько шайб забил и как отчаянно сражается на льду. В их глазах он навсегда останется этим. Люди определенной породы всегда будут отнимать у него все, чего он добьется, и сводить все к одним и тем же пяти буквам. Как на той бумажке на двери домика: буква «о» – оптический прицел, рядом «Д» и «Р», посередине торчит нож. Это все, чем ему теперь дозволено быть.

Беньи повернулся, чтобы уйти. В первый раз в жизни он испугался школы. Но поодаль стояла девушка и смотрела на него; она не двинулась с места, и все же ее голос остановил Беньи.

– Не позволяй этим сволочам увидеть, как ты плачешь.

Беньи остановился, широко открыв глаза.

– Я не смогу... как... как вообще у людей это получается?

Голос Май был слабее, чем ее слова:

– Просто входишь – и все. Голова поднята, спина прямая, и смотреть этим сукам в глаза, пока они не отведут взгляд. Беньи, в том, что происходит, виноваты не мы.

Беньи сам слышал, как сел его голос.

– Как у тебя сил хватило? Весной, после всего... как... как у тебя хватило сил?

Взгляд Май был твердым, голос – ломким.

– Я не собираюсь быть жертвой. Я намерена выжить.

Она зашагала к школе. Помедлив целую вечность, Беньи двинулся следом за ней. Мая подождала его. И дальше они пошли плечом к плечу. Их шаги были медленны, и со стороны, может быть, казалось, что они едва движутся вперед, но они вошли в школьные коридоры не крадучись. Они ворвались как ураган.

Те дни в Бьорнстаде словно слились воедино, мы не ощущали хода времени, не различали чувства. Как-то вдруг кончилась осень, настала зима – а мы едва заметили. Время катилось само по себе, а мы в основном были озабочены тем, как утром поднять себя с кровати.

Мира приезжала на работу каждый день, но все равно не чувствовала, что работает. Она приходила в контору все позже, все раньше уезжала домой, она знала, что никто не будет обсуждать ее кандидатуру, когда в следующий раз пойдет речь о руководящей должности. И на конференцию в Канаду не поедет. У Миры не было сил думать наперед, продрагаться бы сквозь день, она залипла на позиции «выжить».

Правду ей, как всегда, сказала коллега. Однажды после обеда Мира, желая спокойно ответить на звонок, по ошибке вошла в зал, где в самом разгаре было совещание по планированию; коллега проводила презентацию, представляла стратегию работы с одним крупным клиентом. Мира застыла в дверях, глядя на экран, на который коллега выводила изображения. Презентация была подготовлена блестяще, как всегда, но у Миры она вышла бы лучше. После совещания Мира набросилась на коллегу в коридоре:

– Ты же знаешь, это моя тема! Я могла бы помочь тебе! Почему ты ничего мне не сказала?

Коллега не была злой. Она не хотела обидеть Миру. Она просто сказала напрямик:

– Потому что ты сдулась, Мира.

* * *

В глубине души большинству из нас хочется, чтобы все сказки были проще, ведь мы хотим, чтобы и жизнь была простой. Но маленький город – не вода; он – лед. Он не хлынет, куда ему скажут, он может только сдвигаться сантиметр за сантиметром, как ледник. А иногда не может и этого.

В школе задирать Беньи никто не решался: дураков не было. Но каждый день ему на телефон валились анонимные эсэмэски, каждый раз, когда он открывал свой шкафчик, оказывалось, что кто-то просунул бумажку в щель между стенкой и дверцей. Все те же обычные слова, все те же старые угрозы – Беньи к ним успел привыкнуть. Он научился делать вид, что ничего не происходит, и те, кто пытался причинить ему боль, решили, что он слишком легко все воспринимает. Что его недостаточно наказали, он не страдает, и надо придумать что-нибудь еще.

Однажды Вильям Лит пришел в школу в футболке с изображением оптического прицела на груди. Оно было таким маленьким и незаметным, что Беньи едва его разглядел. На бумажке, приколотой ножом к двери домика тем утром, когда все узнали правду, имелся такой же прицел, вписанный в кружок буквы «О» в слове «ПИДОР». Бумажку Беньи тотчас порвал, и в сети ее изображения не было. Значит, в точности воспроизвести прицел мог лишь человек, который повесил бумажку на дверь.

Вильям Лит хотел, чтобы Беньи знал: бумажку повесил он. Хотел, чтобы Беньи запомнил тот нож. Победить в хоккейном матче оказалось недостаточно.

Беньи встретил его взгляд. Они стояли в коридоре, их разделяло несколько метров, был обычный день длинного осеннего семестра, прочие ученики бестолково толклись в коридоре, направляясь кто в буфет, кто в столовую. Парней разделяла только секунда. Между красным и зеленым. Быком и медведем. Рано или поздно один из них уничтожит другого.

В хоккейной серии все команды играют друг с другом дважды за сезон: домашний матч и матч выездной. До сих пор «Бьорнстад-Хоккей» всегда побеждал у себя дома, а «Хед-Хоккей» – у себя. Расписание игр неумолимо приближало ответный матч. На этот раз – в ледовом дворце Бьорнстада.

Всякий спорт – это сказка, вот почему он нас так затягивает. А у этой сказки конец, конечно, возможен только один.

* * *

Мая прогуливала школу, но день для этого она тщательно выбрала: уроков сегодня почти не было. Даже нарушая правила, она нарушала их не слишком. Девушка села в автобус и поехала далеко, дальше своей обычной остановки; войдя с письмом в руке в кирпичное здание, она спросила в

приемной, где найти адвоката. Когда она вошла в кабинет матери, Мира от неожиданности перевернула чашку с кофе.

– Милая! Что ты здесь делаешь?

Мая давно не бывала у мамы в конторе, хотя в детстве она любила сюда приходить. Другие дети скучали, оказавшись на работе у родителей, а Мае нравилось, какая мама тут сосредоточенная. Как она горит. Тогда-то Мая и поняла, что некоторые взрослые ходят на работу, потому что любят ее, а не только потому, что им за это платят. Поняла, что работа может быть счастьем.

Она с тревогой положила письмо матери на стол: вдруг Мира почувствует себя брошенной?

– Это... из музыкальной школы. Я подавала заявление... просто... мне просто хотелось знать, могу ли я поступить. Отправила туда записку, где я играю свои мелодии, и...

Глянув на письмо и едва прочитав имя отправителя, Мира захлюпала носом. Вся свою юность она зубрила как проклятая, чтобы получить сугубо академическое образование, она мечтала изучать юриспруденцию, хотя никто в роду даже не попытался поступить в университет. Мире хотелось понятных правил и рамок, надежности и карьерного роста. И детям она желала того же: жизни, от которой человек знает, чего ждать, жизни, свободной от разочарований. Но дочери никогда не бывают такими, как матери, и Мая влюбилась в самое вольное, самое свободное от правил, что только знала. В музыку.

– Тебя приняли. Конечно, тебя приняли, – гордо высморкалась Мира, не в силах встать с места.

Мая всхлипнула, сглотнула:

– Мне разрешили начать в январе. Я знаю, что это ужасно далеко, надо будет найти деньги, я пойму, если ты не захочешь...

Мира уставилась на нее:

– Не захочу? Ну конечно, я... милая... я никогда еще не была так рада за тебя!

Они обнялись, и Мая проговорила:

– Я хочу поступить туда ради себя самой. Сделать что-то только ради себя. Понимаешь?

Мира понимала. Лучше, чем кто-либо еще.

На следующий день она приехала в офис раньше всех. Когда коллега пришла на работу, Мира уже сидела на своем месте. Коллега подняла брови. Мира нахмурилась:

– И не говори мне больше, что я сдулась! Я только и ДЕЛАЮ, что не сдуваюсь!

Коллега ухмыльнулась и прошептала: «Заткнись и выстави счет!» Обе они тем утром уволились. А после обеда подписали контракт на помещение, о котором мечтали. И основали собственную фирму.

* * *

Бьорнстадцы не из тех, кто устраивает уличные демонстрации. Мы не выходим на парады, мы выражаем свои взгляды по-другому. Может, в большом мире у людей такое и не укладывается в голове, но случайностей у нас тут почти не бывает. Даже если что-то и кажется беспричинным, скорее всего, это не так.

Первые домашние матчи сезона «Бьорнстад-Хоккей» играл при стоячей трибуне – Петер, кажется, наивно надеялся, будто его слов о том, что ни один плотник не согласен ее снести, окажется достаточно. Но новые владельцы фабрики в конце концов прислали электронное письмо, в котором недвусмысленно давали понять: «Если клуб не займется вплотную удалением с матчей банды хулиганов, известной как «Группировка», мы не видим иного выхода, кроме как разорвать договор о спонсорской помощи».

Так что, когда в начале зимы публика съехалась на один из домашних матчей, перед стоячей трибуной выстроились специально нанятые охранники, а за их спиной тянулась в два ряда лента ограждения.

В тот год всем предстояло сделать тяжелый выбор. Петеру – чтобы спасти клуб. Группировке – чтобы ответить на это и спасти себя.

Петер занял место в верхнем ряду сидячей трибуны; он ждал криков, даже приготовился, что кто-нибудь бросится бить ему морду. Но никто даже не взглянул в его сторону. Ледовый дворец бурлил, но не было видно транспарантов, никто не размахивал плакатами. Все вели себя так, будто это совершенно обычный матч.

Когда наш город выбирает, на чью сторону встать, некоторых мелочей можно не заметить, хотя они происходят прямо у тебя под носом. Большая часть хоккейной публики здесь – приличные люди, которые не станут защищать насилие, многие из них поругивали Группировку на собственных кухнях, ворчали, что из-за «громил» о клубе идет дурная слава, что они

отпугивают и игроков, и инвесторов. Но когда выбираешь ту или иную сторону в конфликте, речь чаще идет не о том, с кем ты, а о том, против кого. Бьорнстадцы, конечно, могут собачиться между собой, но против чужаков всегда объединятся.

Если некое богатое предприятие покупает фабрику и распоряжается нашими рабочими местами по своему усмотрению, мы ему помешать не можем, но если, купив предприятие, кто-то решил, что купил клуб и может указывать нам, как жить, то не с тем городом он связался. Группировка для многих была символом насилия и агрессии, но для тех, кому она помогла убрать упавшие деревья из сада, для тех, кого потом пригласили выпить пива в «Шкуру», Группировка была и другим. Горсткой тех, кто не позволяет плевать себе в лицо и не желает прогибаться под власть, деньги или политику. Людей, не лишенных недостатков, порой совершающих ошибки, но вызывающих общее сочувствие. Особенно во времена вроде нынешних.

Не сказать что это так уж хорошо. И не то чтобы так уж плохо. Просто так уж оно есть.

Черные куртки Петер заметил далеко не сразу – они рассредоточились по сидячим трибунам. Конечно, он такое допускал, вот только черных курток оказалось значительно больше, чем раньше. Несколько сотен. Причину Петер осознал, лишь когда начал рассматривать каждую куртку. В черных куртках пришли не только члены Группировки. Здесь были пенсионеры, молодые родители, рабочие с фабрики, кассирши из магазина и сотрудники управления муниципального жилья. Это не была демонстрация, лозунгов никто не выкрикивал, и спроси Петер всех их напрямую, они разыграли бы недоумение: «О чем это вы? Нет-нет, просто случайное совпадение!» И Петер ничего не смог бы доказать – куртки были самые разные, из разного материала. Но все – одного цвета. А совпадения в Бьорнстаде случаются очень редко.

Никто не удивился, что трибуна окажется огорожена, поскольку кое-кто проследил, чтобы слух загодя дошел до нужных людей. И Петер знал, кто этот кое-кто. Свои планы Петер изложил только правлению клуба, чтобы получить от правления согласие нанять дополнительную охрану. Петер сделал ход, Рамона ответила. Петер дал ей место в правлении, чтобы она могла принимать решения, которые, с ее точки зрения, были лучшими для клуба. И теперь Петер столкнулся с последствиями.

В перерыве между первым и вторым периодами с краю трибуны поднялся молодой мужчина. Хорошо одетый, аккуратно причесанный, он совсем не выглядел агрессивным, а если бы кому-нибудь из его ближайшего окружения задали вопрос, его приятели ответили бы: «Этого? Нет, не знаю. Как, вы сказали, его зовут? Теему Ринниус? Первый раз слышу».

Он спокойно и деловито спустился с сидячих мест, прогулялся вдоль бортика и свернул вверх, к огороженной лентой стоячей трибуне. Двое охранников не сделали ни малейшей попытки его остановить. Теему забрался на стоячую трибуну, беззаботно продефилировал по ней, даже остановился завязать шнурок. Поглядел поверх арены, выискивая в человеческом море Петера Андерсона. Потом пересек трибуну, вылез с другой ее стороны, как ни в чем не бывало сходил за кофе. Все всё поняли. Теему только что сообщил Петеру, что это его трибуна, и он заберет ее, когда захочет.

Через несколько минут началось скандирование. Сначала скандировали только на трибуне с противоположной стороны зала, но потом, как по команде, люди на рядах ниже Петера подхватили речовку. Никто не смотрел Петеру в глаза, но люди в черных куртках обращались к нему: «Мы повсюду! Мы повсюду! Мы повсюду! Кто захочет нас нагнуть – пусть попробует рискнуть! Мы повсюду! Мы повсюду, всюду, всюду, мы повсюду!»

Это прокричали раз десять. Потом завели другое: «Не прогнетесь вы – не прогнемся мы!» После этого постояли молча, дисциплинированно и сосредоточенно, демонстрируя, как тихо может быть во дворце. Как не будет хватать поддержки Группировки, если она исчезнет.

А потом, словно по неслышному приказу, они снова принялись скандировать, и их речовку подхватил уже весь ледовый дворец. Старые и молодые, черные куртки, белые рубашки и зеленые футболки: «Мы медведи, мы медведи, МЫ МЕДВЕДИ ИЗ БЬОРНСТАДА!»

В том матче «Бьорнстад-Хоккей» победил со счетом 7:0. Разгромил соперников вдребезги. Скандирование на трибунах стало оглушительным, две зеленых стены поднялись по обе стороны арены. Во дворце царило грохочущее чувство единения. Мы против всех. Бьорнстад против остального мира.

Еще никогда в жизни Петеру не было так одиноко.

На следующее утро в газете появилось интервью с местным политиком Ричардом Тео. Журналист спросил, что тот думает о решении «Бьорнстад-Хоккея» закрыть стоячую трибуну, и Тео ответил: «“Бьорнстад-Хоккей” – клуб для всех. Он не принадлежит ни элите, ни политическому истеблишменту, он принадлежит простым людям – порядочным и работающим жителям этого города. Я сделаю все, чтобы убедить спортивного директора не трогать стоячие места. Никто не умеет так поддержать дух наших ледовых бойцов, как фанатская группа! Клуб «Бьорнстад» принадлежит людям!»

Пару часов спустя Петер получил от владельцев фабрики новый имейл. Они передумали. Они вдруг «осознали огромную ценность стоячей трибуны для местного общества». Так Петер и узнал, что его провели, что его дурачили с самого начала.

Вечером он в одиночестве сидел на кухне и ждал, когда в замке щелкнет ключ. Замок молчал. Мира оставалась на работе допоздна. Когда она наконец вернулась домой, Петер уже спал на диване. Мира укрыла его пледом. На столе стояли бутылка вина и два бокала.

Буря и натиск

В такое позднее время жечь свет в ледовом дворце казалось не слишком рационально, но, когда Бубу пришел туда, Элизабет Цаккель стояла на льду и била по шайбам. Уходя из дома, Бубу не знал, застанет ли ее там, но все же надеялся. Он почитал младшим «Гарри Поттера», пожелал им спокойной ночи, убрался и постирал. А потом собрал баул и пришел во дворец. Его вел инстинкт. Спать не хотелось, мозг упрямо прокручивал мысли, а Бубу знал лишь одно место, где он это прекратит.

– Поучите меня стоять на коньках? – крикнул он.

Цаккель повернулась к Бубу. Такой острой потребности сбежать от жизни она еще не видела ни у кого.

– В смысле? – отозвалась она.

– На той первой тренировке вы спросили, почему никто не научил меня стоять на коньках!

Это была не констатация, а мольба. Цаккель задумчиво оперлась на клюшку.

– Почему ты любишь хоккей?

Бубу прикусил нижнюю губу:

– Потому что хоккей... это круто?

– Так себе ответ.

Бубу тяжело посопел. Сделал еще одну попытку:

– Я... когда я играю, я знаю, кто я. Чего от меня ждут. Все остальное... так трудно. А хоккей – это... я просто знаю, КТО я...

– Ладно. Поучу тебя кататься. – Цаккель постучала клюшкой об лед – скорее одобрительно.

Бубу шагнул на лед, подъехал к ней и остановился:

– А ВЫ почему любите хоккей?

Цаккель пожала плечами:

– Хоккей любил мой отец. А я любила отца.

– А что ЕМУ нравилось в хоккее? – Бубу наморщил лоб.

– Он говорил, что хоккей – это симфоническая музыка. Папа любил классику. «Штурм унд дранг».

– Это группа? – спросил Бубу, и Цаккель громко рассмеялась. Так необычно.

– Это значит «буря и натиск». Папа давал мне слушать музыку, снова и снова, и говорил: «Все чувства разом, Элизабет, ты их слышишь? Штурм унд дранг!» Так он чувствовал хоккей. Буря и натиск. Всегда.

Бубу надолго задумался и наконец спросил:

– А почему вы ночью приходите сюда и гоняете шайбы?

И Цаккель улыбнулась:

– Потому что это круто.

Потом она учила Бубу правильно скользить. Через несколько часов Бубу спросил, сможет ли он стать по-настоящему хорошим хоккеистом. Цаккель покачала головой и ответила: «Нет. Но можешь стать вполне приличным тренером, если поймешь, в чем твоя польза для команды».

Остаток ночи Бубу ворочался, размышляя над ее словами. На следующий день на тренировке он вышел из раздевалки, на скорости прокатился через площадку и всей массой врезался в Беньи. Беньи, не понимая, что происходит, поднялся и уставился на него:

– Что за...

Бубу тут же треснул его клюшкой по ногам. У Беньи потемнели глаза.

– Да что с тобой?

Бубу, не отвечая, снова ударил его клюшкой по ногам. Остальная команда наблюдала за происходящим, не зная, что предпринять. Бубу потерял мать, тут любой будет не в себе, но все понимали, что еще одного удара Беньи не спустит.

– Бубу, ну хватит... – осторожно начал Аमत, но Бубу уже ударил еще раз.

Никто не успел остановить Беньи; Бубу был одним из самых тяжелых игроков в команде, но Беньи отправил его к самому бортику, швырнул перчатки на лед и помчался на Бубу со сжатыми кулаками.

– А ДРУГИЕ, ПО-ТВОЕМУ, НЕ БУДУТ? – прокричал ему Бубу.

Беньи в недоумении притормозил.

– Чего?

– Как ты думаешь, что будут делать ДРУГИЕ? Все, с кем мы будем играть, станут провоцировать тебя, они ЗАХОТЯТ, чтобы ты полез в драку! Они ЗАХОТЯТ, чтобы тебя удалили с поля!

Беньи молча смотрел на Бубу. Остальные игроки – тоже.

– Вообще-то он прав, – пробормотал Аमत. – Люди будут выкрикивать гнусности, пока не найдут у тебя больное место. Тебе нельзя поддаваться. Ни тебе, ни Видару. Вы слишком важны для команды.

Беньи свирепо раздувал ноздри, однако наконец он пришел в себя и

помог Бубу подняться.

– Ладно. Валяй дальше в том же духе.

Начиная с той тренировки Бубу изобретал все более изощренные способы вывести из себя Беньи и Видара. Иногда ему это удавалось, и тогда он возвращался домой в синяках, хотя оба подопытных знали, что именно этого он добивается. Оказалось, что и у Бубу есть свой неповторимый талант: выбешивать людей.

* * *

Когда Беньи однажды утром открыл шкафчик, на дне, как всегда, лежали бумажки. Но одна записка отличалась от прочих. Всего одно слово: «Спасибо». На следующий день в шкафчике оказалась еще одна такая, другим почерком; в ней значилось: «Я сказала сестре, что я бисексуалка». Еще через несколько дней обнаружилась третья записка; третий неизвестный писал: «Я никому ничего не говорил, но когда соберусь, то скажу не что я гей, а что я такой, как ты!» Потом пришла анонимная эсэмэска: «Все говорят про тебя как символ надеюсь ты понимаешь как ты важен нам кто нерешаеця что то сказать!!!!!!»

Просто короткие записки и сообщения. Просто слова. Просто безымянные голоса, которые захотели сказать ему, что он для них значит.

Беньи выбросил их в ту же мусорную корзину, что и остальные записки. Он не знал, что отвратительней. Угрозы или такая вот любовь. Презрение или ожидания. Ненависть или ответственность.

Приходили эсэмэски и другого рода. Все они начинались одинаково: «Здравствуйте! Не знаю, на правильный ли номер пишу. Это ведь вы тот хоккеист-гомосексуал? Я журналист и хотел бы взять у вас интервью...» Однажды утром Беньи с сестрами отправились на озеро, пробуравили лунку, и Беньи утопил телефон в ледяной воде. Потом они сделали еще несколько лунок и остаток дня ловили рыбу, пили пиво и хранили молчание.

К тому времени, когда «Бьорнстад-Хоккей» играл следующий выездной матч, слухи о Беньи успели докатиться и до этого городка. В каждом городе отныне оказывались люди, которые выкрикивали самые гнусные слова, какие только могли придумать, чтобы вывести Беньи из равновесия. Но Беньи не поддавался – вместо этого он забивал шайбы. И

чем громче орали фанаты, тем результативнее он был на льду. После матча Бубу обнял его и радостно заорал:

– Если они тебя так ненавидят, значит, ты делаешь все как надо! Ты – лучший! Если бы ты не был лучшим, они бы тебя так не ненавидели!

Беньи выдавил улыбку. Сделал вид, что все норм. Но в голове вертелось одно: сколько ему еще оставаться таким. Лучшим. Когда, наконец, ему позволят просто играть.

* * *

Любовь, настигшая Ану и Видара, была такого рода, что никто из них не понимал, как себя вести. Так что они просто гуляли вместе – каждый день наматывали круги по лесу. Снег в лесу становился все глубже, как и их влюбленность.

Однажды Видар коснулся ее, и Ана истерически зарыдала. Видар не понял, в чем дело, и Ана рассказала о Беньи. Как все всё узнали, про фотографию, про вспышку Маинового гнева.

– Я тебя не заслуживаю, я такой ужасный, такой мерзкий человек! Я, наверное, психопатка! – кричала Ана.

Видар стоял перед ней словно голый.

– Я тоже.

Ну как можно было после такого не влюбиться в него еще больше? Может, кто-нибудь это и знает. Только не Ана.

Когда они на следующее утро шли в школу, Ана высмотрела Беньи. Ович открыл шкафчик, оттуда посыпались записки, и Ана поняла, что в них, она знала, сколько чужой ненависти приходится Беньи теперь носить в себе.

– Я должна... – прошептала она Видару.

Видар хотел остановить ее, но не сумел. Ана вдруг кинулась через весь коридор. Беньи удивленно поднял на нее глаза и хотел спрятать бумажки.

– Я знаю, что ты меня ненавидишь, но... – начала Ана, но договорить не успела – из глаз полились слезы, голос сел.

– С чего мне тебя ненавидеть? – удивился Беньи, и тут только Ана поняла, что Мая никому ничего не сказала – даже ему.

– Это я... я... сфотографировала тебя и... я! Все, что тебе приходится выносить, – во всем я виновата! Я!

Ее лицо скривилось от стыда, этот стыд уже не изгладится из ее души. Ана трясло. Она побежала – из коридора, из школы, прочь, прочь. Беньи

застыл на месте, а потом встретился взглядом с Видаром. С вратарем творилось небывалое: он колебался.

– Она... – начал было Видар, но Беньи перебил его:

– Все нормально. Беги за ней.

И Видар побежал. Побежал за Аной, догнал ее уже через километр с лишним, она была быстрой и такой сильной, что Видар не сумел ее остановить. Поэтому он бежал рядом с ней. Прямо в лес. Наконец оба выдохлись. Упали в сугроб и остались лежать.

Видар ничего не говорил. И это лучшее, что можно было сделать для Аны.

* * *

Мая сидела в столовой в одиночестве – как и в любой другой день. Но вот кто-то неожиданно опустился напротив, словно его пригласили присесть. Мая подняла глаза; Беньи наставил палец на ее тарелку:

– Сама доешь или мне можно?

Мая улыбнулась:

– Мне не следует сидеть рядом с тобой. Про тебя плохо говорят.

Беньи явно впечатлился:

– Вот тут обидно было.

– Ну, извини, – рассмеялась она.

Иногда Беньи надо было посмеяться над всей этой гнусью – чтобы ее вынести. Он ухмыльнулся. А потом попросил:

– Прости Ану.

– Что?

– Она призналась, что это она выложила те фотографии... где я и...

Его голос сорвался. Беньи был бесконечно сильным и необъяснимо слабым одновременно. Иногда он так напоминал Мае Ану.

– Простить?! После той гадости, что она тебе сделала?

– Но вы как сестры. А сестры прощают друг друга, – выговорил Беньи.

Потому что он знал, что такое сестры.

Мая склонила голову набок:

– А ты простил Ану?

– Да.

– Почему?

– Потому что людям случается ошибаться, Мая.

Дальше Мая ела в молчании. Но после уроков прошла через весь Бьорнстад, постучалась в дверь, а когда Ана открыла, тут же сказала:

– Надевай спортивный костюм.

Ана не стала спрашивать зачем.

Это спасло их дружбу.

Вишня зацветет посреди зимы

В Бьорнстаде говорят, что когда наш маленький город породит по-настоящему великого спортсмена, то здесь, в глубине лесов, словно вишня зацветет посреди зимы.

Нашей первой вишней стал Петер Андерсон, который дошел до НХЛ, и неважно, что он сыграл не так много матчей, что травмы так рано погубили его карьеру. Он попал в лучшие. Один из нас забрался на вершину мира. Петер тогда изменил целый город, он обрек нас на жизнь, полную неумиряющих надежд на несбыточные мечты.

* * *

Закариасу исполнилось шестнадцать. В историях, подобных нашей, такие персонажи легко забываются. В городе Закариаса знали только как «приятеля Амата». Аamat был известен, потому что хорошо играл, а хоккей в наших краях единственное, что идет в счет. А жизнь Закариаса оставалась как бы на заднем плане.

Они с Ааматом росли вместе с Лифой, и вряд ли существовало на свете еще трое таких разных мальчишек. Родителям Закариаса Лифа никогда не нравился, особенно после того, как его стали замечать в обществе «бандитов», как родители Закариаса называли всех обитателей Низины, которым, видимо, нечем было заняться. Но Аamat – Аамата родители Закариаса боготворили. Когда его взяли в основную команду, они гордились им, как собственным сыном. Словно хотели, чтобы он был их сыном. Мальчик вроде Закариаса не мог этого не заметить.

Закариас играл в хоккей до прошлой весны, хотя в каждой команде он оказывался худшим, да и не любил он хоккея. Он ходил на тренировки ради родителей и выдерживал игры ради Аамата. Когда ему объявили, что в этом сезоне юниорской команды не будет, он испытал облегчение: наконец-то можно с этим покончить. Все, чего ему хотелось, – это сидеть дома за компьютером. Поэтому, когда мать с отцом в один прекрасный день явились домой, крича, что «Бьорнстад-Хоккей» проводит «открытую тренировку!», внутренности у Закариаса стянуло в узел от страха.

– Ты должен пойти!

Закариас никогда не сумел бы объяснить родителям, как над ним издевались все последние годы. Из-за всего: веса, внешности, места, где он живет... Родители ничего не замечали. Они были из поколения Петера Андерсона: из поколения несбыточной мечты. Закариас забормотал:

– Мама, все устроено не так, нельзя просто явиться и...

Но отец перебил его:

– Это ОТКРЫТАЯ тренировка! Прийти можно всем! А «Бьорнстад-Хоккей» теперь спонсирует ФАБРИКА! Ты только скажи тренеру, что...

– Что «скажи»? Что она должна допустить меня к игре только потому, что мой отец работает на фабрике? – резко спросил Закариас и тут же пожалел об этом.

«Бьорнстад-Хоккей» начинался как команда заводских рабочих, старые работяги так и считали ее фабричной командой. Когда новые владельцы фабрики пообещали больше рабочих мест тем, у кого нет работы, и больше работы тем, у кого она есть, и к тому же начали спонсировать клуб, отцу Закариаса показалось, что вернулись старые добрые времена. Процветающий город, команда в элитном дивизионе, надежные рабочие места, и тогда у семьи, может быть, появится шанс покинуть квартиру в Низине и купить таунхаус. Не большой, не ради хвастовства – ради еще одной комнаты и кухни побольше. И зимнего отопления получше.

– Извини, папа... я не хотел... – тихо сказал Закариас.

Глаза у отца светились счастьем. Для него и для матери Закариаса перспектива того, что их сын снова выйдет на лед в свитере с медведем на груди, означала безграничные возможности. Поэтому Закариас отправился на открытую тренировку. Разумеется.

Он выложился по полной. Хотя хорошей игрой это и близко не было. После тренировки он не удостоился даже похлопывания по плечу – тренерша просто сказала: «К сожалению, команда уже укомплектована». Больше она на него даже не взглянула.

Когда Закариас вернулся домой, родители, похоже, едва удерживали слезы. Вспоминая через много лет этот день, Закариас поймет, сколько в этом было бесконечной любви: родители до такой степени не понимали, какой он слабый хоккеист, что огорчились.

Вечером они с матерью опять поругались из-за компьютерной игры. Закариас пытался объяснить, какой он сильный игрок, что он может потягаться с лучшими из лучших. Что его даже пригласили на соревнования в другой город.

– Соревнования? В чем там соревноваться? Это

КОМПЬЮТЕРНЫЕ ИГРУШКИ, Закариас, это же не СПОРТ! – фыркнула мама.

* * *

Закариас играл всю ночь, но эти слова засели у него в груди как нож.

* * *

Алисии еще не исполнилось пяти лет; детям ее возраста обычно не так хорошо удается сбегать из детского сада, как удавалось ей. «А что нам делать! У нас не тюрьма!» – твердили воспитатели, когда Суне явился туда с девочкой раз, наверное, в двадцатый. «Ей кажется, что тюрьма», – ответил Суне. Алисия обожала его за то, что он ее понимал.

Он так и таскался с ней каждый день из ледового дворца в детский сад; она все равно потом сбегала, чтобы посмотреть тренировки. Любые. Основной команды, детской команды, фигуристов – без разницы. И как только лед пустел, она в минуту надевала коньки и выскакивала играть. Как можно было ей помешать?

Однажды, когда Суне в очередной раз изловил ее и водворил в детский сад, воспитатели, движимые состраданием, пригласили его выпить кофе. Под конец все поняли, что будет проще, если Суне станет забирать Алисию из детского сада утром, самолично отводить девочку в ледовый дворец, а после обеда возвращаться с ней в детский сад и пить кофе.

Как-то, поздней осенью или в начале зимы, воспитатели пожаловались, что помещения детского сада заросли плесенью; персонал обращался в местную администрацию с просьбой о ремонте, но в ответ было сказано, что альтернативных помещений в городе нет. Суне поглядел на Алисию. Задумался. А придя в ледовый дворец, направился напрямик в кабинет Петера Андерсона. – Тебе действительно нужны все эти помещения?

– В смысле?

Суне взмахнул рукой, охватывая жестом весь верхний этаж ледового дворца.

– Почти все кабинеты пустуют! Здесь только ты, я и Цаккель! А еще кто? Несколько клерков на полставки? Вахтеры?

– Тут больше никого нет. Клуб – это... мы, – кивнул Петер.

Суне взял с его стола бумагу и ручку и начал черкать, словно маркером на доске.

– Вот эти стены снести. Провести нормальную вентиляцию. Мы сможем его построить!

– Прости, ты о чем? – удивился Петер.

– Больше чем клуб! Мы сможем построить больше чем клуб! – прогремел Суне.

На следующий день он отправился в администрацию с планом устройства детского сада в помещениях ледового дворца. Большинство местных политиков призадумались, кто-то отозвался о плане издевательски, но один из них мигом оценил потенциал идеи. И когда другие политики ответили «нет», этот отправился на родительское собрание в детский сад и поднял имейл-бурю. В конце концов муниципальный бюджет перекроили, и Суне получил деньги на устройство первого в Швеции «ледового детского сада». Той зимой дети играли на коньках не меньше, чем в обычной обуви. Через много лет Алисия признается: именно эти дополнительные тренировки сделали ее такой быстрой и техничной.

Она не вспомнит, что политик, который пришел на родительское собрание, звали Ричард Тео. Но на следующих выборах окажется, что очень многие проживающие в городе молодые родители его запомнили.

Это просто спорт, не устаем уговаривать мы себя.

* * *

Поздно вечером Аамат позвонил Закариасу:

– Чем занимаешься?

– Прохожу второй гейм, – ответил Закариас.

Аамат привык относиться к этому слову с насмешкой. «Гейм» вместо «компьютерная игра», как будто Закариас хочет, чтобы это звучало, как... что-то спортивное.

– Не хочешь выйти на минутку? – спросил он.

– Выйти? Сейчас? Да там холод, как у полярного медведя в жопе!

Аамат рассмеялся:

– В жопе не холодно даже у полярных медведей. Выходи!

– Зачем?

Амат сглотнул:

– Потому что я так стараюсь из-за игры с Хедом, что спать не могу. Выходи давай.

И Закариас вышел. Разумеется. Они бродили по Низине, мерзли, трепались ни о чем, как в детстве, когда им особо некуда было пойти.

– Как дела с геймами? – спросил Амат.

– Ну хватит, – обиделся Закариас.

– Нет! Я серьезно. Расскажи... я... короче, мне просто надо говорить о чем угодно, только не о хоккее.

Закариас надулся, но потом сказал:

– Неплохо. По-настоящему хорошо. Меня пригласили на соревнования...

– А можно мне приехать посмотреть? – тут же спросил Амат.

Закариас испытал такую гордость, которой не передать словами. Поэтому просто буркнул:

– Само собой.

Но тут же сердито добавил:

– Только если ты не собираешься нести ту же парашу, что и мои родители! Что это не настоящий спорт, раз это не хоккей!

– Они правда так говорят? – виновато пробормотал Амат.

Закариас пнул сугроб.

– Они мечтают о таком сыне, как ты, Амат. В этом городе в зачет идет только хоккей.

Амат промолчал. Он не знал, что ответить.

* * *

Когда Мая пришла в сарай при питомнике, Жанетт молотила мешок с песком. Ана подозрительно остановилась в дверях.

– Можно ей тоже на тренировку? – спросила Мая.

Жанетт от неожиданности рассмеялась:

– Ну конечно! Нас трое, это почти что настоящий клуб!

Она не была готова к тому, что сейчас произойдет, – ни одна из них не была готова, сама Ана тоже. Но когда Жанетт показала захват, который они отработывали с Маей, и Мая пыталась запомнить, как выкручивать руки и ноги, чтобы высвободиться, Ана попросила:

– Можно мне попробовать?

– Это уже... продвинутый уровень. – Жанетт поколебалась. – Может, начнем с чего попроще?

– Можно попробовать или нельзя? – настаивала Ана.

И Жанетт разрешила, потому что иногда спортсмену полезно познать вкус неудачи. Но вся штука в том, что неудачи не случилось. Жанетт показала движение, Ана с первой попытки повторила его без ошибок. Жанетт показала движение посложнее, потом еще сложнее; все эти приемы Ана повторила со второй, много с третьей попытки.

Через двадцать минут Жанетт уже отдувалась, упершись руками в колени, но Ана не выказывала признаков усталости. Когда-то тренер рассказывал Жанетт о «физическом интеллекте» – что некоторые борцы обладают подобием абсолютного слуха у музыкантов: таким достаточно увидеть движение, и тело сразу понимает, как его воспроизвести. В детстве Ана несколько лет играла в хоккей, но единоборствами не занималась, и все же казалось, что ее тело создано именно для этого. Она выросла в лесу, бегала по неровной земле, прыгала, лазала по деревьям. Дочь охотника и рыбака, она с самого детства тропила зверя, стреляла и таскала вместе с отцом тяжелую добычу, она сгребала снег, рыла канавы и бурила лунки в озерном льду. Она была сильной, гибкой и выносливой, и жилистой, как свиное филе в баре «Шкура».

Жанетт подняла ладони и велела:

– Бей изо всех сил.

– По-серьезному? – уточнила Ана.

Жанетт кивнула:

– Бей изо всей силы!

Мая сидела на полу. Она никогда не забудет того, что произошло: Ана ударила так быстро и так сильно, что Жанетт грохнулась на спину. И Жанетт, и Мая захохотали. Ана даже не поняла, что такого удивительного она сотворила, но Жанетт уже обдумывала ее карьеру.

Три женщины в сарае обливались потом. Окрестности лежали под снегом, замороженные насквозь и погруженные в темноту и минусовые температуры.

Но цветущей вишней пахло на весь город.

* * *

Рано утром в дверь позвонили, мама Закариаса открыла. На пороге

стоял Аамат. Мама Закариаса и обрадовалась, и огорчилась. Сначала обрадовалась:

– Аамат, как здорово! ПОЗДРАВЛЯЮ с переходом в основную команду, мы так ГОРДИМСЯ тобой. Подумать только – ты столько лет бегал тут у нас! Ты, наверное, думаешь, что мы хвастаемся этим перед соседями! А как, наверное, мама тобой ГОРДИТСЯ!

Но не успел Аамат ответить, как она удрученно добавила:

– А Закариаса, к сожалению, нет! Уехал играть на компьютере с какими-то приятелями. А туда ехать несколько часов! Представляешь? Чего ради?

Аамат глубоко вздохнул, потому что он любил родителей Закариаса, но все же решительно сказал:

– Зак уехал не «играть с какими-то приятелями». Он поехал на важные соревнования. За честь поехать туда он боролся с тысячами других. Поедьте со мной, посмотрим.

В глубине прихожей появился отец Закариаса. Он не хотел обидеть Аамата, но все же фыркнул:

– Здорово, конечно, что ты на его стороне, но компьютерные игрушки – это не настоящий спо...

Аамат уперся в него взглядом:

– Мы с Заком с детства соревнуемся, кто из нас первым станет профи. Он победит. Если вы не поедете смотреть, как это произойдет, то будете потом всю жизнь жалеть.

И прежде чем они успели ответить, Аамат стал спускаться по лестнице.

Когда Закариас вошел в огромный павильон, где проводились соревнования, в городе в нескольких часах езды от Бьорнстада, Аамат был уже там. Не великая армия, но все же армия.

Место, где рядами выстроились компьютеры, окружали полные народа трибуны, под потолком висели экраны, из динамиков гремела музыка.

– Это... почти как хоккей, – изумленно признал отец Закариаса.

Они с мамой Закариаса успели догнать Аамата на железнодорожной станции. И приехали сюда вместе. В павильон родители вошли неохотно, ничего не понимая, но еще до конца тайма вокруг них начали собираться восторженные зрители, люди аплодировали чему-то, что делал Закариас. Он одержит победу; Аамат восторженно завопит, родители тоже. Какой-то незнакомец обернется к ним и спросит:

– Вы его знаете?

- Это мой сын! – воскликнет мама Закариаса.
- Незнакомец одобрительно кивнет и скажет:
- Вы, наверное, им очень-очень-очень гордитесь.

Подумаешь. Это просто спорт. Даже это.

Мама Миры Андерсон как-то сказала Мире: «С семьей самое сложное то, что с ней никогда не справишься». Ее слова не шли у Миры из головы, пока они с коллегой обставляли свой офис, охотились за клиентами, пытались нанять персонал, вели переговоры с банком и тревожились из-за денег. Телефон Миры не умолкал. Она смотрела на фотографию детей на столе и задавала себе все тот же молчаливый вопрос: ради кого строишь карьеру? Стоит она всех жертв? Кто бы знал.

Петер вернулся в пустой дом. Мира была на работе, дети – где-то с друзьями. Петер приготовил ужин, в одиночестве поел, сидя перед телевизором: показывали хоккейный матч. Телефон молчал. Когда Петер только начал работать спортивным директором, много лет назад, он ненавидел звук телефонного звонка, потому что телефон трезвонил не переставая. Сегодня вечером Петеру так не хватало этого звука.

Мая вставила ключ в замок, вошла в дом. Отец встал с дивана, пытаясь не показать, как он рад, что он теперь дома не один. Мая вымоталась на тренировке, но, увидев отцовское лицо, сходила за гитарой. Они сыграли в гараже три песни. Потом Мая спросила:

- Мама говорила тебе? Про... музыкальную школу?

Петер удивился. Потом смутился:

– Понимаешь... мы с твоей мамой... у нас в последнее время не было времени поговорить.

Мая принесла письмо.

– Я начинаю в январе. Это далеко отсюда, мне надо будет уехать, одолжить деньги, но... мама сказала, что все нормально.

Петер пытался удержать себя в руках; не вышло.

– Я только хочу, Огрызочек, чтобы ты была... счастлива... счастлива! – выговорил он.

– Знаешь, пап, а мне больше всего хочется, чтобы и ты тоже... – прошептала дочь.

Лео шел один через Бьорнстад. Без цели, без плана – просто шатался по городу. Когда он вырастет, то, думая о той зиме, вспомнит, как ему

хотелось чем-то гореть. У всех было что-то, что они любили не рассуждая: у отца – клуб, у матери – собственная фирма, у Майи – музыка. Лео страстно хотелось иметь что-то свое. Может быть, он отыщет свое дело, может быть, из этого выйдет другая история.

Но когда он вернулся тем вечером домой, мама была на работе, а старшая сестра уже спала. Отец сидел в гостиной перед телевизором. Лео разделся, подумал, как все, кто недавно стал подростком, не шмыгнуть ли сразу в свою комнату, но именно в тот вечер он не пошел к себе – он подошел к дивану. Сел рядом с отцом. И они стали смотреть хоккей вместе.

– Слушай... я... надеюсь, ты знаешь, как я тебя люблю, – сказал отец во время перерыва.

– Знаю, пап, знаю. – Лео, ухмыльнувшись, зевнул, словно принял эти слова как должное.

Петеру хотелось надеяться, что он, несмотря ни на что, все-таки иногда бывает правильным отцом. Когда Мира пришла домой, оба уже спали на диване. Она укрыла их пледами.

Со своей семьей никогда не справишься.

Мы станем говорить, что это авария

Вы когда-нибудь видели падение города? Мы – видели. Потому что иногда заставить людей ненавидеть друг друга настолько просто, что никто уже не понимает, как можно относиться друг к другу как-то иначе.

История наша вышла о ледовом дворце и о сердцах, что бьются вокруг него. О людях и спорте, о том, как то они держат его на плаву, то он их. О нас, о тех, кто мечтает и дерется. Кто-то влюбился, кто-то оказался раздавлен; у нас были лучшие дни и дни худшие. Бьорнстад ликовал, но понемногу начал пылать. А потом произошел ужасный взрыв.

Некоторые девочки заставили нас гордиться ими, некоторые мальчики вернули нам славу. Некая машина слишком быстро мчалась ночью через лес. Мы станем говорить, что это авария, несчастный случай, но про эту аварию мы будем знать, что могли бы ее предотвратить. Она произойдет по чьей-то вине. По вине многих. По нашей.

Хоккей есть хоккей. Игра. Все понарошку.

Когда в Бьорнстад и Хед приходит зима, то дорога на работу и с работы становится одинаково темной. Персонал отделения неотложной помощи в больнице Хеда проводил время так же, как все остальные: обсуждая хоккей.

Все с нетерпением ждали следующего матча, кто-то болел за красную команду, кто-то – за зеленую, иные врачи и медсестры разговаривали друг с другом сквозь зубы. Сезон продолжался, обе команды до сих пор побеждали во всех своих матчах, так что их предстоящая встреча становилась все более важной. Клуб-победитель получал шанс подняться в следующий дивизион. А проигравший клуб рисковал не дожить до следующего сезона. Все так быстро меняется.

Мы стараемся думать, что хоккей – это просто хоккей, но это не так. Один из врачей буркнул, что «деньги убивают спорт». Одна из медсестер в комнате отдыха завела длинную речь о том, как «большие шишки из национальной ассоциации изобретают все новые лицензии, чтобы задушить маленькие клубы, агенты скупают всех игроков, спонсоры играют в свои игрушки, а исход матчей решается на заседаниях правления,

а не на льду!». Кто-то зачитал отрывок из газетной статьи: спортивные журналисты из своего далека предрекали, что команды вроде «Бьорнстада» и «Хеда» через несколько лет превратятся в кузницу кадров для крупных команд. «Кузницу кадров? Нашли рабов столичные города!» Кто-то фыркнул: «Если бы «Бьорнстад» закрыли, мы могли бы как следует вложиться в ОДИН клуб...» На что кто-то другой ответил: «А почему закрываться должны именно МЫ? Почему ВЫ не можете закрыться?» Врачи и медсестры заспорили, вспыхнула ссора. Ссорились теперь все и повсюду.

Но потом, как всегда бывает в больницах, поступил вызов: несчастный случай, пострадавших уже везут. Сразу были забыты и хоккей, и цветовые предпочтения. В отделении неотложной помощи все работали как один человек, все боролись, стали командой.

Той ночью они выложатся по полной, чтобы спасти тех, кого привезут машины скорой помощи. Но этого окажется недостаточно.

* * *

Случись у Аны и Видара обычная любовь, они бы, может быть, прожили вместе всю жизнь. Может, успели бы надоесть друг другу, порвать отношения или еще сто раз друг в друга влюбиться. Самая обычная жизнь бывает длинной, если проживать ее вместе с кем-то.

Но если ты необычный подросток, то штука в том, что иногда тебе хочется быть самым обычным. Ана лежала у себя на кровати, Видар молча смотрел на нее, Ана стала его «Майнкрафтом». Он мог сосредоточиться только рядом с ней.

– Пошли со мной на вечеринку? – прошептала Ана.

– Чего?

– Все ты слышал.

– Что за вечеринка?

– Сегодня вечером в кемпинге устраивают вечеринку. Я слышала в школе. Тебя там, наверное, не ждут. Но я... мне хочется просто пойти на вечеринку и чувствовать себя... как все. Хотя бы недолго.

– Окей.

– Окей? – переспросила Ана.

– Оглохла, что ли? ОКЕЙ! – широко улыбнулся Видар.

Ана рассмеялись, они поцеловались. Совершенно обычное чувство. Совершенно обычное, восхитительное.

И они пошли на вечеринку. Почувствовали себя, как все, – хоть и ненадолго. Потом Видар ушел в туалет, а к Ане у барной стойки подвалил парень из Хеда – он не знал, кто она такая. Может быть, он даже не знал, кто такой Видар.

Ана поначалу старалась сохранять любезность, она вежливо отказалась от предложенной парнем выпивки и убрала руку, которая легла ей на бедро. Парень из Хеда гордо продемонстрировал татуировку-быка и сказал, что в следующем сезоне, наверное, будет играть в основной команде. Потом начал шептать ей в ухо; Ана отпихнула его. Она хотела уйти, но парень схватил ее за руку и рассмеялся:

– Да ну, не будь занудой! Улыбнись!

Парень обхватил Ану за талию. Он не заметил, как Видар прокладывает к нему путь сквозь толпу, не увидел почерневших глаз и насупленного лба. Видар не глядел, кого отшвыривает к стене, а кто мешком перевалился через стол. Зато все это видела Ана. Она отлично знала, как разрулить ситуацию, как дать понять парню из Хеда, что он пристал не к той девушке. Поссорился не с тем парнем. Это так легко. Но легких путей Ана не искала.

Она вывернулась из рук хедца, откинула голову и врезала ему лбом в переносицу. Услышала, как что-то хрустнуло, парень с криком упал на пол. Ана почувствовала, как кровь капает с лица, но не знала чья.

Приятели парня стояли в паре метров от нее, остолбенев, как и все остальные; Ана понимала, что у нее всего пара секунд. Она увидела, как Видар вырывается из толпы, в глазах у него читалось «убью!», и Ана сделала то единственное, что человек вроде нее мог сделать для возлюбленного вроде него: размахнулась и ударила Видара кулаком в лицо.

В помещении стало тихо. Ана тут же ударила снова, еще сильнее, так, что Видар отлетел назад. А потом схватила его за руку и бросилась к дверям. Она потащила Видара за собой в лес, они бежали, и никто с той вечеринки не смог их догнать.

– КАКАЯ ТЕБЯ МУХА УКУСИЛА? – заорал Видар, когда Ана наконец остановилась между деревьями.

При виде того, как наливаются и опухают синяки у него на лице, Ане стало почти что стыдно. Но зашипела в ответ:

– МЕНЯ? Это вас всех бешеная муха покусала! Вас, сраных мужиков!!!

– А я-то в чем виноват?

Ана заплакала от злости.

– Ты бы его убил... если бы я не утащила тебя оттуда, ты бы его избил до смерти, тебя бы посадили, а я...

Она захлебнулась бешено сдерживаемыми слезами. Видар стоял перед ней с разбитой губой, и фонарь у него под глазом с каждым вздохом наливался все ярче.

– Я только хотел... помочь тебе...

– Ну почему?? С чего вы все решили, что мы хотим, чтобы вы вечно дрались за нас? С чего взяли, что мы хотим, чтобы вы все всегда решали КУЛАКАМИ? Что у вас в БАШКЕ вообще?

– Я... не знаю, – признался Видар.

Ана засмеялась.

– Я тебя люблю.

– И поэтому меня ударила?

– Да!

– А что, обязательно любить так... крепко? – Видар почесал глаз.

– Никакой долбаный пьедестал мне не нужен! – огрызнулась Ана.

– Чего-чего?

– Я не хочу, чтобы ты ради меня дрался. И вообще что-то делал ради меня. Я хочу, чтобы ты в меня ВЕРИЛ. Меня не надо никуда вести – мне надо, чтобы ты поддержал меня, а дойду я сама!

– Окей.

– Что «окей»?

– Окей... я... ну просто – окей. Я... я тоже тебя люблю!

– Дурак!

Рука так болела, что Ане хотелось скорчиться на земле и подвывать. Видар подвел ее к сугробу и заставил сунуть туда кулак. Ана завопила. Видар стал объяснять:

– Не бей, когда рука вот так, надо... – начал было он, но Ана зашипела:

– Не учи меня, как набить тебе морду!

– Окей.

Любовные истории бывают, наверное, и более обычные. Даже скорее всего.

На следующий день Видар с Аной явились на тренировку в бойцовский клуб вместе. Не говоря ни слова, Видар притащил из сада шесть поддонов и поставил их один на другой; получилась невысокая лестница. На этой лестнице Видар и утвердился.

– Это что еще? – сердито спросила Ана.

– Трибуна.

– Для кого?

– Для меня, – ответил Видар.

Ана засмеялась было, но Видар был серьезен.

Тогда Ана перестала смеяться и поцеловала его. Все-таки обычные любовные истории – не для нее.

* * *

С чего все началось? Мы, наверное, никогда не перестанем об этом спорить.

Может быть, все началось, когда один парень из Хеда на вечеринке пытался подбивать клинья под одну девчонку из Бьорнстада и получил в табло. Ему сломали нос. Может, парень оказался из злопамятных.

А может быть, все началось гораздо раньше, еще на том первом осеннем матче, когда группа поддержки «Хеда» выкрикивала гнусности в адрес Беньямина Овича. Кое-кто в Бьорнстаде так им этого и не спустил, особенно после того, как «Хед» победил в той игре.

Или же все началось однажды утром, осенним или зимним, когда кто-то оставил под дверью ледового дворца в Хеде окровавленный бычий рог. И кровь-то была не настоящая – просто глупая выдумка какого-нибудь хлебнувшего пива подростка, но жители Хеда поняли это иначе.

Вскоре после этого случая один бьорнстадский парень стоял как-то вечером в очереди в хедской пиццерии; его девушка, из Хеда, ждала его в гости. Стоявшие в конце очереди молодые хедцы принялись скандировать все ту же речовку. Один из них нагнулся и проорал ее парню в ухо. Другой завопил – «убирайся к себе домой», «спи с такими же, как ты» и «отвали от хедских девчонок!» Парень из Бьорнстада обернулся и послал их по известному адресу, парни из Хеда выбили коробки с пиццей у него из рук. Персонал пиццерии успел вмешаться, и ссора не переросла в серьезные проблемы, но не исключено, что начало всему было положено именно тогда.

А может быть, все началось со слухов насчет больницы и фабрики и сводилось к борьбе за рабочие места. В прежние годы люди опасались, что

политики сольют Хед и Бьорнстад в один большой город, а теперь боялись, что одному из городов вовсе не найдется места под солнцем.

Вскоре после инцидента с бычьим рогом и скандалом в пиццерии девятилетки «Хеда» и «Бьорнстада» встретились на матче в нескольких милях от нас. Силы были равны, мальчишки взбудоражены, и, когда девятилетки из «Хеда» завели «пидоры-шлюхи-насильники», завязалась драка, в которую включилось столько детей, что родителям пришлось выбежать на лед, чтобы помочь судье остановить побоище. Один папа из Хеда и один папа из Бьорнстада пытались растащить сыновей, один папа посчитал, что другой папа слишком резко дернул его отпрыска. Папы обменялись парой реплик на повышенных тонах, потом один толкнул другого, и вскоре уже дети пытались разнять взрослых.

Примерно тогда же в больнице Хеда сцепились двое старичков. Один посчитал, что ждал внимания врача дольше другого. Обиженный проворчал: «Черти бьорнстадские, построили бы уже собственную больницу. Хватит нашу соплями мазать».

Все это ничего бы не значило, не произойди оно все той же осенью и зимой. Может быть, страсти поутихли бы сами собой, если бы не предстоящая в конце года встреча команд. Но она приближалась. Хед и Бьорнстад ждал еще один хоккейный матч.

Как-то утром, незадолго до того самого матча, двое хедцев приехали на бьорнстадскую фабрику в поисках работы. Оба давно ее потеряли, у обоих были дети, и, когда новые владельцы назначили им собеседование, для них это стало подарком свыше. Мужчины оставили машину возле фабрики. Когда они вернулись с собеседования, машина была разгромлена. Кто-то – один или несколько человек – изуродовали дверцы и просунули в окна здоровенный сук. Свидетелей, конечно, не нашлось, хотя поблизости и стояли несколько человек в черных куртках. На водительском сиденье, среди осколков стекла, валялась записка: «Бьорнстадская фабрика – для бьорнстадцев».

Может быть, тогда все и началось.

А может быть, все началось, когда группка хедцев вскоре после этого случая собралась обсудить план мести. Они хотели нанести удар по Группировке. Хотели отнять у черных курток что-то им дорогое. «Подпалить бы их», – проворчал один парень. Может быть, на самом деле он не имел в виду поджог. Но один из его друзей отозвался: «Пожалуй, так

и сделаем».

Историю этой любви мы запомним навсегда

Трудно хранить тайны в раздевалке. Какие бы то ни было.

Тренировки в ледовом дворце Хеда становились раз от разу все напряженнее. Все реже о бьорнстадцах говорили как о людях, все чаще звучали выражения типа «зеленавки». Или «мишутки, с которых пора шкуру спустить». Или «суки». Или «сраные пидоры». Все, похоже, ждали, что громче всех станет возникать Вильям Лит, но он по какой-то причине делался все молчаливее и тише.

Когда товарищи по команде спрашивали, с чего он стал такой скромный, Лит отвечал, что он «просто хочет сосредоточиться на хоккее». Ответа получше у него не было. Странные дела происходили с ним той осенью и зимой; чем больше остальные ненавидели друг друга, тем больше уставал он сам. Вильям так долго злился – злился на тренировках, злился в школе, злился дома, – что в конце концов у него больше не осталось сил на злость. «Сосредоточься на хоккее!» – говорила мама, ласково трепля ему волосы. Так он и сделал.

Вильям все больше отдалялся от команды, тренировался усерднее и в одиночестве. Он познакомился с девушкой из Хеда и начал по вечерам с ней встречаться. Однажды Давид, тренер, вызвал Вильяма к себе в кабинет. Вручил ему бумажку с телефоном агента элитного клуба из высшего дивизиона. «Они интересуются тобой, хотят, чтобы ты позвонил». Вильям уставился на бумажку; Давид обошел вокруг стола и положил руки ему на плечи: «Я вижу, ты в последнее время сосредоточился на хоккее. Отказался от всей посторонней ерунды, от всякой хрени, от ссор... отлично! Вот почему тобой интересуется этот клуб. Вильям, ты можешь кое-чего достичь, ты можешь далеко пойти! Но знай: я буду бороться за то, чтобы ты и дальше играл в моей команде. Ты готов в следующем сезоне стать капитаном?»

А потом Давид сделал нечто ужасное. Кое-что, что совершенно уничтожило молодого человека, который страшился показывать свои чувства. Давид сказал: «Я горжусь тобой, Вильям». Выйдя из кабинета, Вильям сразу позвонил маме.

Трудно хранить тайны в раздевалке. Когда Вильям вернулся, все тут же стали поздравлять его. Конечно, он был горд, но он заметил, как замолчали при его приближении товарищи по команде. Словно не хотели, чтобы он услышал их слова.

После тренировки возле ледового дворца оказались две машины, в которых сидели молодые люди с татуировкой-быком и в толстовках-худы. Двое товарищей Вильяма по команде – достаточно молодых, чтобы рваться в драку, и недостаточно мастеровитых, чтобы им было что терять, – вышли из раздевалки и направились напрямиком к машинам.

– Вы куда? – спросил Вильям.

Один из парней обернулся:

– Чем меньше ты знаешь, Вильям, тем лучше. Ты слишком важен для команды, не мешайся в это дело. Ты нужен нам на льду!

– Что вы задумали? – растерянно спросил Вильям.

Парни с татуировкой-быком не ответили, но один из товарищей Вильяма по команде не смог скрыть своего восторга.

– Посмотрим, хорошо ли горит шкура! – прокричал он.

Машины уехали. Вильям остался. Один.

* * *

На допросе в полиции хедцы приведут кучу оправданий. Один скажет, что они не собирались поджигать все здание, что они думали подпалить только дверь и потушить, если огонь слишком разгорится. Другой – что они хотели только «проучить», третий – что они «просто пошутили». Никто из них не знал, что на втором этаже «Шкуры» находится жилая квартира, где в ту ночь спала Рамона.

* * *

Магган Лит приехала забрать сына из ледового дворца Хеда, как забирала его после каждой тренировки. Она привезла бутерброды и протеиновые смузи, положила его снаряжение в багажник и по дороге домой крутила его любимую музыку. Но Вильям как воды в рот набрал.

– Что с тобой? – спросила мама.

– Ничего... ничего. Просто... из-за матча стараюсь, – пробормотал Вильям.

Он притворился, что это в самом деле так, Магган притворилась, что поверила. Они не хотели причинить боль друг другу. Потом они ужинали, слушали, как отец рассказывает о прошедшем дне на работе, посмеялись, когда сестра Вильяма рассказала о своем школьном дне: она открутила крышки солонки на учительском столе в столовой. Учителя стали солить еду, а крышки-то и упали! Подучил ее Вильям. Магган собралась отругать ее как следует, но девочка заливалась таким радостным смехом, что у Магган не хватило на это духу.

В тот вечер Вильям внимательнее наблюдал за родителями, пока те сидели за столом, ели и болтали. Он отлично знал, что бьорнстадцы думают о его семье: отец «такой скупердьяй, что, когда срет, – говна жалеет», а мать – «хоккейная я-же-мать». Может быть, так оно и было, но Вильям знал и другую правду о своих родителях. Им ничего в жизни не давалось даром, все приходилось брать с боем, они хотели дать своим детям то, чего не имели сами: возможность распоряжаться собственной судьбой, не сражаясь каждый день за выживание. Иногда они заходили слишком далеко, но Вильям прощал их. Этот мир создан не для милых и кротких. Милых и кротких выжмут и выбросят, в этом Вильям мог убедиться, глядя на тот же Бьорнстад.

После ужина он смотрел с сестрой мультфильм. Когда сестра родилась, врачи сказали, что с ней что-то неладно. На самом деле нет, просто сестра была особенная. Характеризуя ее, другие люди обходились названием синдрома – но не Вильям. Для него она была такая, какая есть. Самая добрая девочка в мире. Когда сестра наконец уснула, Вильям отправился в подвал, где занялся силовой тренировкой. Но из головы не шли слова: «Посмотрим, хорошо ли горит шкура!!!» Никак не шли. Поэтому Вильям надел красный тренировочный костюм и крикнул маме, что пойдет побегаёт. Магган Лит надеялась, что он просто нервничает.

Когда дверь за ним закрылась, она отправилась на кухню. Она всегда тревожилась за детей; каждый раз, когда Вильяма не было дома, она пыталась отвлечься, готовя еду. «Говорите о Магган Лит что хотите, но готовит она вкусно!» – отзывались о ней в городе, и она не обижалась, что комплимент начинался с «говорите о ней что хотите». Магган Лит сама знала, кто она. Как она бьется за все, что у нее есть. Будет салат из пасты и еще картофельный салат. «Никто не умеет приготовить столько салатов, которые на самом деле не салаты. Ты любой овощ можешь сделать бесполезным!» – усмехался Вильям.

Магган не ложилась спать, пока сын не придет. И тревожилась, тревожилась.

Пробежавшись по Бьорнстаду, Вильям вдруг сообразил, что на нем красный спортивный костюм с быком на груди. Он даже осознал, какой идиотской провокацией это выглядит именно сейчас. Вильям повернулся, чтобы сбежать домой и переодеться, как вдруг уловил запах и остановился. У него защипало в носу.

Что-то горело.

* * *

Рамону разбудил не дым – она проснулась оттого, что кто-то дергал ее и пытался куда-то тащить. На сон грядущий она приняла небольшой бутербродик, поэтому отреагировала так, как реагировала всегда, когда ее после этого будили: стала махать руками, выкрикивать обценную лексику и искать какой-нибудь предмет потяжелее.

Но когда она разглядела, как языки пламени лижут стены, и услышала вопли на улице, то распахнула глаза – и прямо над собой увидела Элизабет Цаккель.

У тренера, возможно, было неважно с чувствами, но способность нервничать она сохранила. В тот вечер ей не спалось, она много думала о предстоящей игре с «Хедом» и решила выйти на пробежку. Заметила мужчин, бегущих к «Шкуре», увидела, как быстро разгорается огонь; наверное, не один человек уже успел вызвать пожарных. На улице стояли толпы. Нормальные люди не бегут в горящий дом. Но Цаккель не была нормальным человеком.

Теперь она опустилась на снег, кашляя и задыхаясь, а Рамона сидела рядом в одной ночной рубаше и бормотала:

– И это все за тарелку картошки, девочка моя? А если бы я дала тебе мяса, ты бы, наверное, горы ради меня свернула?

Цаккель закашлялась и рассмеялась:

– Должна признаться, я начала ценить пиво. В смысле витаминов.

Люди мчались по улице, быстрее всех – Теему. Он кинулся в снег и крепко обнял Рамону.

– Ну-ну-ну, мальчик, успокойся. Все живы. Просто немножко загорелось... – прошептала Рамона, но Теему чувствовал, как ее трясет.

– Фотографии Хольгера... – охнул он и вскочил.

Рамоне пришлось вцепиться в него. Этот мальчишка так ее любил, что ей пришлось ДЕРЖАТЬ его, чтобы он не кинулся в огонь за фотографиями ее покойного мужа.

Но ей не хватило сил удержать Теему от того, что произошло потом. Да и никому бы не хватило.

* * *

От пожара проснулся весь Бьорнстад, крик набирал силу быстрее, чем вой пожарных сирен. Звонили телефоны, хлопали двери.

Беньи с сестрами неслись по улице. Сестры бежали к «Шкуре», люди уже начали выстраиваться в цепи, чтобы передавать воду, везде стояли машины с канистрами и шлангами в багажнике.

Беньи остановился; он понял, что пожар – не случайность. Поэтому он стал искать злоумышленника; перед глазами мелькнул красный спортивный костюм. Вильям Лит стоял позади всех, ближе к лесу, совсем один; потрясенный, он прижимал руки ко рту.

Беньи бросился к нему. Какое-то мгновение Вильям ждал, что тот налетит на него, но Беньи резко остановился, словно что-то понял. По дороге бежали люди, вдали, в лесу, завывали сирены. Беньи повернулся к Вильяму и прохрипел:

– Ты и я. Прямо сейчас. По-настоящему. Без друзей, без оружия. Только ты и я.

Наверное, Вильям мог бы возмутиться, попытаться утихомирить Беньи, объяснить, что пожар – не его рук дело. Но Беньи был слишком взбешен, чтобы ему поверить, а Вильям, наверное, все еще слишком ненавидел его, чтобы отступить. И он прошептал только одно:

– Где?

Беньи секунду подумал.

– Беговая тропа на Холме. Людей нет, земля ровная, и фонари горят.

Вильям обиженно кивнул:

– В смысле – чтобы я потом не придумывал оправданий?

Поступки Беньи всегда оказывались хуже его слов, поэтому его ответ

прозвучал особенно веско:

– Для тебя, Вильям, никаких «потом» не будет.

Они побежали к Холму. Через весь город. Они бегали так тысячу раз, когда играли в детстве в одной команде и старались тренироваться как можно чаще. Беньи не мог ни в чем уступить первенство Вильяму, он отнимал у Вильяма даже то, чего не хотел отнимать. Теперь, когда они мчались по щиколотку в снегу, они снова стали теми мальчишками. И разделял их все тот же метр – словно Кевин все еще бежал между ними.

Добежав до тропы на Холме, они несколько минут постояли, чтобы успокоить дыхание; из открытых ртов вырывались густые облачка пара. Потом Вильям в красной куртке бросился на Беньи в зеленом свитере, замершего сжав кулаки. Ни друзей, ни оружия – один на одного. Бык против медведя.

* * *

Паук и Плотник вцепились в Теему уже перед «Шкурой»: первый порыв – потушить, спасти, защитить. Этот бар был им домом больше, чем их родные дома. Но Паук зашептал Теему:

– Мы знаем, кто это сделал. Суки из Хеда. Мать девушки Плотника видела их, когда была на кухне. Они оставили машины у магазина! Если поехать сейчас, мы их еще догоним!

Когда мужчины в черных куртках протолкались через толпу возле «Шкуры» и бросились к «саабу» Теему, чтобы преследовать врагов в лесу, на них почти никто не обратил внимания. Заметил их только один подросток. Лео Андерсон. Заметил и побежал за ними.

* * *

Вильям и Беньи не щадили друг друга. Удары сыпались бешеным градом, оба были так сильны, что уже через несколько секунд лица обоих заливала кровь. Вильям кричал при каждом замахе и ударе – от усталости, от злости. Он был выше – единственное преимущество, которого Беньи так и не смог у него отнять, – и мог бить сверху вниз, а Беньи приходилось бить снизу вверх. Снизу вверх труднее. Они размахивали кулаками целую

вечность. Наконец молочная кислота заставила обоих отступить – задыхающихся и окровавленных. Беньи лишился зуба, Вильям едва видел правым глазом.

– Ты был влюблен в него? – вдруг прохрипел он.

– Чего? – Беньи сплюнул в снег красным.

Их разделяло несколько метров, легкие ныли, Вильям опирался ладонями о колени. Палец был сломан, кровь из носу хлестала, как из крана. Боль и усталость заставили его говорить тише.

– Ты был влюблен в Кевина? – повторил он, задыхаясь.

Беньи несколько минут молчал. Его волосы и руки были в крови – не поймешь, где рана, а где он просто перемазался кровью.

– Да.

Беньи признался в этом в первый раз в жизни. Вильям закрыл глаза, чувствуя, как пульсирует нос, и слыша, как через него со свистом ходит воздух.

– Если бы я раньше знал, я бы не стал тебя так ненавидеть, – прошептал он.

– Знаю, – сказал Беньи.

Вильям выпрямился. Постоял, опустив руки, в изорванном, мокром от пота свитере.

– Помнишь лето, в детстве, когда дождь зарядил на целый месяц? Еще ледовый дворец залило?

Беньи, кажется, удивился, но медленно кивнул:

– Да.

Вильям вытер нос тыльной стороной ладони.

– Вы с Кевом летом всегда пропадали в лесу, но в тот месяц, когда шел дождь, вы пришли ко мне домой, спросили, можно ли поиграть в подвале в хоккей. Не знаю, почему вы не пошли к Кеву, но...

– Родители Кева в то лето делали ремонт, – с ожесточением в голосе напомнил Беньи.

Вильям припомнил, кивнул:

– Точно. В то лето. И в тот месяц мы каждый день гоняли мячик у меня в подвале. Мы тогда дружили. Какой ты был классный. Мы тогда не срались друг с другом.

Беньи опять сплюнул кровь в снег.

– Мы спали на полу на матрасах, чтобы, как проснемся, сразу играть...

Вильям тяжело улыбнулся утраченным возможностям и канувшим в небытие годам.

– Когда другие в нашем возрасте несут всякую чушь о детстве, им

кажется, что в детстве всегда светило солнце. А я помню, как все надеялся, что пойдет дождь.

Беньи стоял неподвижно. Наконец он сел в снег. Плача или нет, Вильям не понял. И не знал, видно ли, что он сам плачет.

Потом оба разошлись. Не друзьями, не врагами. Разошлись, и все.

* * *

Мая и Ана ушли из бойцовского клуба поздно вечером. Пожалуй, слишком поздно, подумала Мира, но, забирая дочь, не читала нотаций. Она предложила подбросить и Ану, но Ана загадочно помотала головой, и Мая поддела подругу:

– Она пойдет домой с Вииниидаром...

Какое же счастье, когда подростки говорят и поступают самым обычным образом, когда девушка дразнит лучшую подругу, поминая ее парня. Мая юркнула в «вольво». И помахала Ане в заднее окно.

Видар ждал ее на опушке. Они с Анной взялись за руки и пошли через ночь. Видар напевал, насвистывал, постукивал пальцами по ноге; проживи они вместе всю жизнь, Ану, может, начало бы раздражать, что ему не хватает контроля над импульсами. Но сейчас она обожала эту бесконтрольность, то, что его чувства жили в нем все и сразу.

Будь у них впереди вся жизнь, они, может быть, гуляли бы теперь в других местах. Может, под солнцем другой страны, может, уехали бы из Бьорнстада и поселились где-нибудь еще, повзрослели бы, построили дом. Родили детей, состарились бы вместе. Чтобы поцеловать его, Ана встала на цыпочки. У Видара зазвонил телефон. Ана учуяла запах гари.

Заметив внезапный страх Видара, увидев, что он побежал, Ана не сделала попытки остановить его. Она бросилась бежать вместе с ним.

По дороге ехала белая машина, ехала слишком быстро. Мужчины в ней скорее были мальчишками. Снимает ли это с них вину? С какого возраста мы отвечаем за свои поступки? А если последствия этих поступков окажутся гораздо страшнее, чем мы рассчитывали?

Когда в зеркале заднего вида внезапно появился «сааб» и мужчины в белой машине поняли, что их преследуют, их охватила паника. Они

прибавили газа, «сааб», ехавший за ними, – тоже, водитель белой машины отвлекся от дороги, а в следующую секунду в лобовое стекло ударил свет фар третьей машины, ослепив водителя. Навстречу белой машине несся здоровенный «вольво».

Белая машина скользнула в снег, сидевшие в ней хедцы закричали. Покрышки потеряли сцепление с дорогой. Тысячи килограммов металла взлетели в воздух и беззвучно перевернулись в темноте. Потом раздался удар такой ужасной силы, что он будет звучать у нас в ушах вечно.

* * *

Мира и Мая только-только выехали из питомника, когда у Миры зазвонил телефон. Звонил Петер. Он уже прибежал в центр города.

– «ШКУРА» ГОРИТ! Я НЕ ЗНАЮ, ГДЕ ЛЕО! – отчаянно прокричал он.

Питомник находился довольно далеко в лесу. В Бьорнстад оттуда вели всего две дороги: нормальные люди ездили по обычной извилистой гравийной дороге, но была еще утоптанная неосвещенная грунтовка между деревьями – по ней иногда ездили охотники. Грунтовка выводила прямо на шоссе, соединявшее Бьорнстад и Хед.

Ни одна мама, ни одна сестра еще не гнали машину с такой скоростью, как в ту ночь.

Через несколько минут «вольво» с ревом вылетел из леса и понесся по шоссе. Чуть позади ехал старый дед – он возвращался из Хеда и раздраженно засигналил, но Мира только прибавила газу.

А потом увидела белую машину – она летела прямо на них. Мая закричала, прежде чем Мира успела среагировать. Водитель белой машины выпустил руль, машину потащило через полосу. Мира резко затормозила, направила «вольво» в кювет и накрыла собой дочь на пассажирском сиденье. Белая машина потеряла сцепление, пролетела по воздуху и с грохотом врезалась в дерево.

* * *

Лео Андерсон бежал через лес, между деревьями, чтобы опередить машины. Но недостаточно быстро. Слава богу.

Он бежал недостаточно быстро.

* * *

Дед был из любителей посидеть в «Шкуре» и поспорить насчет хоккея с четырьмя другими. Он плохо видел, и другие возрастные частенько подменяли его очки дешевыми очками для чтения, купленными на автозаправке: пусть подумает, что ослеп. Рамона ворчала: «Вот ослепнет он ПО-НАСТОЯЩЕМУ – как он тогда, по-вашему, это поймет?»

В ту ночь дед был в собственных очках, но видел в темноте все равно плохо. Так он и объяснял персоналу больницы. Жена вечером куда-то ушла, дети давно перебрались в большие города в поисках работы получше, суши-баров или еще какого рожна нынче нужно молодым в больших городах, а дед проснулся от боли в груди. Поэтому он сел в машину и поехал из Бьорнстада в Хед, а потом несколько часов просидел в больнице, только чтобы узнать, что ничего страшного с ним не происходит. Просто проблемы с пищеварением. «Может, вам употреблять поменьше алкоголя?» – поинтересовался врач. «А может, вам сделать лоботомию?» – огрызнулся дед и выругал врача за то, что ждать пришлось так долго. А ведь он плохо видит в темноте! Он даже обещал жене не садиться за руль ночью! «У нас людей не хватает», – объяснил врач. Дед уехал от врача в сильнейшем неудовольствии. «Ну что это за больница? А?»

К тому же, когда он возвращался из Хеда в Бьорнстад, из леса вдруг вылетела какая-то баба на «вольво» и вклинилась прямо перед ним – явно решила срезать путь до города. Дед тормознул, засигналил и помигал фарами, она – ноль внимания. Вот так они теперь ездят.

«Вольво» летел с такой скоростью, что дед едва успел заметить габаритные огни. Снег лепил в лобовое стекло, было темно. Дед ругался, ворчал и щурил глаза за стеклами очков. Он не увидел, что произошло потом, у него даже не осталось шанса среагировать. Баба на «вольво» затормозила и вдруг вывернула на обочину. Показались две встречные машины: дед, наверное, даже не успел заметить, что первая из них – белая. Она взлетела на воздух, перевернулась и с диким грохотом врезалась в дерево. За ней оказался «сааб», это дед, наверное, успел отметить. «Сааб» явно гнался за белой машиной, потому что затормозил, прокатился через

полосу и встал поперек дороги; оттуда выбежали Теему, Паук и Плотник. Дед узнал их – видел в «Шкуре».

Дед затормозил. Но шел снег. Было темно. Даже если тормоза сработали безупречно, никто в такую погоду не смог бы остановить машину быстро. Наверное, никто не виноват. Наверное, виноваты все. Дед ехал на старой машине, непристегнутый и слабовидящий. Проехав мимо «вольво», он изо всех сил выкрутил руль, чтобы увернулся от «сааба».

Он так и не успел увидеть, во что врезался. Не услышал удара по капоту. К тому времени он уже ударился головой о руль и потерял сознание.

* * *

Мира бросилась из «вольво», обежала машину и потащила Маю с пассажирского сиденья. Первая мысль матери – «увести дочь! Спасти ее!». Они крепко обнялись, сидя в канаве, и тут их крепко обнял третий человек – так крепко, будто боялся, что иначе они бросят его навсегда.

Это был Лео.

* * *

Ана и Видар мчались через лес быстрее, чем были в состоянии. Проживи они вместе всю жизнь, они бы, может, бегали для забавы наперегонки. А если бы у них родились дети, то спорили бы до бесконечности, кто из них бежит быстрее.

Оба услышали донесшийся с дороги грохот, инстинктивно повернули и бросились на звук. Видар услышал голос Теему, потом Паука и Плотника. Они орал про скорую помощь. Кричали «Осторожно!!!».

Ана и Видар еще успели коснуться друг друга пальцами. История их любви вышла короче, чем у большинства из нас, но любили они друг друга гораздо крепче, чем многие.

– Она горит! – крикнула Ана, когда они подбежали к дороге.

По другую сторону они увидели разбитую машину – удар был так силен, что ствол дерева глубоко вмялся в жесть. В машине виднелись тела, люди были без сознания. Из трещин в капоте тянулся дым. Ана повторила:

– ОНА ГОРИТ! ГОРИТ!

Видар пытался поймать ее, но не дотянулся. Ану воспитал отец, который говорил: «Мы с тобой не из тех, кто бросает людей в беде».

Она кинулась к горящей белой машине, прямо через дорогу. Дед, возвращавшийся из хедской больницы, слишком поздно увидел, что творится на дороге. Он проехал мимо «вольво», обогнул «сааб» и вдавил педаль тормоза в пол. Ана как раз перебежала дорогу.

Видар бежал и кричал, но все происходило слишком быстро. Поэтому он бросился к Ане и спихнул ее с дороги. Потому что у Видара были проблемы с контролем над импульсами. Он не мог удержаться от того, чтобы спасти того, кого любил.

Ана скатилась в кювет, поднялась на ноги и закричала всем своим существом, но тот, кого она любила, ее уже не слышал. Машину деда несло слишком быстро, ее бросило вперед на полной скорости, тело ударилось о жесть капота, и Видар Ринниус умер так же, как жил. Мгновенно.

Историю этой любви мы запомним навсегда.

Боже! О боже, о боже! Мой беби!

Вы когда-нибудь видели падение города? Мы – видели.

Вы когда-нибудь видели, как город встает из руин? Мы видели и это.

Вы когда-нибудь видели, как люди, которые обычно только и делают, что грызутся с другими – из-за политики, из-за спорта, да из-за чего угодно, – носятся туда-сюда, помогая тушить старый бар? Вы когда-нибудь видели, как они спасают друг другу жизнь? Мы – видели. Может быть, вы тоже. Может быть, вы не так уж отличаетесь от нас, как вам кажется.

Мы старались изо всех сил. Мы в ту ночь выложились по полной. И все же мы проиграли.

В Бьорнстаде много красивых деревьев. У нас говорят – это потому, что каждый раз, как мы хороним кого-нибудь, вырастает новое дерево. В местной газете объявления о рождении ребенка соседствуют с некрологами. Это чтобы ни деревья, ни люди у нас не кончались.

Но бесполезно.

Нам не хочется нового дерева. Не хочется другого человека. Нам хочется вернуть того, что был.

* * *

– Боже! О боже, о боже! – Мать Видара билась в руках зареванных мужчин, стоявших у нее на кухне.

Мужчинам нечего было ей сказать. Они провалились в ту же тьму, что и она. Мать Видара лежала на полу и отчаянно кричала:

– Мой беби! Где мой беби? Где мой беби мой беби мой беби?

* * *

Паршивцы.

Сколько раз какая-нибудь мама подумает так, пока ребенок растет? «Паршивец». Сколько раз поругается с ним? Сколько можно напоминать, чтобы мальчишка сделал самое простое, самое незначительное? Например, завязал шнурки? Говоришь ему: «Завяжи шнурки». Но он разве слушает? Нет, конечно. Говоришь ему: «Завяжи шнурки, пока не упал!», «Упадешь, расшибешься». Будет больно. Паршивец.

В ту ночь Лео не завязал шнурки как следует. Завязал бы – пробежал бы через лес на несколько секунд быстрее. И оказался бы на дороге одновременно с машинами. Всего несколько секунд. Всего лишь один шнурок и плохо завязанный узел.

В ту ночь Мира уснула в кровати Лео, и он не требовал, чтобы она ушла, – неслыханная щедрость, если ты уже подросток. Оба проснулась оттого, что Мая прокралась к ним, примостилась рядом. Мира так крепко обняла своих детей, что они едва могли дышать.

Паршивцы.

Засранцы засранцы засранцы.

* * *

В детстве Видар не любил бояться. Другие дети, если им снились страшные сны, просили оставить на ночь свет, но не таков был Видар. Когда они с Теему жили в одной комнате и спали на двухэтажной кровати, Видар настоял, чтобы спать снизу. Лишь через несколько месяцев Теему понял почему. Проснувшись как-то ночью, он услышал, что Видар плачет; Теему слез к брату и заставил рассказать, в чем дело. Ему удалось вытрясти из мальчика лет пяти-шести, не больше, что Видар верит в существование ужасных чудищ, которые по ночам приходят в дом. «Так зачем же ты спишь на нижней кровати?» – выдохнул Теему. «Чтобы чудища сначала напали на меня, а ты бы убежал!» – прорыдал Видар.

Он не умел тормозить. Так и не научился.

Как необъяснимо долга дорога назад, к обычной жизни, когда смерть

сбивает с ног нас – тех, кто остался. Горе – дикий зверь, он утаскивает нас глубоко во тьму, и мы не верим, что когда-нибудь сможем вернуться домой. Что когда-нибудь сможем смеяться. Он рвет нас на куски, и никто не знает, пройдет ли когда-нибудь эта боль или ты просто к ней привыкнешь.

Ана всю ночь просидела в больнице на полу под дверью палаты Видара. Теему и его мать сидели по обе стороны от нее. Они держали Ану за руки – или это она держала за руки их? Три человека любили Видара так, что не задумываясь поменялись бы с ним местами, если бы могли. Неплохо для одного человека. Когда-нибудь они, может быть, смогут подумать об этом, не распадаясь на куски.

Той ночью погиб один юноша. И один старик. Мама, брат и подруга сидели в больнице; немолодая женщина вернулась в дом, который отныне всегда будет пустым. Двое жителей Хеда сядут в тюрьму по обвинению в поджоге, один из них так никогда и не оправится до конца после автомобильной аварии в лесу, иным из нас такое наказание покажется слишком мягким.

Некоторые из нас будут говорить, что это несчастный случай. Другие скажут, что это убийство. Кто-то будет твердить, что виноваты только те мужчины, другие – что виновных больше. Что вина лежит на многих. На всех нас.

Заставить людей ненавидеть друг друга очень легко. Вот почему так трудно постичь любовь. Ненависть – это просто, по идее, она всегда должна побеждать. Силы-то неравны.

Паук, Плотник и мужчины в черных куртках провели в больнице почти целые сутки. Их окружали женщины и мужчины, бабки и деды, старики и молодежь в белых рубашках и зеленых футболках. Люди оставались в больнице еще долго после того, как хмурые врачи пожали всем руки и выразили соболезнования. Никто не расходился, словно Видар не мог до конца умереть, пока они здесь, в больнице.

Ни в одном из двух городов не знали, что говорить. Но иногда проще сделать, чем сказать. Когда машины тронулись от больницы в Хеде, Теему с матерью ехали последними, они не сразу поняли, почему вся кавалькада движется так медленно. А потом увидели деревья на краю лесной дороги.

Кто-то счистил снег с замерзших веток и привязал к ним полоски ткани. Невеликое дело – просто тряпки, которые треплет ветер. Но каждая первая лента была красная, а каждая вторая – зеленая. Чтобы люди в машинах знали: скорбит не только Бьорнстад.

Когда Теему с матерью вернулись домой, кто-то ждал их, сидя на крыльце.

– Мира? Здесь сидит Мира Андерсон? – удивилась мама Теему.

Теему вышел из машины; он ничего не сказал, Мира тоже. Молча она последовала за ними в дом, прошла прямо на кухню и принялась убираться и готовить. Теему проводил мать в спальню и сидел рядом с ней, пока таблетки не погрузили ее в сон.

Потом он вернулся на кухню. Мира молча протянула ему посудную щетку. Он мыл посуду, она вытирала.

Один игрок – одна клюшка. Двое ворот. Две команды

Жизнь – до чертиков странная штука. Мы все свое время тратим на то, чтобы контролировать в ней как можно больше, а нас самих при этом формируют вещи, над которыми мы не властны. Мы никогда не забудем тот год – ни его лучшие дни, ни худшие. Он изменит нас навсегда.

Кое-кто из нас переедет в другие места, но большинство останутся в Бьорнстаде. Жить здесь непросто, но человек, взрослея, понимает: просто не бывает нигде. Бог знает, сколько ошибок совершили Бьорнстад и Хед, сколько потерь понесли, но эти города – наши. Наш уголок земли.

Ана и Мая упражнялись в сарае при собачьем питомнике. Час за часом. Ничто не исправить, нормально уже никогда не будет, но обе они все же найдут, ради чего каждое утро вставать с кровати. Когда Ана сломалась и могла только кричать и плакать, Мая крепко обнимала лучшую подругу и шептала ей: «Выжить, Ана. Выжить. Мы те, кто выживет».

Как-то утром, когда солнце с трудом вытаскивало себя на небо, в дверь автомастерской постучали. Стояла зима, кончалось детство. Бубу открыл; на пороге оказались Беньи, Аамат и Закариас. Все четверо, взяв шайбу и клюшки, отправились к озеру и сыграли вместе в последний раз. Они играли так, словно это всего лишь игра и нет на свете ничего важнее.

Через десять лет Аамат станет профессионалом и будет играть на огромных аренах. Закариас станет профессионалом за компьютером. Бубу станет отцом.

Когда они доиграли, вокруг снова было темно. Беньи коротко помахал и прокричал «пока!». Словно они увидятся завтра.

* * *

В тот сезон «Хед-Хоккей» во второй раз встречался с «Бьорнстад-Хоккеем». Матч значил все и не значил ничего.

На кухне дома на Холме стояла Магган Лит; она готовила салат из пасты и картофельный салат. Салаты она разложила по большим мискам, миски как следует затянула пищевой пленкой. Магган не знала, хороший она человек или плохой, она знала, что большинство по умолчанию считает себя хорошими людьми – в отличие от нее. Она видела себя в первую очередь бойцом. Магган сражалась за свою семью, за своих детей, за свой город. Даже когда город о ней не ведал. Иногда хорошие люди делают плохие вещи из хороших побуждений, а иногда, видимо, бывает и наоборот.

Магган взяла миски с салатами и поехала через город и дальше по дороге. У дома Ринниусов она остановилась и постучала в дверь.

Говорите о Магган Лит что хотите. Но она тоже мама.

* * *

В ледовом дворце приближалось начало сражения, игрокам уже полагалось быть в раздевалках, но Вильям Лит оказался в противоположном конце коридора. Он остановился в дверном проеме и дождался, пока Агат и Бубу его заметят.

– У вас есть еще такие? – тихо спросил он.

Агат и Бубу растерялись, но один из старших игроков все понял. Он принес черную траурную повязку, какие уже были на рукавах у хоккеистов «Бьорнстада», и протянул Вильяму. Вильям повязал ее себе на рукав и благодарно кивнул.

– Я... примите соболезнования. От меня и от всей нашей команды.

Хоккеисты «Бьорнстада» коротко кивнули ему. Завтра они снова будут ненавидеть друг друга. Завтра.

* * *

Беньи долго стоял перед ледовым дворцом. Курил в тени деревьев, стоя по колено в снегу. Он всю свою жизнь играл в хоккей – по самым разным причинам, ради самых разных людей. Есть вещи, которые забирают нас целиком. Играть в хоккей – это как играть на классическом инструменте: слишком тяжелое дело, чтобы быть просто хобби. Никто не просыпается в одно прекрасное утро с мыслью «дай-ка я стану скрипачом или пианистом мирового уровня», так же и с хоккеем – он требует от

тебя всю твою жизнь. Такие вещи поглощают тебя полностью. А потом какой-нибудь восемнадцатилетний человек стоит перед ледовым дворцом и думает: «Кем я могу быть, если не буду вот этим?»

В тот день Бенни не вышел на лед. Когда началась игра, он был уже далеко от дворца.

* * *

Тренер «Хед-Хоккея» отыскал тренера «Бьорнстад-Хоккея» в коридоре. Элизабет Цаккель страшно удивилась. Давид жестом указал на застенчивого парня лет семнадцати, который топтался за ним с баулом через плечо. В голове у Давида помещалась отрепетированная речь, которая должна была выразить понимание, прозвучать зрело и правильно после кошмара последних дней. Но губы отказывались произносить слова. Он хотел быть точным, или хотя бы чтобы слова прозвучали точно, но иногда легче сделать, чем сказать. Поэтому Давид кивнул на семнадцатилетнего:

– Это... он наш запасной. Если он попадет к правильному тренеру, из него выйдет отличный вратарь, и да... у нас ему достается маловато ледового времени. Так что, если хочешь...

– Что? – уточнила Цаккель, не сводя взгляда с семнадцатилетнего, который не сводил взгляда с пола у себя под ногами.

Давид прокашлялся.

– Я уже позвонил в ассоциацию. Учитывая обстоятельства, они разрешили нам переместить игрока.

– Ты даешь мне вратаря? – Цаккель задрала брови.

Давид кивнул:

– Говорят, ты отлично тренируешь вратарей. Думаю, ты из него сделаешь потрясающего игрока.

– Как тебя зовут? – спросила Цаккель, но вратарь только пробормотал нечто невразумительное, обращаясь к половицам.

Давид обеспокоенно кашлянул:

– Ребята в команде зовут его Зазубами. Потому что он... держит язык за зубами.

Давид оказался прав. Из юноши вышел потрясающий вратарь, и он, ни слова не произнесивший без необходимости, сразу понравился Элизабет

Цаккель. Житель Хеда, он будет играть в «Бьорнстаде» почти двадцать лет, он так и не сменит клуб; в один прекрасный день он станет в глазах фанатов бóльшим медведем, чем любой другой хоккеист. Но он не будет играть под номером 1, потому что это номер Видара. Он напишет «1» у себя на шлеме, и за это черные куртки всегда будут скандировать в его честь чуточку громче.

...Давид пожал ему руку, и семнадцатилетний ушел в раздевалку. Давид потоптался на месте и наконец набрался смелости:

– Как там Беньи?

Нижняя губа у Цаккель едва заметно дрогнула. Голос чуть слышно сорвался.

– Нормально. Думаю, что с ним все будет... нормально.

Она тоже никому не отдаст свитер с номером 16 – ни в одной из команд, пока работает тренером. Цаккель и Давид взглянули друг другу в глаза, и Цаккель сказала:

– Задайте нам сегодня жару как следует.

– Это вы задайте нам жару! – улыбнулся Давид.

Вот это был матч. Люди будут вспоминать его еще несколько лет.

* * *

Теему явился в питомник один, он принес конверт. Беньи сидел на крыше. Поколебавшись, Теему залез к нему и сел рядом, в полуметре от него.

– На матч собираешься? – поинтересовался он.

Ответ Беньи прозвучал вовсе не дерзко. А почти счастливо.

– Нет. А ты?

Теему кивнул. Он не бросит ходить на хоккей. Иные станут думать, что хоккей слишком напоминает ему о брате, но правда в том, что иногда лед будет для Теему одним из немногих мест, где ему хватит сил вспоминать Видара. Местом, где ему не больно.

– Думаешь свалить, да? – констатировал он наконец.

– Откуда ты знаешь? – Беньи как будто удивился.

В глазах Теему что-то мелькнуло.

– У тебя такой вид... я надеялся, что в один прекрасный день так будет выглядеть Видар. Как будто ты просто надумал... свалить.

Казалось, что малейший ветерок сдует Теему, как карточный домик. Беньи протянул ему сигарету.

– Куда ты хотел, чтобы Видар уехал?

– Куда угодно, где он смог бы стать чем-то... бóшим. – Теему выпустил дым из ноздрей. – Чем думаешь заняться?

Беньи глубоко затянулся.

– Не знаю. Просто хочу понять: если я не хоккеист, то кто? Вряд ли у меня это получится, если я останусь здесь.

Теему сосредоточенно кивнул:

– Ты потрясающий хоккеист.

– Спасибо, – сказал Беньи.

Теему быстро встал, словно испугался, что беседа сейчас свернет туда, где он не готов оказаться. Бросил конверт Беньи на колени.

– Паук с Плотником вычитали в интернете, что какой-то радужный фонд собирает деньги на... короче... людей, которых в разных странах преследуют и сажают за то, что они...

Он замолчал. Беньи, глядя на конверт, прошептал:

– Как я?

Теему отвел взгляд. Щелчком отбросил окурок и кашлянул.

– В общем... ребята решили, что деньги из фонда «Шкуры» должны пойти на... вот это. И передают их тебе.

Беньи, похоже, был раздавлен.

– Надо, чтобы я передал деньги в этот радужный фонд, потому что я один из них?

Теему уже полез было вниз по лестнице, но задержался и посмотрел Беньи в глаза:

– Нет. Мы хотим, чтобы ты отдал им деньги, потому что ты один из нас.

* * *

Рамона расхаживала по «Шкуре», пила обед и единолично руководила строителями посредством самых отборных ругательств. Петер Андерсон шагнул через порог; он выглядел совсем как тот мальчик, которым был когда-то, когда приходил забрать упившегося отца домой.

– Как дело движется? – спросил он, оглядывая результаты ремонта.

– После пожара пахнет лучше, чем до. – Рамона пожала плечами.

Петер слабо улыбнулся. Рамона тоже. Они еще не готовы были

рассмеяться, но хотя бы начали двигаться в правильном направлении. Петер вдохнул так глубоко, что зрачки дернулись, и сказал:

– Это тебе. Как члену правления «Бьорнстад-Хоккея».

Рамона молча смотрела на лист бумаги, который Петер положил на барную стойку. Она поняла, что это, и отказывалась взять лист в руки.

– В правлении сидит целая толпа мужиков в пиджаках. Отдай кому-нибудь из них!

Петер замотал головой:

– Я отдаю его тебе. Потому что ты единственный человек в правлении, кому я доверяю.

Рамона погладила его по щеке. Дверь «Шкуры» отворилась, Петер обернулся и увидел на пороге Теему. Оба инстинктивно подняли ладони, словно чтобы показать: никто из них не хочет ссоры.

– Я... могу зайти попозже, – предложил Теему.

– Нет-нет, я уже уйду! – стал настаивать Петер.

Рамона фыркнула на обоих:

– Ай, да помолчите вы. Садитесь вот, пейте пиво. Я угощаю.

Петер кашлянул:

– Мне бы кофе.

– Мне тоже. – Теему повесил куртку.

Петер поднял чашку, словно бокал. Теему тоже.

– Также мне мужики, – недовольно проворчала Рамона.

Петер, глядя в стойку, сказал:

– Не знаю, станет тебе легче или нет, но я думаю, что Видар мог далеко пойти как хоккеист. Может, на самый верх бы поднялся. Он был по-настоящему хороший игрок. – Брат он был еще лучше, – отозвался Теему.

И улыбнулся. Рамона тоже. Петер кашлянул:

– Чудовищная потеря...

Теему покрутил кофейную чашку, рассматривая поднявшиеся в ней мелкие волны.

– Вы с женой потеряли первого ребенка, да?

– Да. Исака. – Петер, тяжело дыша, закрыл глаза.

– Можно это как-то пережить?

– Нет.

– И как тогда выжить? – Теему крутил кофе в чашке.оборот, еще оборот.

– Стать бойцом, – прошептал Петер.

Теему чокнулся с ним кофейной чашкой. Петер долго колебался, но все же сказал:

– Я знаю – вы с парнями считаете меня врагом Группировки. Может, вы и правы. Я всегда думал, что насилию не место рядом со спортом. Но я... да... ты знай: я понимаю, что в жизни все непросто. Я знаю, что это и ваш клуб. И сожалею о тех случаях, когда я... заходил слишком далеко.

Ногти Теему печально пощелкивали по фарфору кофейной чашки.

– Политика и хоккей. Сам знаешь, Петер. Нельзя их смешивать.

Петер засопел:

– Не знаю, насколько это тебе теперь важно, но... этот Ричард Тео одурачил меня. Он просто натравливает таких, как мы, друг на друга, чтобы прибрать власть к рукам. Таким, как он, нужен не только хоккейный клуб, они хотят контроль над всем городом...

Теему рассеянно поскреб щетину – человек, которому больше нечего терять.

– Решили нас нагнуть? Пусть попробуют рискнуть.

Петер кивнул. Он все еще не знал, кого боится больше: беспредельщиков с татуировкой или беспредельщиков в галстуках. Он поднялся, поблагодарил Рамону за кофе; она так и сидела с бумагой в руках, но читать начала только после того, как он вышел.

Это было заявление об уходе. Отныне Петер больше не спортивный директор «Бьорнстад-Хоккея». Он вообще там больше не работает.

Рамона подтолкнула заявление через барную стойку. Теему прочитал. Допил кофе и сказал:

– Петер – задница. Но он спас клубу жизнь. Мы этого не забудем.

– Нет на этой земле задницы, которую бы кто-нибудь не любил, – заметила Рамона.

Она подняла стакан, Теему – чашку, и они молча чокнулись. Потом Теему уехал на матч. Вечером они с матерью будут ужинать картофельным салатом и салатом из пасты.

* * *

Ричард Тео работал у себя в кабинете. Возле здания администрации развевались флаги, спущенные до половины флагштоков. Возможно, Ричарда это волновало, а возможно, и нет. Возможно, он раскаивался в том, что натворил, а возможно, внушил себе, что в конце-то концов он принесет этому миру больше блага, чем зла. Потому что Ричард Тео был убежден: на

политику может повлиять лишь тот, у кого власть. Так что одних только добрых намерений мало: сначала надо победить.

На следующих местных выборах он пообещает вкладывать больше денег в пожарную безопасность памятников архитектуры в центре Бьорнстада, возле бара «Шкура». Еще он пообещает добиться снижения максимальной допустимой скорости на дороге между Бьорнстадом и Хедом, чтобы больше не допустить подобных трагедий. Он станет требовать «закона и порядка», «больше рабочих мест» и «более качественной медицинской помощи». Он прославится как политик, который организовал ледовый детский сад, спас от разорения «Бьорнстад-Хоккей» и сохранил рабочие места на фабрике. Может быть, он даже спасет больницу в Хеде.

В один прекрасный день люди в нашем городе, конечно, поймут, что новые владельцы и не собирались сохранять фабрику в Бьорнстаде. В удобный момент они перенесут ее куда-нибудь, где земля еще дешевле, а зарплаты можно еще сократить. Но Ричарду Тео дела до этого не будет. К следующим выборам в местную газету попадет документ, проливающий свет на то, как ведущие политики годами мухлевали с деньгами налогоплательщиков, как пособия и займы оседали в карманах больших шишек из правления хоккейных клубов и как осуществлялись «незаконные инвестиции» в строительство конференц-отеля после того, как муниципалитет подал заявку на проведение чемпионата мира по лыжным видам спорта. Тотчас разразится скандал: «тех, от кого зависит принятие решений», подкупили «богатые предприниматели».

И какая разница, что женщина-политик, которая теперь возглавляла самую крупную партию, ни сном ни духом не была вовлечена в мошеннические сделки; ей все равно придется всю предвыборную кампанию отвечать на вопросы о взятках. На одном из предприятий, оказавшихся в центре коррупционного скандала, работали ее муж и брат. Позже выяснится, что они ни в чем не замешаны, но к тому времени их невиновность уже не будет иметь смысла, поскольку слово «коррупция» и фамилию женщины-политика будут склонять в одних и тех же газетных заголовках достаточно часто, чтобы большинство жителей пришли к мысли: «Конечно, и у нее рыльце в пуху. Все они друг друга стоят».

И на ее фоне будет стоять Ричард Тео, которому уже не придется быть безупречным – достаточно, что он не такой, как она. На следующих выборах он победит, потому что людям вроде него это свойственно. А потом может и проиграть, потому что люди вроде него побеждают не всегда.

Сегодня он покинул здание администрации раньше обычного. Вечером ему предстоял долгий путь на машине, он поедет к брату, который живет в столице. Завтра племяннику Ричарда Тео исполняется шесть лет; с самого рождения мальчика Ричард каждый вечер звонил ему и по телефону читал сказку на ночь. Почти всегда – про животных, потому что животных и Ричард, и мальчик обожали.

Завтра, в день рождения мальчика, они пойдут в зоопарк. Будут смотреть медведей и быков. А может быть, даже аистов и мух.

* * *

Мира Андерсон и ее коллега сидели в новом офисе. В нем было не повернуться из-за бесчисленных коробок; Мира с коллегой вымотались и нервничали. Им удалось увести с собой нескольких крупных клиентов, но нанять дельных сотрудников оказалось не так-то просто. Никто не рискнет наняться в фирму, которой без году неделя, тем более в наших краях.

Поэтому, когда в дверь постучали, коллега воодушевилась, решив, что кто-то из юристов, приходивших к ним на собеседование, явился сообщить, что передумал. Коллега радостно распахнула дверь. Но на пороге стоял муж Миры.

– Петер? Ты что здесь делаешь? – воскликнула Мира из глубины кабинета.

Петер сглотнул и вытер потные ладони о джинсы. Сегодня он надел белую рубашку и галстук.

– Я... вам, наверное, покажется глупым, но я прочитал в интернете... ну... сейчас на многих фирмах есть отдел HR. Или *human resources* – так, кажется. Там... занимаются набором сотрудников, развитием профессиональных компетенций, улучшением условий труда. Я...

Язык у него прилип к гортани. Коллега пыталась удержаться от смеха, но безуспешно; она подала Петеру стакан воды. Мира прошептала:

– Что ты хочешь сказать, любимый?

Петер взял себя в руки.

– Мне кажется, из меня получится неплохой эйчар. Это примерно как собрать команду. Организовать клуб. Я знаю, что у меня нет опыта, нужного для фирмы, но я... у меня есть другой опыт.

Коллега почесала голову:

– Прости, не понимаю. Петер, что ты делаешь ЗДЕСЬ? Ведь именно СЕЙЧАС «Бьорнстад» играет матч!

Петер снова вытер ладони о джинсы. Посмотрел Мире в глаза.

– Я уволился из «Бьорнстад-Хоккея». И пришел искать работу.

Мира, отчаянно моргая, долго смотрела на него. Обхватила себя за плечи, потом осторожно промокнула под глазами.

– Почему ты хочешь работать именно здесь? – прошептала она.

Петер выпрямился.

– Потому что я хочу, чтобы мы стали чем-то большим, чем муж и жена. Я хочу, чтобы мы сделали друг друга лучше.

* * *

Когда тем вечером две команды, красная и зеленая, выехали на лед, чтобы сразиться, на арене и на трибунах не хватало нескольких человек, чье присутствие все привыкли воспринимать как само собой разумеющееся. Но все остальные были здесь – из двух городов, из тысячи разных историй. И все же в ледовом дворце Бьорнстада стояла тишина. Сидячие трибуны были забиты, но никто не переговаривался, не хлопал, не кричал речовки. На одной стоячей трибуне теснились люди в зеленом, а посреди этой толпы застыли люди в черных куртках. Они не скандировали. Словно хотели, но не могли, словно легкие опустели, а голос кончился. И вдруг к потолку взлетела речовка. Их речовка.

«Мыыы медвееееди! Мы медвееееди! Мы мееедвееееди...»

Скандирование раздалось с противоположной стороны, с другой стоячей трибуны. Кричала красная группа поддержки. Фанаты Хеда с молодых ногтей ненавидели «Бьорнстад-Хоккей» и завтра снова будут ненавидеть. Они не прекратят драться, мир не изменится, все останется как обычно.

Но сегодня, один-единственный раз, их печальные голоса почтительно запели песню врагов:

«МЕДВЕДИ ИЗ БЬОРНСТАДА!»

Один-единственный краткий знак уважения. Просто слова. Ледовый дворец замер так, как еще не замирал прежде и, как показалось в следующий миг, не замрет уже никогда. Сперва не было слышно ни звука, а потом не стало слышно вообще ничего. Только взрыв гордости и любви, когда целый город решил заявить всем, что он еще здесь, что он не прогнулся, что Бьорнстад по-прежнему против всех. Когда зеленая трибуна с черными куртками внутри все-таки распечатала глотку, скандирование раздалось с такой силой, что достигало неба. Чтобы Видар знал там, как нам тут его не хватает.

А потом мы стали делать то же, что и всегда... Играть в хоккей.

* * *

Мать подбросила Маю на железнодорожную станцию. Она подождала у входа, пока дочь поднимается по лестнице, медленно идет по перрону и наконец находит того, кого искала. Он сидел на скамейке.

– Беньи... – Мая не стала подходить к нему, она окликнула его, словно животное, которое боялась спугнуть.

Он удивленно поднял на нее глаза:

– Ты что здесь делаешь?

– Ищу тебя, – объяснила Мая.

– Как ты узнала, что я здесь?

– Сестры сказали.

Беньи улыбнулся. Какая хорошая улыбка.

– Ненадежный народ мои сестры.

– Да уж! – рассмеялась Мая.

Рукава куртки стали ей коротковаты. Мая вытянулась за этот год, а куртка и не заметила. На запястьях Маи виднелись две свежие татуировки. На одном гитара, на другом – ружье.

– Мне нравится, – кивнул Беньи.

– Спасибо. Куда поедешь?

Какое-то время Беньи раздумывал над ответом.

– Не знаю... куда-нибудь.

Мая кивнула. Протянула ему лист бумаги с коротким, написанным от руки текстом.

– Я поступила в музыкальную школу. Уезжаю в январе. Не знаю, вернешься ли ты до того, как я... вот, я просто хотела отдать тебе.

Пока Беньи читал, Мая уже пошла назад, к маминой машине. Дочитав, он крикнул ей вслед:

– МАЯ!

– ДА? – крикнула она в ответ.

– НЕ ПОЗВОЛЯЙ НИ ОДНОЙ СВОЛОЧИ ВИДЕТЬ, КАК ТЫ ПЛАЧЕШЬ!

Мая рассмеялась, в глазах у нее стояли слезы:

– НИ ЗА ЧТО, БЕНЬИ! НИ ЗА ЧТО!

Возможно, они никогда больше не увидятся, поэтому Мая перечислила для Беньи самое лучшее из того, что знала:

*Да пребудет с тобою сила
Чтобы отвага в крови бурлила
Чтобы сердце стучало не в лад
Чтобы чувства kloкотали как водопад
Желаю тебе любви и смятений
И самых потрясающих приключений
Я верю ты выйдешь из них молодцом
Я верю твоя сказка будет с хорошим концом*

Завтра солнце опять взойдет над нашим городом. Как ни странно.

Одной девушке по имени Ана после долгих и глубоких копаний в себе все-таки удастся найти силы, чтобы жить дальше. Потому что такие, как она, находят их всегда. Через много месяцев, через много миль, в большом городе она примет участие в своих первых соревнованиях. В раздевалке Жанетт поцелует ее в лоб, Мая будет стоять рядом; она стукнет сжатыми кулаками по перчаткам Аны и шепнет: «Люблю тебя, кретинка». Ана печально улыбнется и ответит: «И я тебя, debilка». Она сделала себе такие же татуировки на запястьях: гитара, ружье. Отец Аны будет стоять у дверей раздевалки. В очередной попытке завязать.

Когда Ана шагнет на ринг, чтобы встретиться с противницей, часть публики на трибуне встанет, как по команде. Эти люди ничего не станут кричать, но на всех будут черные куртки, и каждый, когда Ана посмотрит на них, на миг приложит руку к сердцу.

– Кто это? – поразится судья.

Ана сморгнет, глядя в потолок. Представит себе небо над крышей.

– Мои братья и сестры. Они не прогнутся, если я не прогнусь.

Когда начнется поединок, против Аны выйдет всего одна противница. Ну и что – выйди их хоть сотня – у этой сотни не было бы никаких шансов.

И взойдет солнце. Завтра оно тоже взойдет.

Юноша из Низины, по имени Амаг, про которого все думали, что он слишком малорослый и слабый, чтобы стать настоящим хоккеистом, будет бегать вдоль дороги, пока не добежит до НХЛ. Он станет профи на льду, друг его детства, Закариас, из соседнего дома, станет профи за монитором. Иные девочки и мальчики, вместе с которыми они росли, пойдут по кривой дорожке, иные рано уйдут из жизни, но будут и такие, кто найдет свой путь. Путь к большой, гордой жизни. И никто из них не забудет, откуда они родом.

Папа по имени Хряк будет и дальше чинить машины в автомастерской, будет сражаться за своих детей – каждый день, не загадывая надолго. Каждое утро они станут приходить на могилу Анн-Катрин. Его старший сын Бубу, который способен выдернуть топор из капота машины, но все еще неважно стоит на коньках, со временем подружится с хоккейным тренером, у которой неважно с чувствами. Цаккель сделает его своим помощником. И у него отлично получится.

Рамона отстроит свой бар заново. Там снова станут толпиться бьорнстадцы и немало подонков из Хеда, они будут заказывать пиво, а сдачу класть в конверт с надписью «Фонд». Тренер бьорнстадской команды будет весь год получать тарелку картошки бесплатно. Но за пиво ей придется платить, потому что тут вам не благотворительная столовая.

В углу усядутся пять немолодых женщин. У барной стойки – четверка возрастных. Им не всегда будет легко. Но если сказать им об этом, они ответят – а разве кто-то обещал другое?

Алисии, четырех с половиной лет, исполнится пять. Она будет проводить в ледовом дворце каждый день, но все еще время от времени будет приходить в сад к одному старичку, крушить шайбой стену дома возле веранды. Однажды Алисия станет лучшей.

А весной трое мужчин встретятся солнечным днем на парковке у продуктового магазина. Петер, Фрак и Хряк. С тех пор как они играли вместе в последний раз, шевелюры у них успели поредеть, а животы вырасти, но они принесут хоккейные клюшки и теннисный мячик. Их жены и дети займут одни ворота, они станут смеяться и подначивать отцов, которые займут другие ворота. А потом станут играть. Так, словно в мире

нет ничего важнее.

Потому что хоккей – простая игра, если убрать всю ту фигню, которая вокруг него нагорожена, и оставить только причины, по которым мы влюбляемся в него с первой шайбы.

Один игрок – одна клюшка. Двое ворот. Две команды.

МЫ ПРОТИВ ВАС.

Благодарности

Прежде всего – моей жене и детям, которым приходится терпеть рядом с собой человека с самым низким стрессовым порогом в мире и с головой, полной выдуманных миров. Вы – мое величайшее приключение. Моим родителям и тестя, всегда готовым прийти на помощь. Моим лучшим друзьям, не позволявшим себе отвлекать меня больше чем на один телефонный звонок и один совместный поход по пиву.

Разумеется, я в бесконечном долгу и перед другими людьми, помогавшими мне рассказать эту историю. Прежде всего перед теми, кто по разным причинам просил не упоминать здесь своего имени, но не скупился на время и жизненный опыт в наших бесчисленных беседах: об агрессии, самоопределении, сексуальности и... жизни. Спасибо, что вы пустили меня в свои миры.

Как и по завершении «Медвежьего угла», я хотел бы передать низкий поклон всем хоккеистам, их руководству, спортивным судьям и родителям, которым пришлось отвечать на мои странные вопросы. Такой же поклон – спортивным директорам, журналистам и политикам за их беспримерное терпение на протяжении нашей электронной переписки и телефонных разговоров.

Кроме того, я хотел бы горячо поблагодарить следующих лиц: моего коллегу по офису Никласа Натт о Дага, моего агента Тору Юхансона, редактора издательства Юна Хэггблума, внешнего редактора Ванью Винтер и «свежую голову» Маркуса Лейфбю – за то, что вы читали, оценивали, думали, вникали, правили и ругались со мной до последнего. Без вас – какая книга?

Также спасибо всем сотрудникам агентства *Salomonsson*, в особенности Мари Юлленхаммар, помогавшей мне держать под контролем мою жизнь, реальность и вообще все во время этого странного, сумасшедшего года. Всему составу *Artia Books/Simon & Schuster* в США и Канаде (вы так верили в мои истории), в особенности Питеру Борланду, Джудит Керр и Ариэль Стюарт. (Пользуйся гугл-транслейтом, Ариэль, я за тебя этого делать не намерен!) Всему коллективу *Fisher* в Германии, в особенности Зузанне Хальбляйб. Всей команде *Bokförlaget Forum*, особенно Саре Линдегрэн и Адаму Далину, сумевшим довести эту книгу до печати, несмотря на худшие черты моего характера. Всем работникам издательства *Piratförlaget*, в особенности Софии селиус Тунфорс и Чери

Фуссер, выпустившим «Медвежий угол»: если бы не ваша поддержка с самого начала, эта конструкция не устояла бы. Тобиасу Старку, историку и исследователю, потрясающему собеседнику. Гениальной и безумной Набиле Абдул-Фаттах, у которой я постоянно учусь всяким вещам из чужих миров. Аттиле Терек – за редкостные познания в области... глубокого дыхания и... выгорания. Юхану Форсбергу – он думает, чувствует и играет в хоккей всем сердцем, всегда. Кристоферу Карлсону и Иде Андерсон Нильсон – за то, что помогли мне написать о Видаре. Андерсу Далениусу, который преломлял со мной бифштексы и рассказывал об охоте и любви. Исабель Бультенстерн и Юнату Линдквисту, оказавшим мне поистине бесценную помощь, когда я еще только начинал этот проект; я никогда ее не забуду. Нильсу Ульсону, который вкладывает столько любви в обложки к моим книгам. Эрику Тунфорсу – это он придумал символ «Бьорнстад-Хоккея». Енсу Руннбергу, который не пожалел времени, отвечая на мои беспорядочные вопросы о спорте, СМИ и политике. Исабель Хадли-Кампц, чья книга «О спорте и насилии» доставила мне такое удовольствие. Софии Би Карлсон – за то, что ты чертовски умна и никогда не отступаешь в споре. Петтеру Карнбру, который заставил меня понять о хоккее вещи, про которые я даже не знал, что хочу их понять. Маркусу Удэну и ребятам из «Весбю-Хоккея», а также Эмели Кельнбергер и библиотеке в Уппландс-Весбю – за приглашение поговорить про «Медвежий угол» на встрече книжного клуба: для меня этот разговор оказался очень важным. Эрике Хольст, Юну Линду, Андреасу Хоре, Ульфру Энгману и Фредрику Гладеру, которые говорили со мной о хоккее так, что наши разговоры стали частью книги, даже там, где это, может, и не заметно. Роберту Петтерсону, чьи мнения и анализ оказались такими ценными для меня, особенно когда мы не соглашались друг с другом. Пелле Сильвебю, Бенгту Карлсону и Кристине Тулин, которые взяли на себя бумажную работу. Исаку и Расмусу из *MonkeySports*, много рассказавшим мне о хоккейном снаряжении. Лине «Рыси» Эклунд и бойцовскому клубу *Pancrase Gym*, которые помогли мне понять любовь к единоборствам. Юхану Силлену: а ты, парень, оказывается, не такой и чокнутый.

Спасибо Шведскому спортивному движению, которое стало мне домом на долгие годы взросления, когда мне так нужно было чувствовать себя частью единого целого. Оно во многих смыслах спасло мне жизнь.

Примечания

1

Здесь и далее перевод стихов Е. Чевкиной.